история/география/этнография

Людмила Ивонина

Драма династии Стюартов

Ломоносовъ

SHOUT
SHARE
IT
WAKE

Annotation

Среди Стюартов, занимавших английский и шотландский престолы в XVII веке, не было великих королей, но их непродолжительное правление оставило глубокий след в истории Великобритании и, пожалуй, всего мира. При Стюартах зародились правовые основы государства, ставшие впоследствии образцом для Европы и Америки, и был оформлен союз Англии и Шотландии — фундамент будущей Великобритании, при них англичане колонизовали североамериканский континент и провозгласили идеи веротерпимости. Людмила Ивонина дает яркие портреты мужских представителей династии Стюартов на фоне грандиозной эпохи и выдающихся личностей, их окружавших. Бурные события XVII века — Тридцатилетняя война, гражданские потрясения в Англии, войны Людовика XIV, «Славная революция» — органично переплетаются в книге с причудливыми образами эпохи, с печалями и радостями в личной жизни Якова I и Карла I, Карла II и Якова II. Людмила Ивонина — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского университета.

- Людмила Ивонина
  -
  -
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Послесловие
  - Литература
    - Источники
    - Историография
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140

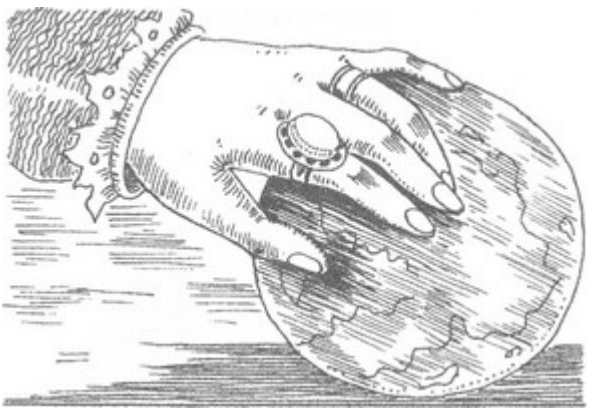
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184

- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228

- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272

- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298

Людмила Ивонина
Драма династии Стюартов



Издательство «Ломоносовъ» Москва 2016
УДК 94(415).06 ББК 63.3(0)4-5
И25
Составитель серии Владислав Петров
Иллюстрации Ирины Тибиловой
©Людмила Ивонина, 2016
© 000 «Издательство „Ломоносовъ“», 2016
ISBN 978-5-91678-284-4

Посвящается супругу Юрию Ивонину — первому человеку, обратившему внимание автора на историю Британии XVII века

Предисловие

Поначалу эту книгу предполагалось озаглавить «Трагедия Стюартов». Но эта мысль была скоро оставлена из-за целого ряда размышлений, сводящихся к следующим вопросам. Правомерно ли называть правление одной королевской династии на протяжении немногим меньше столетия словом «трагедия»? Не будет ли автор в таком случае выглядеть слабым подобием великолепного Мориса Дрюона, автора «Проклятых королей»? Да и не только его — трагический оттенок определенно носит большинство книг о Стюартах. Но в таком случае разве не было трагических моментов на протяжении длительного правления других династий, например Бурбонов или Романовых?

Конечно, были. Сегодня представители этих династий не сидят на своих престолах (за исключением испанских Бурбонов), а судьба некоторых из них закончилась насильственной смертью (Бурбонов и Романовых). Тем не менее именно Стюарты, независимо от того, как каждый из них правил и чем кончил, представляются трагической династией. Был ли среди них государь, именовавшийся Великим, проводил ли кто-нибудь из них исторические реформы, изменившие облик государства и способствовавшие его расцвету? Среди Бурбонов, Романовых, да и иных европейских домов — Габсбургов, Гогенцоллернов, Браганца — таковые правители имелись. А если так, то историю этих династий в целом трагедией не назовешь — это ее естественный ход со всеми возможными взлетами и падениями.

История дома Стюартов в XVII столетии удивительна, драматична и во многом поучительна. Среди Стюартов не было великих королей, они не проводили исторических реформ, хотя эпоха, в которую они жили, получила название «века революций». Вместе с тем непродолжительное правление этой династии, несмотря на ее критику целым рядом политиков и историков, оставило глубокий след в истории Великобритании и, пожалуй, всего мира. При Стюартах в ходе политического противостояния зарождались правовые основы государства Нового времени в Англии, которые стали впоследствии образцом для всей Европы и Америки, в их время был оформлен королевский союз Англии и Шотландии — фундамент будущей Великобритании, при них англичане колонизовали североамериканский континент и провозгласили идеи веротерпимости. Они вызывают интерес специалистов и любителей истории во всем мире, а юбилеи их вступления на престол торжественно отмечаются. Да и жили представители этой династии отнюдь не в условиях постоянной

печали, переживая успехи и неудачи, радости и горести, как и другие люди. Другое дело — они, не зная покоя, находились в постоянной борьбе с самими собой и со своими подданными. Но стоит ли поэтому их жизни и итоги их правления сводить к трагедии? Скорее всего, они были драматичными, что и отразилось на названии книги.

У Стюартов был огромный шанс править в Великобритании и по сей день, но они его упустили. Им «повезло» сидеть на неспокойном троне в «малое ледниковое столетие», характеризовавшееся необычной концентрацией экстремальных климатических явлений: в одних частях света и странах — продолжительной засухой, в других — длительными дождями и наводнениями, а в третьих — пиком сейсмической активности и землетрясениями. Все это породило демографический упадок, эпидемии, войны, мятежи и революции, поскольку ответом на вызовы времени стали «неверные политические шаги религиозных и политических лидеров», приведшие в кризису в глобальном масштабе.[1] От кризиса больше страдали композитарные государства, в которых и так имела место политическая нестабильность. Многие династии извлекли опыт из кризиса и вышли из него с «эффектом Феникса», укрепившись и наметив путь к дальнейшему созиданию. В Англии же «эффект Феникса» пережило само государство, но не династия.

Но самое главное: Стюарты правили в Англии в эпоху сложного и противоречивого перехода от средневековой цивилизации к буржуазной, который был насыщен грандиозными событиями, переворачивающими многие традиционные представления о мире. То была эпоха, когда все необходимо было совершать немедленно и верно, иначе можно было проиграть и уйти с исторической сцены, оказаться на задворках бурлящего потока жизни, полного заманчивых, но нереализованных надежд и шансов на успех.

Стюарты ушли, хотя каждый из них был человеком неординарным. Каковы их индивидуальные особенности, и предстоит выяснить в этой книге, пройдя путь династии на протяжении столетия и познав драму четырех монархов.

Автор искренне благодарна всем, кто писал о Стюартах до нее, современникам эпохи и самим представителям этой династии, оставившим письменное наследие.

Глава 1
Соломон (Яков I)

Сын, рожденный незадолго до кончины своего отца,
Поднимется столь высоко, что получит в управление
более чем одно государство,
Слава его вызовет недовольство людей, боящихся его,
Но дети его будут низложены.

Нострадамус

В научной литературе «Пророчества» Мишеля Нострадамуса (1503–1566) помещаются в общий контекст средневековой мистики и эсхатологии, но нельзя не признать, что в отношении первого Стюарта на английском троне — Якова I, являвшегося также шотландским королем Яковом VI, они оказались точными. Судьбу этого короля нередко именуют «жизнью между двумя плахами», но злой рок, словно в древнегреческой трагедии, не ограничился только одним представителем династии, заставив ее через довольно короткий для истории срок драматически уйти с политической сцены. Разумеется, по большому счету этот «рок» был обусловлен объективными причинами, связанными с масштабными трансформациями Англии и Европы того времени, однако его можно было бы и избежать. Корни драмы династии Стюартов в значительной степени крылись в менталитете ее

представителей. Если же копнуть еще глубже — в Шотландии.

Сегодня шотландцы сами признают себя самой эмоциональной нацией на планете. Они исключительно горды и замкнуты, а англичане их считают «колючими». Ко всему этому добавляется еще и крайнее упрямство, даже взбалмошность. Говорят, если уж шотландцу что взбрело в голову, он настоит на этом во что бы то ни стало, невзирая на доводы здравого смысла. Есть мнение, что шотландцы полагают, будто Бог не обладает чувством юмора и потому в его присутствии лучше не шутить и не смеяться. Шотландия относится к разряду пограничных территорий, и ее общество всегда было традиционным, а ее жители — склонны к независимому мнению и поведению. К концу XVI века в Шотландии еще сохранялись средневековые черты, отягощенные клановостью, то есть наличием родовых общин с внутренним патриархальным устройством, имеющих общего предка. Шотландское общество от самых знатных до самых простых его членов было тесно спаяно вертикальными связями и основывалось на клиентельных обязательствах и патернализме.[2] И меньше всего шотландские короли могли положиться на своих подданных, призванных быть опорой трона, — на лордов и баронов, представлявших собой суровых, алчных и воинственных, упрямых и своенравных рыцарей. Именно в таком обществе и окружении формировался генетический код Стюартов.

С точки зрения державной полновластности этой династии происхождение имело огромное значение. Согласно легенде, по линии шотландских предков Стюарты вели свой род от Иосифа Аримафейского, а их бретонская ветвь восходила к самому Иисусу Христу. Если же быть правдивей и точнее, то родовое имя Стюартов произошло от названия высшего должностного лица королевства — стюард (сенешаль), наследственного титула династии. Позднее ее представители, взошедшие впервые на шотландский престол в 1371 году, стали именовать себя на французский манер Стюартами. Их история начиналась так.

Во времена правления младшего сына Вильгельма Завоевателя — Генриха I (1100–1135) — в Англию прибыл рыцарь из Бретани, потомственный сенешаль Алан Фиц Флаальд. Генрих пожаловал ему земельные владения в Шропшире. Один из его сыновей, Уолтер Фиц Алан (умер в 1177 году), в период феодальной анархии в Англии сблизился с шотландским королем Дэвидом I и перебрался в Шотландию, где получил обширные владения в Ренфушире, пожизненное пэрство и наследственную должность верховного стюарда королевского двора. Должность

эту он передал по наследству своему сыну, а потом она стала фамилией. Уолтер также заведовал государственной казной, что привело к появлению на фамильном гербе Стюартов геральдической эмблемы в виде клетчатой щитовой планки, ибо разлинованный в шахматную клетку стол в те времена использовался для денежных расчетов.

Шестой лорд-стюард, тоже Уолтер, женился на дочери короля Роберта I Брюса Марджори. Их сын Роберт II в 1371 году унаследовал шотландскую корону после смерти своего бездетного дяди короля Дэвида II Брюса. Пожалуй, он был единственным из Стюартов, носивших корону, о котором нельзя сказать, что он «несчастливый». В целом удачливый полководец и способный политик, он, правда, растратил значительную часть государственной казны. При его преемниках — Роберте III, Якове I, Якове II, Якове III, Якове IV и Якове V — Шотландия на многие годы погружалась в пучину смут, вызванных войнами за независимость и королевское наследство. Двое из них — Яков I и Яков III — были умерщвлены, двое — Яков II и Яков IV — пали на поле брани. Двум же их потомкам — Марии Стюарт и ее внуку Карлу I — судьба приготовила еще более страшную участь — эшафот. 9 декабря 1542 года, когда гонец принес умирающему в расцвете лет Якову V весть о том, что у него родилась дочь, тот произнес: «Женщина принесла нам корону, с женщиной мы ее утратим».[3] Эти последние слова короля оказались пророческими. Мария Стюарт (1542–1587, фактически правила в 1561–1567 годах) оказалась последней «независимой» шотландской королевой.

В XVI столетии Европа начала переход от «традиционалистской» средневековой социальной жизни к новому обществу, основанному на гражданстве и рыночной экспансии. Необходимым элементом этого перехода было государство, основанное на социальном дисциплинировании. Важную роль здесь играла религия. Постепенно возникало относительно однородное общество подданных с внушаемыми формами поведения и мышления. Государства укреплялись, монополизируя военную силу, финансы и церковь, а их вооруженное соперничество на европейской арене принимало религиозную окраску. Во второй половине XVI — первой половине XVII века характерной чертой жизни европейского общества стал конфессионализм, сопровождавшийся принуждением к религиозному единообразию, что в современном понимании равноценно религиозному фундаментализму.[4] Христианские церкви — католическая и протестантская — вступали в союзы с государствами раннего Нового времени, сила

которых давала им возможность влиять на дела религии. Правда, результаты этого союза часто расходились с первоначальными целями.

Чтобы приобрести независимость и от Рима, и от своих собственных католических правителей, шотландцы приняли протестантизм в форме одного из течений кальвинизма — пресвитерианства. Мечту о независимости лелеяли прежде всего сепаратистски настроенные протестантские лорды. У истоков организации Церкви Шотландии стоял лидер шотландской Реформации Джон Нокс. Ученик Жана Кальвина, Нокс прибыл в Шотландию в 1559 году и возглавил движение тамошнего дворянства и горожан против католической церкви. Уже в 1560 году Реформация одержала победу: шотландский парламент утвердил ликвидацию юрисдикции Папы Римского и протестантский символ веры. Но раздираемая бурными страстями, истощаемая бесконечными войнами, сумрачная и романтическая, как баллада, маленькая, окруженная с трех сторон морями страна на северной окраине Европы была нищей. Кальвинистская доктрина стала стимулом к предпринимательству в Шотландии лишь в следующем XVIII столетии.[5]

Бедность страны и алчность ее королей и лордов делали ее игрушкой в руках иностранных правителей. Кто боролся против короля и за протестантизм, тому платил Лондон, а кто боролся за католицизм и Стюартов, тому платили Париж, Мадрид и Рим. Как ближайшая соседка Англии, Шотландия была незаменимым партнером Франции в политической игре. Каждый раз, когда англичане вторгались в Нормандию, воинственные скотты по соглашению с Францией нарушали английскую границу. Да и в мирное время Шотландия угрожала Англии, которая, чтобы предотвратить эту угрозу, стравливала шотландских лордов и разжигала в стране мятежи. Наилучшим решением проблемы явился союз двух корон, и это решение приняла не имевшая наследников английская королева Елизавета Тюдор (1558–1603). Но сначала надо было разобраться с королевой-соседкой и соперницей Марией Стюарт.

Трагическая судьба Марии, полная «литературных» по драматизму событий, неизменно привлекала писателей. Свидетелем королевской драмы чуть ли не в утробе матери стал ее сын Яков. Кто знает, может, ученые правы, утверждая, что младенец ощущает этот мир, еще не появившись на свет? В любом случае история матери не могла не сказаться на характере первого английского Стюарта, совместив в нем твердую убежденность в собственной правоте с осторожностью и

«миролюбием».

В 1559 году в Шотландии вспыхнуло восстание протестантов против королевы-регентши француженки Марии де Гиз, матери Марии Стюарт. Сначала Елизавета оказала шотландским протестантам финансовую помощь, а в 1560 году ее Тайный совет высказался за вторжение. Сторонники Марии де Гиз были разгромлены, и в 1560 году мирный договор в Эдинбурге закрепил эту победу. К тому времени Мария де Гиз умерла, и власть перешла к регентскому совету шотландских лордов-протестантов. Марии Стюарт, тогда бывшей супругой французского короля Франциска II, было предложено навсегда отказаться от включения в свой герб герба Англии. Другими словами, она никогда не должна была предъявлять претензий на английскую корону. Но Мария не признала Эдинбургский договор, и с этого момента началась многолетняя вражда двух королев. В декабре 1560 года, не дожив до 17 лет, от внезапной болезни умер Франциск II. Перспектива прибытия королевы-католички заставила шотландских протестантов ускорить оформление новой государственной церкви. В следующем году в Эдинбурге юная вдова приняла корону Шотландии.

С легкой руки Ф. Шиллера, а затем и С. Цвейга Марию и Елизавету часто противопоставляли друг другу: одна представала невинной жертвой, а другая — кровавым деспотом. На самом деле все было не так однозначно. Елизавета Тюдор была законной королевой, а Мария Стюарт являлась не единственной претенденткой на трон Англии. В Акте о престолонаследии 1543 года и в завещании Генриха VIII были упомянуты младшие дочери леди Френсис Грей — Екатерина и Мария, а юная шотландская королева, будучи внучатой племянницей Генриха, там не значилась вовсе. Но она до конца своих дней была уверена в своих правах на английскую корону, поскольку окружение внушало ей, что у нее их больше, чем у «бастардессы» Елизаветы. К тому же многие католики в Англии и за ее пределами считали в противовес «еретичке» Елизавете законной (или, во всяком случае, более желательной) правительницей именно Марию. А та сама всячески подчеркивала свой приоритет и не отказывалась от своих притязаний, даже находясь под следствием.

Поддержка Марии со стороны многих шотландских аристократов также объяснялась новыми возможностями, которые открылись перед ними после создания королевского двора по французскому образцу в Холирудском дворце Марии в Эдинбурге. Молодая и привлекательная королева, любящая музыку, танцы, маскарады, охоту и гольф, не могла не привлекать к себе дворян, отвыкших от придворной жизни за время войн. Возложив

каждодневную административную работу на своих приближенных, Мария Стюарт старалась создать в Холируде маленькое подобие Лувра.

Молодая вдова вышла замуж за лорда Генри Дарнли. Крайне неудачный брак, вокруг которого было столько политических интриг! Выросшая при французском дворе, Мария Стюарт совсем не понимала Шотландию, находившуюся в разгаре борьбы сформировавшейся аграрной знати за власть и раздираемую противоречиями между католиками и протестантами. Сориентироваться королеве-католичке в этой сложнейшей политической обстановке было трудно. Скоро ее постигло разочарование в молодом и красивом, но недалеком аристократе. Спустя несколько месяцев после рождения их первенца Дарнли был убит.

Но перед этим жестокая смерть постигла Дэвида Риччо — итальянца, прибывшего в 1561 году ко двору в составе посольства герцога Савойского Эммануила-Филиберта. Он привлек внимание Марии благодаря своей внешности и музыкальным талантам и стал ее личным секретарем. После отставки опытных политиков, руководивших страной в начале ее самостоятельного правления, — графа Морея и Уильяма Мейтланда королева потеряла поддержку значительной части шотландского дворянства и все более стала опираться на иностранных советников, составлявших ее свиту. Это вызывало недовольство знати. Королеву стали подозревать в любовной связи с Риччо; он был католиком, и уже одно это возбуждало к нему ненависть. Наконец в 1566 году составился заговор во главе с графом Мортоном, к которому примкнул и муж королевы, раздраженный холодностью жены и отстранением его от власти. Заговорщики ворвались в покои беременной Марии, схватили на ее глазах Риччо и нанесли ему, по свидетельству современников, 57 ножевых ран.[6]

Но в целом заговор провалился. Мария сделала вид, что примирилась с мужем, и сумела при его помощи расколоть ряды заговорщиков. Возмущенный предательством Дарнли, граф Мортон переслал королеве документы, подтверждающие причастность лорда к убийству Риччо. Но даже без этих бумаг разрыв между супругами стал свершившимся фактом.

В этой драматической обстановке 19 июня 1566 года в Эдинбургском замке родился их сын Джеймс, будущий Яков VI Шотландский и Яков I Английский. К этому моменту Дарнли уехал в Глазго и словно не заметил рождения сына, а неугомонная Мария влюбилась в яркого, мужественного и энергичного Джеймса Хепберна, графа Босуэлла. Поползли слухи

о близящемся разводе Марии и Генри. Однако развод мог привести к объявлению их сына бастардом, что не входило в планы королевы.

В ночь с 9 на 10 февраля 1567 года взорвался начиненный пороховыми бочками дом в Керк-о'Фильде, где Дарнли накануне встречался с королевой и остался ночевать. Тело лорда, возможно убитого при попытке бегства из горящего дома, было найдено в прилегавшем саду. Какая из сложившихся к тому времени групп заговорщиков организовала убийство Дарнли, до сих пор покрыто тайной. Впрочем, в литературе уже давно была высказана мысль, что те, кто взорвал здание, могли и не знать всех деталей заговора.

В любом случае после убийства молва указывала на Марию как убийцу мужа, а последовавший затем, в мае, брак королевы с Босуэллом придал этим предположениям характер едва ли не факта. Биографы Якова I по сей день нередко называют его родителей по-шекспировски «Макбетами».[7] Судебный процесс в Эдинбурге, полностью оправдавший Босуэлла, был проведен настолько пристрастно, что только подлил масла в огонь. Ситуация обострялась, и о ней были детально осведомлены в Лондоне и Париже. Вскоре после гибели Дарнли в Эдинбурге появились французский и английский послы. Первый стремился к восстановлению власти Марии Стюарт, а второй должен был добиваться примирения королевы с лордами, наказания убийц Дарнли и отсылки принца Якова в Англию — возможно, уже тогда Елизавета рассматривала его как наследника престола.

Через месяц после замужества Мария стараниями лордов была заключена в замок Лохлевен и здесь 24 июля под давлением лордов отреклась от престола в пользу Якова. Новому шотландскому королю исполнился всего один год. Через пять дней, 29 июля того же 1567 года, его короновали в Стерлинге под именем Якова VI. Регентом при короле-ребенке стал спешно вернувшийся в Шотландию Морей. Если бы он отказался, этот пост занял бы Мортон. Коалиция лордов быстро распалась, и часть из них приняли сторону Марии, которая в начале мая 1568 года бежала из Лохлевена. В течение нескольких дней она собрала 5-6-тысячную армию, которая, однако, 13 мая была разгромлена при Лэнгсайде близ Глазго. И Мария приняла роковое решение — перешла на территорию Англии и отдалась под покровительство Елизаветы.[8]

Младенец на троне — мечта сепаратистов. Его перевозили из замка в замок, у него постоянно менялись регенты. Только за три года, с 1570-го по 1573-й, специалисты насчитали их семь

человек. Детство Якова нельзя было назвать счастливым, но тем не менее он получил великолепное образование. Этому способствовало два обстоятельства. Во-первых, он обучался у прекрасных наставников, кочующих с ним из замка в замок, — Джорджа Бьюкенена и Питера Янга. Они рано начали приобщать его к углубленным научным штудиям и привили ему любовь к рассуждениям, особенно в сфере богословия. Выдающийся шотландский гуманист Джордж Бьюкенен привязался к мальчику и старался передать ему все то, что знал сам. Передал он много: Яков свободно изъяснялся на латыни, древнегреческом, французском и очень рано стал писать стихи. Анонимный сборник «Опыты подмастерья в искусстве поэзии» он издал, когда ему было 16 лет. А сочинять философские и богословские трактаты он начал еще раньше.

Во-вторых, мальчик, рожденный от красивых и вполне здоровых людей, был очень слаб физически. Возможно, в этом виновата обстановка непрерывного стресса, в которой он рос. Она же способствовала подозрительности и недружелюбию Якова по отношению к не понравившимся ему и незнакомым людям. До семи лет ему трудно было держаться на ногах, и он проводил время, лежа и читая. Это тоже в немалой степени содействовало образованию юного короля. Даже в будущем в силу слабого здоровья он почти не увлекался никакими физическими упражнениями. Он полюбил чисто королевское занятие — охоту и, подобно Александру Македонскому, полагал, что лучше выглядит верхом на лошади.[9] Только Александр предпочитал показываться на коне из-за непропорционально коротких ног, а Яков — из-за слабых ног и желания выглядеть величественнее.

Регенту Якова Мортону удалось установить спокойствие в Шотландии и утвердить протестантскую религию в стране. Но ненадолго. Шотландия разделилась пополам — образовались две партии, условно называемые партия королевы, желавшая вернуть Марию Стюарт из долгого заточения в Англии, и протестантская партия короля. Радикальные протестанты во главе с графом Ангусом и Уильямом Рутвеном требовали реформирования церкви в соответствии с принципами пресвитерианства и заключения тесного союза с Англией, а католическая или консервативная партия во главе с графом Хантли была готова примириться с католиками и ориентировалась на Францию и Испанию. Молодость короля пока не позволяла ему встать над борьбой противоборствующих сил и объединить страну. Перевороты и заговоры превращаются в основной контекст жизни Якова, который тогда казался фавном среди шакалов.

В 1578 году графы-католики Атолл и Аргайл захватили 12-

летнего короля и объявили об окончании регентства. Мортону удалось вернуть свою власть, но перевороты следовали один за другим. В 1580 году регент был арестован и, запоздало обвиненный в убийстве лорда Дарнли, казнен. На короткое время католики взяли верх, и этому немало способствовало появление в Шотландии французского кузена короля 33-летнего красавца Эсме Стюарта. Оставивший во Франции жену и пятерых детей, Эсме и вообразить не мог, какое впечатление он произведет на коронованного мальчика и что за этим последует. Юный король назначил кузена лорд-канцлером и дал ему титул герцога Леннокса.

Склонность Якова к лицам своего пола общеизвестна; в то же время ряд современных историков сомневаются в бисексуальности короля (он женился, и вполне результативно). Когда в университете города Рединга в 2003 году проходила одна из международных конференций, посвященных 400-летию вступления Стюартов на английский престол, об этой особенности его личности вообще не упоминалось. Я обратила внимание одного из английских коллег на это обстоятельство, и тот вполне резонно заметил: «А зачем? В то время такое часто позволяли себе влиятельные люди, а сейчас гомосексуализм вообще привычен и легален». Кстати, его наследники — коронованные английские Стюарты — не унаследовали эту черту поведения Якова, они испытывали влечение к женщинам, и даже порой чрезмерное.

Причиной чувственного пристрастия Якова могло послужить и следующее. Мальчик получил хорошее образование, но испытывал острый дефицит в любви. С ранних лет он был окружен мужчинами, воспитывался ими, а о женщинах имел не очень лестное представление. Да и кто из них мог возбудить его любовь? Мать, которую он почти не помнил, или казнившая ее Елизавета Английская, от политики которой он зависел, которой мог восхищаться и одновременно видеть в ней женщину-монстра? Яков рос эмоциональным и сентиментальным, ему нужны были близкие люди, возбуждавшие у него сразу два чувства — и дружбу, и любовь.

В суровое окружение юного короля Эсме Стюарт внес краски, развлечения, веселость, изящество и блеск Франции, да и вообще знание жизни. Но прежде всего он принес любовь. Любовь, скорее всего, не физическую. То была романтическая страсть, повлиявшая тем не менее на всю жизнь короля. По мнению историка А. Фрезер, повстречай нуждавшийся в любви мальчик на своем пути в тот момент столь же прекрасную женщину, его гомосексуальные наклонности никогда бы не пробудились.[10]

Эсме говорил только по-французски, и, словно слушая прекрасную музыку, Яков внимал фавориту с благоговением и восхищался всем, что тот рассказывал о французском дворе. Вместе с тем в любви он был требовательным. Герцог Леннокс должен был быть многоликим: его семьей, его другом, его учителем и советником, его постоянным компаньоном. Юный король взрослел, у него складывались идеалы. В 14 лет он объявил себя совершеннолетним. Тем временем Леннокс фактически оказался у власти. При нем очень быстро вырос пышный двор на манер французского, в Шотландию прибыли иезуиты, началось сближение с континентальными государствами.

Однако шотландское духовенство отказалось сотрудничать с новым правительством, а отношения Якова и Эсме Стюарта подверглись критике со стороны лидеров пресвитерианской церкви. Недовольны были и многие протестанты. Передышка была короткой. В 1682 году произошел очередной государственный переворот, могущественные шотландские лорды захватили 16-летнего короля в плен и, невзирая на его слезные мольбы, заставили под угрозой смерти изгнать фаворита. Леннокс был вынужден, дабы сохранить жизнь, покинуть Шотландию. К власти пришли радикальные протестанты во главе с Рутвеном. Но ненадолго. Через год Яков с помощью северных баронов сбежал от Рутвена и вернул свою власть.

Политическая чехарда в Шотландии продолжалась еще какое-то время. Правительство возглавил граф Арран, который в 1584 году подавил очередной мятеж радикальных протестантов и утвердил «Черные акты», направленные против пресвитерианских преобразований в церкви. Шотландию покинули многие пресвитериане, в том числе и их идеолог Эндрю Мелвилл. И хотя Аррану удалось добиться согласия Лондона на заключение военно-политического союза с Эдинбургом, отсутствие компромисса с пресвитерианами подрывало его позиции. В 1584 году в Шотландию при поддержке Англии вернулись эмигранты-протестанты во главе с графом Ангусом. Яков VI был вынужден сместить Аррана и сформировать новое правительство, в которое вошли радикальные протестанты.

В таких условиях молодой король научился политическому лавированию, сохраняя при этом, насколько возможно, свои интересы, что будет характерной чертой его правления и в Шотландии, и затем в Англии. Яков быстро умнел. Он обрел способность быть «греком перед завтраком, римлянином перед шотландцами».[11] В стихотворении от 1584 года Яков признавался: «Бессмертные Боги, как бы желал я одним пером

Вам поэтическим служить!» Но он был королем и хотел объединить дворянство и страну.

Мир с Англией был условием выживания Шотландии, и большинство это понимало. И когда король, чья мать сидела в узилище, получил предложение от дальновидной Елизаветы заключить с ней договор, он почти не колебался — ведь английская королева предложила ему ежегодную субсидию в размере 4000 фунтов стерлингов в год и фактически согласилась с тем, что он наследует ее престол. Англо-шотландские переговоры завершились 5 июля 1586 года подписанием договора о союзе и взаимопомощи в случае агрессии других государств.

Первой проверкой этого союза на прочность, да и стойкости и политической мудрости самого шотландского корона, была казнь его матери 8 февраля 1587 года. В отношении к этому акту мораль и политика — полярные понятия. С государственно-политических позиций устранение Марии Стюарт, не успокоившейся и в заточении, было для Англии необходимой мерой. Критерием в политике всегда служил успех, и в данном случае — успех для Англии и, как ни печально, для Якова, законного претендента на ее трон.

В современных исследованиях отмечается, что до 1595 года вопрос о наследовании английского престола находился для Якова на втором плане. Ведь Елизавета не назвала официально его наследником, а лишь обещала, что не будет препятствовать его праву. После казни Марии Стюарт английская королева собственноручно написала Якову, что жестоко огорчена «трагической ошибкой», происшедшей без ее ведома и согласия. Она призывала Бога в свидетели, что «невиновна в этом деле» и что у нее и в мыслях не было предать Марию смерти, хотя ее советники настаивали на этом. Яков не жаждал знать правду — в любом случае казнь матери задевала его честь и честь его страны, хотя он и купил у Елизаветы безопасность своей южной границы, смертельно опасной для Шотландии. А она, как оказывается, «купила» право распорядиться жизнью Марии и не вызвать бурного всплеска эмоций со стороны Шотландии и шотландцев. Яков выразил протест против казни матери, как год назад против заключения, и торжественно заявил, что столь великое беззаконие не останется без отмщения. Послу Елизаветы было запрещено ступать на шотландскую землю, а за ее письмом в пограничный город Берик был отправлен гонец. Друзья шотландского короля в Англии предупреждали, что демонстрация враждебности может нарушить его отношения с Елизаветой и лишить его трона.[12] Но Елизавета повторила свое обещание и

после устранения Марии Стюарт, призывая Якова учесть, что у него в Англии есть соперники — Арабелла Стюарт и два сына леди Екатерины Грей — Эдвард и Томас Бохэмы. И Яков смирился, выразив свою печаль и сожаление, но воевать не стал.

Следующей проверкой англо-шотландского союза стала мобилизация Яковом вооруженных сил Шотландии и готовность оказать военную поддержку Англии во время похода Великой армады — крупной морской флотилии (около 130 кораблей), собранной Испанией для атаки Альбиона во время англо-испанской войны (1587–1604). Поход Армады состоялся в мае-сентябре 1588 года под командованием герцога Медина-Сидонии и закончился неудачей. Армада была потрепана английским флотом из легких и маневренных кораблей под командованием Чарльза Говарда, а затем дело довершили сильные шторма, в результате которых многие суда были выброшены на северное и западное побережье Ирландии. Испанцы потеряли более 60 кораблей, и только семь в бою.

В 1589 году шотландский король сочетался браком с Анной Датской из Ольденбургской династии, дочерью короля Дании и Норвегии Фредерика II. Добрачная переписка между Яковом и Анной, где они оба использовали французский язык, дышала страстью, что вполне было в куртуазных обычаях того времени. По доверенности свадьба состоялась в Копенгагене, а затем невеста отплыла в Шотландию. Но штормы в Северном море заставили корабль стать на якорь в Норвегии, в Осло. Яков еще не познал таинства брака, не знал женщины, он очень волновался и становился все нетерпеливее. Молодой жених сказал своему окружению: «Я должен сделать все возможное с моей стороны, что невозможно для нее», снарядил шотландский флот и сам прибыл к Анне. Там же в Осло 23 ноября состоялась свадьба. Молодожены оставались во владениях датского короля до весны следующего года. 17 мая 1590 года в Холирудском аббатстве Анна была коронована королевой Шотландии. Брак Якова VI с представительницей датского королевского дома, одной из лидирующих протестантских династий Европы, значительно укрепил его позиции как у себя в стране, так и в Англии.

Анна Датская была жизнерадостной очаровательной девушкой и ожидала от жениха, письма которого она читала с удовольствием, большего. Шотландский король ее не впечатлил: датчане описывали его как «высокого худого джентльмена с кругами под глазами, одетого в красное вельветовое платье, вышитое золотом… Еще он одевал черное вельветовое платье с саблей на боку».[13] Анна стала единственной женщиной в жизни Якова. Однако по интеллектуальному уровню она не могла ему

соответствовать. Судя по отзывам слывшей интеллектуалкой леди Арабеллы Стюарт, королева была просто скучна и предпочитала проводить время в детских играх с придворными дамами. Да и сексуальные вкусы короля женитьба не изменила. Отношения между супругами, первоначально сердечные, стали постепенно охлаждаться, и в конце концов они сократили свои встречи, не мешая друг другу жить. Резиденцией Анны стал построенный для нее стоявшим у истоков британской архитектурной традиции архитектором, дизайнером и художником Иниго Джонсом дворец Квинс Хаус и Гринвиче. Тем не менее в период между 1594 и 1604 годом Анна произвела на свет семерых детей, из которых, правда, смерти в младенчестве избежали лишь трое — Генри (19 февраля 1594 — 6 ноября 1612), Чарльз (19 ноября 1600 — 30 января 1649) и Елизавета (19 августа 1596 — 13 февраля 1662). Престолонаследие было обеспечено, а Яков и Анна старались быть хорошими родителями.

О судьбах Чарльза и Елизаветы, проживших насыщенную делами и событиями жизнь, читатель еще узнает, а о Генри следует рассказать сейчас. Его рождение с энтузиазмом было воспринято в Шотландии, ибо до этого момента Яков являлся последним представителем королевского дома Стюартов и его смерть могла привести к новой гражданской войне. При рождении Генри получил традиционные для наследников шотландской короны титулы герцога Ротсея и графа Каррика. После вступления Якова VI на английский престол он был возведен в достоинство герцога Корнуоллского и принца Уэльского, впервые в истории соединив английские и шотландские титулы наследников трона. На этого юношу возлагались большие надежды — с ранних лет он выказывал недюжинную решительность и задатки лидера.

Хотя изданный в 1641 году панегирик принцу Генри, написанный его наставником Чарльзом Корнуоллисом, грешит преувеличениями, он во многом подтверждается другими источниками, прежде всего донесениями венецианского посла. Корнуоллис пишет, что Генри был не по годам серьезен и сдержан. При нем состояло на службе множество юношей, которых он наставлял в доблести, дисциплине и военных искусствах. Он всегда вел себя подобающе, был любезен с окружающими и чрезвычайно грациозен в движениях. По-настоящему набожный, ревностный протестант, он, по словам венецианского посла, никому не позволял в своем присутствии называть Папу Римского Антихристом. При этом посол косвенно намекал, что принц вынашивал далеко идущие и крупномасштабные планы, что он верил в возможность найти

путь к окончанию религиозных распрей. Генри уделял большое внимание состоянию армии и флота и вместе с приближенными участвовал в военных учениях. Он интересовался военным искусством, математикой, фортификацией, а особенно кораблестроением.[14]

Некоторые историки полагают, что принц, поддерживая контакты с протестантскими государями, готовился к роли лидера протестантской Европы в конфликте с испанскими и австрийскими Габсбургами, угроза которого нависла над континентом в начале XVII века. Но его ранняя смерть и уничтоженные им перед смертью бумаги не позволяют определенно утверждать это. Поэтому принц Генри представляет собой большой знак вопроса для исследователей, как и его тезка — король Франции Генрих IV, убийство которого 14 мая 1610 года накануне военного выступления в германские земли оставляет открытыми проблемы, какие именно действия он собирался предпринять и как бы изменился ход истории, добейся он успеха. На миниатюрном портрете, приписываемом Исааку Оливеру, принц Генри напоминает романтического рыцаря, проникнутого сознанием собственного предназначения.[15] Этот человек печальной судьбы, средоточие сильных чаяний и упований, ушел из жизни, так и не выполнив своей миссии. Может быть, история Стюартов сложилась бы иначе, стань он королем? В восемнадцать лет, в 1612 году, наследник двух престолов скончался от тифа и был погребен в Вестминстерском аббатстве. Королем предстояло стать Чарльзу (Карлу) Стюарту, почти полной его противоположности.

Теперь опять ненадолго вернемся к королеве Анне. Несмотря на равнодушие супругов друг к другу, влияние королевы на шотландский, а затем и английский двор было немалым. Становились нормой куртуазные порядки, часто организовывались балы, театральные постановки, поощрялись поэты и музыканты, двор приобрел блеск и пышность. Как и во времена Леннокса, это вызывало недовольство пресвитерианского духовенства, не пренебрегавшего случаем покритиковать королеву сначала за пренебрежение к молитвам и слову Божию, а затем — и за переход в католичество. Анна скончалась в возрасте 44 лет в 1619 году и была погребена в Вестминстерском аббатстве. Вплоть до самого ее конца супруг называл ее «мое сердце», хотя преждевременный уход принца Генри, замужество принцессы Елизаветы и болезнь самой Анны углубили к последние годы разрыв между ними.[16]

Визит Якова в Данию, помимо женитьбы, имел и другой результат. Страна, знакомая с охотой на ведьм, возможно,

возбудила его интерес к изучению колдовства. После его возвращения в Шотландии состоялось первое крупное преследование ведьм по Закону о колдовстве 1563 года. Ряд женщин (среди них выделялась Агнес Сэмпсон) были признаны виновными в применении черной магии для вызова бури, из-за которой невеста короля не смогла вовремя прибыть в Шотландию. Яков стал одержимым угрозой, исходящей от ведьм, и в 1597 году написал «Демонологию» — трактат, который послужил справочным материалом для трагедии Шекспира «Макбет». Король лично руководил пытками женщин, обвиненных в колдовстве. Но после 1599 года его взгляды стали более скептическими. Будучи уже английским королем, Яков наставлял принца Генри: «Большинство чудес теперь… иллюзии, и вы можете видеть, как… осторожно судьи должны доверять обвинениям».[17]

Интеллектуальное любопытство шотландского короля во время датского путешествия выразилось не только в интересе к колдовству, что было бы весьма заурядно, но и прежде всего к изысканиям великого датского астронома Тихо Браге. Яков навестил астронома в его обсерватории на маленьком островке Вен в проливе Эресунн между Копенгагеном и Эльсинором. Ему было очень интересно то, чем Браге занимается, — может, и это стимулировало его вояж за невестой? Ученому, который первым в Европе начал проводить систематические и высокоточные астрономические наблюдения (на их основании Иоганн Кеплер вывел законы движения планет), Яков посвятил три восторженных сонета.

Хотя после смерти матери Яков установил контакт с английскими политиками, почти до середины 90-х годов его шотландская политика не зависела от вопроса об английском наследстве. В 1590–1593 годах он отказался выполнить приказ Елизаветы подвергнуть секвестру земли Джорджа Гордона, первого маркиза Хантли, и его соратников — графов Графорда, Эррола и Ангуса, которые, как не сомневались при шотландском и английском дворах, шпионят в пользу Испании. В 1589 году стала явной переписка склонявшего к католицизму графа Хантли, стоявшего во главе землевладельцев Хайленда (горной Шотландии); в письмах он выражал сожаление по поводу провала экспедиции Великой армады. Королевская армия выступила против графа и быстро добилась его подчинения. Но в сущности, король ни с кем не хотел ссориться; разлад с шотландскими северными графами мог обострить ситуацию при объединении королевств Шотландии и Англии.

Более всего Яков хотел сохранить свою независимость,

одновременно испытывая опасения, что Елизавета не сдержит слово. Он был соткан из противоречий. Но великая королева уже видела в будущем объединение корон Англии и Шотландии, могущее обеспечить спокойствие Британии. Правда, она не учла двух факторов — фактора личности короля и фактора времени, в которое это объединение должно было произойти.

Союз с Англией и брак Якова с дочерью одного из значимых протестантских домов Европы лишили радикальных пресвитериан важного рычага давления на короля. Кроме того, у ультрапротестантов не было харизматического лидера, что сильно ослабляло их позиции. Яков весьма жестко поступал с мятежниками из протестантского лагеря, хотя сам был протестантом. Это неудивительно, поскольку их авантюры могли иметь немалую поддержку в шотландском обществе, особенно среди пресвитерианского духовенства, недовольного мягкостью обращения короля с католическими графами. Кроме того, своевольным протестантам симпатизировала английская королева. Среди них был, например, Фрэнсис Стюарт, сын лорда Джона Стюарта, незаконнорожденного отпрыска Якова V и сестры уже известного нам графа Босуэлла. Во время кампании против ведьм в 1591 году он был обвинен в ворожбе против короля и арестован, однако бежал из заключения. 27 декабря того же года Фрэнсис Стюарт неожиданно ворвался в Холируд, где находился Яков, и только чудом королю удалось избежать пленения. Владения графа были конфискованы, но это не помешало ему в 1592 году еще раз попытаться захватить короля, на этот раз в Фолкленде. А в 1593 году, вновь проникнув в Холирудский дворец, он вырвал у Якова обещание помилования, которое последний, впрочем, не собирался держать. Последним актом борьбы Фрэнсиса Стюарта с королем стало нападение, предпринятое его вооруженными людьми в Лейте, в результате чего Якову пришлось укрыться в Эдинбургском замке. Скучать королю, как видно, не приходилось! Лишь в 1595 году Фрэнсис Стюарт был все-таки вынужден эмигрировать во Францию.

С другой стороны, король не препятствовал росту влияния пресвитеров и постепенному отстранению епископов от церковной власти. В 1592 году он утвердил акт парламента Шотландии о пресвитерианской реформе церкви. Кульминацией пропресвитерианской политики Якова стал его поход в 1594 году в сопровождении богослова и реформатора Эндрю Мел вилла и лидеров ультрапротестантов против не сдержавших клятву северных графов, завершившийся их изгнанием из с граны и конфискацией владений. Правда, Хантли скоро вернулся и, после его формального перехода в пресвитерианство, был восстановлен

в правах. Эти действия отчасти устранили католическую угрозу в Шотландии.

Подчинение свободолюбивого Хайленда шло с переменным успехом. В 1598 году Яков уполномочил группу представителей равнинной Шотландии (Лоуленда), называвшуюся «Пять авантюристов», колонизовать и цивилизовать «наиболее варварский остров Льюис». Искореняя «варварство», они могли действовать не «по договоренности» с местными жителями. Начало акции было успешным, но затем колонисты были изгнаны обитателями острова под командованием Мердока и Нейла Маклеода. Вторая попытка, в 1605 году, покорить клан Маклеодов закончилась с тем же результатом, и лишь третья, в 1607 году, в какой-то мере удалась. В 1609 году был принят так называемый «Устав Ионы», согласно которому протестантские священники получали права в приходах Хайленда, а вожди северных кланов должны были посылать своих наследников для изучения английского языка в протестантские школы равнинной Шотландии. Так начался процесс, направленный на искоренение гэльского языка и разрушение, обернувшееся на деле приспособлением, традиционной культуры. Как видно, Яков не терпел любого проявления независимости, что вызывало сопротивление даже среди родственников — кузен короля Патрик Стюарт, граф Оркни, выступил против «Устава Ионы» и был заключен в тюрьму. Его побочный сын Роберт возглавил восстание против Якова, но потерпел поражение. Граф и его сын были повешены, а острова Оркни и Шетланд были присоединены к короне.[18]

Ободренные королевской поддержкой пресвитерианской церкви, активизировались и ультрапротестанты. Они выступали за запрет торговли с католической Испанией, проведения ярмарок по выходным и театральных постановок, открыто критиковали короля и его министров за пренебрежение божественными установлениями, организовывали заговоры. Но так ли они были опасны? В 1600 году Джон Рутвен, 3-й граф Гоури, убежденный пресвитерианин, встал во главе заговора, названного впоследствии его именем. Однако заговорщиков опередили: 5 августа Джон и его брат Александр Рутвен были убиты в собственном доме охраной короля. В Шотландии тогда сомневались, а существовал ли заговор вообще, да и до сих пор историки не имеют однозначного ответа на этот вопрос. Описанные Яковом VI и его приближенными события могли быть просто выдуманным поводом к устранению опасного и популярного лидера крайних протестантов. После «чудесного спасения» король тут же конфисковал графский титул и владения

Рутвенов; младшие братья убитых Патрик и Уильям Рутвены бежали в Англию.

Так шли годы правления Якова в Шотландии, когда закон сталкивался с традиционной анархией знати, выглядевшей в глазах уже зрелого короля просто беззаконием. Годы существования в постоянном беспокойстве и опасности, годы, когда у Якова сформировалось четкое представление об идеальной монархии. На это представление влияли заграничные «образцы» и «антиобразцы»: первым была могущественная тогда Испания при Филиппе II (1556–1598) с ее обширными колониями, вторым — Франция времен религиозных войн, когда серия затяжных гражданских конфликтов раздирала королевство при последних королях династии Валуа (1562–1598). Да и Англия, что было ошибкой не только Якова, но и всей его династии, являла в его глазах антипример.

Идеальная монархия шотландского короля была абсолютной — необходимость именно такого государственного устройства он видел и у себя в стране, и на континенте. Итогом его размышлений стало появление в 1584 году первой его работы «Эссе подмастерья», где король идентифицировал себя с шотландским государством, а в 1597–1598 годах двух сочинений о богословских основах монархии — «Истинный закон свободных монархий» и «Базиликон Дорон», или «Царский Дар». Возможно, Яков Стюарт, как ни один монарх, уникален в ясном и мощном выражении идей о королевской власти в своих речах и письме. Он отдавал себе отчет в том, какую роль может играть слово в восприятии людьми верховной власти.

В «Истинном законе…» Яков соединил политическую теорию абсолютизма с божественным правом королей. Согласно его концепции, король может вводить новые законы, иметь королевские прерогативы, но должен при этом учитывать традиции и не забывать Бога, который «может довести до бедствий… для наказания нечестивых правителей». Король владеет своим королевством подобно тому, как «лорд владеет своим леном, потому что короли появились раньше, чем владения и ранги людей, раньше, чем парламенты и законы… Государи были авторами и создателями законов, а не законы — государей». Как теоретик Яков не был оригинален, но он с предельной ясностью высказал свое убеждение в том, что короли обладают абсолютным правовым суверенитетом в пределах своего государства, имеют абсолютную свободу действий, а ответственность несут только перед Богом.[19]

«Базиликон Дорон» представлял собой инструкцию принцу Генри, как править государством. Эта работа считается, лучшим

примером прозы Якова. Предвещая трудности сына в отношениях с английским парламентом, который он рассматривал не иначе как королевский «Верховный суд», король писал: «Не идите на поводу у парламента, а при необходимости вводите новые законы, но только редко».[20]

Примерно в это же время шотландский король выразил свои мысли о правлении и поэтическим образом — в стихотворении «Энигма о сне»:

Я во дворец, в лачугу и в тюрьму
Вхожу — и всем дарую жизнь и силы;
Я — царь: покорны зову моему
Львы и слоны, киты и крокодилы;
Я воскрешаю мертвых из могилы,
Я вытрезвляю тех, кто во хмелю;
Скупцу не так его червонцы милы,
Как я, венец и скипетр — королю;
Я кроток, но приказов не терплю,
Могуч, но появляюсь втихомолку:
И занавеской не пошевелю —
Часов песочных тише, мягче шелку.
Я друг и враг, я врач и сам недуг;
Кто я? Проснись и догадайся вдруг.

Старая королева Елизавета I цепко держалась за жизнь, хотя ее уже одолевали недуги: ревматизм, язва желудка, мигрень. В конце своего правления она даже обзавелась новым фаворитом Робертом Девере, графом Эссексом, о котором отзывались как лучшем для нее средстве от бессонницы.

Тем временем молодой Яков все решал, как ему преодолеть религиозное разделение, усложнявшее управление Шотландией и будущее восшествие на английский трон. Ему нужно было не только относительное спокойствие в Англии, но и поддержка за границей. Он готовил дипломатическую почву для объединения корон, и не только традиционным способом. Его эпическая поэма «Лепанто», опубликованная в 1591 году, была примирительным шагом к католической Европе. Правда, празднование «католической» победы возбудило подозрения насчет истинного вероисповедания Якова, несмотря на то что его протестантизм в поэме проступает ясно. Он отправлял послов равно как в католические, так и в протестантские государства. В 1598 году шотландские представители прибыли ко дворам Кристиана IV Датского, германских князей, Филиппа III Испанского, а в 1599 году Яков вступил в диалог с Папой Римским Климентом VIII.[21]

Нельзя сказать, что дипломатия Якова была продуктивной — перспективы занятия им английского трона по-прежнему зависели в первую очередь от Елизаветы.

Многое решил 1601 год, когда шотландский король достаточно мудро повел себя во время заговора Эссекса. Отношения своенравного и самолюбивого Эссекса с Елизаветой складывались непросто, а его политические противники не упускали случая, чтобы ослабить положение фаворита. Министр королевы, член Тайного совета и кавалер ордена Подвязки Роберт Сесил, 1-й граф Солсбери (1563–1612), занимавший посты лорда-хранителя малой печати и лорда-казначея, еще в 1597 году обвинял Эссекса в намерении низложить Елизавету. Но Эссекс был популярен и казался неприкосновенным. Этому способствовало и то, что в 1596 году он отличился при захвате испанского Кадиса. «Слава Англии, ты, чье имя пронеслось, как гром, по всей Испании и внушило ужас. Прекрасная ветвь на дереве чести. Цвет рыцарства. Возрадуйся своей благородной победе» — так воспевал Эссекса английский поэт Эдмунд Спенсер.

Случай убрать Эссекса, однако, скоро представился. Еще в 1595 году вспыхнуло антианглийское восстание в Ирландии, поддержать которое с благословения Папы Римского готовились испанцы. Лондон снарядил армию для отправки в Ирландию, во главе которой весной 1599 года был поставлен фаворит королевы. 7 марта 1599 года Эссекс выехал из Лондона.

Окруженный блестящей свитой, он продвигался по улицам столицы, а рядом с ним гарцевал на коне его родственник и друг молодой граф Саутгемптон. Люди, заполнившие улицы, приветствовали победителя испанцев словами: «Да благословит вас Бог!» Предположительно, среди них находился и Уильям Шекспир, сочинявший в том году патриотическую пьесу о победителе французов английском короле Генрихе V (1387–1422). В прологе к ее последнему действию Шекспир упомянул о торжественном отъезде Эссекса, которого провожали не только лорд-мэр и городские советники Лондона, но и «кишащие толпы простого народа». Он пожелал графу вернуться в Лондон, держа пронзенный им мятеж «на острие меча».

Не получилось. Эссекс не добился успехов, а только понес ощутимые потери. Заключив с восставшими перемирие, он поспешил в Лондон и в конце сентября 1599 года ворвался в апартаменты королевы, которая, увидев его, едва сдержала гнев. Граф был отстранен от всех должностей и посажен под домашний арест в своей резиденции Йорк-хаус. Елизавета долго не могла решить, как поступить дальше со строптивым фаворитом,

который засыпал ее покаянными письмами.

Вместо Эссекса лордом-наместником Ирландии королева назначила его друга Чарльза Блаунта, барона Маунтжоя. Перед отъездом в Ирландию тот договорился с Эссексом возобновить начатую несколько лет назад переписку с шотландским королем. Целью переписки было убедить Якова, что Сесил настроен против возведения его на английский престол после смерти Елизаветы и что он, объединив свои силы с войсками Маунтжоя, должен идти на Лондон и заставить королеву вручить Эссексу бразды правления. Однако Яков не спешил поддержать столь отчаянный проект. Закаленный в борьбе кланов, он умел отличать авантюру от политики. Напротив, он отправил посольство в Англию, которое прибыло к Сесилу, впоследствии также вступившему в секретную корреспонденцию с шотландским королем. Дальновидный министр Елизаветы хотел обеспечить бесконфликтную передачу власти в случае смерти королевы, да и прежде всего позаботиться о себе самом.

Весной 1600 года Саутгемптон отправился в Ирландию с письмом от Эссекса, предлагавшего высадить армию Маунтжоя в Англии, даже если Яков останется в стороне. Но Маунтжой заявил Саутгемптону: «Для удовлетворения личного честолюбия Эссекса я не намерен вступать в подобное предприятие». Теперь, добившись военных успехов, он думал только о своей карьере.

В июне 1600 года Звездная палата (чрезвычайный суд при короле) обвинила Эссекса в невыполнении приказа, оскорблении короны и нанесении ущерба власти. Граф был приговорен к заключению в Тауэре и выплате огромного штрафа. Но Елизавета помиловала его и приказала освободить из-под домашнего ареста. Тем не менее он был лишен права появляться при дворе и выгодного откупа на налог на сладкие вина. Вокруг донельзя обиженного Эссекса стали группироваться недовольные правлением Елизаветы честолюбцы и искатели приключений. Его программа предполагала возведение на трон Якова Шотландского, изменение состава Тайного совета, реформу англиканской церкви в пресвитерианском духе и вместе с тем некоторую терпимость в отношении католиков.

В начале февраля 1601 года трое друзей Эссекса — сэр Чарльз Перси, сэр Джостлин Перси и лорд Монтигль попросили актеров театра «Глобус» поставить 7 февраля пьесу Шекспира «Ричард II». Те неохотно согласились лишь после обещания выплатить им десять фунтов стерлингов — написанная Шекспиром еще в 1595 году, пьеса давно не шла, и сборов не предполагалось. Заговорщики хотели использовать «Ричарда II» для агитации: в их глазах Эссекс походил на героя пьесы

Болингброка, низложившего тирана-короля. В два часа дня 7 февраля несколько джентльменов явились на представление в «Глобус», заняли ложу и, когда актеры подошли к моменту свержения Ричарда с престола, стали криками и аплодисментами выражать свое одобрение. Зрители в партере театра недоуменно оглядывались на них. По Лондону поползли слухи о заговоре, и вечером того же дня Тайный совет вызвал Эссекса на заседание. Сославшись на плохое самочувствие, граф прийти отказался.

Рано утром 8 февраля в резиденцию Эссекса явились четверо высших сановников, посланных Тайным советом, и именем королевы попросили его воздержаться от необдуманных поступков. Граф увел гостей в библиотеку и предложил им оставаться там до тех пор, пока он не поговорит с лондонскими властями. В 11 утра Эссекс, Саутгемптон, графы Ретленд и Бедфорд и с ними «до шестидесяти человек рыцарей и других джентльменов знатной крови», большинство из которых были вооружены лишь шпагами, вышли на улицу. Со знаменем, где был изображен герб графов Эссекс, они напнулись в направлении Сити, выкрикивая: «…Нация предана! Корона капитулирует перед испанцами! Смерть изменнику Сесилу!»

Лондонцы остались глухи к мятежному призыву. Заговорщики шли по пустым улицам, и скоро многие из них разбежались, поняв, что дело провалилось. Когда появились королевские гвардейцы, оставшиеся укрылись за тяжелыми дубовыми дверями в доме Эссекса. Граф не сдавался, пока лорд-адмирал Чарльз Говард, граф Ноттингем, не пригрозил взорвать дом.[22]

19 февраля 1601 года Эссекс предстал перед судом и был обвинен в измене. Английский философ, историк, эмпирик и политический деятель, начинавший свою карьеру как юрист, Фрэнсис Бэкон для доказательства вины графа Эссекса сравнил его с афинским тираном Писистратом и герцогом Гизом, который поднял парижан против короля Генриха III. То была по достоинству оцененная Елизаветой и Сесилом убийственная для Эссекса параллель, поскольку он уверял, будто собирался лишь свести счеты с личными врагами, — ему ведь нетрудно было бы собрать и большие силы. Напрасно обвиняемый ссылался на то, что по его просьбе сам Бэкон от его имени писал письма королеве. «Письма были совершенно невинного содержания», — возражал Бэкон. И Эссекс во всем сознался, признав себя «самым подлым и самым неблагодарным предателем из всех, когда-либо живших на земле». 25 февраля он был обезглавлен во дворе Тауэра. Саутгемптон тоже был приговорен к смертной казни, которую позже заменили заключением в Тауэре, где он просидел

до восшествия на престол Якова I. В связи с происшедшим допросили актеров «Глобуса» и, возможно, Шекспира. Но выяснилось, что они не ведали об истинных намерениях знатных джентльменов, заказавших спектакль. Через шесть месяцев на сцене «Глобуса» будет поставлен «Гамлет».

После казни Эссекса Бэкон был награжден 1200 фунтами стерлингов. По поручению королевы он написал «Декларацию о преступлениях Эссекса». Прочитав ее, Елизавета заметила: «Что это за „милорд“ на каждой странице?! Вы не в состоянии забыть былого почтения к преступнику? Вычеркните все это. Пусть будет просто „Эссекс“ или „бывший граф Эссекс“».

Яков же долгое время будет ощущать себя причастным к заговору 1601 года. И чем иным объяснить, как не тайными угрызениями совести перед Эссексом и другими участниками заговора, его готовность, став английским королем, реабилитировать некоторых заговорщиков. Первым из них станет сын Эссекса Роберт Деверо, которому в 1604 году вернут все титулы, утраченные его семьей, а сам он будет назначен ближайшим компаньоном принца Уэльского. А Саутгемптон станет кавалером ордена Подвязки и получит должность коменданта гарнизонов Уайта и Карисбрука.[23]

В марте 1603 года старая королева слегла в постель и вскоре перестала говорить. В жестоком единоборстве со смертью жизнь покидала ее, но на смертном одре, собрав последние силы, Елизавета прошептала так, чтобы все окружавшие поняли: «Яков!» То, что она передавала свой престол сыну казненной Марии Стюарт, выглядело впечатляюще — своеобразным искуплением за взятый на душу грех. А под окном ожидал условного знака посланник Якова — одна придворная дама пообещала ему, что, как только жизнь королевы оборвется, она бросит из окна перстень. Наконец 24 марта 1603 года это случилось. Доверенный человек наследника английской короны тут же подобрал драгоценную вещь, вскочил на коня и через два с половиной дня достиг Эдинбурга. Там он сообщил своему монарху, что смерть Елизаветы принесла ему вторую корону. Как тут не вспомнить, что 37 лет назад из Эдинбурга в Лондон во весь опор гнал лорд Мелвилл, чтобы известить английскую королеву о рождении у Марии Стюарт сына! В этом сыне английская и шотландская короны навсегда соединились, и борьба многих поколений подошла к концу. Начиналась новая эра и новая борьба.

В течение часа после смерти великой английской королевы ее Тайный совет провозгласил Якова VI «Яковом I, королем Англии, Франции и Ирландии, защитником веры». В начале апреля 1603

года Яков выехал из Эдинбурга в Лондон, пообещав своим сородичам, что раз в три года будет приезжать в Шотландию. Он обманул их, но не специально: после этого Яков посетил Шотландию только один раз — в 1617 году. 5 апреля в сопровождении множества советников и слуг Яков пересек границу Англии. Добравшись до Йорка, он тут же потребовал от английского Тайного совета денег.

Триумфальный въезд в Лондон нового короля описан современниками как одно из самых пышных торжеств, какие мало кто созерцал. Большое количество знати приехало в английскую столицу, чтобы присутствовать при этом событии, и Яков I позже напишет: «Люди всех сословий ехали и бежали, нет, скорее летели мне навстречу, в их глазах пылали искры любви, их рты и языки произносили только звуки радости, руки, ноги и все остальные их члены выражали страстное желание и усердие, чтобы встретить и обнять своего нового суверена». Действительно, столица опустела, ибо ее обитатели двинулись навстречу новому королю, стремясь прежде всего использовать ситуацию в своих интересах. «Прибыв первым, первым же и получишь, — в том была цель всех идущих», — писал современник, скептически относившийся к новой династии. Но не только и не столько эгоистические мотивы владели подданными нового монарха. В их глазах Яков олицетворял единство Британских островов и надежду на мир и справедливость.

Его коронация состоялась 25 июля и сопровождалась сложными аллегориями, созданными поэтами Томасом Деккером и Беном Джонсоном. Хотя вспышка чумы немного сократила торжества, как записал потом Деккер, «улицы казались вымощенными людьми… лавки вместо богатых товаров были набиты детьми, а из открытых створок окон выглядывали женщины». Контраст с Эдинбургом поразил нового короля, который восхищенно заявил в парламенте, что «мои три первые года в Англии были для меня словно Рождество».[24] Яков I стал первым королем всего острова, о чем говорили геральдические звери на его гербе. На гербе Елизаветы Тюдор щит поддерживали лев и дракон, символизирующие Англию и Уэльс, а на гербе Якова Стюарта — английский лев и шотландский единорог.

Бывший бедный шотландский король начал с широких жестов. Эти жесты были как исторически обусловленны, так и личностно целенаправленны. Фаворитам и новой аристократии Яков и затем его сын Карл активно жаловали земли и расточали всевозможные дары, гранты и пенсии, стремясь заложить основы знати, поддерживающей династию. Традиционное же пэрство, как и при Тюдорах, продолжало клониться к упадку. При этом

Стюарты оказались значительно более «щедрыми» монархами, чем все Тюдоры, вместе взятые. Процесс разрастания титулованной знати в Англии принял в первой половине столетия барокко невиданные размеры и формы.

Так, при Якове было пожаловано 62 титула лордов, графов, маркизов и один — герцога. Сразу 15 человек были номинированы по случаю его коронации. А Сесила за оказанные услуги он сразу же по восшествии на трон жалует титулом барона Эссиндена, в 1604 году — виконта Кранборна, а в 1605 году — графа Солсбери.[25] Сначала новый английский монарх просто рассыпал титулы и должности, но затем, испытывая острую нужду в деньгах, он начал ими торговать.

Яков I приказал при торжественном свете факелов перенести прах матери с погоста в Питерсборо, где она лежала одна, в Вестминстерское аббатство — усыпальницу английских королей. Мария Стюарт упокоилась неподалеку от Елизаветы. Якову предстояло править Англией 22 года, он умрет своей смертью и уйдет из этого мира королем, хотя править будет ему нелегко…

При этом он был уверен, что знает, как надо править. Он хотел править абсолютистски — откровеннее, чем Елизавета, отличавшаяся гибкостью, и Генрих XVIII, отличавшийся самодурством. Он ревностно верил в божественное право королей и столь же ревностно верил в свое предназначение и свои способности быть одним из них. Мало того, одним из лучших. Он достиг немалых успехов в обуздании шотландской знати, и это многократно увеличило его мнение о себе самом. Он называл себя не иначе как «старым опытным королем, не нуждавшимся в уроках». Как заметил один из издателей его корреспонденции, «недостаточно видеть в короле Якове оригинала — он был также одним из наиболее сложных невротиков, независимо от того, сидел ли он на английском либо шотландском троне». Одинокий и нелюбимый мальчик получил корону и теперь видел себя королем Артуром, царем Соломоном, миротворцем, королем с Библией. Создание величества было для него мистерией и стало драмой. Он был единственным британским монархом, использовавшим в обыденной практике титул «величество». Другие короли могли отзываться на титулы «Ваша милость», «Ваша светлость» равно как и на «Ваше величество», но не Яков. Он желал слышать только «величество».[26] «Величество» было символом его глубокой веры в себя. Это была трагическая вера — вера артиста, поэта, ребенка. Она создавала иллюзию.

Англия же была реальной и прагматичной страной развивавшегося опыта и разума, страной, генерировавшей

«разумный эгоизм». Страной, где происходили процессы, которые новый монарх не понимал или не хотел понять.

Тем не менее время правления этого монарха по его имени называют «якобеанской эпохой». Якобеанская эпоха следовала за Елизаветинской и предшествовала Каролинской — правлению сына Якова Карла I. Прежде всего она обозначает стиль архитектуры, искусства и литературы, получивших развитие при Якове. Однако якобеанскую эпоху надо понимать шире. Она была временем парадоксов и контрастов — временем, похожим на самого короля.

Несмотря на все свое восхищение, первый Стюарт назвал Лондон «грязным городом». По сравнению с напоминавшим деревню Эдинбургом английская столица с ее 200–250 тысячами жителей была непомерно большой, отражая высшую степень эффекта урбанизации того времени. Она продолжала разрастаться, была скученной и тесной. Дома, претендующие на звание дворца, располагались рядом с лачугами, в 1616 году Яков с тревогой высказал мысль, что «вся страна соберется в Лондоне и со временем Англия будет только Лондоном, а королевство опустеет, и только малое количество жителей будет жить в своих домах». Еще в 1600 году Елизаветой был издан указ об ограничении использования карет, но тщетно: с появлением наемных экипажей — первые из них появились уже в 1621 году — положение только ухудшилось.

Однако Лондон раннего Нового времени был Лондоном Шекспира и Джона Донна, Бэкона и Уолтера Рэли, сэра Джона Фальстафа и миссис Квикли… То было лирическое время — время сонетов и рифмованных памфлетов, трехчасовых церемоний и двухчасовых игр. Время шуток и развлечений.

Несмотря на оказанный ему торжественный прием, Яков недолго пребывал в состоянии эйфории. При английском дворе и в столице он вскоре стал источником если не критики, то многочисленных комментариев. В Лондоне открыто шутили, говоря: «Елизавета была королем — сейчас же Яков является королевой!» «Он презирает женщин, — отмечал венецианский посол. — Когда их ему представляют, он велит им вставать на колени; он призывает их к добродетели и насмехается над мужчинами, которые оказывают им уважение. Английские дамы также терпеть его не могут и перемывают ему кости в своих беседах». Но не только его гомосексуальные наклонности были предметом всеобщего обсуждения, поначалу довольно безобидного. Они еще не стали общественной проблемой. Его фаворит, юный шотландец Джеймс Хэй, сначала получивший титул барона, затем виконта и, наконец, в 1622 году сделавшийся

графом Карлайлом, не особенно лез в государственные дела. Этот любезный и красивый человек, изысканный придворный, хороший дипломат и безумный расточитель, оставил по себе добрую славу в народе и сумел удержаться на плаву до конца правления своего монарха. Его преемник, элегантный и спортивный Филипп Герберт, принадлежавший к древнему английскому роду, был удостоен титула графа Монтгомери. Он известен своими долгами, оплачивавшимися из королевской казны, склонностью к конфликтам и интригам, но реального влияния на короля не имел. Главным достоинством Генри Рича, барона Кенсингтона, а затем графа Холланда, являлось то, что он был «столь красив и элегантен, что мог бы сравниться с самыми прекрасными женщинами».[27] Вообще же при Якове двор, который сам король рассматривал как микрокосм новой монархии, постепенно становился «скандальным местом». Придворные дамы имели плохую репутацию, декольте становились все более глубокими. Здесь можно было найти падших женщин самых разных слоев — от прачек до дорогостоящих особ.

Внешний вид и привычки Якова I не вполне соответствовали тому облику монарха, который он культивировал. Он был достаточно высок и широкоплеч, но при этом природа посчитала нужным одарить Якова рахитичными, кривоватыми ногами и слишком толстым языком, который делал его речь невнятной. По этой же причине очень трудно было понять его латынь. К тому же, по свидетельству современников, он имел «очень непривлекательный вид» во время еды и питья. Придворные находили это комичным: «Его язык был слишком велик для рта… и делал его питье очень некрасивым, как будто напиток выходил в чашку с каждой стороны изо рта». А ведь королевской чете каждый день подавали 24 блюда и по меньшей мере 30 во время торжественных приемов. Король частенько проказничал. Однажды он приказал поставить кровати герцога Монтгомери и его невесты в зале заседаний Тайного совета, чтобы на следующее утро прийти посмеяться над ними.

Еще больше проблем приближенным доставляла параноидальная уверенность Якова в том, что за ним постоянно охотятся наемные убийцы. Даже Уайтхолл представлял для него опасность из-за беспорядочного скопления королевских палат, личных апартаментов, галерей и залов для игр и развлечений. Боявшийся оружия, он запретил дуэли. Из-за этого многие убежденные дуэлянты уезжали драться за границу; поэтому по приказу короля были изданы две прокламации, угрожавшие смертью тем, кто задумал решить спор с противником на берегах Франции. И все же после нелегкой атмосферы последних лет

правления Елизаветы при дворе было ощущение, что Яков принес с собой глоток свежего воздуха. Члены Тайного совета приняли его своеобразное чувство юмора, которое в ряде случаев граничило с непристойностью. За обедом он мог быть вульгарным, сыпал шутками, развлекавшими присутствовавших, любил вступать в философские диспуты с церковными деятелями и обычно заканчивал комментариями, граничившими с богохульством. Однако, по общему мнению, король никогда не напивался допьяна.

Яков был нетерпелив и находился постоянно в движении. Один современник отмечал: «Король смотрел, слушал и говорил одновременно и иногда мог делать пять дел сразу». Он любил слушать самого себя и часто смеялся. По наблюдению французского посла в Лондоне, «где он (Яков) желает говорить языком государя, в его тоне появляется тиран, а когда он снисходит до окружающих, его речь становится вульгарной».[28] Интеллектуальный эстет, он мог поражать блеском своей риторики минуту, а затем говорить подобно завсегдатаю таверны.

Яков был неряшлив. Он боялся воды и никогда не купался, и поэтому от него шел специфический запах. Будучи одет в богатые королевские одежды, он всегда выглядел растрепанным, как будто случилось что-то неординарное. И когда индейская принцесса Покахонтас встретила короля в Уайтхолле в 1617 году, он показался ей настолько скромным, что она не поняла, кто перед ней, пока он сам не объяснил. «Совсем не похож на Великого Белого Вождя», — заметила Покахонтас.

С таким обликом сложно соотносится самая яркая грань деятельности Якова, связанная с его образованностью и интеллектом. Пожалуй, со времен императора Марка Аврелия не было в Европе правителя, который бы так много сочинял — по любому поводу и просто так, для души. Поводы были разные — колдовство, табакокурение и, разумеется, власть… Для души — философия и поэзия. В отличие от Генриха VII, Марии Стюарт и Елизаветы, тоже сочинявших стихи, Яков писал в самых разных жанрах (любовная лирика, эпос, элегия, перевод псалмов). К тому же он активно публиковался: издал, еще будучи королем Шотландии, две поэтические книги, переиздал, взойдя на английский трон, поэму «Лепанто» и спонсировал ее перевод на французский и латынь.

Яков писал сонеты. Специалисты видят их отличие от сонетов профессиональных поэтов — они выглядят ремесленными. Но это понимал и сам король, издавший книгу «Опыты дилетанта в божественном искусстве поэзии», которая включала его оригинальные поэтические работы и переводы из Дю Бартаса и

Лукана. Его перу принадлежат также «Его Величества поэтические упражнения в часы досуга». Себя он называл подмастерьем. Говоря, что король выше законов, перед поэзией, однако, он снимал шляпу. Он был хорошо известен в Европе как король-поэт, чьи стихи подчеркивали его власть и чья власть украшала его стихи.

Переиздавались и другие сочинения короля. «Демонология» издавалась дважды, а «Базиликон Дорон» был настолько популярен среди лондонских продавцов книг, что издавался пять раз общим тиражом 13–16 тысяч экземпляров.

Яков покровительствовал развитию и шотландской, и английской культуры. Он содействовал литературе и музыкальному искусству страны своего рождения, ввел законодательные положения по реформированию и содействию преподавания музыки. В Шотландии он выступал главой свободного круга придворных поэтов и музыкантов, куда входили Уильям Фаулер и Александр Монтгомери, причем последний был фаворитом короля. Некоторые из придворных поэтов, такие, как Уильям Александр, последовали за ним в Лондон, распространяя шотландскую литературную традицию в Англии и обогащая свое творчество английскими достижениями.[29]

В Англии он покровительствовал Шекспиру, известному поэту Возрождения Бену Джонсону, талантливому Джону Донну. Яков присвоил шекспировской труппе «Глобуса» статус королевской, и ее актеры стали хорошо зарабатывать. В его время зрители увидели «Короля Лира» и «Макбета». В 1616 году монументальный перевод гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея» на английский язык завершил Джордж Чепмен. Это была первая полная англоязычная версия сочинений Гомера.

Не забывал Яков и об образовании своих подданных. При нем выросло число начальных школ. В средних школах, каковых было еще немного, имелись группы для малышей — им преподавал младший учитель. И бедняки все чаще отправляли своих детей учиться.

Гуманистически образованный правитель, Яков не мог не обратить внимания на себе подобных, тем более тех, чьи способности намного превосходили его собственные. В его пользу говорит покровительство, оказываемое этим людям. К последним принадлежал известный английский философ, историк и политический деятель Фрэнсис Бэкон. Фактически с него началась эпоха нового познания мира, ставшего основой мировосприятия классической Европы и ее пика — эпохи Просвещения. Бэкон начал свою карьеру как юрист, а стал широко известен как адвокат-философ и ярый сторонник научной

революции. В трактате «Новый Органон», вышедшем в 1620 году, он провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой, которую считал бездушным материалом для использования. Основоположник эмпиризма, он популяризировал метод индукции, то есть получение знания из окружающего мира через эксперимент, наблюдение и проверку гипотез. Яков ценил этого человека. В 1617 году он сделал Бэкона лордом-хранителем печати, а затем — лорд-канцлером и помиловал ученого, когда в 1621 году тот был привлечен к суду по обвинению во взяточничестве. Правда, сначала был приговор, довольно длинный, но милостивый: Бэкон должен был возместить 40 000 фунтов и подвергнуться заключению на время, определенное королем. После этого он лишался возможности занимать любую общественную должность, заседать в парламенте и бывать при дворе. Ученый отсидел около трех недель в Тауэре и после этого провел пять лет яркой творческой жизни. Яков Стюарт понимал, что перед ним Бэкон.

В чести при Якове была живопись, причем, как и при Тюдорах и далее при всех Стюартах, доминировали иностранные таланты. Главным портретистом был голландец Дэниэл Майтенс. Он считался таковым и в дальнейшем, при дворе Карла I, пока в Англии не появился в 1632 году Антонис Ван Дейк. С Майтенсом сотрудничал английский портретист немецкого происхождения Корнелис Ван Янссенс Кеулен, известный также как Корнелиус Джонсон Старший. Его кисти принадлежит «Портрет Елизаветы, королевы Богемии», написанный в 1623 году. Развивалась, хотя и медленно, и английская школа художественного мастерства. Ее представляли Роберт Пик Старший, Уильям Ларкин и сэр Натаниэль Бекон.

Декоративное искусство отличалось богатством цвета, деталей и дизайна. Все это дополнялось разнообразием материалов, привозимых в Англию благодаря развитию торговли. С Яковом Англия, как и вся Европа в XVII веке, вступила в эпоху барокко с ее пышностью, многоформенностью, контрастами и противоречиями. Сильным было влияние Франции, Фландрии и, конечно, Италии. В архитектуре в моду вошел стиль ренессанс, сочетавшийся с классическими элементами. Когда Фрэнсис Бэкон, привыкший к раскрашенным средневековым изображениям, впервые увидел белый мрамор римских статуй, он воскликнул: «Это воскрешение из мертвых!» Самым известным архитектором при Якове I, а затем и при его сыне Карле I был Иниго Джонс — также дизайнер, художник и сценограф. С 1615 по 1642 год Джонс исполнял должность главного придворного архитектора. Считается, что это он принес в Лондон регулярное

градостроительство по итальянскому образцу, создав в Ковент-Гардене первую лондонскую площадь (позднее была перестроена). Когда в 1619 году сгорел старый банкетный зал дворца Уайтхолл, в ходе восстановительных работ Джонс создал сдержанный и элегантный новый зал, изнутри напоминающий базилику. В 1620 году по просьбе Якова архитектор предпринял исследование Стоунхенджа и пришел к ошибочному заключению, что это остатки римского храма. Еще в 1623 году он построил капеллу рядом с дворцом короля по случаю приезда католической невесты принца Карла, а после вступления последнего на престол в 1625 году сделал ряд пристроек к зданию Сомерсет-хауса — будущей резиденции новой королевы Генриетты-Марии. В 1634–1642 годах он занимался расширением собора Св. Павла, однако эта работа погибла во время Лондонского Пожара в 1666 году.

«Ни одно государство в мире не тратит так много денег на строительство, как мы», — отметил размах появления новых строений в Лондоне епископ Гудмен.[30] Именно с начала столетия барокко знать стала активно вкладывать деньги в строительство особняков.

По сути же, первый Стюарт на английском троне делал все, чтобы двор и столица были средоточием государства и непререкаемой власти монарха. Пока это, по видимости, так и было. Но ненадолго.

В течение XVII столетия, на протяжении которого династия Бурбонов во Франции создаст абсолютную монархию, ставшую политическим гегемоном на континенте, Стюарты безуспешно будут пытаться достичь подобного в Англии. Несмотря на то что в развитии этих двух государств есть параллели, различия между ними более существенны. Когда Франция только начала выходить из хаоса религиозных войн, Англия под мудрым управлением Елизаветы I представляла собой одно из самых самодостаточных королевств Европы. Однако французский король Генрих IV Бурбон, будучи гением политических манипуляций, сумел обернуть трудности в стране к своей собственной выгоде, тогда как Яков I не смог предотвратить перенос интереса оппозиции в парламенте от частных проблем к вопросам о его королевских прерогативах. В конце концов это привело к длительным противоречиям между короной и парламентом, противниками абсолютной власти и ее сторонниками. В Англии есть поговорка: «Англичанин, продолжая раздувать огонь в камине, не знает, к чему это может привести».[31]

Правление Стюартов внесло серьезные коррективы во взаимоотношения между короной и парламентом. Еще когда

многочисленная лондонская толпа встречала нового короля, небольшая группа здравомыслящих людей, в число которых входил и сэр Роберт Сесил, высказывала опасения насчет грядущих перемен. Яков Стюарт — в этом сходятся многие историки — принес с собой в Лондон немалую долю двусмысленной и непостоянной шотландской политики. Его непрестанное лавирование историки объясняют желанием сохранить мир.[32] Сложная и полная непредсказуемости жизнь уже сформировала психологию этого умного, образованного, осторожного и одновременно упрямого шотландца. С первых же дней своего правления он шокировал англичан то превышением своих прерогатив, то недостаточным их применением. Яков считал, что ресурсы его нового королевства безграничны. А между тем перед наследником Елизаветы стояли серьезные финансовые трудности.

Унаследовав от Елизаветы престол, новый король старался также унаследовать елизаветинскую доктрину. Он утверждал, что по линии своего предка Генриха VII Тюдора является потомком короля Артура, и это использовалось при прославлении союза Шотландии и Англии, достигнутого благодаря его восшествию на оба престола. В качестве правителя объединенной Британии Яков ощущал себя новым Артуром. На деле же существовали глубокие расхождения между тюдоровской религиозно-рыцарской имперской доктриной королевы-девственницы и идеологией Якова. Елизаветинская модель предполагала установление порядка и мира, опирающихся на рыцарские религиозные традиции. А притязания Якова были связаны с его пониманием прав Божьего помазанника, гораздо более ограниченным, чем полное божественное благословение, якобы данное Тюдорам.[33] Идеалом и ориентиром для Якова была внутренняя политика испанского и французского королей.

Как и его работы, в которых обосновывалась теория божественного права королей, первая речь нового монарха в парламенте открыла его истинные намерения. Поначалу Яков I провел разницу между истинным королем и тираном-узурпатором, отметив, что «гордый и амбициозный тиран… желает удовлетворять только свои аппетиты. Справедливый король, наоборот, существует для обеспечения здоровья и процветания своего народа… Ваше благосостояние — моя величайшая забота и обязанность». Затем, опираясь на версию идеального государства у Платона, английский король отметил: «Я голова и правитель в моем королевстве, а мои подданные являются его телом. По логике, голова должна управлять телом, а не тело головой. Поэтому справедливый король управляет своим

народом, а не народ королем». На заседании парламента в 1610 году он пошел еще дальше: «Даже самим Богом короли зовутся богами, потому что призваны исполнять Его (Бога) власть на земле». Неудивительно, что точку зрения Якова оспаривали, опираясь на то, что ограниченная монархия была традиционной формой английского общества. Юрист общего права и автор трактата «Об английском государстве» Томас Смит писал, что король Англии «имеет полную власть только в решении вопросов войны и мира», а все остальные государственные дела монарх должен осуществлять с согласия парламента. Сэр Роджер Твизден, автор «Кентских древностей», считал, что абсолютная монархия — относительно недавняя инновация и что нет королей, которых нельзя было бы ограничить.[34]

С королем не только спорили. Несмотря на спокойное наследование трона и теплый прием в Лондоне, Яков пережил два заговора в первый же год правления. Оба они были раскрыты. В первом участвовали католические священники и пуритане, преследовавшие разные цели, но объединенные желанием ввести религиозную терпимость. Они намеревались похитить короля. Второй был посерьезнее. Платформа этих заговорщиков основывалась на удалении некоторых министров Якова, его низложении и возведении на престол племянницы короля Арабеллы Стюарт. В организации этого заговора были обвинены лорд Грэй, лорд Кобхэм и сэр Уолтер Рэли, вина которого основывалась лишь на показаниях Кобхэма. Они были приговорены к смертной казни, но в последнюю минуту приговор был смягчен королем. Кобхэм и Грэй были прощены уже после того, как положили головы на плаху, А Уолтеру Рэли — знаменитому каперу, участнику войны с Испанией, поэту, философу и видному политическому деятелю — еще предстояло тринадцать лет провести в Тауэре.

Колоритный красавец и авантюрист, любимец Елизаветы и англичан, в удачный момент ловко бросивший в грязь под ноги королеве свой плащ, Рэли еще до заговора пытался склонить короля продолжать войну с Испанией, даже предлагал организовать морскую экспедицию за свой счет. За это его подвергли опале: лишили должностей капитана королевской стражи, лорда-наместника графства Корнуолл и губернатора острова Джерси. Яков не любил его еще по одной причине. Король не выносил табака, а Рэли ввозил в Англию индейские трубки и табак. Конечно, он не был первым человеком, привезшим в Европу табак, но заядлым курильщиком был, пожалуй, одним из первых. Его постоянно видели с трубкой, и это стало входить в моду. И король стал борцом с курением; он

продолжил дуэль с сэром Уолтером, когда тот уже сидел в Тауэре, в 1604 году написав трактат «Встречное обвинение табаку», где называл курение «привычкой, противной глазу, омерзительной носу, вредной мозгу, опасной легким».

Те, кто надеялись на изменения в правительстве при Якове, были глубоко разочарованы. Он не только сохранил членов Тайного совета Елизаветы, о чем еще раньше тайно договорился с Робертом Сесилом, но и вскоре добавил к ним своего давнего сторонника Генри Говарда и его племянника Томаса Говарда, а также пять шотландских дворян. В первые «английские» годы Якова его правительством довольно умело и жестко заправлял проницательный Сесил, которому помогали опытные Томас Эджертон, сделанный Яковом бароном Элсмиром и лорд-канцлером, и Томас Саквилл, вскоре получивший титул графа Дорсета, а затем и должность лорд-казначея. Тайный совет стремился взять позитивный старт во взаимоотношениях с новым королем. В последние годы правления Елизаветы члены совета видели как падение ее популярности, так и ее непредсказуемость. Когда обе стороны встретились в первый раз, министров, еще недавно страдавших от проволочек Елизаветы, впечатлили острый ум короля, его способность быстро принимать решения и иметь «особое мнение». Благодаря этим своим качествам Яков мог сконцентрироваться на большем числе задач. Впрочем, досуга он тоже не чурался, всем остальным видам развлечения предпочитая охоту. Уже начиная с мая король много охотился и путешествовал по Англии. Его поездки нередко оказывались тяжким бременем для посещаемых местностей; в 1615 году графства, намеченные для посещения, даже послали петицию с отказом от такой чести из-за неурожайного года и падежа скота. [35]

Великой королевы занял трон
Шотландец Джеймс, и этим шагом он
Короны две в одну навек сковал,
И ей Британии Великой имя дал.

Эти строки сочинил сэр Томас Эджертон, много содействовавший устройству отношений между Англией и Шотландией в желательном для короля направлении. Эджертон явно поторопился — королевство Великобритания станет явью только в 1707 году. Яков не дал двум коронам «Британии Великое имя», а лишь желал дать. Он намеревался, опираясь на личную унию корон, создать единый государственный механизм с одним монархом, одним парламентом и одним законом. Король

устраивал парные — англичан и шотландцев — назначения на придворные посты, включил шотландцев в состав Тайного совета и в королевское окружение. Этот план встретил оппозицию в обоих королевствах. «Разве Он (Бог) не поселил нас всех на одном острове, — сказал Яков английскому парламенту, — окруженном одним морем и неделимой природой?» В апреле 1604 года палата общин отклонила его просьбу титуловаться «королем Великобритании». В октябре, однако, он принял титул «короля Великобритании» самостоятельно, издав соответствующую прокламацию.

Шотландия так и не стала полноправным членом унии — тенденция считать эту часть Британии периферией в первой четверти XVII столетия доминировала. Сами же шотландцы долгое время считали, что они «уступили» своего короля англичанам, и надеялись, что Лондон это оценит.

На английском троне, как и на шотландском, Яков постоянно нуждался в деньгах. Уже в первый год его правления правительство столкнулось с растущими финансовыми трудностями, отчасти из-за ползучей инфляции, отчасти из-за финансовой некомпетентности двора. Первая попытка короля пополнить казну — повышение пошлин, принудительные займы, новые налоги — привела к резким конфликтам с парламентом, который всегда претендовал на исключительное право контролировать налоги и не намеревался разрешать их увеличение, не получив полного контроля над всем государственным аппаратом. Король этого не понимал и в июле 1604 года сердито прервал заседание парламента, когда не сумел получить поддержку не только проекта полного объединения корон, но и финансовые субсидии. «Я не буду благодарить, где я не чувствую себя обязанным это делать, — сказал он в своей заключительной речи. — Я не стану хвалить дураков… Вы увидите, как много вы сделали не очень хорошо… Я желаю вам использовать свою свободу более сдержанно, когда мы явитесь сюда снова».[36]

Упорядочение финансовой политики стало одной из забот Роберта Сесила. Заключенный Сесилом в 1604 году по согласованию с королем мир с Испанией позволил активизировать морскую торговлю, особенно средиземноморскую, что значительно увеличило доходы от таможен. В 1608 году Яков назначил Сесила лордом-казначеем и тот, ввиду критического состояния государственных финансов из-за войны в Ирландии, попытался найти побочные, внепарламентские источники финансирования действий короны. В феврале 1610 года Солсбери предложил проект, известный как «Великий контракт», согласно которому парламент в обмен на десять королевских концессий должен был предоставить единовременную сумму 600000 фунтов стерлингов для оплаты долгов короля плюс ежегодную субсидию в размере 200000 фунтов. Последовавшие за этим острые дискуссии настолько затянулись, что Яков в конце концов потерял терпение и 31 декабря 1610 года разогнал парламент. «Ваша величайшая ошибка, — сказал он своему министру, — в том, что вы хотели обратить желчь в мед».[37] Параллельно самого Сесила обвиняли (и небезосновательно) в стяжательстве за счет государственной казны и в неуплате налогов.

Та же картина повторилась и с так называемым «Протухшим (или Гнилым) парламентом» 1614 года, распущенным королем после девяти недель, в течение которых палата общин так и не решилась дать ему требуемые деньги. В результате Яков правил

без парламента до 1621 года, добывая деньги при помощи должностных лиц — таких, как ставший удачливым предпринимателем бывший лондонский подмастерье Лайонел Кранфилд, который хорошо ориентировался в создавшейся обстановке, немало сделал для искоренения коррупции и умел экономить деньги короны. Например, Кранфилд обнаружил, что из 43 кораблей военного флота только 29 пригодны для плавания, а остальные полностью сгнили. И посоветовал Якову списать эти корабли, а не посылать их на верфи для ремонта.

В качестве альтернативного источника дохода король также продавал графские и другие титулы, специально созданные для этой цели. Так, в 1611 году специально был учрежден титул баронета — его можно было приобрести за 1095 фунтов. Впрочем, к 1622 году статус этого титула упал так низко, что баронетство продавалось всего за 220 фунтов. С 1603 по 1629 год в Англии удвоилось число пэров в результате возвышения 72 человек (из них 46 при Якове) незнатного происхождения. Король шутил: «Я могу сделать пэра, но не могу сделать джентльмена». Но что поделать, когда нужны деньги! Появился и рынок должностей, подобный тому, какой существовал во Франции. Их всегда не хватало, поэтому придумывались новые.[38]

Другая попытка Якова I пополнить финансы привела к безудержной продаже монополий: то было стремление контролировать некоторые отрасли торговли и мануфактурного производства и получить благодаря такому контролю известную долю от их прибылей. Даже у шута была своя монополия на глину для изготовления трубок. Английские торговцы и владельцы мануфактур были донельзя возмущены, особенно провинциалы, поскольку привилегии распространялись большей частью на столицу. Один джентльмен из Дорсета ответил: «Я считал, что торговлей у нас может заниматься вся нация, а Сити, кажется, завладел всей торговлей». Скандал достиг апогея в связи с «проектом Кокейна» 1616 года, согласно которому планировалось подчинить производство сукна королевскому контролю и расширить его экспорт в пользу короны. Экспортеры саботировали этот проект, что привело к кризису перепроизводства, вина за который была возложена на правительство. Неудивительно, что главные экономические столкновения в парламенте происходили по вопросу о монополиях. Подготовка «Билля о монополиях» в парламентах 1621 и 1624 годов рассматривалась палатой общин как дело, затрагивающее ее жизненные интересы.[39]

В условиях инфляции, которая имела не только английский, но и общеевропейский характер, только хорошо управляемые

земельные владения смогли избежать разорения и даже утроили свои доходы. В условиях роста цен нуждавшееся мелкопоместное дворянство (джентри) пыталось брать непомерно высокую плату с арендаторов и захватывало общинные земли. В 1607 году это привело к крестьянскому восстанию в центральных графствах под предводительством капитана Пауча. Восставшие засыпали канавы, ломали заборы, которыми лендлорды огородили захваченные угодья. Сельское население разочаровывалось в короле и создавало идеализированный образ доброй Елизаветы. Оно уже было способно поддержать любой гражданский мятеж.

Разногласия между английским монархом и палатой общин были тесно связаны с религиозными проблемами, причем настолько, что их сложно рассматривать в отрыве друг от друга. По сути, Якову I пришлось править в самом зените «конфессионального» столетия. Первые попытки короля достичь религиозного равновесия в стране свидетельствуют о том, что он серьезно относился к своему девизу — «Rex Pacificus», что в переводе с латыни означает «король-миротворец». Яков старался поддерживать англиканскую церковь в ее «елизаветинском» виде. Еще до восшествия на английский трон король создавал впечатление, что будет сохранять религиозную терпимость, а в самом начале правления в Англии его устраивала тамошняя религиозная ситуация — пока ни католики, ни протестанты не угрожали его положению. И те, и другие связывали определенные надежды с новым монархом, а он своими действиями укреплял эти надежды. Еще по пути из Шотландии Яков принял петицию от пуританского духовенства и пообещал позже встретиться, чтобы обсудить интересующие его вопросы. В числе последних значилась отмена конфирмации, обручальных колец и понятия «священник».

После смерти архиепископа Кентерберийского Уитгифта в 1604 году новым главой англиканской церкви был назначен Ричард Бэнкрофт. Под влиянием короля, весьма образованного в теологии и имевшего свое представление о спорных моментах вероучения, он усилил каноны англиканства и нажим на диссидентов и католиков-рекузантов (то есть тех, кто принципиально не желал принимать участие в англиканских богослужениях). Но отличительной чертой религиозной политики и Якова I, и затем его сына Карла были поиски «среднего пути» между доктринами кальвинизма и епископальной церковью. Олицетворял это направление епископ Джозеф Холл, последовательный защитник елизаветинского «консенсуса» в области религии. Доктрина этого широко известного в то время

писателя и прелата представляла собой смесь кальвинистской и епископальной теологии — это была попытка избежать экстремизма в церковной политике. Тем не менее, несмотря на девиз «За мир для обеих сторон» и защиту «Большой церкви», Холл не достиг успеха.[40] Его доктрина не устраивала крайние течения.

В 1604 году король по собственной инициативе выступил посредником между представителями умеренной англиканской церкви и наиболее радикальными пуританами на двухдневной конференции в Хэмптон-Корте. Пуритане настаивали на принятии новой английской редакции Библии. Яков согласился с ними, и коллективом ученых, которым он покровительствовал и чью работу лично курировал, был сделан новый перевод Библии, вошедший в историю как «Библия Якова I» («King James Version»). Перевод был завершен в 1611 году и стал обязательным к использованию. «Библия Якова I» считается шедевром прозы и все еще широко используется.[41]

На протяжении всей конференции король старался занимать нейтральную позицию, и это ему удавалось, пока пуритане не стали использовать понятие «пресвитер». Так они называли старейшин церкви, неподвластных епископу. Это слово вывело Якова из себя, поскольку оно ассоциировалось у него с воинствующим протестантизмом, с которым он боролся в Шотландии. На том конференция и закончилась. Король заявил, что пресвитерианство «столь же способно согласоваться с монархией, как Дьявол — с Богом. Как только епископов отставят от власти, а на их место придут пуритане, я знаю, что станет с моей властью. Нет епископа — нет и короля… Если это все, что они могут сказать, — продолжал он в ярости, повернувшись к пуританам, — я их заставлю подтвердить свою лояльность церкви, или же они будут изгнаны». Пуритане покинули Хэмптон-Корт. Наиболее непримиримые из них эмигрировали в Голландию, но там не прижились. И в сентябре 1620 года группа из 102 английских пуритан села в Плимуте на корабль «Мэйфлауэр» и отправилась в Америку. Их корабль сбился с курса и в конце концов пристал к берегу в месте, которое они окрестили Плимут-Роком. Именно там отцы-пилигримы основали колонию Новая Англия.

Религиозная политика Якова никак не могла обойти его родину. Шотландскую церковь король попытался подвести «близко, как только возможно» к англиканской и учредить епископат. В 1617 году он впервые после того, как занял английский трон, посетил Шотландию в надежде утвердить там обряд по англиканскому образцу. Короля сопровождал Джозеф

Холл, которому Яков отводил важную посредническую роль. Но старания епископа ни к чему не привели. Позже, в 1621 году, шотландский парламент решительно отверг религиозные компромиссы. Шотландская церковь сохранила самостоятельность, что стало источником проблем для его сына. [42]

Еще сложнее обстояло дело с католиками, тем более что король с самого начала допустил некоторые послабления в их отношении. Связаны они были с внешней политикой. Растущее благосостояние Англии, в большой степени зависящее от торговли, требовало от Якова умелой дипломатии. В августе 1604 года он положил конец затяжной войне между Англией и Испанией. По большому счету его подданных устраивало соглашение с испанской монархией, которое обеспечивало бы право английских купцов беспрепятственно торговать с испанскими колониями. Но в англо-испанском мирном договоре был совершенно обойден вопрос об английских торговых интересах в Вест-Индии, и к тому же испанский король Филипп III стремился отстоять права английских католиков. Еще задолго до подписания договора он создал целую сеть секретных агентов на Британских островах. Королевство наводнили иезуиты. Для английского монарха лавирование между желаниями испанской короны и парламентом было нелегким делом. Еще на первой сессии парламента он заявил: «Я желаю, чтобы паписты на моих землях были предупреждены о том, что не получат от меня много милостей… Я не собираюсь увеличивать их количество и силу в этом королевстве».[43] Яков хотел сохранить в Англии устойчивое меньшинство католиков, испанский же план состоял в том, чтобы легализовать тайный католицизм значительного числа англичан.

Английские католики рассчитывали на поддержку нового монарха, так как он покровительствовал им, еще будучи шотландским королем, а в новом качестве обещал терпимость и равноправие. Однако Яков сделал прямо противоположное: ввел наказания за отказ присутствовать на англиканском богослужении. В конце 1604 года произошло несколько показательных казней католиков. И пока пуритане пытались апеллировать к сердцу короля, католики ответили решительными действиями — попытками покушения на жизнь Якова. Ярким олицетворением этих действий стал Пороховой заговор 1605 года.

Истоки этого знаменитого заговора до конца не ясны. Большинство историков считали и считают его попыткой восстановить в Англии католицизм. Другие историки полагали, что заговор был предпринят группой провокаторов, стремившихся

дискредитировать иезуитов и усилить позиции протестантской церкви. Есть также точки зрения, что заговорщики были последователями фемического суда (от *древнегерм.* fem — освобождение) — тайной судебной организации, появившейся в Вестфалии еще в Средние века. А в наше время некоторые историки даже усматривают в этом заговоре террористический акт, хотя по своим целям он кардинально отличался от действий современных террористов и скорее являлся неудачной попыткой государственного переворота в русле контрреформации.

Группа заговорщиков-католиков решила взорвать короля 5 ноября 1605 года во время его тронной речи на открытии очередной сессии парламента вместе с членами обеих палат и верховными судьями. Это были католики-романтики, очень опасные люди в политических и религиозных распрях, разочаровавшиеся в сыне мученицы и решившие, что его надо уничтожить.

Вместо Якова предполагалось посадить на престол его малолетнюю дочь принцессу Елизавету, с тем чтобы реально правили католические регенты. Словно специально было задумано сменить протестантскую Елизавету, культ которой уже начал складываться, на католическую! Главным организатором Порохового заговора считается иезуит Генри Гарнет. Сначала заговорщиков было пять — Ролберт Кейтсби, Томас Уинтер, Томас Перси, Джон Райт и офицер Гай Фокс. Затем их число пополнилось предположительно на восемь человек, среди которых были Роберт Кейс и Фрэнсис Трэшем.

Томас Перси арендовал помещение, находившееся прямо под залом заседаний палаты лордов. Туда без особого труда заговорщики переправили по Темзе 36 бочонков закупленного в Нидерландах пороха общим весом около одной или, по другим данным, двух с половиной тонн. Если бы взрыв состоялся, то были бы разрушены до основания все здания парламента, повреждено расположенное поблизости Вестминстерское аббатство и выбиты стекла в окнах домов в радиусе полумили (около 800 метров).

Больше всех из заговорщиков в истории прославился Гай Фокс, умевший обращаться со взрывчатыми веществами. Именно ему было поручено зажечь фитиль, затем сбежать по Темзе и покинуть королевство. Находившийся под командой Фокса один из английских полков должен был войти в Лондон и провозгласить во время общего смятения католиков-регентов. Остальные заговорщики находились в графстве Йоркшир, где были сильны позиции католиков, и планировали начать там восстание в поддержку государственного переворота. Но

поскольку для подготовки взрыва требовалось много людей, утечка информации была неизбежна. К тому же среди лордов были и католики, и, возможно, некоторым из заговорщиков, предположительно Трэшему, стало жаль их.

26 октября лорд Монтигл получил письмо, в котором его предостерегали не ходить в парламент: «Если вам дорога жизнь, не приходите, парламент ждет страшный удар». Есть версия, что автором письма мог быть сам Монтигл, проинформированный о готовящемся взрыве и возжелавший стать спасителем короля. Предостеречь короля мог из Парижа и Генрих IV, получивший сведения от своей агентуры. Монтигл показал письмо Сесилу, а тот, не сразу поверив, сказал: «Сомнительно и непонятно, Бог знает что». Когда же о письме доложили Якову I, король словно почувствовал запах пороха. Он был разъярен — похоже, и в Англии ему не дадут спать спокойно: «Удар — это может быть взрыв. Обыскать».

Не знавший о приказе обыскать здание парламента, в ночь с 4 на 5 ноября Гай Фокс отправился в подвал, подготовил фитиль, который вел к бочонкам с порохом, и направился наружу. Не успел он выйти, как на него набросились поджидавшие в засаде люди во главе с мировым судьей Ниветом. Фокс назвался Джоном Джонсоном. Под грудами хвороста и угля были найдены бочки с порохом, здесь же лежали фитили, трут и часы. Слишком очевидные улики, чтобы отпираться! «Если бы вы меня захватили внутри, я бы взорвал вас, себя и все здание», — невозмутимо заметил Фокс.

5 ноября около часа ночи его доставили прямо в спальню Якова. Пожалуй, из них двоих достойнее держался преступник. Терять ему было уже нечего. Глотая от ярости слова, король спросил о цели действий Фокса, и тот, не отпираясь, заявил, что намеревался убить короля и разрушить парламент. При этом заговорщик сослался на Папу Римского, который якобы сказал, что «опасная болезнь требует незамедлительного лечения».

Допрос был продолжен в Тауэре, сообщников Фокс не называл, и Яков санкционировал пытки. Только 9 ноября Фокс назвал имена сообщников и раскрыл все детали заговора. 10 ноября он собственноручно подписал признание. Этот документ с неразборчивой из-за применения пыток подписью и поныне хранится в Национальном архиве Великобритании. Остальные заговорщики были найдены и обезврежены к 12 ноября. 27 января 1606 года над ними состоялся показательный судебный процесс. Все были признаны виновными в государственной измене.

30 и 31 января во дворе собора Св. Павла одних заговорщиков, в том числе и Фокса, подвергли самой изощренной

казни, практиковавшейся в то время: осужденных сначала повесили, но не дали им умереть в петле, перерезав веревку, покуда они были еще в сознании. Затем несчастным отрезали половые органы, после чего обезглавили и разрубили на части. Гай Фокс сумел избежать этой страшной участи, спрыгнув с эшафота так, что веревка сломала ему шею. Других же — в том числе иезуита Гарнета — просто повесили.[44]

Фоксу «повезло» и в другом отношении. Он является единственным преступником в мире, чьим именем назван ежегодный национальный праздник. 21 января 1605 года избежавший гибели парламент издал закон, предписывающий отмечать 5 ноября как «радостный день благодарения за спасение». Тут его члены были солидарны с королем. И хотя в 1859 году этот закон отменили, традиция празднования «Ночи Гая Фокса», или «Ночи фейерверков», сохранилась. Ежегодно 5 ноября во всех городах Англии пускают в небо фейерверки, устраивают театрализованный маскарад и сжигают на костре соломенное чучело Гая Фокса. Вместе с британцами эту ночь празднуют жители Новой Зеландии, Южной Африки, Австралии и еще нескольких англоязычных государств. А перед открытием каждой сессии парламента по традиции производится церемония осмотра с факелами всех подвалов здания. Это символическое действие означает, что надо быть бдительными.

Еще память о Пороховом заговоре хранит баллада, которая читается во время неофициального праздника. Вот отрывки из нее:[45]

Помни, помни 5 ноября
Пороховую измену и заговор,
Я не вижу причин, почему пороховая измена
Должна быть забыта.
Гай Фокс, Гай Фокс,
Именно он намеревался
Взорвать Короля и парламент!
…Ура, парни, бейте в колокола,
Ура, парни, Бог спас Короля!
Гип, гип, ура!

Пороховой заговор вызвал в Англии целую волну антикатолических эмоций. Но вот какую речь произнес король по итогам его раскрытия: «Гнев Божий карает преступления, однако невинное заблуждение вправе уповать на милость Неба. А потому не может быть ничего более отвратительного, чем жестокосердие пуритан, призывающих вечные муки на головы даже самых

безобидных приверженцев папизма. Что до меня, то этот заговор при всей своей гнусности и жестокости нисколько не изменит образ моего правления. Одной рукой я намерен карать вину, а другой — защищать и поддерживать невинность». Он уже успокоился и опять искал средний путь.

Яков не мог не санкционировать жесткие меры контроля за поведением английских католиков. Весной 1606 года парламент принял Акт о рекузантах-папистах, который требовал от любого подданного принять Присягу верности, отрицающую власть папы над королем. В ответ на две буллы папы Павла V, в которых эта присяга была осуждена, и в ходе дискуссии с кардиналом Беллармино — иезуитом, богословом, гуманистом и великим инквизитором Католической церкви, главным обвинителем на процессе Джордано Бруно и в недалеком будущем руководителем первого процесса над Галилеем в 1613–1616 годах — английский король опубликовал, тоже анонимно, «Апологию Присяги на верность». В ней он доказывал справедливость своей религиозной политики. Беллармино отреагировал на «Апологию» только в 1608 году. Реакция была непримиримой — ни один католик не должен клясться в том, что папа не имеет права освобождать от верности государям. В ответ в 1609 году Яков переиздал «Апологию», на этот раз под своим именем, вместе с «Предупреждением ко всем наиболее могущественным монархам», в котором предостерегал братьев-суверенов об опасности признания претензий папства.

Одновременно Яков занял примирительную позицию в отношении криптокатоликов, которые приняли Присягу, оставшись католиками в частной жизни, и позволил им бывать при дворе. Полагая, что он может нуждаться в их поддержке в Англии, король, в частности, заверил видного сторонника старой религии графа Нортумберленда, что он не будет преследовать «любого, кто будет вести себя тихо и выражать внешнее послушание закону».[46]

В литературе Яков I нередко предстает как предшественник экуменического движения XX века.[47] Например, в объемистой работе американского исследователя У. Паттерсона под характерным названием «Король Яков VI и I и воссоединение христианства» показано, как король пытался достичь религиозного примирения между христианами различных направлений — англиканами, лютеранами, кальвинистами, католиками и православными. В этом он видел ключ к стабильному и мирному христианству в век конфессиональных распрей. Яков обращался с мирными предложениями к монархам и Римским Папам. Англия установила близкие отношения с

французскими и голландскими протестантами и руководителями православной церкви. Однако проповедуемый Яковом I способ решения конфессиональных проблем накануне Тридцатилетней войны (1618–1648) был нереалистичным. Французский король Генрих IV назовет (или будет лучше сказать «обзовет») «шотландского Соломона» «самым ученым дураком христианского мира». По другим источникам, эта любопытная оценка принадлежала герцогу Сюлли. Она вряд ли справедлива, если не указывает на то, что лавирование и миролюбие тоже нельзя возводить в абсолют. Но что можно было ожидать от человека, взрослевшего в состоянии постоянного напряжения и страха, среди смут и заговоров, человека, который боялся даже простой грозы!

После разоблачения Порохового заговора Лондон посетил с секретной миссией чрезвычайный посланник Филиппа III Балтазар Суньига. Послу испанского короля были даны инструкции уговорить Якова I быть терпимым к католикам. Отчасти Суньиге удалось достичь цели, но хитрый Яков сумел извлечь из этого дела финансовую выгоду: криптокатоликам предстояло выплатить определенную сумму, дабы их не подвергали преследованиям.[48]

Яков всегда подчеркивал свою роль миротворца и примирителя. Внутри королевства и за его пределами он считался наследником Елизаветы, причем не только ее престола, но также политики и идеологии, представителем протестантской монархии, лидером протестантской Европы. Но, выступая за дружбу с другими протестантскими государями, в глубине души он испытывал сильный страх перед Испанией и Габсбургами и старался не обострять с ними отношений.

Сближение с испанской короной отнюдь не мешало попыткам наладить мирное сотрудничество и с Францией. Да и Генрих IV Бурбон вплоть до своей гибели в 1610 году не оставлял попыток, зачастую успешных, вовлечь Англию в орбиту своей политики. В июне 1603 года министр и «финансовый гений» Генриха IV герцог Сюлли совершил дипломатическую миссию в Англию. Главная цель Сюлли заключалась не столько в присутствии на коронации, сколько в утверждении союза двух корон через брак между их наследниками (последний проект был осуществлен много позже — в 1625 году). Герцог должен был предотвратить заключение англо-испанского союза, договориться о защите Нидерландов от испанских войск и улучшении положения английских католиков — в последнем вопросе намерения французской и испанской сторон совпадали. Кроме того, Сюлли конфиденциально передал английскому королю предложение о совместных усилиях против

Габсбургов в Европе. Если учесть осторожную политику Якова, то во многих аспектах эта миссия удалась. Несмотря на то что мир с Испанией был заключен, английский король занял нейтральную позицию в отношениях между Францией и Испанией. А 24 февраля 1605 года между Лондоном и Парижем было достигнуто соглашение о свободе торговли.[49]

В начале XVII века борьба между двумя религиозными лагерями в Священной Римской империи обострилась. Католической церкви удалось заново утвердиться в некоторых немецких княжествах. На имперском рейхстаге 1608 года протестанты потребовали прекратить нарушения Аугсбургского религиозного мира 1555 года. Приемлемого решения не было найдено, и оба враждующих лагеря создали в 1608–1609 годах религиозно-политические союзы — Евангелическую унию, главой которой стал курфюрст Пфальца Фридрих V, и Католическую лигу, руководил которой баварский герцог Максимилиан. В 1609 году, после смерти бездетного герцога Иоганна-Вильгельма, разгорелся ожесточенный спор за обладание землями герцогства Юлих-Клеве-Берга. Каждое из немецких государств стремилось заручиться иностранной помощью. Поскольку Англия традиционно поддерживала протестантских князей Священной Римской империи, король Яков и Роберт Сесил решили выслать экспедицию в защиту протестантского наследования в Юлих-Клеве-Берге.

Яков опасался усиления Габсбургов в Германии и теперь был не против заключения англо-французского договора о союзе. Начались переговоры, на которых английскую сторону представлял Сесил. В это время французский король, для которого прирейнские области Германии были важным стратегическим пунктом, в феврале 1610 года заключил договор об оборонительном и наступательном союзе против империи с курфюрстами Пфальца и Бранденбурга.[50] К Рейну были стянуты французские войска, и было принято решение атаковать 19 мая 1610 года границы империи и Испании на Рейне и со стороны Наварры одновременно. Но 14 мая того же года кинжал фанатика-католика Равальяка оборвал жизнь Генриха IV. В результате европейская война началась только спустя восемь лет.

Начало XVII века ознаменовалось обострением противоречий не только в германских землях, но и в сформировавшейся к тому времени системе европейских государств. Главным конфликтом в политической жизни Западной Европы было противостояние испанских и австрийских Габсбургов, с одной стороны, и Франции — с другой. Обе силы претендовали на гегемонию на континенте. При Генрихе IV Бурбоне Франция постепенно

превращалась в абсолютистское государство. Лишь в период с 1610 по 1624 год, когда страной управляли вдова короля Мария Медичи и (с 1617 года) молодой нерешительный Людовик XIII, эта политика претерпевала некоторые изменения. Но с приходом к власти кардинала Ришелье в 1624 году все вернулось на круги своя: было покончено с гугенотским «государством в государстве» и сепаратизмом аристократии. Претендуя на лакомые куски Эльзаса и Лотарингии, Франция старалась поддерживать равновесие сил между католическими и протестантскими князьями Германии. При этом охотно использовался лозунг «исконной немецкой свободы». Кроме того, Париж стремился подорвать позиции испанских Габсбургов на юге Нидерландов и Северной Италии, а также добиться от Испании территориальных уступок на границе в Пиренеях и Испанских Нидерландах.

После убийства Генриха IV Яков I возвращается к прежней политике и улучшает взаимоотношения с Мадридом. Этому в значительной мере способствовало заключение в 1609 году перемирия в войне Нидерландов за независимость против Испании. Примечателен такой эпизод. Осенью 1610 года католический священник Робертс был казнен на площади Тайберн. После этого чрезвычайный посол Мадрида в Лондоне дон Алонсо де Веласко встретился с Сесилом и выразил протест. Протест был принят, и более того — английский король обещал, что такое больше не повторится. Копия этого заявления была отослана Филиппом III Папе Римскому Павлу V.[51]

Избранная Яковом дипломатическая концепция соответствовала его религиозной политике. Король стремился примирить Евангелическую унию, или Протестантский союз, с Габсбургами, сыграв тем самым роль миротворца в европейской политике. Средством к достижению цели должны были служить династические союзы Англии с Испанией и Пфальцем. Переговоры об испанском браке (сначала наследника престола Генри, а затем, после его смерти, Карла и испанской инфанты) начались еще в 1605 году. Но заключение этого брака противоречило английским обязательствам перед протестантами Европы, да и Генрих IV вплоть до своей гибели старался помешать ему всеми возможными дипломатическими средствами.

В 1612 году английский король выдал свою дочь Елизавету за пфальцского курфюрста Фридриха V. Надо сказать, что к юной красавице (ей было всего 16 лет) сватался и шведский король Густав II Адольф, который спустя полтора десятилетия потрясет своим военным искусством Европу, посеяв восторг среди протестантов и ужас среди католиков. Знал бы об этом Яков! Но

сейчас предпочтительнее среди протестантских государей выглядел глава Евангелической унии. Бракосочетание состоялось в Англии в королевской часовне во дворце Уайтхолл и стало чрезвычайно популярным в народе событием, оно описано современниками как «чудо торжества и великолепия даже для этого экстравагантного века». Историки пишут о непреходящей любви Елизаветы и Фридриха, который создал для нее в своем Гейдельбергском замке английское крыло, зверинец, обезьяний дом и сад в стиле итальянского Ренессанса.

Свадьба дочери выявила еще одно возможное интеллектуально-политическое увлечение английского короля. Возможное — потому что оно не нашло выхода, не реализовалось. Во время свадьбы была представлена пьеса Шекспира «Буря», в содержании которой Фрэнсис А. Йейтс, видный английский историк Ренессанса, увидела настоящий манифест ордена розенкрейцеров. Целый ряд исследователей считают, что идеи розенкрейцеров оказали заметное влияние на творчество Шекспира и работы Бэкона, в частности «Новую Атлантиду». В 1612 году в Англию приехал немецкий алхимик и врач Михаэль Майер, до этого бывший личным доктором императора Рудольфа II. Нам важно то, что Майер послал королю Якову рождественские пожелания, написанные на пергаменте с главным символом розенкрейцеров посередине. Между лепестками розы было написано: «Поздравляю Якова. Пусть будет долго королем… Под его защитой пусть наша роза радостно цветет». Случайным было это обращение или нет, но оно показывает распространение движения розенкрейцеров в Англии и интерес к нему со стороны короля. Хотя вряд ли этот интерес был серьезным.

Отдав дочь замуж, Яков не оставил надежд на испанский брак, который мог «уравновесить» протестантскую свадьбу. В 1614–1615 годах в этом плане его опередила регентша Мария Медичи, организовав один за другим два испано-французских брака. Испанская инфанта Анна Австрийская стала женой несовершеннолетнего французского короля Людовика XIII, а сестра Людовика Елизавета Бурбон — женой короля Испании с 1621 года Филиппа IV. Переговоры о браке между Лондоном и Мадридом продолжались, что стало одним из пунктов дискуссий между Яковом и палатой общин во время сессий «Гнилого парламента» 1614 года.[52]

В целом же первая половина правления Якова Стюарта, несмотря на трудности, не была лишена успехов. Король обрел некоторую популярность у мелких английских и шотландских джентри, инициировав в 1607–1608 годах колонизацию Ирландии, в результате которой многие лидеры ирландских

кланов Ольстера были вынуждены эмигрировать; их конфискованные владения распределили между английскими и шотландскими колонистами. На Ирландию было распространено английское право. В ответ в 1608 году вспыхнуло антианглийское восстание. Оно было подавлено, и в Ирландии были введены разъездные суды, а вожди кланов подчинены центральной администрации.

Именно при Якове I было положено начало развитию Британии как будущей колониальной державы. Стимулом для короля служили его уверенность в собственном величии, необходимость пополнить финансы и расположить к себе торговцев в условиях мира с Испанией. В 1605 году сразу две акционерные компании получили от него лицензии на основание колоний на территории Северной Америки, которая тогда вся называлась «Виргинией». «Лондонская Виргинская компания» получила права на южную, а «Плимутская компания» — на северную часть континента. Официально обе компании провозглашали своей целью распространение христианства, однако полученная лицензия даровала им право «искать и добывать всеми способами золото, серебро и медь».

В мае 1607 года после тяжелого пятимесячного плавания три судна колонистов достигли Чезапикской бухты и соорудили на берегу деревянный форт, первое британское поселение в Америке, которое позже было названо в честь короля Джеймстауном. Поначалу перед колонистами остро стоял вопрос выживания. Они не нашли ни золота, ни серебра, ни меди и могли экспортировать только древесину. Но затем дело пошло на лад — фермер и землевладелец Джон Рольф скрестил местный сорт выращиваемого индейцами табака с сортами Бермудских островов. Новый вид как нельзя лучше прижился в виргинском климате и отвечал вкусам английских потребителей. Колония приобрела надежный источник дохода, а виргинский табак остается брендом и сегодня. Получилось так, что проведенная королем одна из первых в истории антитабачных кампаний разбилась об интересы бизнеса. В 1612 году в Лондоне табаком торговали уже почти 7000 табачных лавок.

В 1614 году Рольфу удалось заключить мир с местным индейским вождем и скрепить его женитьбой на дочери последнего Покахонтас. Но спокойствие было недолгим — через восемь лет индейцы восстали и уничтожили почти четверть населения колонии. Дела пришли в упадок, и в 1624 году лицензия «Лондонской компании» была отозвана, и Виргиния стала королевской колонией. В 1610 году англичане заселили Ньюфаундленд, а в 1620 году, о чем уже упоминалось выше, была

основана колония в Плимуте.

«Великодержавные» планы английского монарха не прибавили ему популярности. Напротив, в реальности вышло так, что Америку большей частью стали заселять религиозные и политические диссиденты — те, кто «неуютно чувствовал себя на родине», как заметил английский экономист Адам Смит.

Между тем смерть от рака в июне 1612 года Роберта Сесила словно сняла с Якова I невидимую защиту — «тень» великой Елизаветы. Палата общин была полна решимости подтвердить свои полномочия — королю здесь противостоял влиятельный судья Эдвард Кок, отстаивавший нерушимость обычного права. В 1616 году Яков отстранил Кока от занимаемой должности. Шаги в направлении финансовой и административной реформы, предпринятые Лайонелом Кранфилдом, ставшим в 1621 году лорд-канцлером, принесли только временное оздоровление. В 1624 году экономия Кранфилда наскучила королю и его фавориту герцогу Бекингему, и он был смещен со своего поста. Государственный долг вырос до 1 млн. фунтов стерлингов.[53]

Историки отмечают, что Якову не хватало энергии для претворения в жизнь своих планов; это был как раз тот тип короля, который не может не разделить тяготы правления с решительным министром или близким другом. Другое дело, мог ли король вообще в тех условиях выполнить задуманное? Так или иначе, после смерти Сесила Яков предоставил большие полномочия двум фаворитам: Роберту Карру, графу Сомерсету, и Джорджу Вильерсу, впоследствии герцогу Бекингему. Раньше его любовные пристрастия не мешали политике. Занимавший скромную должность пажа широкоплечий и длинноногий шотландец Роберт Карр обратил на себя благосклонное внимание короля благодаря несчастному случаю — в присутствии короля юноша упал с лошади и сломал руку. Очарованный молодым человеком, Яков сделал его своим постельничим и лордом Рочестером. Рочестер стал первым шотландцем, заседавшим в палате лордов, кавалером ордена Подвязки и членом Тайного совета. Позже, чтобы его любимец смог жениться на Фрэнсис Говард, дочери знатнейшего и влиятельного графа Суффолка, король дал ему громкий титул графа Сомерсета. В 1614 году новоиспеченный граф получил должность лорд-камергера. Превратившись в одно из самых влиятельных лиц королевства, он проявил излишнее честолюбие и открыто интриговал при дворе. В конце концов Сомерсет предстал перед судом по делу об организованном его женой отравлении и был приговорен к смертной казни, но, по милости короля, отделался несколькими

годами заключения в Тауэре. Его падение произошло в 1615 году.

Джордж Вильерс принадлежал к древнему роду, ведшему происхождение из Нормандии. Хотя английская ветвь этого рода не сумела возвыситься до уровня придворной аристократии, она занимала достойное место в графстве Лестер. В 1612 году его рано овдовевшая мать леди Мэри, урожденная Бомон, стала хлопотать о том, чтобы пристроить своего многообещающего сына ко двору — источнику всех благ и богатства. К этому моменту 20-летний Джордж только вернулся из Франции, где получал приличествующее дворянину образование. Его не отличал блестящий интеллект, но он был красив, умен, открыт и к тому же выделялся в спортивных состязаниях. Его описывали как «самого прекрасно сложенного мужчину в Англии» — «от ступней до макушки в нем не было ни одного недостатка; все его движения, все позы были великолепны». Вместе с тем Вильерс не походил ни на Адониса, ни на салонного миньона. За его изящной красотой скрывались мужественность и твердость. И самое важное — он мог покорить любого, будь то мужчина или женщина, настроившись на его волну.

Яков впервые увидел молодого Вильерса в 1614 году. В то время главной проблемой, вызывавшей разногласия в Англии, был союз с Испанией и связанное с ним отношение к католикам. При этом, несмотря на тесные связи с Мадридом, аристократы типа графа Уорика, а также дельцы из торговых кругов продолжали тайную пиратскую войну в водах Испанской Америки. Широкую популярность получила идея колонизации Малых Антильских островов и Гвианы. Льюис Робертс, автор трактата «Сокровище торговли», заявлял, что именно внешней торговле, сулящей «наиболее надежный, легкий и быстрый путь к обогащению», должна принадлежать первенствующая роль среди путей, с помощью которых «может обогатиться королевство».[54]

Более всего возмущало англичан то, что их король прислушивался к мнению испанского посла в Лондоне графа Гондомара. В течение многих лет Гондомар был одним из самых влиятельных людей при дворе Якова I и самым ненавистным человеком в Англии. Особое отношение английской короны к Испании замечалось даже иностранцами. Так, венецианец Бучино, пребывавший в Лондоне в 1617–1619 годах, писал: «Иностранцы… в Лондоне… весьма чувствительны к обязанности носить английское платье. Одни только испанцы сохраняют прерогативу надевать свой костюм…».[55] Сближение с Испанией связывалось в умах раннебуржуазных слоев королевства с ухудшением их экономического положения, уменьшением их политического веса и к тому же конфессиональным давлением.

Испанцы были единственным этносом, к которому английские пуритане относились однозначно: для них Испания была врагом, государством-«Антихристом».

В этой обстановке при дворе не могли не сложиться две партии — прокатолическая «испанская» и протестантская, естественно, враждебная Мадриду. Влиятельные руководители протестантской партии — граф Пемброк, граф Монтгомери, граф Бедфорд, лорд Сеймур — решили поддержать Вильерса, чтобы подорвать влияние Сомерсета. Поэтому первые встречи молодого человека с королем в 1614–1615 годах не были случайностью. Королевский виночерпий, камергер, возведение в рыцарское достоинство, шталмейстер, кавалер ордена Подвязки, барон Уоддон и виконт Вильерс — карьера Джорджа развивалась феноменально быстро. Его политическим наставником был сам Фрэнсис Бэкон.

1617 год стал решающим в карьере нового фаворита. Он получил титул графа Бекингема и отныне будет известен под этим именем. В следующем году он стал маркизом, а и 1623 году — герцогом Бекингемом. Вдобавок он являлся главным судьей выездной сессии, лорд-стюардом Вестминстера и лорд-адмиралом Англии. Фактически уже к 1618 году можно говорить о подчинении ему придворной машины. Это был выраженный фаворитизм. Путь возвышения Бекингема не только нарушал данные королем обещания Тайному совету «оказать должное внимание лишь достойнейшим мужам королевства», но и низвергал вековые традиции. Пожалование ему голубой ленты ордена Подвязки было расценено современниками как беспрецедентное. Впервые в истории существования ордена в его ряды попал человек «столь низкого происхождения».

Но раз Яков заявил, что король и есть закон, он должен вести себя так, а не иначе. Хочу — и этот человек будет главным. Хочу — тот. Это были издержки абсолютизма. Но это была и новация, словно призывавшая и подданных, а не только монарха к изменениям в их положении. Бекингем же очень быстро сообразил: следует постоянно внушать королю, что тот решает, а он лишь читает его мысли; остальным надо недвусмысленно дать понять, что его влияние на решения Якова безгранично.[56]

А Яков безгранично его любил. Здесь, наконец, надо сказать о том, что король отнюдь не считал себя содомитом. Еще в трактате «Базиликон Дорон» он назвал содомию одним из самых «ужасных преступлений», которые монарх никогда не должен прощать. Свои нежные чувства к молодым мужчинам он считал одновременно супружескими и отцовскими. Однажды Яков сравнил свои отношения с Бекингемом с отношением Христа к

его любимому ученику: «У Христа был его Иоанн, а у меня есть мой Джордж».[57] Он называл Джорджа «Стини», что было уменьшительным от «Стивен», скорее всего, из-за сходства фаворита с изображением Св. Стефана. Согласно Библии, лицо этого святого «сияло, словно лик ангела». Вот строки из письма короля к Стини: «Я хочу жить только ради тебя и предпочел бы быть изгнанным в любой конец земли вместе с тобой, чем жить печальной вдовьей жизнью без тебя. И да благословит тебя Бог, мое сладкое дитя и жена, чтобы ты всегда был утешением своему дорогому папе и супругу». Очевидно, мысль о том, что такое совмещение ролей кровосмесительно, не приходила богословски образованному королю-интеллектуалу в голову. Та любовь была действительно дурманом. А подданные Якова, особенно пуританские проповедники, нередко сравнивали его с Эдуардом II (1284–1327). Но чем старше становился король, тем больше его любовь к фавориту походила на отеческую.

Любил ли Бекингем своего монарха? И да, и нет, смотря в какой плоскости это понимать. Нет, ибо точно известно, что он не был гомосексуалистом, исследователи не могут привести ни одного примера его связи с мужчиной. Напротив, есть слишком много свидетельств о его увлечениях дамами и несомненном успехе у них. Да, потому что фаворит в лице Якова любил свою карьеру. Но не только. Рано лишившийся отца, Бекингем глубоко и искренне привязался к Якову, которого в письмах называл «дорогой папа», как к отцу. Да и королевская семья стала для него родной. Отношения фаворита с королевой были безупречны, а с принцем Карлом не сразу, но наладились и даже переросли в крепкую дружбу, удивлявшую двор и Европу.

Тем временем позиции английской короны среди ее подданных значительно ослабли во время так называемого «дела Рэли». Заключение отнюдь не сломало этого человека, он стал даже более популярен. В Англии возник культ овеянных славой былого правления Дрейка и Рэли. В Тауэре, где условия были довольно сносными, Рэли много писал, сочинял стихи, снимался алхимическими опытами. Он общался с друзьями и встречался с женой — в Тауэре он зачал второго сына. Однажды его посетили королева Анна и наследник престола принц Генри. Скорее всего, ими двигало любопытство, нежели иное чувство. Но после того визита принц стал частым гостем сэра Уолтера. Именно для него «последний елизаветинец» начинал писать свою «Историю мира». Не исключено, что Рэли видел себя чем-то вроде Аристотеля при Александре Великом, а принц платил ему искренним восхищением. Как-то Генри обронил такую фразу, свидетельствовавшую об его отношении к королю: «Только мой

отец может держать такую птицу в клетке». Принц умер, и «История мира» осталась незаконченной. Несмотря на это, она стала своеобразным бестселлером и одной из любимых книг Кромвеля.

В политических работах, написанных в заключении, Рэли отмечал, что монарх должен приложить все усилия к тому, чтобы «соседние короли не слишком увеличивали свои власть и территорию». Если же это случится, то следует «объединиться с другими монархами, находившимися в подобной опасности, и подавить эту силу».[58] Явный намек на противодействие Испании и Габсбургам как раз накануне общеевропейского религиозно-политического взрыва. Король не отреагировал, и сэр Уолтер решился на отчаянный шаг. Он соблазняет Якова легендой об Эльдорадо. Только, в отличие от мифического золотого города Кортеса, Эльдорадо Рэли вполне реально. Это Гвиана, где есть богатейшие золотые рудники. И он знает их местоположение.

В начале 1617 года Рэли был освобожден и получил разрешение на организацию экспедиции в Гвиану. Яков потребовал пятую часть добычи и ограничил рамки его деятельности, запретив «любые акты враждебности и самоуправления на территориях, принадлежащих иностранным государям». Король согласился на проведение экспедиции, ибо сам мечтал об английской империи в обеих Индиях и «легкой возможности пополнить казну». Но все же в значительной мере это был результат активизации при новом фаворите антииспанской партии, один из лидеров которой, Винвуд, стал королевским секретарем.

Рэли влез в долги и оснастил небольшую флотилию. Флагманское судно «Destiny», что означает «судьба, жребий, рок», было построено по его собственным чертежам. Предстоящая экспедиция вызвала беспокойство в Мадриде, но Яков I пообещал Гондомару, что не допустит разорения территорий испанской короны и убийства испанских подданных. 24 июня Рэли отплыл из Плимута по направлению к Ориноко. Экспедицию с самого начала преследовали неудачи. Корабли были потрепаны штормами, да и золотых россыпей в Гвиане не оказалось. Разочарованные англичане уничтожили испанский гарнизон Сен-Томас, спровоцировавший стычку, в ходе которой погиб старший сын Рэли. 26 мая 1618 года английский флот вернулся в Плимут. Испанский посол был в ярости и угрожал прервать переговоры о браке принца Карла и испанской инфанты. В начале июня Яков подписал приказ об аресте Рэли, однако еще два месяца сэр Уолтер находился в Плимуте на свободе. Медлительность в исполнении приказа наводит на мысль о возросшем давлении

антииспанской партии на короля. Архиепископ Эббот открыто заявил, что дружба с Испанией ведет к реставрации католической веры.[59]

В начале августа, согласившись с предложением французского посла Да Клера, Рэли решил бежать. Но план побега был выдан властям, и 8 августа его арестовали. В ходе расследования выяснились связи сэра Уолтера с французскими агентами. Сам он признал, что герцог Роган в случае побега предлагал ему принять командование над французскими кораблями, предназначенными для нападения на «индийский» флот (имелся в виду ежегодный испанский конвой из Вест-Индии).[60]

28 октября состоялся судебный процесс, на котором Рэли обвинили в стремлении «разрушить англо-испанский союз, в сношениях с французским королем и враждебных действиях по отношению к Испании» и приговорили к смерти. В ночь накануне казни он писал собственную эпитафию, началом для которой послужила последняя строфа любовного стихотворения, когда-то посвященного им будущей жене, Елизавете Трогмортон. В ней Рэли присягал на верность полноте жизни, безоглядно брошенной на весы Фортуны:

Время, расчетливый ростовщик,
Юность нашу берет в оборот,
Нашу радость, наш восторг и порыв,
Зная заранее, что вернет
Прахом и тьмою могилы долг,
Смертной чертой подведя итог.
Но покуда я Твой доверитель, Господь,
Знаю: встретятся вновь дух и плоть.

(Пер. А. Нестерова)

29 октября Рэли был казнен. Во время казни он попросил палача не завязывать ему глаза…

Дело Рэли дало сильный политический резонанс. Оно выявило всю противоречивость как внешней, так и внутренней политики короля. Казнь Рэли способствовала усилению оппозиционных и антииспанских настроений в широких кругах англичан и стала одной из множества причин, приведших страну в итоге к политическому кризису. Считалось, что Рэли был «убит» скорее Гондомаром, нежели Яковом I.

Вскоре после этих событий в Европе произошли

существенные политические изменения. Чешское восстание 1618 года против власти Габсбургов послужило импульсом для начала Тридцатилетней войны, которая охватила весь континент. Но в тот момент, конечно, масштабы будущего противостояния сложно было предугадать.

Прозванный «королем-миротворцем», Яков отнюдь не желал принимать участие в разгорающемся в Центральной Европе конфликте и предостерегал зятя — главу Протестантского союза — от любых военных инициатив. Король с готовностью воспринял предложение Мадрида стать посредником в германских проблемах и очень серьезно отнесся к роли арбитра. Он радовался бы куда меньше, если бы прочел тайную депешу, отправленную Гондомаром Филиппу III. В ней говорилось, что «тщеславие английского короля столь велико, что он желает сделать заключение мира результатом собственного вмешательства и верит, будто авторитет его от этого возрастет. Впрочем, его посредничество не принесет вреда, и я рекомендую Его Величеству Филиппу III согласиться на это».

Яков отправил к императору чрезвычайным послом своего бывшего шотландского фаворита Джеймса Хея, виконта Донкастера. Любезный виконт опоздал, прибыв в империю с оливковой ветвью в руке тогда, когда все уже были готовы начать войну. Из Гааги, Дрездена, Праги, Вены он посылал письма Джорджу Вильерсу, который и посоветовал королю назначить его на эту должность, где сообщал, что испанский король исподтишка поддерживает императора.

В марте 1619 года умер император Священной Римской империи Маттиас. Императорский престол предстояло занять Фердинанду II, что побудило все земли чешской короны объединиться против Габсбургов. В надежде получить помощь европейских держав чешское протестантское дворянство 28 августа 1619 года вместо Фердинанда II избрало своим королем Фридриха V, курфюрста Пфальцского. 26 сентября глава Протестантского союза известил об этом Якова I. Фридрих не раздумывал и в конце октября, несмотря на предостережения тестя, был уже с супругой в Праге. В ноябре он короновался в соборе Святого Витта. Тогда же папой Павлом V, польским королем Сигизмундом Вазой и эрцгерцогом Австрийским Альбертом был объявлен «крестовый поход» против «узурпатора» и шедшего ему на помощь с армией трансильванского князя Бетлена Габора.[61]

Яков I не собирался вступаться за своего зятя. Напротив, он поначалу рассвирепел — Фридрих совершил непростительное преступление, узурпировав трон. Английский король полагал, что

открытая поддержка зятя превратит его, поборника идей божественного происхождения и абсолютной полноты королевской власти, в защитника права подданных свергать своих государей. Очевидно, в начале конфликта он и не подозревал, какую роль во внешней политике Англии будет играть пресловутое «дело Пфальца» впоследствии. Англию и Пфальц связывали не только династические узы. Защита целостности Пфальца в Европе означала для Лондона защиту всего Протестантского союза и своих стратегических позиций на континенте. Ныне же политика короны базировалась на двух постулатах: во-первых, континентальные конфликты якобы были «локальными ссорами», а не частью общеевропейской войны, во-вторых, испанский король сможет сохранить нейтралитет в войне между Фридрихом V и императором. Собственно, тогда в Европе мало кто задумывался, во что может вылиться чешское восстание. В самом Евангелическом союзе с завистью смотрели на восходящую звезду Фридриха V. Яков твердо держался ранее избранной дипломатической стратегии, воображая себя арбитром всей Европы. По его мнению, брак принцессы Елизаветы с пфальцским курфюрстом обязательно следовало уравновесить браком наследника престола Карла и испанской инфанты Марии. [62]

Вместе с тем в окружении короля было немало тех, кто радовался тому, что Фридрих и Елизавета получили королевское достоинство, а протестантизм в Чехии укрепился назло Габсбургам. Яков просчитался в своей дипломатии. Его внешняя политика столкнулась с двумя фундаментальными противоречиями: конфликтом между короной и подданными, с одной стороны, и с религиозно-политической борьбой в Европе, с другой. Вполне понятно, что королю и в голову не могла прийти мысль о том, что обострение внутренних проблем в его государстве разрешится событием, которое современники назовут «Великим мятежом» или даже «революцией». И на это обострение повлияют события в империи. Большинство англичан и протестантская партия видели в чешском восстании «Священную революцию», которая является «борьбой между богом и папскими антихристами», и приветствовали принятие короны Чехии Фридрихом V. Повсеместно в Англии жадно ловили новости из Европы. Общественное мнение требовало защиты Пфальца и Чехии. В Лондоне шли сборы на «чешское дело», организованные англиканскими епископами и некоторыми аристократами.

Кстати, к числу последних принадлежал и Бекингем. Он поддержал идею вмешательства в войну на стороне Фридриха. Из Праги ему написала Елизавета, которая никогда его не видела, но

знала, как далеко простирается влияние фаворита на ее отца. Она просила его «убедить Его Величество стать заботливым отцом и помочь зятю и дочери».[63]

Но пока Яков оставался непоколебим, и нейтралитет английского короля, по мнению многих современников, вел к поражению Евангелического союза. Англия бездействовала, а Габсбурги объединяли свои силы, чтобы захватить Прагу. Европа затаила дыхание.

В мае 1620 года армии Евангелического союза и Католической лиги стояли друг против друга в окрестностях Оппенхайма. Главная задача императора Фердинанда II заключалась в изоляции Евангелического союза от Чехии. Поэтому триумфом католической дипломатии стало заключение с протестантами договора в Ульме 3 июля 1620 года. Интересы Пфальца были безжалостно принесены в жертву католикам.

Все это позволило главе Католической лиги Максимилиану Баварскому начать военные операции в Чехии, чья судьба решилась 8 ноября близ Белой Горы. Чехи были разбиты, а бегство «зимнего короля» Фридриха V с супругой из Праги было столь поспешным, что они не успели увезти секретную часть своей корреспонденции. Впоследствии она была опубликована торжествующими католиками под названием «Ангальтская канцелярия».[64]

Тем временем Испания захватила находящуюся под протекторатом Франции область в Северной Италии — Вальтелину. Париж попытался противодействовать этому и выступил инициатором брака наследного принца Карла с сестрой Людовика XIII Генриеттой-Марией. В декабре 1620 года посол Людовика XIII Каденэ имел аудиенцию у Якова I. Он не только предлагал брачный союз двух корон, но и просил английского короля не оказывать помощи гугенотам, если те за ней обратятся.[65] Каденэ не удалось ничего добиться — «французский брак» не пришелся по душе ни Якову, ни его сыну.

В конце 1620 года многие современники отмечали, что английский король выглядит подавленным, усталым и безразличным. Французский посол писал: «Мне кажется, что ум короля сдает. Он не придерживается собственных решений даже неделю и всего боится». По словам посла Венеции, «король отошел от дел. Он жалуется на то, что целыми днями приходится выслушивать чужие мнения и советы, а люди настаивают то на одном, то на другом. Он говорит, что он-де не Бог всемогущий и не может все решать сам». Якову было 55 лет, его одолевали болезни, он заметно постарел и часто мечтал о покое, замкнувшись в семейном кругу. К несчастью для него,

политическая ситуация в тот момент, когда Пфальц переходил в руки испанцев, а его подданные кипели ненавистью к Испании, требовала активных действий.

Общественное мнение бурлило: Гондомара считали злым гением короля, освистывали и оскорбляли на улицах Лондона. В декабре 1620 года даже пришлось приставить 400 вооруженных человек для охраны испанского посольства. Ведь с началом битвы за Пфальц Мадрид также активизировал давление на Англию, стремясь ослабить антигабсбургскую коалицию. «(Гондомар. — *Л. И.*) теперь уже не посол, а первый государственный советник Англии; он день и ночь проводит у короля в Уайтхолле; он в курсе всех тайн; его советам следуют почти буквально», — с досадой и, конечно, не без преувеличения писал француз Левенер де Тилльер.[66]

В начале 1621 года Бекингем и принц Карл превратились в лидеров партии, выступавшей за войну. Шли переговоры с германским кондотьером графом Мансфельдом о наборе на английские деньги армии наемников для военной помощи Фридриху Пфальцскому. Яков разрывался между придворными группировками.

Очень короткая зимняя сессия парламента 1621 года была наполнена бурными прениями о внешней и конфессиональной политике короля. Яков созвал этот парламент под предлогом получить деньги для военной экспедиции в поддержку зятя. С одной стороны, палата общин соглашалась предоставить субсидии, правда, неадекватные серьезной военной помощи, а с другой — выдвинула условие объявить войну Испании, как в старые добрые елизаветинские времена. На ее заседаниях все громче звучали голоса, что «Англии грозит опасность в связи с амбициями короля Испании». 3 декабря королю с подачи сэра Эдварда Кока была подана петиция, в которой представители палаты общин горько упрекали правительство за сближение с католическими государствами и поблажки английским католикам. Взять в руки меч против испанского короля, усилить антикатолическое законодательство, женить принца Карла на протестантской принцессе — таково было заключение парламента 1621 года.

В целом же внешнеполитическая программа оппозиции заключалась в открытой войне против Габсбургов. Основу ее должен был составить союз с Голландией и Данией; предполагалось, что объединенные англо-датские сухопутные силы будут атаковать Испанские Нидерланды, а англо-голландский флот — испанское побережье.[67] Парламент получил в ответ только гнев Якова I. Король категорически отверг

его вмешательство в область королевской прерогативы, и вскоре парламент был распущен.

Как видно, Яков не собирался менять курс своей дипломатии и даже обратился к новому Папе Римскому Григорию XV с предложением выработать общеевропейское соглашение в целях достижения перемирия. Более того, он пошел на поводу у Гондомара и уговорил своего зятя не принимать помощи Мансфельда и Кристиана Брауншвейгского — будто бы их участие в судьбе Фридриха мешало заключению почетного мира с Католической лигой. Войска Испании и лиги теперь уже без спешки могли покончить последовательно со всеми пфальцскими крепостями. К тому же английский монарх вел секретные переговоры с Гондомаром о совместном англо-испанском вторжении в Голландию и последующем ее разделе.[68]

Вообще политика Лондона в отношении Нидерландов (и это касалось не только позиции Якова) была двойственной. Английская монархия, безусловно, была заинтересована в положительном для Республики Соединенных Провинций исходе борьбы с Мадридом за свой суверенитет, ибо это ослабляло Испанию. Но в то же время в экономической области нарастали противоречия, прежде всего в сфере торговли шерстью и сукном, а также в спорах из-за колоний. Попытки договориться, как правило, были безуспешными, и в 1623 году соперничество возобновилось после того, как голландцы устроили на Амбойне избиение англичан, проникших в голландские владения.

Но до этого между Лондоном и Гаагой намечался тесный контакт, тем более что в 1621 году истек срок перемирия между Соединенными Провинциями и Испанией и стал возможен поворот во внешней политике Альбиона. Гондомар почувствовал новую ситуацию и, даже не дожидаясь инструкций первого испанского министра графа Оливареса, активнее заговорил о необходимости скорее заключить англо-испанский брак. Яков в последний раз поймался на удочку дипломатии Мадрида. В феврале 1622 года он распустил парламент, выступавший против брака принца Карла и инфанты Марии-Анны. При этом король упрямо держался концепции своего особого статуса: «Монархия является самой большой ценностью на земле. Королей справедливо называют богами, с тех пор как Бог дал им власть над жизнью и смертью всех своих подданных. Они подотчетны только Богу… так что это преступление для тех, кто говорит о том, как король должен поступать».[69]

Тем временем посол английского короля в Вене Джон Дигби настаивал на компромиссе в пфальцском вопросе: лишить Фридриха V чешской короны, но помиловать и оставить ему

статус курфюрста. Однако Фердинанд II, ранее связанный данным словом баварскому герцогу, 24 февраля 1623 года торжественно передал эти регалии Максимилиану. Новоявленный курфюрст обещал полюбовно договориться с опальным Фридрихом V насчет компенсации. Он попытался укрепить свои позиции вне империи, отправив в 1623–1624 годах секретные миссии в Париж и Лондон. Обе окончились безрезультатно. Фридрих не желал идти на компромисс.

В конце 1622 — начале 1623 года Фридрих V организовал в Гааге, где обосновался вместе с семьей, правительство в изгнании и посвятил остаток своей жизни восстановлению Пфальца. Путями достижения этой цели являлось и личное участие в антигабсбургской коалиции, и дипломатия. По иронии судьбы, да и по совету тестя Якова, одним из дипломатических методов тоже являлся испанский брак.

17 января 1629 года «зимний король» пережил личную трагедию. Он ехал в Амстердам, чтобы просмотреть сокровища испанского флота, захваченные голландской Вест-Индской компанией. Его лодка перевернулась во время пересечения водоема рядом с Хаарлемом. Самому Фридриху удалось спастись, но его старший 15-летний сын Фридрих-Генрих утонул. До этой трагедии шли переговоры о браке Фридриха-Генриха и испанской инфанты, который, как надеялись Яков I, Фридрих и Елизавета, мог вернуть семье Пфальц обратно. Гибель сына разрушила эти надежды. Фридрих был физически и морально надломлен. В феврале 1632 года он прибыл во Франкфурт к победоносному Густаву-Адольфу, при помощи которого собирался вернуть Пфальц. Своего последнего, тринадцатого ребенка, мальчика, родившегося в том же году, он назвал в честь шведского короля. Гибель Густава-Адольфа в битве при Лютцене 16 ноября того же года стала для него очередным тяжелым ударом. Дело возвращения потерянных владений затянулось. Фридрих Пфальцский умер в Майнце несколько дней спустя после получения печальной вести.

«Зимняя королева» прожила еще долго. Елизавета Стюарт продолжала жить в Голландии даже после того, как ее сын Карл-Людвиг по Вестфальскому миру 1648 года вернул Пфальц и курфюршеское достоинство. После реставрации монархии Стюартов в 1660 году она отправилась посетить своего племянника короля Карла II в Лондон и там скончалась.

Яков мог бы гордиться своими внуками от этой неудачливой в политике супружеской четы. Младшая дочь Елизаветы и Фридриха София в 1658 году вышла замуж за Эрнеста-Августа, будущего курфюрста Ганноверского, и стала, по стечению

обстоятельств и Акту об устроении 1701 года, ближайшей наследницей английской и шотландской корон. Еще она была другом великого немецкого ученого, философа и политика Готфрида Вильгельма Лейбница. В 1714 году сын Софии стал английским королем Георгом I. История распорядилась так, что последующие монархи Великобритании являются потомками дочери первого Стюарта на английском троне.

Все дети «зимней королевы» получили прекрасное образование — изучали древние и современные языки, различные науки и многие впоследствии ярко проявили себя на разных поприщах. Принц Руперт, отважный полководец, прославился в качестве сторонника Карла I во время «Великого мятежа» в Англии, а также был отличным гравером. Принцесса Луиза Голландская стала хорошей художницей-портретисткой, а принц Карл-Людвиг готов был оказать покровительство голландскому философу Спинозе. Но самой большой интеллектуалкой стала принцесса, которую, как и мать, звали Елизаветой. Она больше всех интересовалась философией, знала шесть языков, включая латынь, и за свою ученость получила в семье прозвище «Гречанка». Она была столь привлекательна, сколь и горда. В 1633 году польский король Владислав IV попросил руки Елизаветы, но от нее потребовали перейти в католичество. Елизавета отказалась и осталась при дворе матери в Гааге, где познакомилась со знаменитым философом Рене Декартом. Затем она жила при дворе брата в Гейдельберге и общалась с учеными в философских диспутах. Она первая посеяла семена картезианской философии в Гейдельберге и в Берлине, и, несмотря на то что в конце концов сделалась аббатисой Герфордского монастыря, стала одной из самых известных и самых ярких женских фигур в европейской философии и культуре XVII века.[70]

Но вернемся назад. С 1623 года восстановление Пфальца и дружба с Испанией стали для большинства подданных Якова I несовместимыми понятиями. Даже в палате лордов звучали требования жестких мер по отношению к рекузантам-католикам. В парламенте не видели альтернативы миру с Испанией лучшей, чем война с ней. Как выражались современники, «ни брака, ни мира».[71] Сориентировавшись в ситуации, принц Карл и герцог Бекингем возглавили военную партию — партию «патриотов», получившую широкую популярность в стране, где на каждом шагу чувствовался широкий интерес к европейской войне и энтузиазм вступить в нее. Гондомар же настойчиво говорил об англо-испанском браке и подкрепил свои увещевания делами. К маю 1623 года около Сент-Джеймского дворца на испанские деньги

была построена католическая часовня в стиле барокко, где предполагалось осуществлять богослужения для инфанты.

По иронии судьбы наследнику английского престола понравился портрет будущей невесты. Чувства молодого принца расходились с его пониманием обстановки и воинственным настроем. С благословения отца он решил ехать в Мадрид, дабы осуществить две задачи — жениться на инфанте и облегчить судьбу Фридриха V. В испанскую столицу Бекингем и принц Карл отправились под именами соответственно Тома и Джека Смита. Так они и предстали перед послом в Мадриде Бристолем, изобразившем крайнее удивление. Многие современники характеризовали этот вояж как «романтическую эскападу, не носившую определенных политических целей». Яков был полон иллюзий, надеясь на их «скорое и счастливое возвращение». В Мадриде узы дружбы между герцогом и принцем окончательно окрепли, что наложило отпечаток на дальнейшую политику Карла и формирование его личности.[72]

Переговоры длились долго (весна — лето 1623 года), по каждому пункту велись прения, и к тому же инфанта невзлюбила жениха. В литературе существует мнение, что Бекингем преднамеренно их затруднял, чтобы помешать заключению англо-испанского союза, хотя известно, что принц и Бекингем соглашались даже на самые, казалось бы, неприемлемые для Англии условия, включавшие отмену антикатолического законодательства. Яков I был очень недоволен испанской стороной, что четко прослеживается по его письмам в Мадрид. Рушилась система мира, которую он лелеял в течение стольких лет… Уже тогда он возымел намерения вступить в войну и Европе, о чем неоднократно писал Фридриху Пфальцскому.

Не исключено, что на всякий случай английская сторона застраховалась и вторым вариантом брака и союза. Во время вояжа в Испанию Карл и Бекингем останавливались в Париже, где французский король оказал им большие почести. У Якова тогда даже мелькнула идея в союзе с Филиппом IV и Людовиком XIII установить статус-кво в Европе. Но результаты поездки в Мадрид разрушили последние «мирные» планы английского короля.

Изъявляя готовность принять самые тяжелые условия, английская сторона на переговорах в Мадриде отстаивала возврат Пфальца, все еще имея слабые надежды, что Испания пойдет на это. Стоимость поездки была очень высока — 100000 фунтов, ее надо было оправдать. И соответствующий договор был подписан, однако позже не был ратифицирован.[73]

К большому удовольствию англичан принц и герцог в октябре вернулись в Лондон без инфанты. Буквально все праздновали

довольно унылое возвращение Карла и Бекингема как избавление от диктата папистов. В феврале 1624 года на заседании парламента наследный принц сделал детальный отчет о поездке в Мадрид и состоянии отношений между Англией и Испанией. Он использовал парламент как инструмент для давления на отца и членов Тайного совета, выступавших против войны. Антикатолические настроения палаты общин были поддержаны при дворе, где контроль над внутренней и внешней политикой уже перешел от Якова к Карлу и Бекингему. Парламент объявил импичмент Лайонелу Кранфилду, графу Миддлсексу, который не желал увеличения военных расходов, и единодушно высказался за войну с Испанией, выделив на это дело субсидии в размере 300 000 фунтов.[74] Пожалуй, это был единственный случай, когда будущий король, его первый министр и парламент оказались едины в своем мнении.

Итоги заседания парламента 1624 года были неоднозначными и имели последствия для дальнейшего развития политической жизни Англии. Король Яков все еще отказывался объявлять войну, тогда как его наследник считал, что раз палата общин взялась финансировать военные действия, значит, они должны иметь место. Эта позиция, на деле усиливавшая влияние парламента, породила проблемы правления Карла I. Получилось так, что события в Европе накануне и в начале Тридцатилетней войны послужили толчком к нарушению относительного внутреннего спокойствия в Англии, достигнутого при Тюдорах.

Лишь в апреле 1624 года Яков написал испанскому королю письмо, где уведомил его об объявлении Испании войны.[75] Тогда же возобновились переговоры об англо-французском союзе. Но это уже другая история — история наследника Якова I Стюарта. Крах системы внешнеполитического равновесия, которую столь упорно долгие годы лелеял король, обессилил его морально и физически.

Уже давно жизнь стала для него нелегкой. После пятидесяти лет Яков страдал от артрита, парализовавшего пальцы так, что он не мог писать, подагры и камней в почках. Кроме того, он потерял зубы и с трудом глотал. Возможно, болезни и обостряли, и искажали его представления о происходящих событиях. В последний год его жизни Карл и Бекингем стали реальными правителями королевства, а больной монарх превратился и «периферическую» фигуру и только посещал Лондон. В это время он писал своему фавориту: «Да осенит тебя благословение Божье, жена моя, да пребудешь ты великим утешением своего старого отца и мужа». Но он все же пытался вести активный образ жизни

— охотился, ездил между Лондоном и окрестными резиденциями. Некоторые исследователи полагают, что еще Яков страдал от порфирии — болезни, симптомы которой были обнаружены у его потомка Георга III. Они основываются на том, что Яков описывал свою мочу доктору Теодору де Майерну как «темно-красную, цвета вина Аликанте». Другие эксперты отвергают это утверждение на основании того, что к окрашиванию мочи в красный цвет могли привести в камни в почках.

Так или иначе, но в начале 1625 года помимо привычных болезней Якова стали мучать обмороки. Когда в начале марта его сразила «трехдневная» лихорадка, поначалу никто особенно не беспокоился. Это была обычная болезнь, которую в то время лечили кровопусканиями и слабительными. По привычке король продолжал пить холодное пиво и окунаться в ледяную воду, пренебрегая советами докторов. Но состояние его ухудшилось, вскоре случился инсульт. Конец его страданиям положила дизентерия. Чтобы вылечить короля, леди Бекингем (Кэтрин Мэннерс, дочь графа Рутленда, на которой Джордж Вильерс женился в 1620 году) предложила попробовать пластырь и настойку эссекского эскулапа Ремингтона, вылечившие год назад ее сына. Яков ухватился за эту идею, и леди собственноручно наложила ему пластырь и дала настойки. Ему сразу стало хуже, начались судороги. Королевские медики тут же сняли с себя всю ответственность за лечение больного.

Король умер во дворце Теобальдс близ Лондона в воскресенье 27 марта. Накануне он принял последнее причастие из рук епископа Джона Уильямса. Затем Яков остался наедине с сыном. Никто не знает, о чем они говорили. В последний миг жизни у его постели помимо лордов и служителей церкви находился герцог Бекингем, ставший его утешением и последним человеком, на кого умирающий король обратил свой взор. Он умер без страданий. Пышные похороны состоялись 7 мая. Епископ Джон Уильямс произнес проповедь, в которой сказал, что «Соломон почил в мире…». И после смерти Яков I удостоился комплимента, который всегда льстил его самолюбию, — сравнения с мудрым библейским царем Израиля.[76]

Королевские доктора с оттенком мрачной таинственности поспешили рассказать коллегам о пластыре и настойке, после чего прошел слух, что Якова отравил Бекингем. Одни верили в «злодеяние» фаворита, другие — нет, но обвинения время от времени всплывали на поверхность политической жизни Англии. Даже в 1649 году, когда наследник почившего короля оказался перед судом, ему вменили в вину и то, что двадцатью пятью годами ранее он якобы был сообщником Бекингема в убийстве

собственного отца.

Яков упокоился в Вестминстерском аббатстве. Место его захоронения спустя несколько столетий было потеряно. В XIX веке, после земляных работ под полом аббатства, свинцовый гроб короля был найден в склепе Генриха VII.

Его оплакивали. При всех недостатках этого короля он в немалой степени сохранил привязанность многих своих подданных, познавших в его правление мир и сравнительно низкое налогообложение. «Как он жил в мире, так и умер в мире, и я молю Бога, чтобы наш король (Карл I) последовал его примеру», — сказал один из первых шотландских пэров королевства Томас Эрскин, граф Келли.

Граф молился напрасно — скоро новый король и Бекингем санкционируют ряд безрассудных военных экспедиций, которые закончатся унизительными неудачами. Да и пренебрежение Якова в последние годы делами королевства и зависимость от фаворитов-мужчин подорвали уважаемый образ монархии, так тщательно создаваемый Елизаветой Тюдор. Согласно исторической традиции, берущей свое начало с середины XVII века, стремление к абсолютной власти, финансовая безответственность и откровенный фаворитизм Якова I заложили основы гражданской смуты в Англии. Яков завещал своему наследнику фатальную веру в божественное право королей в сочетании с презрением к парламенту, что привело Карла на эшафот и к упразднению монархии.

За последние триста лет репутация этого короля сильно пострадала от «ядовитого» описания его образа жизни и правления в сочинении «Двор и характер короля Якова I» сэром Энтони Уэлдоном, которого Яков лишил должности. Значительную лепту в негативный образ Якова внесли и другие сочинения, вышедшие в 1650-х годах. Это «Божественная катастрофа королевской семьи дома Стюартов» Эдварда Пейтона, «История Великобритании во время жизни и правления короля Якова I» Артура Уилсона и «Исторические мемуары правления Елизаветы и короля Якова» Фэнсиса Осборна.[77] Таким образ короля оставался почти неизменным вплоть до последней трети XX века.

Празднование 400-летия вступления Стюартов на престол и, безусловно, ревизия исторической мысли в последние десятилетия заставили более объективно посмотреть на Якова I. Материалы состоявшихся в 2003 году конференций, новые биографии и исторические работы скорректировали его образ. Сегодня при всех недостатках Якова в целом положительно оценивается его шотландская политика, его протоэкуменические

идеи, его миролюбивая политика и то, что этот король, как бы то ни было, заложил основы композитарного британского государства. Также подчеркивается знаменитый «консенсус» якобеанской Англии, состоявший не столько во взаимном согласовании проблем, сколько в предотвращении разрушительного столкновения противоположных мнений.[78]

Был ли Яков великим королем? Был ли он мудрым или недалеким? Был ли он лояльным или жестоким? Был ли он созидателем или разрушителем? Если обойтись без «или», то на все вопросы, кроме первого, можно ответить утвердительно. Жизнь Якова познается в противоречиях. Но как бы то ни было, считается, что он один из самых интеллектуальных и ученых людей, когда-либо занимавших английский или шотландский трон.

Яков оставил своему сыну Карлу, как ему казалось, благополучную Англию. Он не мог предвидеть, какая жестокая судьба ждет его наследника. Увы, его система равновесия не распространялась на внутреннюю политику в государстве, которое в силу своей неоднородности порождало противоречия. Но упрекать короля в том, что его талантов не хватило, чтобы предвидеть будущее, вряд ли будет верно. Шотландский Соломон и так поднялся выше своих предков.

Глава 2
Рыцарь (Карл I)

Жители Гента и Брюсселя
пойдут походом на Антверпен,
Сенат Лондона отправит на
смерть своего короля.
Соль и вино пойдут ему не впрок,
А королевство придет в
запустение.

В замке на Темзе
Заключен король, поставленный
на колени.
Его видят на мосту в одной
рубашке
Незадолго до смерти, затем его
труп хоронят в замке.

Нострадамус

«Стюарты? Несчастная семья! — воскликнул французский король Людовик XVI накануне своей смерти на гильотине 21 января 1793 года. — Я не желаю больше слышать о них». Неудивительно, ведь он сравнивал свою судьбу с судьбой казненного в январе 1649 года сына шотландского Соломона — Карла I Стюарта.[79]

Хотя в «малое ледниковое столетие» холодная зима не была редкостью, день 30 января 1649 года показался современникам на

удивление морозным. Темзу сковал лед. Около двух часов дня на эшафот, сооруженный напротив Банкетного зала, у Уайтхолла, взошел король Англии. Он держался с достоинством, хотя был бледен, особенно на фоне черного одеяния. С трех сторон эшафот окружали ряды кавалерии, отделявшие короля, палача и его помощника (последние были загримированы) от притихших зрителей. Собравшаяся толпа не вмещалась на площади — многие забрались на уличные фонари, балконы и крыши находившихся недалеко от эшафота домов. Используя свое право обратиться к народу, Карл Стюарт заговорил, но его слышали преимущественно те, кто находился рядом. Он не раскаивался, не чувствовал себя виновным. «Я должен сказать вам, что ваши вольности и свободы заключены в наличии правительства, в тех законах, которые наилучшим образом обеспечивают вам жизнь и сохранность имущества. Это проистекает не из участия в управлении, которое вам никак не принадлежит. Подданный и государь — совершенно разные понятия», — спокойно и уверенно говорил король. Умирает он за свободу народа, с Богом и верой, своей смертью защищая своих подданных от произвола. Он — суверен и «мученик за народ». Последними его словами были: «Я иду от тленной к нетленной короне, где не будет никаких неповиновений и смут». Затем Карл I опустился на колени, положил голову на плаху и вытянул вперед руки. Процедура казни заняла около 15 минут. Палач отсек голову одним ударом, затем поднял ее, но обычные в таком случае слова «вот голова изменника» не произнес. Народ безмолвствовал, испытывая почти шоковое состояние.

Священник и мемуарист Филипп Генри записал, что в первые моменты после казни Карла Стюарта можно было услышать стон собравшихся, а некоторые из них погружали свои платки в его кровь. Так начинался культ короля как мученика, однако никакого другого подтверждения этого факта очевидцами нет. Генри писал во время реставрации Стюартов, спустя двенадцать лет после этого события, а он и его семья были роялистскими пропагандистами.[80]

Да, нелегко предавать смерти монархов милостью Божьей! Публичная казнь Карла Стюарта стала одним из ключевых оставшихся в исторической памяти событий. Помимо большого количества исторических и литературных произведений стоит вспомнить впечатляющие картины французского художника Поля Делароша «Карл I, оскорбляемый солдатами Кромвеля», «Прощание Карла I с семейством», «Кромвель над гробом Карла I». Они знакомы любителям искусства и истории по многочисленным копиям и литографиям. Смерть Марии Стюарт в

отличие от ее внука все же была скрыта от глаз людских. Что же привело к такому ожесточению — иначе и не назвать — подданных, осуществивших суд над своим сувереном и предавших его смерти при огромном стечении народа? Среди множества причин этого ожесточения, не обязательно закономерных, особенно хочется выделить три: фигура самого Карла, европейская ситуация и… кальвинизм.

Биографы этого короля не преминут упомянуть о его нелегком детстве. Но все познается в сравнении, и в отличие от того, что переживал, едва родившись, его отец, ранние годы Карла были вполне благополучными. Он появился на свет 19 ноября 1600 года в Файфе в Данфермлайнском дворце — резиденции шотландских королей эпохи Возрождения, которую Яков I преподнес в качестве свадебного подарка Анне Датской, и стал их третьим ребенком и вторым сыном. Правда, счастливым детство этого принца тоже назвать нельзя. От природы ему досталось слабое здоровье, страдал он и от отсутствия родительского внимания. Крайне болезненного ребенка даже не сразу привезли из Шотландии в Лондон после того, как его отец стал английским королем. Только 13 июля 1604 года он покинул Шотландию. Когда он наконец появился в столице, то сложно было найти знатную семью, которая бы ухаживала за ним, — все опасались, что принц может умереть у них на руках.

Карл поздно научился ходить — вероятно, в результате перенесенного рахита у него были слабые суставы лодыжки, замедлившие его физическое развитие. Заговорил он тоже позже других детей. Он был помещен под опеку Алетты Кэри, жены придворного голландского происхождения сэра Роберта Кэри, который научил мальчика говорить и настаивал, чтобы он носил сапоги из испанской кожи для укрепления слабых лодыжек. Мальчик перерос свои дефекты, за исключением заикания; впрочем, он всю жизнь имел проблемы со здоровьем.[81] Со временем принц превратился в невысокого мужчину ростом всего 162–163 сантиметра.

Получив в 1603 году титул герцога Олбани и став в 1605 году герцогом Йоркским, Карл рос в тени блестящего старшего брата Генри и сестры Елизаветы, прохладно относившихся к «малышу Чарльзу». Яков почти не обращал внимания на своего слабого отпрыска. Его образование проходило под контролем шотландского пресвитерианина Томаса Мюррея, который позже стал ректором Итона. Карл учился прилежно и преуспевал в языках, риторике и богословии. Свободное время он проводил в коллекционировании монет и медалей, участвовал в театре масок

и играл в войну в дворцовых парках. Так продолжалось до 1612 года, когда скончался его брат, а сестра вышла замуж. На мальчика, ставшего наследником престола трех королевств — Англии, Шотландии и Ирландии, принцем Уэльским и с 1616 годом графом Честерским, наконец-то обратили внимание. Перед современниками предстал застенчивый и довольно неловкий подросток с ярко выраженным заиканием, склонный к приступам ярости и ревности, направленным главным образом на молодых людей, окружавших его отца. Немаловажно здесь то, что он стеснялся своего несовершенного и слабого тела, тогда как Джордж Вильерс являл собой образец аристократической грации и придворной утонченности. В 1616 году Карл в присутствии двора облил водой из фонтана великолепный костюм фаворита. Замкнутый, упрямый, казавшийся всем заносчивым и неприступным, принц Уэльский к тому же отличался от приближенных Якова строгими моральными правилами.

Однако уже в начале января 1618 года на пышном банкете, устроенном Бекингемом в подаренном ему королем эссекском поместье Уэнстед, все заметили, что Карл с ним помирился. К тому времени Вильерс стал для него моделью человека не только совершенного внешне, но и личности волевой, умевшей обращаться с властью. Сначала принц решил овладеть своим телом, чтобы в будущем, когда станет королем, владеть и своим духом, и душами подданных. Для этого он настойчиво учился технике придворного танца у Бекингема. В результате придворные были поражены теплыми отношениями между ними во время представления-маски «Лицезрение услад». Маски — комические полубалеты-полуоперы на аллегорические или мифологические темы — были популярным развлечением двора. Они отличались пышными костюмами и декорациями, использованием механизмов и искусственного освещения.[82] Театр масок будет сопровождать Карла всю его жизнь; некоторые историки считают, что таким образом он пытался избежать или игнорировать реалии своего времени. Последней «маской» станет его собственная казнь.

А пока, осознав свою миссию будущего монарха и в немалой степени преодолев физическую слабость, Карл стал неплохим наездником и охотником. Он развил в себе изысканный вкус к искусству, серьезно исполнял религиозные обряды и крепко усвоил преподанные Яковом уроки правления, основанного на глубокой вере в божественное право королей.

Политическая вера у отца и сына была одна, но проявляли они ее по-разному. Импульсивный экстраверт, Яков обладал здравым умом, и кажущаяся извилистой его политика все же

отличалась постоянством. Карл был сдержан, молчалив, но его шотландское упрямство принимало крайние формы. Осознанно или нет, он во всем поступал вопреки отцу. Карл не выносил обсуждения и споры в частной жизни, дискуссии в парламенте, которых наслушался во время его посещений, таким образом обучаясь политике. Он часто принимал поспешные решения, игнорируя общественное мнение и ближайшее окружение, и считал любую критику и даже умеренное несогласие покушением на свое королевское величие.

Здесь важно то, что Карл был случайным наследником. Его только с двенадцати лет начали готовить к трону. Это было довольно поздно — в то время он уже был юношей, сформировавшейся личностью. Он так и не преодолел шотландский акцент, а его застенчивость мгновенно переходила в высокомерие — оно было стеной, которую он сооружал для защиты от внешнего мира. К этому еще можно добавить характерные для него внезапные приступы гнева.

Каким же монархом предстояло стать такому принцу? Неудивительно, что большинство биографов и историков едины в том, что Карл I был «прискорбным образом негоден» к монархической власти. «Несмотря на свой ум и культурное развитие, Карл не умел общаться с людьми. В социальном плане он был бестактным и неуверенным в себе… а в общественных делах был редко способен создать благоприятное впечатление», «Карла можно считать куда более привлекательным человеком, чем его отец, но как правитель он был куда хуже» — вот самые устойчивые мнения об этом короле. Безрассудный и невезучий игрок, однозначно уверенный в правильности своих принципов, он готов был скорее стать мучеником, чем поступиться ими. Его «мученичество» выражалось и в пассивных страданиях. Примечателен такой эпизод: однажды карета Карла попала в страшную грозу, но он продолжал путь, несмотря на предложения укрыться и переждать. Все восхищались его выдержкой, а сам он заметил: «Бог испытывает нас, чтобы проверить наше терпение, которое он дает, чтобы выдержать эти испытания».[83]

Романтическая и трагическая аура, окружающая образ Карла Стюарта, отнюдь не делает из него великого короля. «Мягкий и добрый государь, который не знал, как быть или что нужно сделать, чтобы быть великим» — такова, безусловно преувеличенная в первой части, характеристика его правой руки архиепископа Кентерберийского Лода.[84] Распространенные клише истинного джентльмена и отважного рыцаря тоже не придают ему величия. Карл безрассудно, не размышляя о последствиях, проиграл в кровавом политическом конфликте в

Англии середины XVII века, именуемом «Английской революцией», или «Великим мятежом». Конфликте, в глубинных причинах которого он не был по большому счету виноват, но предотвратить или хотя бы смягчить который мог попытаться. Но сделано это не было. Возможно, именно поэтому перед Вестминстером сейчас красуется фигура его главного политического противника и победителя — Оливера Кромвеля.

Судьбу Карла Стюарта во многом определила Тридцатилетняя война, в начале которой Яков I тщетно пытался играть роль миротворца. Вообще свое название эта долгая и разрушительная война получила уже в процессе своего завершения. В мае 1648 года один из делегатов мирного конгресса в Вестфалии упомянул о «Тридцатилетней войне». Во время подписания Вестфальских договоров, положивших конец войне в октябре 1648 года, в германских землях распространялись памфлеты под общим названием «Короткая хроника Тридцатилетней войны», которые не только освещали основные даты и места главных военных событий, но также давали сведения о численности человеческих жертв и разрушений. А в 1649 году английская еженедельная газета «The Moderate Intelligencer» начала публиковать серию статей, озаглавленных «Обзор последней Тридцатилетней войны в Германии» («An epitome of the late Thirty Year's war in Germany»). [85]

Выходит, название европейскому конфликту, потрясшему континент, было дано почти одновременно в германских землях, где в основном происходили военные действия, и в Англии, которая меньше других европейских государств принимала непосредственное участие в войне. Но этот факт не столь уж парадоксален. По сути, Тридцатилетняя война превратилась в «европейскую гражданскую войну»; в 1640 году, когда на континенте еще шли военные баталии, на Альбионе начались серьезные политические потрясения. Они имели общеевропейское значение и оказали влияние на дальнейшее развитие Европы; в их процессе создавалась одна из форм правового государства Нового времени.

Еще до восшествия на трон Карл вместе с Бекингемом принадлежал к «военной партии» при дворе. Большое значение здесь имели, как и на всем протяжении его небольшой жизни, чувства Карла — вспомним хотя бы романтическое путешествие в Мадрид.

> Я — Стюарт Карл. Любовь меня влекла
> Под небеса Испании святые,

Туда, где в блеске над землей взошла
Моя звезда — прекрасная Мария.

Этим четверостишием, которое стали распевать под гитару, испанский драматург, поэт и прозаик Лопе де Вега отметил прибытие в Мадрид в 1623 году английского принца.

Читателю известно, какое значение придавал Яков I союзу с Испанией. Лондон бурлил: было тогда и такое мнение, что принц отправился в Мадрид, чтобы броситься в объятия папистов и предать протестантскую веру, а задумал этот авантюрный вояж Бекингем. Но с каких бы позиций биографы герцога ни трактовали его политику, они согласны в том, что для роли переговорщика при неопытном и влюбленном принце он никак не годился — не умел «торопиться медленно», терял терпение и считал испанцев «хуже демонов». В Мадриде же надеялись, что Карла и, может, его спутника удастся обратить в католицизм, хотя это были тщетные надежды. Однажды на богословском диспуте в монастыре Святого Иеронима, когда монахи старались доказать принцу незыблемость владычества папы над церковью, Бекингем вскочил с места и в ярости стал топтать собственную шляпу. В целом, несмотря на пышный прием, снятие инкогнито и восторженное отношение жителей испанской столицы к прибывшим иностранцам, переговоры о браке, приобретшие слишком большой религиозно-политический смысл, зашли в тупик.

Тем временем Карл страстно влюбился в инфанту. По словам современников, Мария — красивая блондинка со свежим бело-розовым цветом лица и пухлыми губками — была больше похожа на фламандку, нежели на испанку. Когда английский принц случайно или не совсем сталкивался с инфантой, он не сводил с нее глаз, делал смелые комплименты и совершал безрассудные поступки. Один раз он даже перепрыгнул через ограду, за которой инфанта отдыхала с дуэньями. Мария краснела и раздражалась, а первый министр испанского короля граф Оливарес позволил себе язвительно заметить, что Карл похож на «кота, стерегущего мышь». Оливарес пользовался чувствами Карла в интересах Испании, тот уступал и в присутствии инфанты даже заявил о том, что та обретет величайшую заслугу перед Богом, вступив с ним в брак, который возвратит ее братьям по вере в Англии свободу. Однако брачный союз так и не состоялся, и Карл вернулся на Альбион униженным, обозленным на весь мир и оттого деятельным и безрассудным.

Он готов был вступить в новый брак, диктуемый и политикой,

и, с его стороны, горячим желанием отомстить Мадриду. Не зря же он писал в октябре 1624 года Дж. Хею, графу Карлайлу, представлявшему английскую сторону на переговорах о французском браке: «Если консультации с Францией окончатся неудачей, Испания будет смеяться над нами обоими (Англией и Францией. — *Л. И.*)».[86]

Конечно, непосредственно перипетии с испанским браком не спровоцировали военный конфликт. И ни в коем случае они не были «трапом» на пути к гражданской войне. Но все же они подготовили поколение потенциально опасных для королевства «полярных» политиков и обрисовали контуры политической линии, которая могла в благоприятных обстоятельствах вызвать серьезные беспорядки.

Намечавшийся брак Карла I и французской принцессы, сестры короля Людовика XIII Генриетты-Марии, как это принято считать, не вызвал больших возражений со стороны английского общества. Ранний протестантизм Генриха IV Бурбона, дочерью которого была английская королева, не забыли по другую сторону Ла-Манша. Англичане в большинстве своем полагали, что французские католики не так плохи, как испанские. К тому же еще свежи были в памяти времена двух весьма неудачных испанских браков: первый, приведший к английской Реформации (брак Генриха VIII Тюдора) и союз Марии Тюдор и Филиппа II, приведший к шестилетней Контрреформации в Англии. К тому же французские браки были для английских монархов настолько традиционным явлением, что даже католицизм не являлся в данном случае препятствием. Вообще это была династическая политика, заключавшаяся в том, чтобы обезопасить своего ближайшего соседа и со времен Столетней войны «любимого» врага — Францию. В данной ситуации скорее именно чувство выгоды определяло отношение англичан к Франции, ибо они видели в ней союзника против Испании. Один из членов палаты общин писал в августе 1624 года о том, что в союзе с Францией английская внешняя политика станет более решительной. Французский брак рассматривался в Англии как окончательное освобождение от непопулярной идеи испанского династического союза.

Еще в феврале 1624 года лорд Кенсингтон отправился на «разведку» во Францию. После возвращения он отчитался Бекингему в таких выражениях: «Клянусь вам, эта юная принцесса нежна и мила. Она невысокого роста, но идеально сложена… Я имел честь быть представлен королеве-матери… Она заявила мне, что прекрасно понимает, что испанский король претендует на создание всемирной монархии, и у нее нет более горячего

желания, нежели выдать свою дочь за нашего принца… Все здесь мечтают о союзе с нами…» К тому же Генриетта-Мария «краснеет, тайком любуясь портретом принца».[87] Кенсингтон явно преувеличивал, предстояло решить немало серьезных проблем, но в целом Париж уже давно желал вовлечь Лондон в орбиту своей политики.

Затем в Париж отправился граф Карлайл, а в Лондон — маркиз д'Эффиа. Обсуждение пунктов брачного договора заняло все лето и осень 1624 года. Самым спорным из них было облегчение положения английских католиков-рекузантов. В ходе переговоров традиционно выдвигались предложения «дружбы и союза», «твердого и вечного мира между нашими наследниками и преемниками», «взаимной помощи в случае войны». Бекингем заметил Якову I, что англо-французский союз поможет ему и его наследнику обойтись без услуг парламента. Здесь он, очевидно, намекал на предполагавшееся приданое Генриетты-Марии — 2000000 фунтов, которое, по его мнению, могло удовлетворить финансовые нужды короны.

21 ноября 1624 года папа Урбан VIII дал разрешение на англо-французский брак, а 12 декабря в Кембридже Яков I ратифицировал брачный договор. Последний разрешал Генриетте-Марии, ее детям и слугам исповедовать католическую религию, иметь церковь в Лондоне с одним епископом и двадцатью восемью священнослужителями. Договор давал право королю Франции выбрать будущей английской королеве слуг и советников по своему усмотрению. В тайной статье брачного договора Карл Стюарт поклялся дать рекузантам полную свободу, помочь Людовику XIII в борьбе с Ла-Рошелью и другими гугенотскими крепостями, а французская сторона обещала содействовать восстановлению в правах Фридриха V Пфальцского.[88]

Со свадьбой, однако, не торопились. И король, и принц, и Бекингем желали получить формальные заверения Парижа о готовности заключить военный союз против Испании. К этому времени кристаллизовался «грандиозный» проект Бекингема, поддержанный наследником трона, подразумевавший создание наступательного союза в составе Англии, Франции, Соединенных Провинций, Дании, Швеции и протестантских князей Германии против Испании и империи. Еще в декабре 1624 года было достигнуто соглашение между Данией, Соединенными Провинциями и Англией, ставившее своей формальной целью восстановление Пфальца. Датскому королю Кристиану IV, который в следующем году станет главой Евангелического союза немецких князей, Лондон обязался ежемесячно выплачивать

30000 фунтов. Велись активные переговоры с Нидерландами, которые приведут к заключению в 1625 году военно-политического союза Англии и Республики Соединенных Провинций сроком на пятнадцать лет. Договаривающиеся стороны пытались сгладить экономические противоречия и, стремясь вытеснить Испанию из мировой торговли, оправдывали свои цели защитой «истинной» религии.[89]

В Лондоне очень надеялись, что союз с Францией обеспечит успех военных операций в Европе — ведь кардинал Ришелье и Людовик XIII обещали предоставить субсидии союзникам и направить 12 000 солдат для пополнения армии Мансфельда. Однако в тот момент, будучи не готовым ни с финансовой, ни с тактической точки зрения ввязываться в Тридцатилетнюю войну, Париж не намеревался связывать себе руки твердыми обязательствами. Состояние же английской военной казны было настолько плохим, что принц и Бекингем внесли в нее собственные средства. На них граф Мансфельд собрал 10-тысячную «английскую армию», которая являла собой жалкое войско из полуголодных крестьян, не имевших военной выучки, и отправился отвоевывать Пфальц.

Январская экспедиция Мансфельда завершилась катастрофой. Общественное мнение возложило вину за провал экспедиции на Бекингема, хотя настоящим виновником все же был Мансфельд, присвоивший львиную долю денег и не сумевший предложить надежный план кампании. Тем временем Папа Римский создавал препятствия для подтверждения собственного разрешения на брак Карла и Генриетты-Марии, а испанская сторона активизировала давление на Англию, намекнув, что не прочь возобновить консультации об англо-испанском браке. И Ришелье, опасаясь потерять влияние на Альбион, в феврале 1625 года решил поскорее устроить свадьбу. Карл хотел сам привезти супругу в Лондон, но отец ему воспрепятствовал. В Париж должен был отправиться Бекингем, чтобы заключить брак по доверенности и затем сопроводить принцессу в Англию. Но смерть старого короля на несколько месяцев отодвинула свадьбу. Яков завещал сыну нежно любить супругу, хранить постоянство в вере, защищать англиканскую церковь и не оставлять без помощи несчастное семейство Фридриха Пфальцского.

Вечером 27 марта Карл был провозглашен королем и прибыл из Теобальдса, где он находился при умирающем отце, в Лондон. Рядом с ним неотлучно находился Бекингем. Новый король взял бразды власти в свои руки, будучи непоколебимо уверенным, что его популярность позволит ему проводить в жизнь любые мероприятия.

В сущности, все время правления Карла Стюарта можно разделить на три этапа: первый (1625–1629) — влияние герцога Бекингема и активная внешняя политика; второй (1629–1640) — персональное правление; третий (1641–1649) — борьба с парламентом в условиях начавшихся политических потрясений и гражданских войн.

Новый Стюарт желал и править, и получать удовольствие от власти даже раньше, чем сел на трон. Но по-своему. Известно его высказывание «Короли не обязаны давать отчет о своих действиях никому, кроме Бога». Здесь он перекликается с отцом, но идет еще дальше. В литературе нередко можно встретить мнение о сотрудничестве между Карлом и парламентом в первой половине 1620-х годов: мол, трения между ними, когда он стал королем, были вызваны проблемами второй половины этого десятилетия, особенно неудачным финансированием военных действий. На самом деле позиция Карла в отношении парламента была постоянной. Еще принцем, в 1621 году, он считал, что палата общин должна быть проводником «национального единства», и выражал надежду в письме Бекингему, что «король соберет комиссию для расследования поведения дурных членов парламента».[90] Тенденция его будущего правления была видна уже тогда.

Первое, что он сделал еще до созыва своего первого парламента, — вступил в брак. 11 мая 1625 года король женился по доверенности (будучи представленным своим французским родственником герцогом де Шеврезом) на Генриетте-Марии; церемония состоялась на специальном помосте перед дверями собора Нотр-Дам в Париже. Этот помост был сооружен еще в 1572 году, когда гугенот Генрих Наваррский вступал в свой первый брак с католичкой Марией Валуа. Несмотря на разрешение папы, различие вероисповеданий супругов не позволяло совершить ритуал под сводами древнего собора. Очень скоро статьи брачного договора нарушили кажущееся партнерство между Карлом I и палатой общин, ибо у сторонников официальной англиканской церкви появились подозрения, что правительство в соответствии с заключенными соглашениями облегчит положение рекузантов.

Сразу после пышной церемонии в соборе Парижской Богоматери начались торжества, на которых присутствовал и герцог Бекингем. Он был призван доставить своему королю спутницу жизни и, главное, попытаться привлечь Ришелье к заключению военного союза против Испании. Поначалу красивый «милорд Букинкан» привел французский двор в восхищение, но

скоро его поведение вызвало негодование первого министра Франции и Людовика XIII. Мало того что дипломатический диалог между Ришелье и Бекингемом оказался невозможным, поскольку кардинал не был готов к полному разрыву с Мадридом, но к тому же случился самый романтический эпизод в карьере блистательного фаворита, отразившийся на отношениях между двумя государствами.

Бекингем с первого взгляда пришел в восторг от 24-летней жены Людовика Анны Австрийской и, игнорируя этикет, шокировал французский двор откровенными и настойчивыми ухаживаниями за королевой, ответившей ему взаимностью. Обмены взглядами, платками, записочками, постоянные приглашения на танец — это разворачивалось на глазах у всего двора. Казалось, влюбленные совсем потеряли остатки бдительности и разума. Их сближению способствовала подруга королевы герцогиня де Шеврез, в роскошном дворце супруга которой неподалеку от Лувра остановился англичанин. Французский историк Г. Аното посвятил перипетиям романа Бекингема и французской королевы целую главу своего многотомного труда о Ришелье. Но более всего эта история известна широкому читателю в описании А. Дюма-отца.

Тайное всегда становится явным. Любовь Анны больше раздражала даже не самого короля, а вездесущего кардинала Ришелье, шпионская сеть которого превосходила подобные во многих странах Европы. Сам влюбленный в королеву, первый министр раньше всех узнал о ее связи с английским герцогом и представил королю необходимые доказательства. Супружеские отношения между Людовиком и Анной оказались на грани разрыва. А Бекингем с Генриеттой-Марией благополучно взошел на борт корабля, отплывающего в Англию. Была ли то всепоглощающая страсть или политическая месть со стороны английского министра, гордыня которого была попрана дипломатической неудачей? Скорее, и то, и другое. В любом случае уже 20–30 лет спустя любовь английского герцога и Анны Австрийской превратилась в легенду.[91]

Юная королева прибыла в Дувр 12 июня. Следующим утром, 13 июня, там же состоялась ее встреча с мужем. Забыв о протоколе, Генриетта-Мария бросилась к его ногам, произнесла приветственные слова и разрыдалась. Когда Карл поднял ее и заключил в объятия, французская принцесса с облегчением вздохнула: она достигала ему плеча, хотя в нем было всего пять футов четыре дюйма (162 сантиметра). Рост принцессы всегда доставлял ей неудобства в общении с другими мужчинами. В тот же день в Кентербери пара провела брачную ночь. Утром Карл

был весел, а Генриетта-Мария казалась нездоровой и печальной. Как видно, брак осуществился без особой страсти.

Как и многие другие невесты, французская принцесса приехала в Англию с надеждами на любовь и счастье. Пышная свадьба, дворцовые интриги, политические распри, семейные раздоры и сладкие примирения… Мог ли кто-нибудь предвидеть, какие испытания обрушатся на Карла и его жену-француженку? И не сама ли она вызвала многие невзгоды, выпавшие на долю королевской семьи?

По сути, духовно и физически пятнадцатилетняя Генриетта-Мария, младшая из детей Генриха IV Бурбона и его второй супруги Марии Медичи (1609–1669), получившая прозвище «маленькая королева», не была подготовлена к браку. Миловидная, но худенькая, небольшого роста, неразвитая, она не была полностью готова к интимной жизни. Английская королева еще нередко брала в руки куклы, хотя имела сильный характер и стремилась настаивать на своем. Ее нельзя было назвать красавицей, но, судя по выражению ее лица на портретах Ван Дейка, она была умна и решительна. Это подтверждают и современники. Первые три года жизни на Альбионе стали для нее сущим мучением: то Бекингем раздражал ее своим влиянием на Карла и зачастую дерзким обращением со своенравной девчонкой, ставшей с некоторых пор его госпожой; то французская свита подчеркивала грубость и безвкусие англичан по сравнению с ее соотечественниками, напоминая тем самым о родине. На первых порах, привезя с собой целый штат прислуги и священников, Генриетта-Мария игнорировала английские законы и обычаи. Королеве понадобилось прожить на Альбионе 25 лет, прежде чем она написала свое первое письмо на английском языке. Вместе с тем она была в достаточной мере интеллектуально развита, любила искусство, танцы, писала стихи. Неутомимая в развлечениях, она была вспыльчивым, но добрым и отзывчивым ребенком. Впрочем, Генриетта-Мария и ее брат Гастон легкомысленно относились к урокам своего наставника, одного из образованнейших людей Франции Франсуа Савари де Брева, некогда бывшего посланником при дворе турецкого султана. Позднее королева неоднократно высказывала сожаление, что ее знакомство с историей Англии оставляло желать лучшего. В Англии ее не любили, ибо считали, что ее пристрастие к католицизму настраивает подданных против короля. 5 февраля 1626 года Карл был коронован в Вестминстерском аббатстве, но один, без жены, поскольку Генриетта-Мария отказалась участвовать в ритуале коронации, проводимой англиканским священником, чтобы это не расценили

как принятие ею религии, к какой она не принадлежит. И на хоры Вестминстерского аббатства Карл взошел в сопровождении Бекингема.[92]

Любил ли король свою королеву? Определенно можно дать положительный ответ. Поначалу он был к ней не столько равнодушен, сколько раздражен ее подростковым поведением, но со временем, после смерти Бекингема, их союз стал одним из самых образцовых в истории европейских династий. 9 января 1631 года Бен Джонсон представил королю маску «Торжество любви в Каллиполисе» (Love's Triumph through Callipolis), написанную в неоплатоническом духе. Это был настоящий миф о королевской верности и «героическом эротизме», единстве и любви коронованных супругов, где Карл предстает как активный и способный любовник, сексуальное удовлетворение которого связано с государственным интересом.[93] Правда, Джонсону, в жизни которого со смертью короля Якова начался долгий период лишений, эта маска не помогла. Его осаждали кредиторы (только между 1626 и 1634 годом на него было подано по крайней мере шесть жалоб), и к тому же разбил паралич. Карл остался к его творчеству равнодушным, а его новые пьесы проваливались на сцене и подвергались жестоким насмешкам литературных противников. В августе 1637 года Джонсон скончался в возрасте 65 лет. Надпись на его могиле на Вестминстерском кладбище гласит: «О, несравненный Бен Джонсон».

Главной причиной разногласий между супругами в первые годы их совместной жизни, получившей резонанс во всей Англии, был религиозно-политический вопрос. Молодая королева прибыла в Англию в расположении духа, более подходящем для миссионерки, нежели новобрачной. Дав Генриетте-Марии разрешение на брак с еретиком, Папа Римский убедил ее, что она должна стать второй Бертой, французской принцессой, чей брак с королем Кента Изельбертом тысячелетием раньше открыл путь для обращения Англии в католичество. То же самое говорила дочери и Мария Медичи. Но цель французской дипломатии отнюдь не состояла в распространении католицизма в Англии: Ришелье понимал, что это невозможно, и намеревался с помощью брака заставить Англию идти в фарватере своей политики и облегчить участь рекузантов. Не зря перед отъездом на Альбион кардинал заметил Генриетте-Марии: «Теперь вы английская королева и должны служить интересам Англии, но не забывайте, что мы заключили этот союз во благо обеих корон».

В середине июня 1625 года королева попросила супруга вступиться за английских католиков. Карл опасался римского влияния на Англию, но особенно не притеснял католиков у себя в

стране, чтобы уравновесить ими крайних протестантов-пуритан. В соответствии со своей религиозной политикой он выпустил прокламацию об уничтожении законов против рекузантов, но в то же время приказал преследовать их, если они не будут себя вести согласно общему закону. Из тюрьмы были освобождены католики, осужденные за религиозную деятельность, но чуть позже, в конце 1625 года, король разрешил размещать войска на постой в домах рекузантов и, более того, конфисковать у них оружие. «Я желаю мира с женой, но буду действовать в соответствии с моими интересами», — писал он Бекингему в ноябре 1625 года. Эти интересы противоречили интересам Франции, и французский посол неоднократно выражал неудовольствие по поводу невыполнения условий брачного договора.[94]

Что же касается англичан, то они не доверяли в религиозных вопросах не только юной королеве, но и королю. Это недоверие усилилось из-за поддержки Карлом священника антикальвинистской направленности Ричарда Монтегю, который имел дурную славу среди пуритан. В своих памфлетах 1624 года Монтегю выступал против кальвинистского предопределения — учения, что спасение и проклятье предопределены Богом. Антикальвинисты, известные как арминиане, считали, что человеческие существа могут повлиять на свою судьбу путем осуществления свободной воли. После того как член палаты общин пуританин Джон Пим напал на памфлет Монтегю в ходе дебатов, последний обратился за помощью к Якову I. Карл сделал этого священнослужителя одним из своих капелланов, усилив подозрения пуритан, что его благоприятствование арминианству не что иное, как тайная попытка помочь возрождению католицизма.[95] Как покажет будущее, пуритане ошибались. Свою абсолютную власть их король идеологически связывал отнюдь не с католицизмом, а с англиканством.

Безусловно, молодую королеву нельзя винить во всех несчастьях, обрушившихся и на ее семью, и на Англию в целом. Европа дышала катализирующим бунтарские настроения воздухом войны, и свежий ветер принес его на Альбион. Карл, окунувшийся с головой во внешние дела, казалось, не понимал этого. Его дипломатия преследовала следующие цени: ослабить католический лагерь в Европе и соответственно укрепить Протестантский союз, восстановив в правах Фридриха V Пфальцского; отвлечь антигабсбурсгкими войнами парламентскую оппозицию; удовлетворить интересы торговых слоев и джентри путем расширения за счет Испании господства Англии на море и захвата новых колоний.

Уже в апреле 1625 года король собрал военный совет из 50 человек с целью пересмотра внешней политики и обсуждения проблем обороны королевства, а в июне — свой первый парламент. И это в то время, когда Лондон опустошала эпидемия чумы, словно предрекая тяжелое правление нового монарха. Карл желал получить бесспорные доказательства преданности своих подданных, заставивших его отца объявить войну Испании. Его первая речь в парламенте была проникнута простодушием и сердечностью: «Милорды и господа, помните, что я советовал отцу разорвать договоры (с Испанией. — *Л. И.*), как вы желали. Я поступил так по вашему требованию и по вашей просьбе. Поэтому вы должны понять, каким позором для вас и для меня мог бы стать провал начатого дела из-за нехватки средств. Только вы в состоянии их мне предоставить во имя вящей славы Господа и нашей веры».[96]

Карл считал, что щедрый дар палаты общин должен быть всецело ее собственным деянием, которого не просят и не требуют, — истинным плодом безусловного доверия и глубокого почтения к королевской особе. Однако с открытием заседания палата занялась всем: внешними и внутренними делами, прошедшим и будущим налогообложением, состоянием религии, усмирением папистов. Она ожидала от короля удовлетворения своих требований и показывала твердую решимость вмешиваться во все дела, используя свои комитеты и петиции. Один из членов палаты Натаниэль Рич настаивал на том, чтобы «Его Величество согласовывал свои действия с парламентом относительно ведения войны». Свобода речей в парламенте оскорбляла Карла — он начинал сердиться, но пытался не обнаруживать этого. Он нуждался в субсидиях. Ведь предыдущий парламент пламенно желал войны с Испанией, и нынешний не мог отказаться поддержать ее. Карл настаивал, чтобы ему немедленно были даны средства на военные нужды, и обещал удовлетворить справедливые жалобы. После бурных прений в течение двенадцати дней палата общин вместо требуемого королем 1 млн. фунтов, из которого королю Дании было обещано 360 000 фунтов, предоставила субсидии в размере 140000 фунтов, что было ничтожной суммой по сравнению с реальными нуждами. Дания получала только 30000 фунтов. Парламентарии возмущались, что средства на содержание армии Мансфельда (62000 фунтов) были потрачены впустую, и теперь вместо запрашиваемых Мансфельдом еще 240000 фунтов ему было назначено только 20000 фунтов.[97]

Так завершился «медовый месяц» Карла и его подданных. Бекингем посоветовал королю распустить парламент на

каникулы. В сентябре того же года Карл издал прокламацию с приказом о возвращении в Англию всех военных, состоящих на службе у императора, короля Испании и католических князей Германии. Иначе им грозило объявление врагами королевства.

Английская монархия не смогла осуществить поставленные внешнеполитические задачи. Для Карла и Тайного совета, с одной стороны, и для графств и местных магистратов, с другой, военные годы стали временем проблем и разочарований, которые усилили внимание к деятельности правительства. Король и члены Тайного совета полагали, что необходимы реформы местных органов власти, и выступали за дополнительные налоги. В английских графствах, напротив, требования и инструкции Тайного совета считали идущими против обычаев и даже антиконституционными. В палате общин постоянно высказывались мнения, что «словосочетание „ордер на постой“ (billet) отсутствует во всех наших законах» и что новые налоги ведут «к уничтожению парламента, а следовательно, и государства». Возникла парадоксальная ситуация: игнорирование местными властями опасности, стоящей перед королевством, и стоимости войны, и игнорирование центром последствий военных требований к обывателю делали взаимное непонимание еще более острым. Больно задевали короля и резкие выпады против его фаворита, в котором он видел и друга, и брата, и советника. Ведь одной из самых характерных черт Карла вплоть до его смерти была верность друзьям и слугам.

Надо признать, что одна важная причина недовольства подданных находилась вне контроля короля. Еще когда была объявлена война с Испанией, очередная волна плохого урожая повысила цены на продовольствие и сократила нужды англичан в товарах мануфактурного производства. Чума обострила ситуацию, а в 1627 году лето выдалось на редкость холодным и дождливым. И Лондон, куда ежегодно прибывали примерно 6000 человек в поисках работы, стал резервуаром потенциального политического взрыва.

В целом же средства, отпускаемые парламентом, расходовались не всегда с толком, военные акции, предпринимаемые Бекингемом, желавшим вписать новые славные страницы а историю Англии, неизменно завершались провалом. В октябре 1625 года потерпела крах военно-морская экспедиция в Кадис против Испании, несмотря на то что англичане выставили более многочисленные силы, нежели Филипп II Испанский в 1588 году. Но у солдат и матросов отсутствовали должные энтузиазм и профессионализм, а Бекингем как главный адмирал не позаботился о количестве и качестве снаряжения и провизии. Да

и руководство экспедицией было посредственным. Отважный военный Эдвард Сесил, увы, не имел опыта морских сражений и долго не мог решить, на какой порт напасть — Лиссабон, Санлукар или Кадис. В итоге предупрежденные лазутчиками испанские галионы ушли на юг и припыли в Кадис уже после ухода оттуда английских кораблей, немалая часть которых погибла или получила повреждения из-за шторма по пути домой. Английский флот почти повторил судьбу испанской Армады, и это был мощный удар по репутации фаворита короля.

В феврале 1626 года, сразу после коронации, нужда в деньгах снова вынудила Карла созвать парламент, который оказался настроен крайне оппозиционно и подверг острой критике неудачи на море. Парламентарии были убеждены, что они стали следствием коррумпированности правительства и некомпетентности командования. Непомерно тяжелые налоги и поборы, военные постои в домах обывателей сеяли недовольство среди англичан. Палата общин хотела получить от короля гарантии прав подданных, требуя отчета об использовании предоставленных средств. На заседаниях звучали выступления с разоблачениями Бекингема, и перед лордами был поставлен вопрос о суде над ним. Палата общин была готова поддержать ведение войны и проголосовать за субсидии, но только при условии устранения от власти фаворита. Герцога сравнивали с Сеяном, близким советником римского императора Тиберия (14–37 годы н. э.), который олицетворял в истории образ тирана.

Эта параллель глубоко оскорбляла короля и затрагивала его властные полномочия. Карл отказался проводить различия между собой и герцогом, будучи убежден, что парламент ведет кампанию против него персонально, и заключил лидеров борьбы против своего друга в Тауэр. Единственная вина Бекингема, полагал Карл, в том, что он его друг и главный советник. Все прочие жалобы на герцога — пустые придирки. Много ли авторитета сохранит король в глазах подданных, если в самом начале правления и в столь важном деле доставит величайшее торжество врагам и совершенно обескуражит приверженцев? Сегодня общины отнимут у него министра, завтра они посягнут на какую-нибудь часть его монаршей прерогативы. Король заметил палате: «Я должен объявить вам, что не потерплю, чтобы вы преследовали кого бы то ни было из моих слуг, тем более тех, кто поставлен так высоко и так близко ко мне. Бывало, спрашивали: что мы сделаем для человека, которого почтил король? Теперь некоторые ломают себе голову, придумывая, что бы сделать против человека, которого королю угодно было почтить. Я желаю, чтоб вы занялись делом о моих субсидиях.

Если нет, тем хуже для вас. И если из этого выйдет какое-нибудь несчастье, я почувствую его, конечно, после всех».

Карл видел в оппозиционерах «ничтожных маленьких заговорщиков», и, надо признать, отчасти был прав. Тогда, в 20-е годы, большинство депутатов съезжалось в Вестминстер, чтобы подтвердить свое положение или обрести опору на местах, поддержать конкретных министров короля или войти в круг аристократии… Ведь по случаю коронации Карла восемь титулованных особ получили патенты на графские титулы, в 1627 году было выдано восемь патентов, а в 1628 году — девять, три из которых предназначались ирландцам. Часто борьба в парламенте инспирировалась придворными, желавшими усилить свое влияние при дворе. И атака на Бекингема, помимо общего недовольства его «провальной» политикой, была частью кампании, организованной его главным соперником при дворе графом Пемброком, кстати, защитником «протестантского дела» не только в Англии, но и во внешней политике.[98]

Как видно, Карлу надоело терпеть поражения от тех, кого он мог в любой момент разогнать. Свои проблемы он тогда никак не рассматривал как борьбу между короной и парламентом. Уступки, которые он пытался делать, принимались с восторгом, но ни к чему не вели. И парламент был распушен королем. Статистика, однако, говорит, что в течение первых четырех лет правления Карла I парламент собирался чаще, чем в предыдущие семнадцать лет. При этом суммы на военные расходы он предоставил куда большие, нежели в 90-х годах XVI века.[99] Но и время было иное.

Международная обстановка накалялась. К весне 1627 года армия Мансфельда, являвшая собой плохо экипированную и обеспеченную продовольствием разношерстную толпу, не желающую воевать, перестала существовать. К концу того же года король Кристиан IV под натиском блистательного имперского полководца Альбрехта Валленштейна, который к тому времени создал мощную армию, отступил в глубь Дании. Продвинувшаяся на север армия Валленштейна вместе с армией Католической лиги нанесла ряд сокрушительных поражений войскам протестантских князей. Валленштейн стал хозяином в Северной Германии.

До 1626 года безденежье английского короля еще не означало крушения его внешнеполитических планов. Но в мае 1626 года, неожиданно для Лондона, Франция уладила с Испанией конфликт в Северной Италии и заключила с ней мирный договор. Решение Парижа отнюдь не означало

присоединения Франции к габсбургскому блоку. Основной задачей политики ее первого министра было достижение единства внутри страны, чего можно было добиться только путем устранения гугенотского «государства в государстве». «Благоразумие не позволяет нам вести войну на два фронта», — таков был вывод кардинала.[100] В ближайшее время он наметил окончательно покончить с сепаратизмом гугенотов, начать осаду их оплота — Ла-Рошели и привлечь Испанию к борьбе с гугенотами. Тем более что от Англии в этом вопросе помощи ожидать не приходилось.

С 1625 года союз с Францией вынуждал Англию принимать участие в войне против гугенотов. Но под давлением общественного мнения Лондон всячески уклонялся от этого. Лишь однажды в ответ на требование Парижа Бекингем послал восемь судов к французским берегам. В марте 1626 года французы начали готовить флот против Ла-Рошели. А в апреле 1626 года палата общин слушала доклад о ходе переговоров с Францией, которые велись по трем вопросам: о возвращении предоставленных Франции английских кораблей; об обеспечении во Франции мира для протестантов; о вступлении Людовика XIII в войну в Германии. Ришелье не строил иллюзий относительно англичан и высказывал пожелание о том, что «будет хорошо, если английский король останется нейтральным…».[101] Но донесения французских агентов из Англии убеждали его как раз в обратном.

Первый министр Людовика XIII боялся, что франко-испанский мир напугает союзников Франции в Германии и они пойдут на переговоры с противником. А ему нужно было, чтобы они воевали против императора, пока он сам воюет против гугенотов. Поэтому Ришелье проводил «дипломатию пистолей», аккуратно субсидируя немецких протестантских князей, Данию и Голландию; в результате они встретили заключение франко-испанского договора без особых отрицательных эмоций. Его воспринял отрицательно лишь один Лондон, который, будучи в состоянии войны с Испанией и имея на руках соглашение о предоставлении Парижу помощи против Ла-Рошели, фактически оказался союзником Филиппа IV в борьбе с протестантами.

В ноябре 1626 года, идя навстречу просьбам посла гугенотов герцога Рогана, Карл выразил необходимость поддержки «братьев по вере». Он и Бекингем решили начать, как им казалось, заведомо успешную войну против Франции в защиту Ла-Рошели с целью привлечь большинство подданных на свою сторону и тем самым укрепить пошатнувшийся престиж короны и абсолютную власть.

Воинственный пыл английского короля и его фаворита

подогревали экономические противоречия с Францией. Договор о свободе торговли, подписанный между Лондоном и Парижем в 1605 году, преследовал цель предотвратить торговые столкновения, но не смог решить поставленной задачи. В октябре 1618 года французские купцы подали жалобу на морского таможенника Ф. Вильямса из-за поборов, которыми тот обложил экспорт их товаров в Англию. Кроме того, война в Европе стимулировала английское каперство в английских водах. С другой стороны, английское купечество, занимающееся торговлей в Средиземноморье, требовало защиты от французских пиратов, которую Лондон не мог обеспечить.

Такие события, как приказ захватить 200 английских судов с грузом вин из Бордо, как указ Тайного совета от 3 декабря 1626 года о захвате французских кораблей и товаров у английского побережья, приближали начало войны. Францию смущала идея морского господства, которую пыталось реализовать английское правительство. В своих «Мемуарах» Ришелье обращал особое внимание на Англию как будущего морского конкурента: «Сейчас это обычная нация, но есть причины полагать, что при благоприятных условиях она станет мощной державой и выступит против Франции».[102] Кардинал словно в воду глядел. Именно с XVII века берет старт торговая конкуренция между Англией и Францией и борьба за колонии: сейчас эти разногласия переживали зачаточный период, достигли остроты при Людовике XIV и закончились победой Англии в XVIII веке.

На этом фоне ссоры между коронованными супругами участились. Когда в начале 1626 года на площади Тайберн состоялась казнь католиков, королева совершила паломничество к этому месту, что возмутило все население Лондона. 7 августа король по совету герцога выслал обратно на родину всю французскую свиту Генриетты-Марии за исключением старой няни и дюжины личных слуг. Есть сведения, что французы прихватили почти весь гардероб королевы — в качестве компенсации за моральный ущерб. Положение усугублял тот факт, что герцог оказался замешанным в так называемом «заговоре Шале» 1626 года с целью убийства кардинала Ришелье или, по крайней мере, был о нем осведомлен.

Ришелье отправил в Лондон искусного дипломата Франсуа де Бассомпьера, ранее бывшего послом Франции в Испании, уладить конфликт. Но роковая, ненужная, имевшая тяжелые последствия для Англии война с Францией была уже не за горами. Вышла в свет королевская прокламация о запрещении импорта французских товаров в Англию и захода французских кораблей в порты Англии.[103] А в марте 1627 года Бекингем стал собирать

армию для выступления против Франции.

Осаду Ла-Рошели, начатую летом 1627 года, красочно описал в «Трех мушкетерах» А. Дюма. Объединенный франко-испанский флот и 25-тысячная французская армия блокировали город с моря и суши. До сих пор это событие считается скорее французским, нежели европейским по своей значимости. Стоит, однако, заметить, что Франция, нейтрализовав гугенотов, развязала себе руки и вступила в европейскую войну, по окончании которой стала осуществлять гегемонию в Европе. Что же касается Англии, то последствия этого конфликта для нее и дальнейшего развития континента были не менее значимы. Население Ла-Рошели исчислялось 25000 человек (по другим данным — 27 000 человек). Столица гугенотов была оплотом протестантского сепаратизма во Франции, показателем слабости королевской власти, поводом для вмешательства Габсбургов во французские дела. Все это хорошо понимал Ришелье, когда говорил, что «взятие Ла-Рошели — будущее порядка во Франции».

Подготовка к войне шла в Англии полным ходом. Только за первые две недели июня 1627 года корона получила 100000 фунтов от продажи трофеев, захваченных на французских кораблях. Эти деньги вместе с поступлениями от принудительного займа и чрезвычайных источников сделали возможной атаку на остров Ре, расположенный недалеко от Ла-Рошели. Этот остров превратился в опорный пункт военных операций против Франции. В письме к Бекингему от 13 августа 1627 года Карл I отмечал: «Я желаю, чтобы причиной, побудившей нас взяться за оружие, было объявлено дело религии». Все силы, какими располагала английская монархия, были сконцентрированы на войне с французами. При этом король не надеялся получить большую помощь от своих протестантских союзников, увязших в Тридцатилетней войне и остававшихся союзниками Франции.

27 июня английский флот в количестве 100 кораблей под командованием Бекингема отплыл к французским берегам. Утром 12 июня 4000 английских солдат, не считая кавалерии, высадились на острове Ре. 17 июля англичане блокировали крепость Сен-Мартен и начали ее осаду. Бекингем допустил важную стратегическую ошибку, оставив в руках французов аванпост Ля-При на восточной стороне Ре. 28 сентября, когда гарнизону Сен-Мартена осталось продовольствия всего на два дня, новые войска французского короля высадились в Ля-При, и в результате осаждающие стали осаждаемыми. За семьдесят дней осады Сен-Мартена погибло 400 англичан. 6 октября Ришелье послал подкрепления на Ре в количестве 1000 человек.

Комендант Ла-Рошели герцог Субиз (кстати, крестный отец Карла) обещал предоставить Бекингему 800 солдат, но объединиться с англичанами ларошельцам не удалось. 27 октября английский герцог сделал последнюю попытку взять Сен-Мартен, но штурм закончился полным провалом. В начале ноября герцог де Гиз сообщил Ришелье, что англичане окружены и скоро военные действия на острове прекратятся. 30 кораблей лорда Кенсингтона, шедшие на помощь Бекингему, были блокированы французами и испанцами в море и не попали в пункт назначения.

Во время осады Сен-Мартена Карл лихорадочно изыскивал средства для поддержки Бекингема. В сентябре он возглавил четыре заседания Тайного совета и угрожал его членам лично с каждого собрать заем. Он даже приказал вырубить лес в Сомерсете и продать его. Бекингем получил подкрепление в количестве 400 английских и 2000 шотландских солдат, а также денежную помощь в размере 14000 фунтов.

Взимание не утвержденных парламентом налогов и принудительный заем вызвали упорное сопротивление подданных Карла. Отказавшиеся платить налоги наказывались арестами, военными постоями и посылкой солдатами в армию Кристиана IV. Англичане начали осуждать своего монарха за войну с Францией, ибо она затрагивала их интересы. С началом осады Ла-Рошели торговля на морях стала невозможной, и купцы единодушно требовали заключить пока еще, возможно, почетный мир с Францией. Даже пуритане, считавшие себя братьями гугенотов, заявляли теперь, что война с Францией на руку Испании. Конфессиональные мотивы отошли на второй план. Почти вся Англия поддержала предложение английскому и французскому правительствам одного из нотаблей Ла-Рошели Поля Ивона, сводившееся к тому, чтобы просить англичан удалиться от города, а его жителям сохранить их права и привилегии. В это время появилось стихотворение такого содержания:

> Кто друг Испании, заклятого врага,
> Нам дал совет разрушить с Францией союз,
> Ослабить крепость наших уз,
> Атаковать чужие берега?
> Путь нашего спасенья,
> Без всякого сомненья,
> Быть к общей пользе с Францией
> В хороших отношеньях.[104]

На существенную помощь союзников, терпевших неудачи в

Тридцатилетней войне и не желавших портить отношения с Ришелье, рассчитывать английской короне не приходилось. В августе 1627 года посол Голландии посетил Париж и предложил свои услуги в качестве посредника на мирных переговорах между Англией и Францией. Кристиан IV, потерпевший поражение от войск Валленштейна, послал своих представителей в Лондон уговаривать Карла I помириться с Францией. По словам венецианского посла, король Дании все время жаловался, что он оказался побежденным из-за отсутствия английской поддержки. Однако Ришелье полагал, что мир с англичанами возможен лишь после взятия Ла-Рошели. Поэтому Карл написал Бекингему: «Я ответил датчанам, что нет путей, достойных нашей особы, послать людей на переговоры, ибо я знал о французском нерасположении к ним».[105]

К началу 1628 года финансовые возможности короны были исчерпаны. Король обратился к членам Тайного совета «поискать все возможные способы достать деньги». Но большинство членов совета пожелали отказаться от чрезвычайных источников финансовых поступлений предыдущих лет — принудительного займа, косвенных налогов — и вернуться к обычным формам правления. Это означало созвать парламент. Карл согласился, но заявил, что желал бы видеть палату общин «ассамблеей народа, цементирующей монархию». Тогда английский король еще не думал править без парламента, считая чрезвычайные финансовые поступления временными мерами, а не альтернативой парламентской поддержке. В коротком меморандуме Карл заявил о своей любви к традиционным формам управления королевством.[106]

Так или иначе, но военные неудачи и полный финансовый крах заставили Карла I 17 марта 1628 года созвать парламент. В надежде на то, что палата общин проголосует за субсидии, король приказал арестовать главу иезуитской миссии в Лондоне епископа Чалседона и обещал ужесточить законы против рекузантов. Королю нужны были деньги на новую экспедицию к Ла-Рошели под командованием графа Денби. Парламент согласился предоставить лишь четверть требуемой суммы — 500000 фунтов, полагая, что это и так больше того, что заслуживает их монарх. В палате общин резко обнаружилась разница приоритетов лондонцев и провинциалов. Если члены парламента из Лондона еще как-то соглашались поддерживать военные замыслы короля, то провинциалов, испытавших на себе тяжесть чрезвычайных налогов и военных постоев, волновали прежде всего собственные права и свободы. Поэтому член палаты общин Томас Уинтворт предложил согласовать интересы центра и

графств. В парламенте разгорелись дебаты по поводу дела «пяти дворян», отказавшихся платить займы, по расквартированию войск и поимке дезертиров…

На средства, выделенные парламентом и англиканской церковью (20 000 фунтов), в конце апреля 1628 года была предпринята новая экспедиция к Ла-Рошели. Покинув Плимут, английский флот прибыл к месту назначения 1 мая. Французы хорошо укрепились в гавани, построив плотины, закрывающие вход в нее, и адмирал Денби после ряда безуспешных попыток прорваться в гавань вернулся в Англию.

После этой возмутившей всех новой военной неудачи 7 июня 1628 года парламент представил королю «Петицию о праве». Опираясь на «Великую хартию вольностей», этот документ провозглашал конституционные свободы, а также содержал перечень злоупотреблений, допущенных властью при формировании военных сил, взимании поборов и принудительных займов, сопровождавшихся незаконными арестами. Палата общин настаивала на смещении Бекингема и предании его суду. По всей стране распространилась сатира: «Кто правит королевством?» — «Король». — «Кто правит королем?» — «Герцог». — «Кто правит герцогом?» — «Дьявол». — «Давайте же герцога отправим к нему». Карл поспешил распустить парламент на каникулы, обещая созвать его вновь осенью того же года.

Внутренние проблемы военных лет ультимативно диктовали необходимость заключения мира. Король с горечью писал своей сестре Елизавете, что он не может избежать мира с Испанией, а принцу Вильгельму II Оранскому о том, что вынужден пойти на мирные переговоры, ибо «неспособен нести бремя войны с двумя большими державами». И при посредничестве венецианцев Бекингем начал секретные переговоры с Францией и Испанией о мире.[107]

Но для английского короля поражение его королевства было собственным поражением. Личные чувства заслонили рациональные мотивы, и Карл начал подготовку новой экспедиции к Ла-Рошели, хотя моряки не желали участвовать в экспедиции. Чтобы поднять их боевой дух, Бекингем распустил слух, будто бы после взятия Ла-Рошели французы намереваются вторгнуться в Англию вместе с испанцами. И даже гибель Бекингема 23 августа 1628 года от руки морского лейтенанта Джона Фелтона не остановила Карла I: слишком много сил и средств было потрачено на подготовку к экспедиции. Она лишь подстегнула его к действиям. Король встретил известие об убийстве близкого друга и соратника с невозмутимым видом, и придворные, следившие за выражением его лица, заключили, что

в глубине души он не был огорчен тем, что лишился министра, столь нелюбимого подданными. Но такая реакция, скорее, свидетельствовала об обратном — о слишком глубоком ударе и сильных переживаниях. Карл приказал привезти убийцу в Лондон и поместить в Лондонскую башню. Подвигу Фелтона рукоплескали, поэты воспевали его в стихах. В продолжение многих недель, пока продолжалось следствие, народ толпился у тюрьмы, чтобы взглянуть на своего «маленького Давида» и «освободителя».

Затем последовал новый позор. 10 сентября 1628 года английский флот в количестве 98 кораблей с 5000 моряков на борту в последний раз отплыл к Ла-Рошели. Экспедиция была предпринята в неудачное время: не летом, когда штормы разрушили плотины, преграждавшие вход в гавань, а когда французы их полностью восстановили. Английская эскадра под командованием адмирала Линдсея не смогла пробиться к блокированному городу. 28 октября истощенная Ла-Рошель сдалась на милость победителя. В живых в ней осталось всего 5400 человек. 30 октября Ришелье вступил в город. А Линдсей 1 ноября отплыл в Англию, по иронии судьбы попав в зимний шторм, который два дня спустя снес все укрепления французов. [108] От великого замысла Бекингема ничего не осталось.

Современные историки, лояльные к фавориту, полагают, что ему катастрофически не везло. С этим можно поспорить — в любом случае Бекингем не смог бы тягаться с Ришелье или даже с испанским министром графом Оливаресом. Пожалуй, близость фаворита к Карлу в первые годы его правления значительно повлияла на отчуждение между королем и парламентом. Но если посмотреть с другой стороны, герцог «оттягивал» недовольство подданных властью на себя. Впрочем, англичане, а, скорее, набиравшие силу кальвинисты-пуритане все яснее понимали, какая именно персона диктует политический курс.

Неудачная внешняя политика короля и его фаворита привела к финансовому истощению королевства. Положение усугублялось тяжелой ситуацией на европейском театре военных действий. Неудачная осада померанского порта Штральзунда Валленштейном весной 1628 года показалась незначительным эпизодом по сравнению с Любекским миром 1629 года, обязывавшим Кристиана IV больше не вмешиваться в европейскую войну, и Реституционным эдиктом, возвещавшим о восстановлении католических духовных владений, прекративших существование по условиям Аугсбургского религиозного мира 1555 года. Конфессионально-политическая ситуация в империи и Европе изменилась в пользу католиков. Габсбурги, Католическая

лига и Испания торжествовали успех.

На новой сессии парламента (январь — начало марта 1629 года) королю было недвусмысленно сказано, что внешнюю политику надо проводить с ясной головой. В специальном меморандуме палаты общин от 24 февраля указывалось, что «наше желание — усилить протестантские церкви в христианстве», поскольку «победоносное предприятие церквей Германии и Франции значительно ослабило наши позиции». Затем оппозиция перешла к критике внутренних мероприятий правительства. Вопрос о взимании пошлин, поводом к чему послужила конфискация товаров члена парламента Джона Ролла, стал главным камнем преткновения. Многие депутаты рассматривали конфискацию как нарушение «Петиции о праве», утверждая, что привилегия свободы от ареста распространяется и на товары. Палата общин настаивала на том, чтобы король немедленно прекратил взимание потонного и пофунтового сборов.

Карл не мог согласиться на это условие, тем паче что в подобном тоне общины не разговаривали ни с одним из его предшественников. С его точки зрения, в столь сложных обстоятельствах привилегии народа должны на время уступить место прерогативе короля. Превратиться из монарха в раба своих подданных казалось ему величайшим позором. Карл тщетно пытался добиться от палаты уступки по вопросу таможенных пошлин, употребляя и угрозы, и кроткие убеждения. Палата осталась непоколебима, и 10 марта король заявил: «Никогда не входил я сюда в более неприятных обстоятельствах: я пришел распустить парламент. Единственная причина этого — возмутительное поведение нижней палаты. Не хочу обвинять всех: знаю, что в этой палате есть много честных и верных подданных, обманутых или запуганных несколькими изменниками, которые получат по заслугам. А вы, лорды верхней палаты, можете рассчитывать на всякое покровительство и милость, какую добрый король должен оказывать своему верному дворянству». После роспуска парламента девять парламентских лидеров, в том числе и Джон Элиот, были заключены в тюрьму, превратившись в мучеников свободы.[109]

Так неудачно завершился первый этап правления Карла I. Война одновременно с двумя крупными и сильными державами — Испанией и особенно Францией — вызвала внутриполитический кризис в Англии, кульминацией которого стала «Петиция о праве». «Поражение в войне с Францией было самой большой и самой чувствительной внешней неудачей с 1618 по 1640 год», — отмечали современники.[110] В 1629 году Лондон

заключил мир с Парижем, а в 1630 году — с Мадридом.

В истории, пожалуй, ничтожно мало коротких временных периодов, которые бы имели столько названий, как 1630-е годы в Англии. «Королевский мир», «безмятежные дни» — так их нередко именовали поэты и священники. Но обычно период между разгоном королем своего третьего парламента в 1629 году и созывом Короткого парламента в 1640 году называют временем «персонального правления» (наиболее стандартная форма) или «одиннадцатилетней тиранией». Эти термины в разном духе суммируют две важных черты этого периода: Карл I был своим собственным первым министром, а также управлял через институты и советников, лично отчитывавшихся перед ним.

Определенно в отсутствии парламента не было ничего исключительного. И при Якове I были долгие перерывы в его работе (1614–1621 годы, при этом с конца последней сессии 1610 года до начала заседаний 1621 года две палаты заседали только два месяца в 1614 году), да и сам созыв парламента относился к королевской прерогативе. Кстати, в Шотландии в 1630-е годы парламент собирался. Следует также заметить, что Карл разогнал парламент в марте 1629 года с публичным обещанием, что соберет его опять, когда «Наш народ будет ясно понимать Наши намерения и действия». Окончательно король решил не созывать обе палаты зимой 1631–1632 годов.[111]

Возвращение к мирному существованию требовало стабилизации финансового положения. Карл стал сам назначать губернаторов колоний, но из-за дальности расстояния и невозможности отправлять большие военные силы в колонии он был все же вынужден согласиться на сохранение некоторых элементов самоуправления. При нем в Америке появились частнособственнические колонии. Король жаловал или продавал там земли в управление крупным аристократам для поддержания определенного политико-правового устройства и бесперебойного пополнения казны. Первой колонией такого типа стало поселение под покровительством католика барона Балтимора к северу от реки Потомак близ Виргинии, названное в честь Девы Марии и супруги Карла Генриетты-Марии Мэрилендом. Просьба английских католиков о выделении в этом регионе территории для переселения была удовлетворена (отнюдь не безвозмездно!) королем в 1632 году, но им пришлось пообещать свободный въезд туда людей любого вероисповедания. Ряд территорий получили имя Карла. В 1634 году на севере Виргинии появились мыс Чарльз, графства Чарльз-Ривер и Чарльз-Сити. Правда, в 1643 году графства были переименованы в округа. Чарльз-Вивер стал

округом Йорк. Но и поныне в штате Виргиния существует округ Чарльз-Сити, сохранивший свое дарованное сыном Карла I Карлом II прозвище «Старый доминион», поскольку он оставался верным королю во время гражданских войн. Тот же Карл II в 1662 году назвал в честь отца колонию Каролина, позже разделенную на Северную Каролину и Южную Каролину, и ее главный город Чарльстон. Здесь же можно упомянуть о том, что политические потрясения середины XVII столетия в Англии усилили «английскую Америку». Коллапс местных цен и разрыв трансатлантической торговли после 1640 года вынудили колонистов опираться на собственные ресурсы и заложить основы будущего процветания.[112]

В 30-е годы в Англии наблюдались положительные сдвиги в экономике, в частности, была приостановлена инфляция, казна пополнялась. Но методы, которыми это достигалось, вызывали недовольство. «Нет денег и мало любви», — так можно суммировать фундаментальную проблему, которую Карл и его совет так и не смогли решить. Король, расходы которого после окончания войн в четыре раза превысили доходы, повысил обычные налоги и ввел ряд чрезвычайных без созыва и согласия парламента. Для увеличения доходов казны он воскресил всеми забытый закон 1279 года, который назывался «Наложение ареста на имущество рыцаря в обеспечение долга», согласно которому любой, кто получал 40 фунтов или больше со своих владений каждый год, должен был прибыть на коронацию короля и присоединиться к королевской армии как рыцарь. Опираясь на этот старый закон, Карл оштрафовал всех лиц, которые не смогли присутствовать на его коронации в 1626 году.

Особое возмущение подданных вызвало введение корабельных денег в 1634 году, несовместимое, по мнению юристов того времени, с традициями и обычаями англичан. Согласно статутам Эдуарда I и Эдуарда III, этот налог взимался только во время войн и только с прибрежных районов. Однако Карл утверждал, что правовых препон к тому, чтобы собирать корабельные деньги в мирное время и со всего королевства, нет. Этот главный и наиболее прибыльный налог прежде всего обосновывался внешнеполитическими нуждами. В одной из королевских прокламаций говорилось о том, что «не может быть претензий к королевским прерогативам и королевской власти, если ее действия продиктованы необходимостью защиты королевства».[113]

К несчастью, у короля и без ведения военных действий было немало расходов. Хотя многие современники видели в Англии остров благополучия, изолироваться от европейской войны, как

оказалось, было невозможно. Много денег требовала политика в отношении Пфальца: Карл желал видеть свою сестру Елизавету и ее семью восстановленными в правах, но не на узурпированном престоле в Праге, а в замке Гейдельберга и не путем военных действий, а ценой покупки благоволения страны, которая может и обещает сделать это. Поэтому в первой половине 30-х годов. Англия поддерживала тесные отношения с испанской короной, во многом являвшиеся следствием секретных статей мира с Мадридом 1630 года. На фоне переговоров с Испанией и угрозы эфемерной франко-голландской блокады Фландрии сбор корабельных денег был призван усилить флот для патрулирования вдоль английских берегов. Когда же надежды вернуть Пфальц с помощью Испании рухнули, английская дипломатия была вынуждена обратиться к Франции и всей антигабсбургской коалиции, которые имели возможность отвоевать земли курфюршества силой. Вопреки распространенному в литературе мнению о том, что Англия с 1629 года из-за своей внешнеполитической несостоятельности не являлась объектом пристального внимания государств-участников европейской войны, следует отметить, что последние, стремясь использовать удобное стратегическое положение и флот Альбиона, частенько обращали взоры в его сторону. Между 1628 и 1641 годом около сотни послов побывали в Уайтхолле с целью заключить союзы либо сделать предложения о таковых.[114] Для Франции, Испании и Нидерландов проблема прохода через Ла-Манш и Па-де-Кале была очень значимой. Когда в 1634–1635 годах мощь английского флота значительно возросла вследствие введения корабельных денег, позиции Альбиона в Европе усилились.

В 1634–1638 годах корабельные средства обеспечивали от 150 до 200 тысяч фунтов ежегодно. Они поступали непосредственно в Морское казначейство, в результате чего лорд-адмирал граф Нортумберленд стал прямым бенефициарием налога. Оппозиция корабельным деньгам неуклонно росла, но двенадцать судей общего права, хотя и не без оговорок, заявили, что сбор этого налога в переделах прерогативы короля. В целом к 1637 году доходы королевской казны составляли 1 млн. фунтов в год, что было на 50 процентов выше, чем в 1625 году. Таким образом, Карл I по уровню доходов оставил позади своего осторожного отца. В 1637–1638 годах обвинение Джона Хэмпдена, отказавшегося платить корабельные деньги, вызвало протесты по всей Англии. Это в немалой степени обуславливалось тем, что в 30-е годы XVII века в королевстве, если брать период с 1500 по 1750 год, было больше всего молодых людей в возрасте 26–35

лет. Многие из них не состояли в браке, а ведь, как правило, те, кто молод и не женат, активнее выражают свое недовольство.[115]

На что еще уходили деньги?

Обладая прекрасным вкусом и легко отличая руку мастера от кисти учеников, Карл покровительствовал величайшим художникам своего времени. При его дворе было заметным фламандское влияние. Прибывший в Англию в 1629 году в качестве испанского посла Питер Пауль Рубенс по заказу короля расписывал потолок великолепного дворца в Уайтхолле, а его ученик, с 1632 года «главный живописец на службе Их Величеств» Антонис Ван Дейк, создал целую галерею портретов Карла и его семьи. На картинах Ван Дейка король часто предстает в образе неоримского императора, скорее героя мира, нежели военного триумфатора. Рубенс и Ван Дейк были посвящены королем в рыцари. Карл собрал одну из лучших коллекций ренессансного искусства своего времени. По некоторым подсчетам, в этой коллекции только картин было 1760. Старалась соответствовать супругу и Генриетта-Мария. Она не упускала любой возможности познавать тонкости искусства, регулярно общаясь с Джонсом и Ван Дейком, и была главным покровителем архитектуры при каролинском дворе.

Островное государство Англия в те годы была единственным мирным островком в хаосе европейской войны. Не воюющий на континенте король позволял себе содержать пышный двор и менять сорочки по нескольку раз на день. Для своего времени он, в отличие от отца, был очень чистоплотен. Только на содержание дома короля уходило 260000 фунтов в год, что составляло примерно 40 процентов доходов короны. Карла обслуживали 1800–2600 человек, что вместе с их семьями приближалось по численности к населению Норича или Эксетера. Два раза в день королю готовили 24 мясных блюда, а в целом затраты на его ежедневный рацион позволяли в течение года содержать 2000 человек. Его министру Ричарду Уэстону немного удалось снизить расходы, но структурной реформы королевских финансов проведено не было. Она показалась слишком дорогой в политическом отношении — многие слуги короля считали своим правом получать дополнительный доход за счет казны.

Еще король и королева играли в маски, принимая участие в изысканных пьесах, символизируя тем самым восстановление порядка из хаоса, мира из войны, любви из ненависти. Именно эту роль в жизни приписывал себе Карл, не забывая и о своем величии: например, в маске «Триумф Альбиона» (1632) он предстает в роли романо-британского императора Альбанактуса из кельтской мифологии. Дизайном одежды короля для этой

маски занимался Иниго Джонс, скопировавший костюм для Карла с античного барельефа, на котором император Траян коронуется Викторией. Маски в неоплатоническом и пасторальном духе просочились и на общественную театральную сцену, хотя и нередко с пародийными нотками. В каролинской поэзии лирика преобладала над эпическими произведениями, определив появление таких поэтов, как Роберт Геррик, Томас Керью, сэр Джон Сьюклинг.

Ничего непристойного во времяпрепровождении Карла и его семьи не было. Король слишком трепетно относился к соблюдению приличий, чего требовал и от своих придворных. Но за стенами дворца многие его подданные считали, что король осквернил себя сексуальной близостью с дочерью Рима, а маленькая француженка представлялась пуританскими проповедниками паписткой, распространявшей католицизм при дворе.[116] Правда, многие аристократы, поддерживаемые королевой, действительно меняли веру, однако это явление не было массовым. В 1630-х годах адвокат Уильям Принн написал трактат, в котором сравнивал женщин, играющих на сцене, с развратницами — в те времена выступать в театре разрешалось только мужчинам. И без конкретных имен было ясно, что удар нацелен на Генриетту-Марию. Начался судебный процесс, в результате которого Звездная палата приговорила адвоката к позорному столбу, клеймению и отрезанию ушей. Но Принн не угомонился и впоследствии еще раз подвергся аналогичному наказанию.

После смерти Бекингема Карл не имел фаворитов. Точнее, их заменила ему королева. В отличие от отца он был любезен и почтителен со всеми дамами, но страсть свою предназначал единственно супруге, которой хранил верность и во всем доверял. Начиная с 1628 года в королевском доме воцарился мир. В последующие годы Генриетта-Мария наслаждалась счастьем с любимым и любящим мужем и детьми. Несмотря на то, что их первенец умер, не прожив и нескольких часов, королева, чья жизнь в тот момент висела на волоске, быстро поправилась, и впоследствии рождение детей не представляло угрозы матери. За Чарльзом, принцем Уэльским (будущий Карл II, 1630), последовали Мария-Генриетта (1631), Джеймс, герцог Йоркский (будущий Яков II, 1633), Елизавета (1635), Анна (1637), Кэтрин (1639) и Генри, герцог Глостерский (1640). В семье царили теплые отношения, и даже после смерти родителей дети были дружны.

В конце 1638 года в Англию приехала мать Генриетты-Марии

Мария Медичи, которую королева не видела более тринадцати лет. Запутавшаяся в интригах и разругавшаяся с Людовиком XIII и кардиналом Ришелье, Мария Медичи была вынуждена в 1631 году бежать за границу, сначала во Фландрию, а после в Кельн. Сын наложил секвестр на владения матери во Франции, и финансовые затруднения вкупе с почтенным возрастом (к тому моменту вдове Генриха IV минуло 65 лет) заставили ее искать более спокойное пристанище. В Лондоне она была принята тепло, а Карл I назначил теще солидное содержание, хотя и не приглашал ее. Мария охотно общалась с дочерью, радовавшейся ее приезду, и внуками. Без интриг она жить не могла и безуспешно пыталась склонить зятя к союзу с Габсбургами против Франции.

Да и сама Генриетта-Мария любила вмешиваться в политику и хотела, чтобы ее супруг советовался с ней и ничего не предпринимал без ее согласия. Если Карл не делал этого, она укоряла его, говоря, что он не умеет ни любить, ни править. Но в окружении короля было несколько влиятельных министров, среди которых особо выделялись сэр Томас Уинтворт (граф Страффорд с 1640 года) и архиепископ Кентерберийский Уильям Лод. Люди талантливые, независимые по убеждениям и при этом преданные короне, они, по сути, конкурировали с желаниями королевы и претензиями двора. Кроме ненависти подданных короля они получили неприязнь Генриетты-Марии и зависть аристократии. Но Карл не поступался своими советниками, будучи уверен в их способностях и преданности. Вместе с тем, опираясь на них, он был не в состоянии подчинить двор их власти. Это создавало множество мелких, но беспрерывных проблем, в конечном итоге вылившихся в грандиозный конфликт.

Королю удалось отнять у парламента одного из самых ярких его представителей: Уинтворт получил титул барона и стал членом Тайного совета, несмотря на упреки и даже угрозы прежних соратников. В свое время он выступал против герцога Бекингема и принудительных займов, за что был лишен должности мирового судьи и по приказу короля шесть недель провел в тюрьме. В 1628 году он сыграл важную роль в принятии «Петиции о праве», но затем перешел на сторону короля. Один из наиболее умных людей своего времени, честолюбивый сэр Томас стремился к почестям, не ведая, какой конец его ожидает. Карл полагал, что бывший оппозиционер будет строго поддерживать ту власть, которая стала его собственной. Король просчитался — его намерения настолько противоречили целям оппозиции, что те люди, которых он привлек на свою сторону, утратили всякий авторитет среди своих товарищей и, более того, превратившись в

объект непримиримой ненависти, рассматривались как предатели.

В 1632 году Уинтворт был назначен лорд-наместником Ирландии. На этом посту он проводил достаточно жесткую политику, что привело к недовольству населения в Ирландии и усилило его критику в Англии. Тем не менее своими энергичными действиями королевский наместник сумел поддерживать порядок на Зеленом острове: при нем таможенные сборы выросли с 25000 фунтов в 1633–1634 годах до 57000 в 1637–1638 годах. Главным помощником Уинтворта в Ирландии был герцог Ормонд. Они вместе планировали — с целью подрыва влияния здесь католического дворянства — изъять в пользу короны принадлежавшие католической церкви обширные земли. В конечном счете их планам не суждено было сбыться — недовольство ирландцев привело к восстанию 1640 года.

На фоне назревавших конфликтов все большее значение приобретали конфессиональные противоречия. Вопрос о том, в каком направлении должна прогрессировать английская Реформация, постоянно выходил при Карле на первый план политических дебатов. Король испытывал симпатию к арминианскому учению, но при этом римско-католическая церковь с ее единством, унифицированностью, непогрешимостью, пышной красотой церемоний и строгой иерархией представлялась ему образцом идеального церковного устройства. Но центр такой церкви должен был находиться не в Риме с его непомерными политическими претензиями и иезуитами, которых Карл называл «католическими пуританами», а в архиепископстве Кентерберийском. Король намеревался соединить церковь и власть.

В этом ему был призван помочь Уильям Лод, назначенный архиепископом Кентерберийским в 1633 году после смерти прежнего архиепископа Эббота. С восшествием Карла на трон Лод постепенно становился одной из главных фигур в английской церкви. По просьбе короля он составил список священнослужителей, пометив каждое имя буквами «О» и «П» — «ортодокс» и «пуританин». Первых ожидало покровительство Карла, вторые лишались его поддержки. Лод всегда принимал сторону короля в спорах с палатой общин, которая утвердилась во мнении, что он — лютый враг гражданской свободы и религиозной истины. Архиепископ выступал против римского двора, горячо проповедовал даже против службы, совершаемой в капелле королевы, но в то же время обнаруживал такую склонность к системе римской церкви, что папа счел возможным однажды предложить ему кардинальскую шапку.

Проблема заключалась в том, что Лод проводил жесткую конфессионально-государственную политику. Идея реформы церкви у него совмещалась с необходимостью усиления абсолютной власти, им владело желание внести коррективы не в теологию, а в порядок и дисциплину. Идеалом церкви для Лода прежде всего была сильная церковь, диктующая мораль и право для всех жителей королевства. Церковь, по его разумению, должна была объединять общество. Это значило, что ей следовало быть терпимой, и в первую очередь по отношению к государству. Назначение церкви — прославлять власть, порядок и иерархию. Поэтому политика Лода была снисходительной к тем, кто хранил лояльность к королю и правительству.

Но реформы архиепископа, такие, как попытка обеспечить религиозное единообразие, уволив нонконформистское духовенство, и закрытие пуританских организаций, были крайне непопулярны в обществе. Для наказания тех, кто отказывался их принять, Лод использовал суды Высокой комиссии и Звездной палаты. Первый мог заставить частных лиц сделать признательные показания, в то время как последний, будучи, по существу, расширенным заседанием Тайного совета, мог приговорить, за исключением смертной казни, к любому наказанию, и даже к пыткам. Обвиняемые часто представали перед судом без обвинительного заключения, без судебного процесса или права на очную ставку, а их показания извлекались силой.[117]

Церковь постепенно прибирала к рукам гражданскую и судебную области управления. Никогда столько духовных лиц не заседало в Совете короля и не занимало столько важных государственных должностей. Самоуверенность Лода простиралась до того, что, вручив епископу Джаксону жезл государственного казначея, он воскликнул: «Теперь пусть церковь живет и поддерживается сама собой. Все сделано. Больше я ничего не могу». Все это вызывало ропот в королевстве, что не укрылось от внимания иностранных послов. Вскоре распространилось мнение, что правление Карла I неблагоразумно и непрочно, несмотря на растущее благосостояние Англии.

Тогда как внутренние реформы короны были определенными, во внешней политике постоянно менялись приоритеты. Перевес Габсбургов и Католической лиги в конце третьего этапа Тридцатилетней войны, объявление Парижем войны Испании 19 мая 1635 года, безрезультатные англо-испанские переговоры заставили Карла I задуматься о вступлении и европейскую войну и возврате Пфальца вооруженным путем. Такой поворот позволил бы, как полагали его советники, приструнить поднимавшую

голову оппозицию, связывавшую дружественные отношения с Испанией и политику Лода и Страффорда воедино. Но затем, в 1638 году, короля испугал перелом в европейской войне, благоприятный для Франции и всей антигабсбургской коалиции. Французский флот одержал победы в Средиземном море и в Атлантическом океане, а победа находившегося на французской службе Бернгарда Саксен-Веймарского при Рейнфельдене и взятие им Брейзаха в конце года перерезали испанские коммуникации через Эльзас. И когда в конце этого года сыновья Фридриха V Карл-Людвиг и Руперт были пленены и заключены в главном городе Верхней Австрии Линце, первое, что сделал Карл — обратился за помощью к Мадриду, за которую он готов был предоставить корабли для военных действий.[118]

Когда Карл при помощи Лода попытался распространить свою религиозную политику в Шотландии, он столкнулся с многочисленными трудностями. Родившись в Шотландии, он тем не менее был отчужден от своего северного королевства. Его первый визит туда состоялся лишь в связи с шотландской коронацией в 1633 году. К ужасу шотландцев король настоял, чтобы коронация прошла по англиканскому обряду. А в 1637 году он приказал использовать в Шотландии новый молитвенник, который был почти идентичен английской Книге общей молитвы, не спросив об этом ни шотландский парламент, ни церковь. Хотя этот шаг был поддержан шотландскими епископами, он вызвал сопротивление многих шотландцев, которые увидели в новом молитвеннике средство для введения англиканства в Шотландии. К тому же для перемен в шотландских делах был выбран самый неудачный момент, поскольку во второй половине 30-х годов этот регион особенно страдал от плохих урожаев. В 1637 году в первое воскресенье использования молитвенника повсюду вспыхнули спонтанные беспорядки, а общество начало сплачиваться вокруг Национального Ковенанта — манифеста шотландского движения в защиту пресвитерианства. Менее чем за шесть недель под знамя Ковенанта встала вся Шотландия. В стороне остались только королевские чиновники, несколько тысяч католиков и город Абердин. Когда в ноябре 1638 года собралась Генеральная ассамблея Шотландской церкви, она осудила новый молитвенник, отменила епископальную организацию церкви и приняла пресвитерианскую организацию со старейшинами и диаконами.[119]

Карл I воспринял беспорядки в Шотландии как восстание против своей власти и не признал решения Генеральной ассамблеи; в результате стороны начали готовиться к войне. Король обошелся без парламентской помощи, однако

хронический дефицит казны не позволил ему собрать значительную армию. Более того, симпатия к шотландским протестантам способствовала деморализации английских солдат. План военной кампании Карла заключался в одновременной атаке с трех направлений: армия короля должна была атаковать Шотландию с юга в направлении Эдинбурга, флот — высадить десант в Абердиншире для поддержки королевских отрядов маркиза Хантли, а в Кинтайр планировалось вторжение ирландских сил графа Антрима.

Ковенантеры заранее подготовились и собрали средства, на которые закупили на континенте вооружение и обмундирование. Они обратились к Швеции с просьбой разрешить шотландским солдатам на шведской службе вернуться домой и предоставить Шотландии амуницию и оружие против Англии. Шведский канцлер Оксеншерна, который ассоциировал шотландское восстание с войной Швеции за независимость столетием раньше (1521–1523), послал около 30 тяжелых пушек, 4000 мушкетов и столько же мундиров, а также отпустил домой 300 шотландских офицеров. В Шотландию вернулись несколько опытных полководцев, участвовавших в Тридцатилетней войне, среди которых выделялся Александр Лесли. Восставших поддержали шотландские поселенцы в Ольстере и английские пуритане. Военное превосходство шотландцев в этой войне, получившей название Первой Епископской, было очевидным. Уже в январе 1639 года ковенантеры овладели двумя королевскими замками, а в июне граф Монтроз захватил Абердин. Попытки вторжения в Кинтайр были отбиты войсками графа Аргайла. В мае королевские войска прибыли в Бервик и попытались форсировать реку Твид, однако были остановлены армией Александра Лесли. 18 июня 1639 года гам было заключено перемирие между королем и ковенантерами. Стороны обязались сложить оружие, а Карл обещал созвать шотландский парламент и передать спорные вопросы на его рассмотрение.

Это перемирие ослабило его позиции сразу по четырем пунктам. Во-первых, король проиграл, несмотря на военное превосходство, и потерял свой лучший (если не единственный!) шанс победить шотландцев. Во-вторых, Карл, хотя и временно, отступил от ранее принятой позиции — «Я лучше умру, чем удовлетворю эти ужасные требования!», что дискредитировало не только его, но и его советников. В-третьих, памфлеты, появившиеся в Англии во время шотландского кризиса, инициировали дебаты по вопросам, которые раньше были табу, — литургии, церковному управлению, ограничению королевской власти; обсуждалась даже возможность оправдания

сопротивления. И в-четвертых, Карл стал банкротом. Кампания стоила 1 млн. фунтов, казна была пуста.[120]

Правда, перемирие король попробовал использовать для переговоров с умеренными ковенантерами, включая Монтроза. Но компромисса стороны не достигли: Карл по-прежнему настаивал на сохранении епископата в шотландской церкви. Раздосадованный, он прервал переговоры и вернулся в Лондон, отказавшись участвовать в работе Генеральной ассамблеи и парламента Шотландии, которые не только подтвердили в августе ликвидацию епископата, но и объявили, что сам пост епископа противен божественным установлениям. Лидеры ковенантеров начали переговоры с Францией о военной поддержке. Они послали своего представителя Колвилла в Париж с письмом, озаглавленным «Королю» (Au Roi), в котором было упомянуто о традиционной франко-шотландской дружбе и содержалась просьба о помощи, поскольку Людовик XIII «защищает все обиженные государства». Но хотя англо-шотландская война нашла подробное описание во французской прессе, Людовик XIII, а точнее, его первый министр кардинал Ришелье не отреагировали так, как того ожидали шотландцы. Крестьянские восстания во Франции и война, требующая много средств, не позволили это сделать. Да и традиционные связи французов и шотландцев в условиях англо-шотландской унии приобретали совсем иной смысл.

Попытки Карла I получить из Испании финансирование и поддержку его пфальцских родственников привели к конфузу в битве при Доуне 21 октября 1639 года, когда голландцы адмирала Тромпа уничтожили испанский флот, груженный золотыми слитками, в поле зрения побережья Кента и английского флота. Тем временем в Мадриде при посредничестве венецианца Вергилия Мальвеззи между Англией и Испанией шли переговоры о предоставлении Оливаресом помощи против ковенантеров. Испанский министр обещал послать 8000 солдат в Шотландию, за что Лондон должен был выставить свой флот против Франции и Соединенных Провинций. Но португальское и каталонское восстания в Испанском королевстве тормозили ход переговоров.

В феврале 1640 года курфюрст Пфальцский Карл-Людвиг был освобожден из заключения в Линце. Он встретился с Людовиком XIII и Ришелье, пообещавшим послать армию герцога де Лонгвиля в Пфальц. Затем Карл-Людвиг отправился в Лондон просить совета и поддержки своего дяди, чтобы не оказаться в полной зависимости от Франции.[121]

Но английский король в этот момент находился в нелегком

положении. Ему самому требовалась поддержка. Когда маркиз Мальвеззи покинул Испанию, он не предполагал, что по прибытии в Англию застанет страну в лихорадочном состоянии выборов в парламент. Для Англии и всей Европы наступали новые времена.

Решать проблемы, которые он сам создал, король возложил на графа Страффорда. А тот вместе с Лодом не придумали ничего лучшего, как посоветовать ему созвать парламент. И в первые месяцы 1640 года английский монарх созвал парламенты в Лондоне и Ирландии для утверждения субсидий на продолжение войны с Шотландией. В марте парламент Ирландии проголосовал за выделение субсидий в размере 180000 фунтов с обещанием собрать 9-тысячную армию к концу мая. Но с депутатами созванного 13 апреля английского парламента отношения зашли в тупик. С целью пробудить их патриотизм была оглашена секретная переписка шотландцев с королем Франции. Однако, по мнению вождей оппозиции, главная опасность для страны сейчас заключалась не в шотландцах, а в угрозе английской свободе и вольностям парламента. Графы Нортумберленд и Страффорд пытались достичь компромисса, по которому король согласился бы лишиться корабельных денег в обмен на 650000 фунтов, хотя грядущая война оценивалась примерно в 1 млн. фунтов. Но даже этого оказалось для палаты общин недостаточно. И тогда Карл, опиравшийся на поддержку палаты лордов, несмотря на протесты Нортумберленда, парламент распустил. Это произошло 5 мая 1640 года, менее чем через месяц после того, как он был созван, за что и получил название Короткого.[122]

В конце лета 1640 года началась Вторая Епископская война. Главным советником короля в это время стал вернувшийся из Ирландии граф Страффорд, энергично приступивший к реорганизации королевской армии и поиску новых источников ее финансирования. С огромным трудом удалось собрать и двинуть в поход войско, состоявшее из 19000 пехоты и 2000 кавалерии. Однако инициатива вновь перешла к шотландцам. 20 августа Лесли перешел Твид и вступил на территорию Англии. Пройдя быстрым маршем по Нортумберленду, шотландцы одержали победу над английской армией лорда Конвея в битве при Ньюберне. 30 августа Лесли захватил Ньюкасл. В армии Карла начались волнения, и он был вынужден пойти на переговоры с шотландцами.

24 сентября Карл сделал отчаянный и необычный шаг, собрав древний совет всех пэров королевства, которые считались наследственными советниками короля. Пэры рекомендовали ему заключить мир с шотландцами и вновь созвать парламент. По Рипонскому перемирию 26 октября 1640 года шотландцы оккупировали шесть графств Северной Англии и получали от короля денежное содержание в размере 850 фунтов в день. Переговоры продолжились в Лондоне, где король, попавший в отчаянное положение, был вынужден в ноябре созвать новый

парламент, чтобы санкционировать налог для выплаты шотландцам.[123]

Карл желал мира, но мира по-своему. Относительное спокойствие в его жизни закончилось.

Парламент объявил себя перманентно работающим и, просуществовав до 1653 года, вошел в историю под названием Долгого парламента. В начале работы Долгого парламента большинство из его 500 членов требовали коренного переустройства государственного аппарата. Общины выступали решительно. Они возбудили судебный процесс против главных советников короля. Наиболее опасным из них для парламента был граф Страффорд, которого современники, а затем и историки считали главным проводником королевской «политики напролом». Страх, что Страффорд нанесет удар первым, вкупе с политическими амбициями подтолкнул лидеров парламента к аресту ненавистного советника короля.

Он обвинялся за советы Карлу использовать ирландскую армию против «бунтовщиков» в Англии, уничтожить главарей оппозиции и ввести в королевстве чрезвычайное положение. В долгой и красноречивой речи в свою защиту Томас Уинтворт отверг все выдвинутые против него обвинения. Несмотря на это, графа признали виновным в ущемлении свободы подданных, и королю, находившемуся в безвыходном положении, пришлось утвердить это решение. Но он всячески пытался избежать или хотя бы отложить смертный приговор. Карл ценил Страффорда и под «честное королевское слово» гарантировал ему личную безопасность и имущественную неприкосновенность. Он надеялся на поддержку палаты лордов, но палата общин изменила процедуру принятия решения так, что судебный процесс уступил место прямому и скорому голосованию. Да и палата лордов 7 (8) мая одобрила билль о казни Уинтворта, который еще несколькими днями ранее в письме королю освободил Карла от обязательства защищать его жизнь. Параллельно многотысячная толпа вооруженных лондонцев осадила Уайтхолл и не расходилась в течение 36 часов. В этих условиях Карл, как свидетельствуют очевидцы, со слезами на глазах был вынужден нарушить свое слово и уступить воле парламента. Он оправдывал (перед другими и прежде всего перед самим собой) подписание билля спасением своей семьи, которой угрожала толпа. Свидетель тех событий Уильям Сандерсон отметил, что «в одночасье росчерком пера король потерял свою прерогативу, да и жизнь Страффорда тоже». 12 мая 1641 года под ликующие возгласы толпы палач положил конец жизни графа.

Карл мучился, согласившись на казнь своего министра,

однако возможностью для примирения, которую предоставил ему граф, он не воспользовался не смог. Он просто не мог представить, что ждет его в будущем.

Обвинения были выдвинуты и против других министров Карла. Одни из них бежали, другие оказались в Тауэре. Архиепископ Лод был в числе последних. Очевидно, Лод понял, куда ведут события, и сказал обвинителям: «Ваше желание лишить меня жизни не может быть сильнее, чем мое стремление умереть». Спустя несколько лет, 10 января 1645 года, казнили и его, несмотря на помилование короля. Он принял смерть с мужеством и достоинством, непоколебимый в своих религиозных убеждениях. Любопытно, что в том же 1641 году шут Карла I Арчибальд Армстронг, подвизавшийся в этой должности еще при его отце, написал следующие строки: «Изменения времени точно не могут быть малыми, когда шуты поднимаются, а архиепископы падают». Обладая солидным опытом жизни при дворе, он чувствовал, куда ведут события. Но увидеть трагедию полностью он не успел, поскольку в 1642 году умер.[124]

Лидеры парламента обосновывали свои действия стремлением к защите политических и религиозных свобод, подрывавшихся «дурными советниками», вставшими между королем и народом. Нельзя сказать, что они просто тянули время, чтобы заручиться поддержкой большинства, а затем прямо атаковать Карла. Принципы легитимности монаршей власти были еще незыблемы. Но оппозиция не доверяла Карлу и желала связать его в будущем. Поэтому утверждение Трехгодичного акта, запрещавшего прекращение работы парламента без согласия короля, и уничтожение прерогатив двора означали фактическое посягательство палаты общин на верховную власть в стране. Акт об упорядочении Тайного совета и упразднении Звездной палаты, единодушно утвержденный и общинами, и лордами, отменял обе эти инстанции. И только затем парламент проявил щедрость — в королевской казне появились средства для оплаты и роспуска стоявших на севере армий шотландцев и англичан.

Кроме того, парламент потребовал удаления из страны монаршей тещи-католички. Но и сама Мария Медичи, беспокоившаяся из-за начинавшейся смуты, предпочла уехать на континент, получив солидную денежную компенсацию от палаты общин. Она скончалась в Кельне летом 1642 года.

21 июня 1641 года между Англией и Шотландией был заключен Лондонский мир: Карл I обязался утвердить все постановления шотландского парламента, принятые со времени начала восстания в 1637 году, объявить амнистию участникам мятежа и войны и вывести королевские гарнизоны из Бервика и

Карлайла. Шотландская армия должна была получить денежную компенсацию в размере 300000 фунтов, до выплаты которой сохранялась оккупация северных графств Англии. В 1641 году король совершил поездку в Эдинбург, где утвердил решения шотландского парламента и возобновил переговоры с умеренными ковенантерами.

Он делал все возможное, чтобы их успокоить, посещая пресвитерианские службы и повысив статус их лидеров. Именно тогда Лесли стал графом Левеном, а Аргайл — маркизом. Но его оппоненты требовали еще больше пожалований, а особенно права вето в отношении всех крупных назначений — советников, судей, старших офицеров и т. д. 16 сентября Карл неохотно предоставил это право, но параллельно создал роялистскую фракцию из тех, на кого ковенантеры определенно могли наложить вето. В течение следующих четырех недель грум опочивальни короля и его близкий компаньон с детства Уильям Мюррей составил заговор с целью ликвидировать главных шотландских оппонентов Карла. Полковник армии ковенантеров Джон Кочрэйн предложил заманить Аргайла и герцога Гамильтона в королевские апартаменты в Холируде, арестовать их и отправить под охраной в Эдинбургский замок. Но заговор расстроился: два солдата, задействованные в аресте (и, если понадобится, и в убийстве), выдали план своим потенциальным жертвам, которые покинули Эдинбург 12 октября, оставив Карла «объяснять инцидент» шотландскому парламенту. Король отрицал свою причастность к заговору, Мюррей и его товарищи единодушно заявляли, что они действовали самостоятельно, но ни в шотландском, ни в английском парламентах им не очень-то верили. Ковенантеры закрепили свое право вето, подтвердив опасения Карла, что он «будет иметь не больше власти в Шотландии, чем дож Венеции». [125] А в Лондоне этот инцидент только усугубил недоверие к монарху — ведь он способен на коварство!

Известие о вспыхнувшем в октябре 1641 года восстании в Ирландии еще больше накалило атмосферу в Лондоне и во всем королевстве. Какова бы ни была оппозиция старых английских членов ирландского парламента, по вероисповеданию католиков, политике Страффорда, к Карлу они относились лояльно и считали, что он был введен в заблуждение пагубным влиянием графа. Другое дело — новые английские поселенцы в Ирландии, бывшие пуританами и сочувственно относившиеся к деятельности английского парламента. Из событий 1640–1641 годов в Англии они сделали свои выводы. Успех процесса против Страффорда ослабил влияние Карла в Ирландии и в то же время обеспечил естественный канал для сотрудничества между ирландской и

старой английской католической знатью. Восстание возглавляли знать и католическое духовенство, противопоставлявшее себя протестантской Англии и бывшее символом борьбы для участвовавших в бунте крестьян. Цели восставших были умеренными: веротерпимость как гарантия безопасности земель и имущества католиков, возврат конфискованных земель (или их части), прекращение произвола английских властей. Восстание осложнялось тем, что эти требования были выдвинуты представителями англо-ирландской знати, в то время как коренные ирландцы выступали за более решительные действия. В октябре 1642 года восставшие образовали Ирландскую конфедерацию католиков, которая смогла установить связи с Папой Римским и католическими государствами Европы.

Эмиссары короля в Ирландии, стремившиеся нажиться на конфискациях, уверили его в том, что в восстании замешаны все католики королевства, и постарались всеми средствами превратить локальный конфликт в гражданскую войну. В Лондоне появились панические брошюры о тысячах ирландских протестантов, будто бы павших от рук мятежников, которые якобы действовали от имени короля и при поддержке Генриетты-Марии и Папы Римского.[126] Неудивительно, что сквайры и купцы, заседавшие в Долгом парламенте (а среди них было немало владельцев земель в Ирландии), увидели в ирландском восстании смертельную опасность. Борясь за свободу в Англии, они считали вполне естественной и допустимой эксплуатацию Ирландии. Парламент выпустил заем под залог 2,5 млн. акров ирландской земли, которую заранее намечено было конфисковать у «мятежников». Новый заем раскупался в Лондоне охотно и быстро. Сам Карл делал все возможное, чтобы утихомирить мятеж. На повестку дня встал и другой вопрос — о вооруженных силах и о том, кто должен ими распоряжаться: король или парламент. Карл намеревался использовать события в Ирландии в своих интересах, но и парламент не собирался выпускать из своих рук контроля над армией. Лидеры нижней палаты знали, что король мог с одинаковым успехом использовать ее как против ирландцев, так и против них самих. В свою очередь, роялисты боялись доверить армию палате общин, тем паче что создание армии и руководство ею всегда являлись правом и обязанностью короны.

В ноябре 1641 года палата общин приняла голосованием Великую ремонстрацию — длинный перечень жалоб на злоупотребления министров короля, совершенных за время его единоличного правления. Документ прошел большинством всего в 11 голосов — 159 против 148 при более чем 200

воздержавшихся. Многие после этого считали, что лидер палаты общин Джон Пим зашел слишком далеко.

Ситуация в Лондоне приближалась к анархии. Пытаясь укрепить свои позиции, король вызвал большую антипатию в столице, особенно когда назначил комендантом Тауэра полковника Томаса Лансфорда, печально известного, хотя и способного офицера. Когда же до Карла дошли слухи о готовящемся в палате общин импичменте Генриетты-Марии, он предпринял решительные действия, которые означали не только конец дипломатического тупика в отношениях между ним и парламентом, но и явились сигналом к началу гражданской войны. Он не без оснований подозревал, что некоторые члены парламента были в сговоре с шотландцами. И 3 января 1642 года Карл приказал парламенту изгнать шесть его членов на основании государственной измены. Получив отказ, он лично вознамерился арестовать пять из них. Возможно, именно Генриетта-Мария убедила супруга сделать это. Новость об аресте быстро дошла до Вестминстера, и разыскиваемые — Пим, Джон Хэмпден, Денсел Холлс, Уильям Строуд и сэр Артур Хейзелриг — 4 января ускользнули на лодке в Сити за несколько минут до того, как Карл вошел в палату общин с вооруженной охраной. Сместив спикера палаты Уильяма Ленталла со своей должности, король спросил его, куда бежали депутаты. Тот ловко ответил: «Прошу прощения, Baiue Величество, но у меня нет ни глаз, чтобы видеть, ни языка, чтобы говорить на том месте, на какое палата меня избрала, чьей слугой я здесь являюсь». Карлу ничего не оставалось, как с досадой заметить, что «все мои птички улетели», и ретироваться с пустыми руками. Ему не пришлось «вернуться через час хозяином своего королевства», как он пообещал супруге перед отъездом в Вестминстер. Сцена была крайне унизительной для монарха.[127]

Кстати, о его планах членов парламента предупредила графиня Карлайл, отважная, проницательная, в равной степени известная как красотой и остроумием, так и интригами особа, ставшая прототипом Миледи в романе А. Дюма «Три мушкетера». Люси Хэй, графиня Карлайл (урожденная Перси, 1599–1660), появилась на свет в семье Генри Перси, 9-го графа Нортумберлендского. Выйдя в 1617 году замуж за Джеймса Хея, 1-го графа Карлайла, она заняла прочное место при английском дворе. Через некоторое время Люси стала любовницей герцога Бекингема. Поэты Томас Карью, Уильям Картрайт, Роберт Геррик, Джон Саклинг и прозаик сэр Тоби Мэтью воспевали ее красоту. Правда, глядя на портрет, написанный Ван Дейком, в голову приходит мысль, что это восхищение было вызвано желанием

художника польстить самолюбию любовницы всемогущего фаворита. Возлюбленной Бекингема графиня была недолго — не объясняя причины, он прервал отношения с ней. Герцог не подозревал, какого врага он приобрел в лице Люси, ставшей из ревности и желания отомстить ему агентом кардинала Ришелье. Графиня сообщала кардиналу все известные ей сведения об отношениях Бекингема и Анны Австрийской.

От неразделенной любви графиня Карлайл страдала недолго. Она согревала постели и Томаса Уинтворта, и его политического противника Джона Пима. Примечательно, что ее политические пристрастия всегда совпадали с позицией очередного любовника. Неудивительно поэтому, что во время гражданского противостояния Люси неоднократно переходила на сторону то короля, то парламента. Будучи фрейлиной Генриетты-Марии, которая вместе с детьми позже нашла приют в Париже, графиня была посредником между ней и роялистами в Англии и параллельно посылала шпионские донесения в Лондон противникам короля. В конце концов в марте 1649 года ее арестовали и заключили в Тауэр, откуда она была выпущена в сентябре 1650 года. После освобождения Люси прожила еще десять лет, но, не имея прежнего влияния, никакой заметной роли в новой политической обстановке уже не играла. Вскоре после восстановления династии Стюартов на английском престоле в 1660 году она скончалась.

5 января мэр Лондона ответил Карлу I отказом на требование выдать «изменников». Обдумав ситуацию, король понял, что переборщил, и решил исправить свой промах. Он составил послание к парламенту, в котором признал неправомочными свои действия против обвиненных им его членов и заверил палаты в том, что отныне при всех обстоятельствах будет блюсти парламентские привилегии столь же ревностно, как свою жизнь и корону. Карл опоздал. Неудачная попытка ареста парламентариев была политически губительна для него. Ни один английский суверен никогда не входил в палату общин с вооруженным отрядом. Одним актом король уничтожил аргументы своих сторонников, что монарх — единственный оплот против растущей волны изменений и хаоса. Парламент быстро подчинил Лондон, и 10 января 1642 года Карл бежал из столицы во дворец Хэмптон-Корт, откуда начал путешествие на север, чтобы собрать армию против парламента.[128]

Негативная реакция парламента на «извинения» короля, возможно, была столь же губительна, но уже для Англии. Пожалуй, единственный раз этот бескомпромиссный человек готов был пойти на соглашение. Ведь в Лондоне он жил в

бессилии и страхе, а уехав оттуда и окруженный приверженцами, мог уже свободно строить планы победить унизившего его противника.

Посчитав место своей дислокации слишком близким к Лондону, Карл из Хэмптон-Корта переместился в Виндзор. Там было решено, что королева, взяв с собой бриллианты короны, отправится в Нидерланды закупать снаряжение, боеприпасы и просить помощи у монархов континента. В Голландии Генриетту-Марию и ее 11-летнюю старшую дочь Марию уже поджидал 16-летний принц Вильгельм II Оранский, муж принцессы, с которой они обвенчались за год до этого. Корабль долго не мог сняться с якоря в Дувре, так как король и королева никак не могли попрощаться. В тяжелые времена им, долгое время не расставававшимся, мысль о разлуке казалась невыносимой. В Гааге Генриетта-Мария встретилась и с сестрой мужа Елизаветой Богемской. Младшая дочь «зимней королевы» София была разочарована видом тетки — красавица на официальных портретах, Генриетта-Мария оказалась «очень маленькой особой, с тощими ручками, одним плечом выше другого». Тем не менее ее глаза, нос и цвет лица понравились маленькой принцессе. За год, проведенный за границей, королева заложила свои бриллианты и закупила на вырученные деньги боеприпасы и оружие. От статхаудера (правителя) Голландии Фридриха-Генриха она добилась получения лишь небольших сумм. Голландцы опасались, что тесный союз втянет республику во внутрианглийский конфликт, и поэтому Штаты оказали противодействие статхаудеру. Переговоры между Лондоном и Гаагой тянулись около двух лет, но к моменту гражданской войны предполагавшийся союз так и не был заключен.

Вообще члены английского парламента подозревали, что супружество Вильгельма Оранского и дочери Карла I направлено против них. «Многие опасаются стремительности, с которой был заключен этот брак», — писал находившийся в Англии шведский пресвитерианин.[129] В парламенте опасались, что принц Оранский поможет Карлу заключить мир с шотландцами и освободит королю руки. В Нидерландах же прежде всего преследовали цели борьбы против Испании.

Карл, чтобы выиграть время, продолжал переговоры с представителями обеих палат и постепенно удалялся в северные графства. 1 июня 1642 года пресвитерианское большинство парламента предприняло попытку избежать гражданской войны — палата лордов и палата общин направили Карлу, находившемуся в Йорке, «19 предложений». Но и они, как ранее король, опоздали. Карла взбесили даже не «пожелания» о

принятии мер против иезуитов и папистских священников, а также требование исключить из палаты лордов папистов (епископов). Камнем преткновения стал билль парламента, который прямо нарушал прежде никем не оспаривавшуюся прерогативу короля — призывать «под ружье» милицию и назначать лорд-лейтенанта. Парламент требовал роспуска набранной королем на севере армии и настаивал на заключении тесного союза с Соединенными Провинциями и другими протестантскими государствами для борьбы против папства и католических стран. 17 июня, как и следовало ожидать, Карл решительно отверг «19 предложений», усмотрев в них «покушение на конституцию и основные законы королевства». 22 августа 1642 года над Ноттингемским замком был поднят королевский штандарт — огромное знамя с изображением королевских гербов по четырем углам с короной в центре и указующим «с неба» перстом: «Воздайте кесарю должное ему». Это означало объявление королем войны «мятежному рыцарю» графу Эссексу, назначенному командующим парламентским ополчением. Так началась гражданская война.

В биографиях Карла I в этом месте почти всегда ставится вопрос: кто виноват в происшедшем — король или парламент? В развязывании войны, как видно, Карл, ибо в тот момент он, пережив унижение, был слаб, раздражен и зол, имея дело с теми, кому не доверял, — ковенантерами и парламентариями. В возникновении же конфликта 1640–1642 годов, скорее всего, были виноваты обе стороны, захлебнувшиеся в буре эмоций. А в формировании предпосылок политических потрясений в целом, всего того, что привело к гражданскому хаосу в королевстве, опять же король, своей политикой шедший вразрез с желаниями большинства подданных и не желавший понять происходящих перемен. Не случайно же «последний рыцарь на английском троне» начал войну, как средневековый суверен.

События середины XVII века в Англии и сегодня оцениваются по-разному. Но сложно спорить с утверждением современного историка Э. Хайеса о том, что «Английская революция была прежде всего массовым политическим движением, однако ее полное понимание может быть достигнуто только путем продолжения попыток связать политическую историю с экономическими, социальными и культурными подходами». Не стоит также забывать о том, что, как заметил в своей «Истории Англии» еще в XIX веке известный немецкий историк Л. фон Ранке: «Канал — не национальная граница».[130] Поэтому особо подчеркнем, что гражданские потрясения на Британских островах были тесно связаны с процессами, происходившими на

континенте. Они сопровождались общественными движениями в других странах Европы — такими, как Фронда во Франции, восстания в Португалии, Каталонии и Неаполе, освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого на Украине против Польши, попытка монархического переворота в Нидерландах… Все эти параллельные события, ставшие и реакцией, и способом преодоления противоречий и диспропорций переходного периода в различных областях жизни, получили в литературе название европейского кризиса середины XVII века. В этом смысле Английская революция — явление европейского масштаба, на которую влияли при всей их видимой разнородности события на континенте. Катализатором же европейского кризиса и его проявлением в международной сфере явилась Тридцатилетняя война.

Современники тех событий вполне осознавали, что живут во время всеобщего кризиса. Венецианский посол в Мадриде в 1648 году так описывал ситуацию в испанской монархии последних лет: Португалия и Каталония восстали, Восточная Индия с Бразилией потеряны вместе с Португалией, Вест-Индия захвачена голландцами, королевская казна опустошена, друзья стали врагами или равнодушными друг к другу… В исторических мемуарах и памфлетах, вышедших в Италии, Франции, Голландии и Англии, падение Испании сравнивали с падением всей Европы. Сто лет спустя Вольтер в своих «Рассуждениях о природе и духе нации» расширил ареал кризисных явлений до Марокко, Турции, Индии и Китая.[131] В представлении мыслящих людей того времени сущность происходящих в Англии событий состояла в решении конституционно-правовых проблем. Примерно так же представляли себе свои цели участники мятежей против правительств в других государствах Европы.

Реакцию на английские события правительств европейских государств, находившихся на последней стадии Тридцатилетней войны, трудно оценить однозначно. Можно лишь определенно отметить всеобщее неодобрение действий узурпировавшего власть парламента. У Карла I было немало сторонников не только в Англии, но и за ее пределами. Тринадцать выходцев из дома Виттельсбахов вследствие потери Пфальца оказались в той или иной степени втянутыми в события гражданской войны, и прежде всего принц Руперт Пфальцский, хотя его старший брат курфюрст Карл Людвиг поддерживал парламент.

Но могли ли правители Европы оказать хоть мало-мальски солидную поддержку роялистам? Тридцатилетняя война нанесла значительный урон экономике и культуре государств континента, в первую очередь германским княжествам. Население многих

районов Германии сократилось в два раза, а в ряде мест — в десять раз. Поэтому помощь роялистам от немецких государств заключалась преимущественно в присутствии единичных наемников либо представителей княжеских домов на службе английского короля. Более того, многие представители протестантских княжеств, подобно Карлу-Людвигу Пфальцскому, сочувствовали парламенту. В январе 1642 года пфальцский курфюрст писал английскому королю: «Правда заключается в том, чтобы иметь волю найти выход из положения, уметь говорить со своими подданными и вступать с ними в переговоры». [132]

Что касается Испании, то ее «золотой век» фактически закончился, когда 19 мая 1643 года молодой французский полководец герцог Энгиенский нанес сокрушительное поражение испанской армии у Рокруа в Южных Нидерландах. Рокруа стал символом разгрома военной и дипломатической системы Испании, после чего она уже не оправилась. Показательным в этом смысле стал уход в отставку графа Оливареса.

Отношение официальной Франции к Английской революции вплоть до возникновения Английской республики почти не менялось. Английская политика как Ришелье, так и сменившего его в 1642 году кардинала Мазарини заключалась в том, чтобы примирить враждующие стороны — короля и парламент — и втянуть Англию в европейскую войну на стороне антигабсбургской коалиции. В своих письмах английской королевской чете Мазарини настаивал не на продолжении войны с парламентом, а на переговорах с ним. В сентябре 1643 года он пишет в ответ на просьбу Карла о помощи, что «наши возможности (то есть французов. — *Л. И.*) непропорциональны Вашим желаниям (то есть англичан)», — и советует заключить мир с парламентом, надеясь на прочный союз двух корон на дипломатическом поприще. Франция не была заинтересована в поддержке состояния внутренней войны в Англии, как это нередко утверждается в литературе. С одной стороны, постоянные внутренние конфликты в Англии не могли не повлиять своим примером на начинавшиеся волнения во Франции (в письмах Мазарини звучали опасения в связи с тем, что «французский парламент может скопировать английский»);[133] с другой — заключенный компромисс давал возможность Англии участвовать в военных действиях на континенте.

Как бы то ни было, Карлу приходилось опираться почти исключительно на свои силы.

«Кто сказал, что величие Англии кануло в лету. Благодаря

Господу — Англия остров. Ей нужен сильный флот, и только флот».[134] Выступая в палате лордов в 1625 году, герцог Бекингем вряд ли кривил душой. Безусловно, островное положение Английского королевства давало ему неоспоримые преимущества перед другими европейскими странами, но спустя всего семнадцать лет после этой речи отсутствие большой сухопутной армии приведет к военному поражению роялистов в гражданской войне. Противостояние парламента и короля выявило большое количество недостатков в функционировании традиционной системы организации армии. Что же представляла собой эта система?

Верховным главнокомандующим был монарх. Но, как правило, должность главнокомандующего исполнял назначаемый королем генерал-капитан. Ему подчинялись лорды-правители графств (шерифы), которые были обязаны по королевскому указу выставить фиксированное количество всадников (в основном дворян) и пехоты из числа свободных крестьян-йоменов. Каждое графство и крупный город располагали своей милицией. Постоянная армия была малочисленной и насчитывала не более 3000 человек. В нее входили две роты королевских телохранителей и два полка королевской гвардии, комплектовавшиеся на добровольной основе. В теории наиболее многочисленной частью английской армии была милиция. Каждый свободнорожденный англичанин-собственник должен был иметь в своем доме оружие и проходить военную подготовку под руководством лейтенантов графств в течение двух месяцев ежегодно.

Постоянная армия содержалась за счет государственного бюджета, принятого парламентом, а конное ополчение и милиция — за счет средств графств и джентри. В случае необходимости парламент мог выделить дополнительные средства на наем людей и формирование полков на период войны. Для этого вводились чрезвычайные налоги. С такой системой организации и комплектования английская армия вступила в гражданскую смуту. Причем в равной степени это касалось как армии роялистов, так и армии парламента, которую ее противники называли презрительно «круглоголовыми».

Одно из первых крупных столкновений гражданской войны, битву при Эджхилле 23 октября 1642 года, одни историки трактуют как победу роялистского войска, другие же считают, что исход сражения был равнозначным для обеих сторон. Как бы там ни было, силы парламента отступили. Карл мог бы взять инициативу в свои руки и устремиться маршем на Лондон, и тогда, возможно, война бы завершилась быстрее. Но он доверился

мнению возглавившего роялистскую кавалерию своего племянника принца Руперта, способного военачальника, отличившегося на полях Тридцатилетней войны, который сослался на усталость войска и предложил отойти в ставку короля в Оксфорде. В этом университетском городе обосновались королевский двор и правительство, контролировавшее Среднюю Англию, Уэльс, запад и север королевства. Парламенту подчинялись кроме Лондона богатый и развитый юго-восток страны и Восточная Англия.

В 1643 году роялистская армия показала, какую угрозу она представляет для Лондона, а ее конница подтвердила свои высокие боевые качества. В июле парламентские войска сэра Уильяма Уоллера были практически полностью уничтожены при Раундвей-Даунс, а принц Руперт взял Бристоль — главный морской порт и второй по значению город королевства. Сам король особых успехов в этой кампании не добился. Ему не удалось перерезать пути отхода парламентской армии графа Эссекса к Лондону, он не смог использовать свой успех в сражении при Ньюбери 20 сентября 1643 года, и силы парламента вернулись в Лондон, где их встретили как героев.

Весной 1643 года в Англию вернулась Генриетта-Мария. Выйдя в море с немалыми трудностями и преодолев шторм, возле английского берега она подверглась преследованию парламентских кораблей. Не желая попасть в плен, ибо в таком случае Карл пошел бы на любые условия, королева приказала капитану взорвать корабль, если захват будет неизбежен. Однако все обошлось, и в Бридлингтоне она ступила на английскую землю. В ту же ночь дом, в котором она остановилась, был обстрелян с моря, но никто не пострадал. Поскольку путь к Оксфорду был отрезан парламентской армией, воссоединиться с Карлом она смогла лишь в июле 1643 года, приведя с собой новобранцев, вдохновленных ее личным мужеством. Роялисты уважали отважную маленькую королеву. В Оксфорде на некоторое время Генриетта-Мария окунулась в привычную жизнь и вскоре обнаружила, что беременна.

Но ситуация менялась отнюдь не в лучшую для королевской четы сторону. Все ярче загоралась звезда Оливера Кромвеля — «злого гения» Карла I. Он, джентри и ярый пуританин индепендентского крыла, стал основателем армии «новой модели» и вождем Английской революции. Когда, отказавшись от рыцарского звания, этот джентльмен из Кембриджшира поздней осенью 1640 года появился в палате общин, он не был неотесанным, деревенским сквайром и типичным заднескамеечником, каким его рисуют враждебно настроенные к

нему современники и ряд биографов, возможно стремившихся показать, кем он был и каким стал. Роялист сэр Филипп Уорик запечатлел его для истории так: «Однажды утром я вошел в палату… и увидел говорившего джентльмена, которого не знал. Он был очень скромно одет, в простой суконный костюм, сшитый, по всей видимости, плохим деревенским портным, его белье было из простого полотна и не очень чистым… лицо его было одутловатое и красное, голос — резкий и неприятный, но его речь была полна пыла…» А на вопрос, кто такой этот «неряшливый сэр», один из лидеров оппозиции Джон Гемпден, ответил: «Этот неряшливый человек… лишенный красноречия… если мы, не дай Бог, дойдем до разрыва с королем… будет одним из величайших людей в Англии». Те, кто судил о Кромвеле не по покрою костюма и не по тому, как повязана лента на шляпе, а по характеру и силе его убеждений, с самого начала обнаруживали в нем в высочайшие умственные и волевые качества.

Скромная, лишенная изысков жизнь сельского джентльмена сделала из Кромвеля физически сильного, решительного, целеустремленного человека. Он увлекался плаванием, стрельбой из лука, фехтованием и верховой ездой. Закончив Кембридж, Кромвель всю жизнь занимался самообразованием, читал много книг, в том числе и по военной истории. Помимо прохождения военных сборов Кромвель обучался военному делу у специально нанятого голландского офицера, который ознакомил его с передовыми формами обучения солдат по методу Морица Оранского.

Важным фактором его возвышения были его близкие личные отношения с руководителями палаты общин. Кромвель приходился кузеном Гемпдену, Сент-Джонсу, Уоллеру и некоторым другим ее деятелям. В Долгом парламенте у него насчитывалось одиннадцать кузенов и шесть дальних родственников. Получается, что круг лидеров парламента был тесно сплочен не только политическим единомыслием, но и родственными узами. С началом гражданской войны Кромвель предложил сформировать армию «для защиты палат, истинной религии, свободы, законов и мира». В марте 1642 года парламент издал ордонанс, согласно которому лорд-лейтенанты графств должны были собрать англичан, годных для военной службы. 4 июля был создан Комитет обороны, возглавивший военную деятельность парламента, который уже 6 июля принял решение о наборе 10-тысячной армии, назначив главнокомандующим графа Эссекса.

Кромвель не столько заседал в парламенте, сколько энергично работал. Летом 1642 года в Кембридже он

сформировал отряд численностью в 60 всадников, которым и командовал в чине капитана. Этот отряд стал ядром боеспособной парламентской конницы, позже получившей название «железнобоких». Кромвель стал инициатором комплектования армии на конфессиональной и социальной основе. По его мнению, «армия не может состоять из негодяев, пьяниц и всякого рода подонков общества». В нее надо принимать «богобоязненных людей и достойных граждан, готовых жертвовать всем для свободы родины», «божьих людей», «людей духа», «честных людей», готовых «верно служить делу» до полной победы над «общим врагом». Таковыми были пуритане-индепенденты из рядов самостоятельного крестьянства (йоменов), определившие единый социальный состав парламентской армии. Демократизировался и ее офицерский состав. Конечно, в ее ряды не преграждали путь джентльменам, но Кромвель предпочитал простого человека, обладающего рвением служить и военными способностями. Формировавшаяся армия отличалась высоким моральным духом, а к солдатам применялись чрезвычайно высокие требования. Они постоянно занимались строевой подготовкой, а за дисциплинарные нарушения несли строгие наказания. При этом Кромвель следил за регулярностью выплаты жалованья и снабжения солдат провиантом и фуражом.

Два года потратил этот человек на создание армии «новой модели». В 1644 году его воины получили «Солдатский катехизис», разъяснявший цели войны и указывавший средства достижения победы. Им внушалось, что их профессия благородна, а война идет за истинную веру, Это война против противника, который разрушает мир справедливости и свободы. Поэтому воины ради потомства и самих себя должны встать на защиту чести и правого дела, а кто не разделяет энтузиазма «честных и благочестивых», тот малодушный трус и тайный враг Бога. «Честные и благочестивые» победят потому, что их дело справедливое и доброе, а дело врагов — безнадежно дурное. Бог не будет поддерживать коварного врага, ибо он всегда на стороне справедливости. Солдаты парламентской армии обязательно должны были изучать Священное Писание. Кромвель любил говорить, что божественная сила так относится к физической, как бесконечность к одному. Но при этом, однако, он приложил громадные усилия, чтобы создать армию!

Надо сказать, что до 1644 года неопределенному ходу гражданской войны во многом способствовало то, что Кромвель, возглавивший индепендентов в парламенте и стремившийся к скорой и убедительной победе над королем, столкнулся с

оппозицией пресвитериан, которые опасались такого исхода борьбы. Это было заметно и по тактике графа Эссекса, не раз уклонявшегося от возможной победы над Карлом, и по нарочитой пассивности командующего армией Восточной ассоциации графа Манчестера. Пресвитериане, имевшие большинство в палате общин, с самого начала войны предпочитали переговоры с королем сражениям с ним.

И все же развитие событий привело к принятию парламентом 19 декабря 1644 года «Билля о самоотречении», который устанавливал единоначалие в армии и запрещал членам парламента занимать в ней командные должности. Главнокомандующим был утвержден генерал Томас Ферфакс, а его заместителем (генерал-лейтенантом) — Кромвель, которому поручалось командование конницей. Парламент также принял так называемое «Постановление нового образца» — решение сформировать армию численностью в 22000 человек, состоявшую из 10 полков кавалерии, 1 полка драгун и 12 полков пехоты. Была введена единообразная форма одежды — знаменитый красный мундир, который и в наше время является одним из символов Соединенного Королевства. Упразднение привилегий дворян на замещение командных должностей способствовало выдвижению на офицерские должности представителей других слоев, выделявшихся личной доблестью и преданностью делу.[135] Только пятеро из всех офицеров «Армии нового образца» обучались в университетах, обладая тем, что сегодня называют высшим образованием. И менее половины тех, кто был в чине полковника, могли похвастаться принадлежностью к джентри или, в прошлом, придворным.

Что мог противопоставить Кромвелю Карл I? В его армии, напротив, все офицеры в ранге от капитана и выше обучались в Оксфорде, происходили из джентри и обладали высоким социальным статусом. 90 процентов всех командиров частей были пэрами и джентльменами. Многие командующие имели солидный военный опыт. Да и английский король, согласно донесениям венецианского посла своему правительству, проявлял себя благоразумным командующим. Но… на самом деле все было не совсем так. Весь военный опыт Карла ограничивался теорией, почерпнутой в книгах по стратегии; поэтому тактику ведения боя она осваивал по ходу событий. Он демонстрировал личное мужество и делил с армией тяготы военных походов. Неожиданно для себя король испытывал от такой жизни удовольствие, он всегда маршировал или ехал верхом впереди солдат, а по окончании сражений оставался среди них, чтобы поддержать их боевой дух. Но в оценке его как полководца историки довольно

единодушны: Карл не обладал военно-стратегическими талантами. Так, американский историк Ч. Карлтон отметил, что «уже в первой кампании проявились две фатальные слабости Карла как командующего: во время битвы он проявил неспособность использовать преимущества своего положения или приостанавливать атаку; в Военном совете он не был способен координировать усилия или ограничивать фракции».

Кроме того, уверенные в собственном военном превосходстве «кавалеры» (так стали называть всех роялистов — сторонников англиканской церкви) не создали эффективной разведки, игнорировали шифры и коды. Территории, контролируемые роялистами, были бедны и мало заселены, в армии не хватало продовольствия, а офицеров-аристократов, не привыкших сильно урезать расходы, было слишком много. Дело доходило до того, что во время осады Оксфорда один солдат закричал со стены: «Круглоголовые, забросьте мне половину барашка, а я сброшу вам лорда». Воины Карла занимались грабежами и мародерством, поскольку платил им король мало. Денег в армии недоставало, и поэтому пехотинцев набрали меньше, чем требовалось. Превосходная же конница роялистов — это, как оказалось в реальности, было еще не все…[136]

К апрелю 1644 года армия парламента приблизилась к Оксфорду, и беременная девятым ребенком Генриетта-Мария, распрощавшись с мужем, как позже выяснится, навсегда, перебралась в Эксетер. В июне королева родила дочь, названную ее именем. В это время к Эксетеру подошел граф Эссекс, твердо намеренный препроводить королеву в Лондон, и Генриетта-Мария была вынуждена бежать, оставив ребенка на попечение преданной леди Далкит. Спустя две недели после ее бегства Карл, заставивший противника отступить, прибыл в Эксетер, где присутствовал на крестинах своего «самого красивого ребенка». А королева, с трудом пробравшись в порт, отплыла в Бретань. Измученная, со стремительно портившимся зрением и больными ногами, она прибыла в Париж, где ее приютила королева-мать Анна Австрийская, регентша Франции при Людовике XIV. Генриетте-Марии были отведены покои в Лувре, где вокруг нее стала собираться английская эмиграция. В 1645 году к ней приехал старший сын Карл, спустя год леди Далкит сумела переправить через Ла-Манш двухлетнюю Генриетту, а еще через год к ним присоединился Яков, герцог Йоркский, который бежал из-под стражи, где содержался с Елизаветой и Генри. Вскоре сыновья предпочли уехать подальше от материнской заботы и наставлений к сестре Марии в Нидерланды. Всю свою нежность

английская королева обратила на младшую дочь, которую окрестила по католическому обряду, дав ей второе имя в честь Анны Австрийской. Впрочем, тем самым она вызвала недовольство наследника трона. Во Франции им жилось совсем несладко. Там назревала Фронда, а потому кардинал Мазарини «забыл» выплачивать Генриетте-Марии содержание. Дело дошло до того, что матери и дочери нечем было питаться и топить свои покои. Лишь благодаря одному из предводителей Фронды, парижскому коадъютору Полю де Гонди, в Лувр стали регулярно доставлять дрова и провизию.

События развивались стремительно. В декабре 1643 года умер Пим, и после этого широкое, тяготеющее к центру парламентское большинство начало распадаться. Обе палаты все больше стали раскалываться на партии войны и мира. Шотландия тем временем, сформировав собственное правительство из пуритан пресвитерианского толка, заключила договор с парламентом. Почти одновременно Карл подписал соглашение с Католической конфедерацией, управлявшей Ирландией. Но это не принесло ему военных преимуществ, которые позволили бы противостоять союзу парламента с Шотландией, и серьезно повредило его репутации.

В январе 1644 года шотландцы пересекли Твид и осадили армию маркиза Ньюкасла в Ньюкасле-на-Тайне. Но зимой было сложно проводить осаду, к тому же роялисты под командованием сэра Мармадьюка Ленгдейла нанесли 19 февраля шотландцам у Корбриджа чувствительный удар. Лесли понял, что его необученная конница не сможет противостоять закаленной в боях роялистской кавалерии. Оставив Ньюкасл-на-Тайне в руках роялистов, он, преследуемый ими по пятам, двинулся на юг. Дважды противники вступали в бой, но оба раза там, где невозможно было развернуть конницу. После этого войска короля отступили к Дарему.

12 апреля Ньюкасл получил известие, что губернатор Йорка Джон Беллсайз потерпел поражение от Томаса Ферфакса, и решил добраться до города прежде, чем парламентские силы сокрушат ослабленный гарнизон. К середине апреля части Ньюкасла с большими потерями подошли к Йорку и стали ждать принца Руперта, официально назначенного командующим армией на севере Англии через три дня после того, как шотландцы появились под стенами Ньюкасла-на-Тайне.

28 мая армия Руперта взяла штурмом Болтон, встретивший роялистов пушечным огнем, и перебила его гарнизон, а также многих местных жителей. Это был «законный» принцип ведения военных действий того времени: гарнизон и население города,

отклонившие предложение о капитуляции, утрачивали право на милосердие. Однако «Болтонская резня» стала главным пунктом парламентской пропаганды, стремившейся создать Руперту репутацию бессердечного наемника.

3 июня с подходом армии Восточной ассоциации окружение Йорка завершилось, и обеспокоенный Карл, полагая, что гарнизон оказался в критическом положении, написал Руперту, чтобы тот незамедлительно шел освобождать город. Принц двинулся с армией, которую собрал в Ланкашире, через Пеннинские горы в Йоркшир. Известие о том, что армия Руперта находится на расстоянии одного дня марша от Йорка, заставило командующих силами парламента снять осаду. «Круглоголовые» и шотландцы развернулись на холмах примерно в восьми километрах к юго-западу от Йорка, прямо на пути, по которому двигалась армия Руперта. Руперт не имел возможности достигнуть Йорка, не вступив в бой с союзными войсками. Йоркский гарнизон не мог присоединиться к Руперту по тем же самым причинам.

Ньюкасл настаивал на том, чтобы дать солдатам отдых прежде, чем предпринимать дальнейшие действия. Но кампания Руперта, помимо деблокады Йорка, имела и другие цели. До конца сезона, когда можно было вести военные действия, оставалось несколько месяцев, и Руперт не собирался тратить их впустую. Его подстегивало письмо короля от 14 июня, в котором Карл высказывал опасение, что его Оксфордская армия может оказаться зажатой между двумя парламентскими армиями: «Если Йорк будет освобожден и Вы разобьете армию мятежников обоих королевств, которые стоят перед Вами, тогда (но не иначе) я могу рискнуть организовать оборону, чтобы выиграть время, пока Вы прибудете ко мне на помощь. Поэтому я приказываю и заклинаю Вас долгом и привязанностью, которую, как я знаю, Вы питаете ко мне, отложить все новые предприятия и немедленно идти, согласно Вашему первому намерению, со всеми Вашими войсками на освобождение Йорка. Но если город будет или потерян, или сам снимет осаду, или же Вы не будете уверены в дальнейшем развитии ситуации, немедленно идите со всей своей армией в Вустер, чтобы помочь мне и моей армии; без этого, или без того, что Вы освободите Йорк и разобьете шотландцев, все Ваши следующие успехи могут быть совершенно для меня бесполезными».

Чем бы ни было это письмо — наброском планов или косвенной инструкцией, апеллировавшей к воинственности Руперта, оно написано в то время, когда король и его совет полагали, что для них существует реальная угроза неизбежного поражения. Позже станет ясно, что паника была излишней, но

Руперт полагал, что получил приказ как можно скорее разгромить шотландцев и их союзников.

Около полудня 1 июля Ньюкасла известили, что Руперт намерен дать бой на следующий день и желает, чтобы армия маркиза присоединилась к нему у местечка Марстон-Мур в одиннадцати километрах западнее Йорка (Марстонская пустошь). Однако солдаты Ньюкасла обнаружили, что на оставленных противником позициях у города осталось большое количество ценного имущества, и занялись грабежом. В итоге вместо 4 часов утра маркиз появился около 9 часов, и то только с конницей. Это была первая встреча двух командующих армиями короля. Ньюкасл, опираясь на данные разведки, полагал, что парламентские армии не представляют особой угрозы и собираются свернуть кампанию. Но принц Руперт возразил, что «у него есть письмо от Его Величества… с конкретным и абсолютно четким приказом вступить в бой с противником». И у маркиза не оставалось выбора, кроме как согласиться с принцем.

Серьезные основания предполагать, что армии парламента и шотландцев могут свернуть кампанию, имелись. У них было около 30000 солдат, не считая еще большего количества лошадей, которых необходимо было кормить. Но принц Руперт полагал, что король и Оксфордская армия находятся под угрозой поражения и он обязан освободить Йорк, разгромить шотландцев и парламентские войска, а затем идти на юг для спасения короля и королевства.

Утром 2 июля силы парламента и шотландцев намеревались идти к Тедкастеру. По пути они узнали, что противник сконцентрировал свои армии у Марстон-Мура и развернулся к ним фронтом. Поэтому их кавалерия отошла, чтобы выстроиться в боевые порядки на холмах, возвышающихся над Марстон-Муром, где она могла прикрывать находящиеся на марше пехоту и обоз. Время шло, Руперт ждал, а пехота Ньюкасла все не появлялась. Тем временем союзные пехотные полки достигли гряды выше пустоши торфяника и выстроились в боевые порядки. Когда Руперт и Ньюкасл наконец встретились, возможность для стремительной атаки роялистов была потеряна.

Самая высокая точка Марстон-Мура, известная как Кромвель-Пламп и находившаяся за рощей, предоставляла командующим силами парламента прекрасный вид на позиции армии принца Руперта. Армия роялистов составляла 17–18 тысяч человек, в том числе 7000 кавалеристов, парламентская армия имела 27 000 человек, из них 7000 кавалерии. Кавалерия была главной ударной силой в этот период, поэтому общее численное превосходство парламента было не столь существенно. Построение армий было

сходным: в центре — пехота, где Ньюкаслу противостоял граф Манчестер, на флангах — кавалерия, которая выступала главной силой во время атаки. Левому флангу королевской армии под командованием Горинга противостоял правый фланг «круглоголовых», возглавляемый Томасом Ферфаксом, а на противоположном фланге принцу Руперту противостоял Кромвель, имевший в резерве отряд Лесли. Среди участников сражения и с той, и с другой стороны были офицеры, имевшие за плечами опыт Тридцатилетней войны: Манчестер, Горинг, Лесли, Ферфакс, — но не они решили исход дела.

После традиционной артиллерийской дуэли несколько раз начинавшийся дождь задержал начало кавалерийской атаки. Казалось, сражение не состоится. Но в 7 часов вечера с пением псалмов кавалерия Кромвеля двинулась сомкнутым строем вперед. Навстречу ей пошла кавалерия Руперта. Две лавины, сверкая мечами и пиками, сближались с нарастающей быстротой. Удар был бешеным. С изумлением Руперт обнаружил, что «парламентский сброд» не рассеялся перед ним, не побежал, как это бывало раньше, а лишь несколько подался назад. Раненный в шею Кромвель, временно покинувший поле боя для перевязки, быстро перестроил ряды и повел их во вторую атаку. Прославленная кавалерия Руперта не выдержала и повернула назад. Позднее Кромвель написал в отчете парламенту: «Бог словно сделал их жнивом для наших мечей».

В центре парламентская пехота, встретив серьезное сопротивление, частично была отброшена, а частично продолжала сражаться в невыгодном положении. На правом фланге конники Горинга прорвали ряды Ферфакса, отрезав его от основных сил, и угрожали парламентской пехоте с фланга. Положение спас Кромвель, завершивший разгром противника на своем участке. Кавалеристов Лесли он отправил преследовать бегущую кавалерию Руперта, а сам бросился в тыл Горингу. Объединившись с отрядами Ферфакса, он разгромил части Горинга, а затем обрушился на оказавшуюся без прикрытия пехоту роялистов. Этот удар и решил исход битвы. 3000 роялистов погибли, 1600 попали в плен. Было захвачено 10 знамен, 16 орудий и 6000 мушкетов. Парламентская армия потеряла 2000 солдат. Непосредственным результатом битвы при Марстон-Муре было уничтожение армии Ньюкасла, взятие Йорка и очистка от роялистов севера Англии.

Кромвель объяснит эту победу «расположением Всевышнего»: «Отнесите славу, всю славу Господу; Он — наша сила, и в Нем наша надежда». И это было искренне. О своих собственных заслугах он скажет так: «Я надеюсь показать себя честным и

чистосердечным человеком». Впрочем, именно в последнем после окончания войны усомнились не только его противники, но и те, кто в этом был убежден в ходе ее.

Руперт после битвы при Марстон-Муре назвал Кромвеля «железнобоким», а затем это прозвище распространилось на его солдат. Характеризуя «железнобоких», современник событий, консервативный историк и роялист граф Кларендон, заметил: «Королевские войска после атаки никогда не строятся снова и не способны атаковать в тот же день, в то время как солдаты Кромвеля, независимо от того, одержали они победу или оказались битыми и преследуемыми, тотчас принимают боевой порядок в ожидании новых приказов».

После этого сокрушительного поражения пали роялистские твердыни — крепости в Ньюкасле и в Йорке. У Руперта осталось немногим более 6000 всадников. Принц вынужден был бежать с ними в графство Ланкашир, где сосредотачивались силы короля. [137]

Так кто же в первую очередь виноват в поражении роялистов — Карл, Руперт или полководческий талант Кромвеля? Думается, примерно в равной степени. Карл, написавший эмоциональное письмо, прославленный Руперт, показавший себя неважным стратегом, и Кромвель, оказавшийся на высоте.

Успехам парламентской армии способствовала также датско-шведская война 1643–1645 годов, затянувшая на несколько лет заключение Вестфальского мира, а следовательно, и всю Тридцатилетнюю войну. И Карл, и парламент пытались найти себе союзников за пределами Англии. Весной в ответ на просьбы английского монарха на юг Англии из Испанских Нидерландов прибыл посол императора Пикколомини договариваться о совместной войне «императора и короля против их строптивых вассалов». Но победы шведского полководца Торстенсона сорвали эти планы. В начале 1645 года парламент предложил свое посредничество на переговорах между Швецией и Данией. Шведы согласились и послали своего представителя в Лондон уточнить, в чем суть этих предложений, и на этом, собственно, дело закончилось. Упоминание об этом можно найти в «Acta Pacis Westphallicae» (французская корреспонденция за 1644 год). Показательно, что на протяжении всего тома объемом более 900 страниц английский посол упоминается лишь один раз. Это говорит о том, что Париж более волновали шедшие в Мюнстере переговоры о мире, нежели английские дела.[138] И гражданская война в Англии развивалась без какого-либо серьезного иностранного вмешательства, что также определило ее исход.

По сути, все могло закончиться уже в 1644 году, но

парламент упустил эту возможность. Разъяренный и упрямый, не верящий в окончательное поражение, Карл едва не уничтожил парламентскую армию Уоллера на юге и погнался за шедшим на запад Эссексом. Кромвель горел желанием выручить Эссекса, однако Манчестер, не желавший встречи с королем на поле брани, наотрез отказался двигаться с места. Свою тактику граф объяснил просто: «Если мы разобьем короля девяносто девять раз, он все-таки останется королем, как и его потомки после него. Если же король разобьет нас хотя бы один раз, всех нас повесят». Но тактика «войны без победы» привела бы к затягиванию гражданской войны и связанных с нею трудностей (тяжелые налоги, солдатские постои, реквизиции и просто грабежи, которых нельзя было избежать) и могла восстановить народ против парламента. Поэтому Кромвель заявил Манчестеру: «Милорд, если это действительно так, то зачем же нам было браться за оружие?.. Если это так, то заключим мир, сколь бы унизительными ни были его условия». И обратился к парламенту: «Без более быстрого, энергичного и эффективного ведения войны… страна устанет от нас и возненавидит имя парламента».

В начале сентября в Корнуолле пехота Эссекса сложила оружие, и сам он едва спасся бегством. Короля в немалой степени вдохновляло то, что Джеймс Грэм, маркиз Монтроуз, поднял на войну за его дело обитателей горной Шотландии. Успехи Монтроуза повергли равнинную Шотландию в шок и привели к отзыву многих лучших полков Лесли.

В такой ситуации Кромвель взбудоражил палату общин, обвинив Манчестера в «мешканье во всех действиях». Религия сделала разрыв между партией войны и партией мира в парламенте еще более непримиримым. Еще с июля 1643 года в Вестминстере заседала Коллегия клира по реформе церкви. В результате союза с шотландцами появилась Пресвитерианская церковь Англии. Но некоторые духовные лица из числа индепендентов желали менее жесткого и нетерпимого устройства церкви, просили о большей автономии для отдельных конгрегаций и о свободе образовывать общины на основе совместных убеждений и исповедуемых принципов, а не просто принадлежности к приходу. Разделился и парламент. Кромвель и его союзники отстаивали более широкий принцип свободы совести. В результате «пресвитерианин» и «индепендент» стали приблизительными обозначениями для правого и левого крыла в парламенте, как по политическим, так и по религиозным вопросам. Индепенденты употребили все свое влияние на проведение через парламент двух решительных мер, которые и изменили ход войны, — речь идет об уже упоминавшихся «Билле

о самоотречении» и «Постановлении нового образца».

14 июня 1645 года при Несби произошла решающая битва гражданской войны. Парламентская армия во главе с Томасом Ферфаксом насчитывала 15000 человек, а королевские силы по различным данным 7500 — 10 000. В ночь на 14 июня в лагере Карла узнали, что королевский патруль близ Несби столкнулся с патрулем «круглоголовых». В литературе часто можно прочесть, что решение вступить в бой было принято на спешно собранном военном совете, где король поддержал мнение «крайних» в своем окружении, в частности государственного секретаря лорда Дигби и казначея Джека Эшбурнхэма. Это подтверждает и «История Великого мятежа» графа Кларендона. Однако этот труд был написан в 1671 году — значительно позднее сражения при Несби. По мнению историка Р. Каста, и Кларендону, и военному секретарю Карла сэру Эдварду Уолкеру не следует доверять, ибо они стремились объяснить поражение в войне раздорами в верховном командовании «кавалеров». Каст склонен опираться на утверждение Дигби, что военного совета в ту ночь не проводилось вообще. Сказав, что о событиях ночи с 13 на 14 июня «мы никогда не будем знать наверняка», историк приводит сообщение одного из адъютантов короля о том, что, получив известие о неприятеле, Карл вскочил с постели и направился из Люббенхэма в Маркет-Харборо, где находился принц Руперт. Получается, решение вступить в бой они приняли вдвоем. На него повлияли отсутствие точной информации о численности армии Ферфакса, ошибочное мнение об отсутствии боевого духа в «Армии нового образца» (5 июня была снята осада Оксфорда), да и всегдашняя уверенность Карла, что на его стороне Провидение, поскольку дело его правое. В последнем он и Кромвель были едины. Есть также мнение, что, видя численное превосходство «круглоголовых», король хотел уклониться от сражения, но принц Руперт настоял на битве, аргументируя это тем, что дворянская армия лучше крестьянской.

Сражение развивалось так. На правом фланге «Армии нового образца» стояла кавалерия Кромвеля, на левом фланге конницей командовал зять Кромвеля — Генри Айртон. Удар кавалерии роялистов под командованием принца Руперта пришелся по левому флангу, и он был опрокинут. Но принц в такой степени увлекся преследованием противника, что фактически оставил поле боя. В центре королевская пехота все более теснила пехоту «круглоголовых». Исход боя полностью зависел от ситуации на правом фланге. Кромвель не стал дожидаться нападения и первым повел своих конников в атаку. Об этом он позже написал: «Когда я увидел, как противник выстраивается и идет на нас в блестящем порядке, и когда я подумал, что мы только сборище

невежественных людей… то я улыбнулся и вознес благодарение Богу, так как был уверен, что Он посрамит кавалеров». После короткой схватки кавалерия роялистов обратилась в бегство. Кромвель не повторил ошибку Руперта и только часть своих сил направил на преследование кавалеристов короля. С основными силами он обрушился на тыл и фланг пехоты противника, которой после этого оставалось либо погибнуть, либо сложить оружие. Многие избрали первое, но еще больше роялистов оказалось в плену. В один момент Карл хотел сам броситься в атаку во главе небольшого резерва, но кто-то схватил под уздцы его лошадь. Когда Руперт вернулся к месту сражения, все уже было кончено. Армия короля потеряла всю артиллерию и кабинет Карла с секретной перепиской. 5000 роялистов сложили оружие. [139]

Потерявшие надежду на успех, деморализованные остатки королевской армии были способны только на сопротивление в укрепленных замках, главным образом на западе Англии, и в сохранившихся в их руках городах. Да и те брались противником один за другим и нередко капитулировали при малейшей угрозе. 10 июля роялисты были побеждены на западе при Лэнгпорте, в сентябре при Филипхо был разбит последний небольшой отряд горцев Монтроуза. В то же время популярность и влияние Кромвеля крепли. Даже палата лордов признала его незаменимым в армии. Было предложено отметить его заслуги присвоением титула барона, но Кромвель это предложение отклонил; тогда ему были переданы конфискованные владения маркизы Вустерской.

Конец гражданской войны наступил в июне 1646 года, когда капитулировал осажденный силами парламента Оксфорд, а Карл, переодетый в одежду слуги, с двумя верными сторонниками бежал и отдал себя в руки Шотландской пресвитерианской армии в Ньюарке. Принятый с почетом, он вскоре, однако, очутился в положении пленника и был переведен в Ньюкасл-на-Тайне. Шотландцы в обмен на военную поддержку требовали, чтобы Карл принял Ковенант и согласился на введение в Англии пресвитерианства. Но Карл не умел вести переговоры, подразумевающие поиск компромисса и требующие гибкости, он отказывался принимать сам факт того, что политический процесс требует сделок и уступок. В этом была его главная слабость — он просто определял свои собственные цели и пытался их добиваться. Впрочем, и сейчас король считал себя лишь временно проигравшим.

В это время Карл находился в поисках духовной опоры. Не случайно он предпринял старания для того, чтобы опубликовать в

Англии труды немецкого христианского мистика, провидца, теософа, родоначальника западной софиологии — учения о «премудрости Божией» — Якоба Беме, в особенности его труд под названием «Великая тайна». Читая сочинение Беме «Сорок вопросов о душе», король восхитился: «Да восславится Бог! Он все еще может найти людей, которые могут вживую засвидетельствовать Его Слово, извлеченное из собственного опыта…» Ведь Беме считал, что спасение человека возможно не внешними добрыми делами и даже не внешним содействием Бога, а только внутренней верой сердца. Ибо без внутреннего, духовного перерождения благие дела не имеют никакого значения. Это сочинение привело короля к решению послать способного человека в Германию, в Герлиц, где жил и умер Беме. Этот человек должен был, во-первых, в совершенстве изучить немецкий язык, чтобы читать Беме в оригинале и перевести его труды на английский; во-вторых, обратить внимание на все, что можно было найти в Герлице, связанное с жизнью и сочинениями этого автора. Это поручение было добросовестно выполнено лондонским адвокатом Джоном Спарроу, человеком выдающихся способностей. Спарроу признается переводчиком и редактором всех трудов Беме, переведенных на английский язык, которые так и не вышли в свет до тех пор, пока не был восстановлен в правах сын короля — Карл II. Они были изданы в 1661 или 1662 году.

Генриетта-Мария писала из Лувра, чтобы ее упрямый муж перестал сопротивляться. Она не видела большой разницы между одной ересью — англиканством и другой — пресвитерианством, на что король отвечал, что для него это не просто политический принцип, а вопрос спасения души. Любопытно, что «Французская газета», описывая положение дел в Англии, отмечала, что «желательно, чтобы история разрешилась к благополучию короля и его семьи, которым сочувствуют все французы… Король, шотландцы и парламент договариваются, и будем надеяться, что закончится эта *более чем гражданская война*».

История же распорядилась так, что Карл отказал шотландцам, которые параллельно вели переговоры с парламентом и в конце концов посчитали более выгодным в январе 1647 года продать его англичанам за 400000 фунтов. Узнав об этой сделке, король лишь усмехнулся, заметив, что его гостеприимные хозяева продешевили.[140]

Он был помещен под домашний арест в Холденби-Хаусе в Нортгемптоншире, но вскоре перемещен в другое место. Если раньше главным противостоянием в королевстве являлся конфликт между королем и парламентом, то к 1647 году о себе заявила третья сила — армия, взгляды которой были более

радикальными, чем мнения палат. Лишенный военной силы, Карл ныне превратился в драгоценный приз, и «Армия нового образца» предприняла решительные действия, чтобы этот приз достался ей. 4 июня ее офицер Джордж Джойс силой доставил короля в Ньюмаркет. Позже короля перевели в Отлэндс, а затем в Хэмптон-Корт, где начался новый этап переговоров.

Парламент выставил условия восстановления Карла на престоле — так называемые «Ньюкаслские предложения». Но король никак не мог дать свое согласие на государственную пресвитерианскую церковь в Англии, парламентский контроль над исполнительной властью и вооруженными силами, наказание его сторонников. Вместо того чтобы ответить отказом, он начал тянуть время, решив выиграть на разногласиях между парламентом и армией. Парламент предложил распустить всех солдат по домам, за исключением тех, что понадобятся для покорения Ирландии, выплатив при этом незначительную часть задержанного жалованья. После этого большинство полков, вопреки запретам, в июне собрались в Ньюмаркете. Военные заявили, что не разойдутся, пока не будут удовлетворены их требования — как в отношении их самих, так и королевства в целом. Постановление об удовлетворении требований должен был ратифицировать Всеармейский совет, в котором «агитаторы», представлявшие низших чинов каждого полка, заседали наравне со старшими офицерами. Военные потребовали от парламента также определить дату собственного роспуска и предоставить избирательное право всем совершеннолетним мужчинам. Когда парламентский Лондон стал угрожать сопротивлением, армия заняла столицу, а ее генералы продолжили вести переговоры с Карлом, надеясь вернуть его на трон на условиях более мягких, чем выдвинутые парламентом.

Казалось бы, дело шло к миру: Карл находился в хороших отношениях с Томасом Ферфаксом и Оливером Кромвелем; но его претензии сделаться арбитром между парламентом и армией затрудняли переговорный процесс. Он не желал идти на нарушение своей «божественной» прерогативы, тем более в пользу тех, кто, по его мнению, не обладал для этого законным статусом. Это было серьезной проблемой. Особое раздражение у него вызывал зять Кромвеля Айртон, не желавший демонстрировать «особое» отношение, к которому Карл привык. Можно сказать, что Карлу сопутствовала удача, но он сам все портил, никак не меняя своих позиций.

В окружении короля, кстати содержавшегося с должным почетом, стали циркулировать слухи о готовящемся покушении, и было принято решение бежать из Хэмптон-Корта. Все произошло

очень просто, без подкопов или перепиленных решеток, — в ночь на 11 ноября Карл спокойно вышел за, как ни странно, неохранявшуюся калитку. Множество солдат сторожили входы и выходы в Хэмптон-Корте, и на первый взгляд остается загадкой, почему один из них остался без надзора. На самом деле это не такая уж загадка. Есть мнение, что слух об убийстве был пущен Кромвелем, чтобы спровоцировать короля, а после показать всем его ненадежность как переговорщика. Кромвель якобы отправил своему кузену Эдуарду Уолли, командиру охраны в Хэмптон-Корте, письмо, в котором сообщал о заговоре с целью убить короля, в надежде, что оно будет показано Карлу и побудит того к действию. Очевидно, что без содействия охраны этот побег не мог свершиться.[141]

Важным поводом для бегства стал и серьезный раскол внутри самой армии, давший знать о себе как раз осенью 1647 года. Все большую популярность в ней стали получать идеи левеллеров (уравнителей) — приверженцев демократической республики и политического равенства. Разногласия между ними и генералами, желавшими сохранить монархию и исключительные политические права собственников, были рассмотрены в октябре — ноябре 1647 года на серии дебатов в церкви Патни под Лондоном. Именно 11 ноября полковник Гаррисон назвал короля «человеком крови» и потребовал суда над ним. Не исключено, что среди стражи оказался левеллер, намеренно оставивший свободным выход королю, чтобы потом его соратники могли обвинить Кромвеля, Ферфакса, Айртона и других индепендентов в пособничестве монарху.

Короля опять сопровождали всего два человека. Он планировал бежать либо во Францию, либо на юг Англии, либо в Бервик-на-Твиде, недалеко от шотландской границы. Первое показалось предпочтительнее. Попытка проникнуть в какой-либо порт, чтобы уплыть на континент, не удалась — за беглецами была отряжена погоня. Тогда они направились на остров Уайт, комендант которого полковник Хэммонд вроде бы симпатизировал королю. На самом деле это было не так, к тому же Хэммонд состоял в родстве с Кромвелем. Карл был заключен в замок Карисбрук, где и пребывал последующие недели, пытаясь «торговаться» как с эмиссарами парламента, так и с шотландцами, представляющими герцога Гамильтона, чья фракция к этому времени оттеснила от власти в Шотландии ковенантеров.

Казалось, катастрофы последних лет изменили Карла. Впрочем, ему не оставалось иного выхода, как договориться. 26 декабря 1647 года король подписал с посланниками Гамильтона

секретный договор, согласно которому шотландцы — при условии установления пресвитерианской церкви в Англии в течение трех лет — обязались в следующем году выступить на его стороне. Это стало роковой ошибкой Карла. Парламент прервал переговоры с королем, а армейские лидеры решили, что его следует отдать под суд.

Роялисты восстали в июле 1648 года, начав тем самым Вторую гражданскую войну. Это произошло прежде, чем шотландцы оказались готовы им помочь, поэтому у Ферфакса и Кромвеля было достаточно времени, чтобы подавить возмущение. Почти везде роялисты были разбиты «Армией нового образца» после недолгих стычек, и лишь подавление очагов восстания в Кенте, Эссексе и Камберленде, а также в Уэльсе и отпор шотландскому вторжению потребовали серьезного напряжения сил. Гамильтон, проклинаемый духовенством за союз с английскими «злодеями» и не принявшим Ковенанта королем, несмотря на все трудности, собрал армию, но в битве при Престоне 17 августа Кромвель, располагавший меньшим числом людей, за три дня обратил ее в прах.[142] После этого роялисты потеряли все шансы на победу в войне.

Тем не менее в октябре — ноябре парламент, опасаясь торжества армии едва ли не больше, чем возврата роялистов, снова вступил в переговоры с королем. Их участник сэр Генри Вэйн так описывает поведение короля: «…Он проявлял определенное стремление сделать все, что можно было сделать… чтобы обеспечить себе блага свободы». Карл наконец понял, что проиграл окончательно, что личная свобода важнее, что надо лавировать. В конце концов условия Карла — передать парламенту на двадцать лет контроль над милицией и установить на три года пресвитерианское устройство церкви — были 1 декабря 1648 года приняты 129 голосами против 83. Такое решение могло вывести из тупика отношения между парламентом и королем, завершить гражданское противостояние и восстановить монарха на престоле с ограниченными полномочиями. Казалось бы, свобода добыта… Но Карл не учел противоречий в лагере противников. 4 декабря армия заняла Вестминстер, а 6 декабря полковник Томас Прайд удалил пресвитериан из палаты общин. Оставшаяся часть Долгого парламента, в котором теперь доминировали индепенденты, получила название «охвостья».

Карл был взят под стражу и переведен в угрюмый, сырой и холодный замок Херст. В историю Кромвель вошел как главный убийца короля. И все же, хотя привлечению к суду Карла ныне

уже ничего не мешало, именно вождь индепендентов сделал последнюю попытку спасти ему жизнь. По мнению епископа Барнета, на судебном процессе над королем настаивал Айртон, а «Кромвель был в сомнении». Один из агентов Карла сообщал: «Меня заверили, что Кромвель не согласен с ними (радикальной частью армии). Его намерения и их планы несовместимы, как огонь и вода. Они стремятся к чистой демократки, он же — к олигархии». Не случайно на Армейском совете 25 декабря Кромвель заявил, что, если король согласится на предложенные ему условия, его жизнь надо сохранить в чисто политических целях. Но для того, чтобы стать хозяином положения, Кромвелю следовало идти в русле политической необходимости. Здесь решали не только несговорчивость Карла, но и настроения в армии, требовавшей суда и казни монарха. Противоречия среди парламентариев, в армии и в королевстве в целом заставляли одних противников короля быть лояльней и идти на уступки, а других ожесточали. На следующий день после Армейского совета Кромвель согласился на суд над Карлом.

Правда, был еще главнокомандующий армией Томас Ферфакс. Но он явно оказался в тени более знаменитых лидеров индепендентов, прежде всего Кромвеля и Айртона. До последнего времени в литературе Ферфакса обычно изображали как умеренного политика, противника радикализации армии, да и как личность не очень яркую. Стоит только вспомнить эпизод из истории суда над Карлом, когда при зачтении списка присутствующих членов Верховного трибунала бывшая среди публики женщина, в которой узнали жену генерала, воскликнула: «Он не такой дурак, чтобы прийти сюда». Но на Ферфакса можно взглянуть и иначе. Блестящий военный командир, сторонник военной партии и индепендентов, один из победителей при Несби сыграл ключевую роль в событиях 1646–1647 годов, когда он был признанным военным лидером, а Кромвель и тем более Айртон были менее известны. Лондон не встал на сторону пресвитериан и потому, что подпись Ферфакса была первой в обращении армии к Сити от 10 июня 1647 года. А во время конференции в Патни он действовал в полном согласии с Кромвелем и Айртоном, стремясь остановить радикальных агитаторов.

В вопросах политического устройства Ферфакс был сторонником монархии, но после бегства короля на остров Уайт он был вынужден солидаризироваться с антироялистскими настроениями среди офицеров. Тем не менее он считал, что переговоры с королем должны быть продолжены, и позже в мемуарах писал, что не сумел предотвратить казнь короля.

Возможно, он искренне верил, что Карл готов идти на компромисс, и ему было трудно примириться с тем, что это оказалось не так. В Лондоне ходили слухи, что Кромвель приставил к Ферфаксу надежных людей, чтобы он не смог освободить Карла.[143]

А что же Карл? В этой тяжелой ситуации он апеллировал к праву: «Нет таких законов, на основании которых король может быть привлечен к суду своими подданными… Король выше закона, ибо он — его источник». Парламент не может издавать законы без согласия короля, а поэтому и не может создать законным путем трибунал для суда над королем, все же другие суды — ниже короля. Если он будет казнен без суда, то Сити откажет парламенту в повиновении, а иностранные государи и ирландские роялисты-католики вторгнутся в Англию. Карл запугивал парламент и параллельно поднимал свой дух, надеясь на лучшее. В том числе и на побег.

Палата общин приняла акт парламента о суде над королем. Пока велась его подготовка, Карла решено было перевести ближе к Лондону, в Виндзор. Сопровождать короля поручили одному из ближайших сподвижников Кромвеля полковнику Гаррисону. Сторонники монарха готовили его побег. Принц Руперт собирался напасть на охрану при выезде из Херста, но опоздал. Вторая попытка освободить Карла свелась к смене ему коня в поместье лорда Ньюберга в Бэгшоте. На коне из знаменитой конюшни — в случае погони — король был бы недосягаем. Гаррисон принял рысака с благодарностью, но Карлу по его приказу дали другую лошадь. Король не пал духом и даже недалеко от Виндзора вступил с Гаррисоном в беседу: «Я слышал, что Вы участвуете в заговоре с целью убить меня». — «…Я презираю столь низкие и скрытые предприятия», — ответил полковник и заметил, что король может быть спокоен. То, что с ним произойдет, «будет происходить на глазах всего мира».[144]

В Виндзоре число слуг короля сократили, а оставшиеся под присягой обязывались донести о готовящемся побеге. Карлу запретили свидания, прогулка разрешалась только по террасе дворца. Один офицер днем и ночью должен был быть при нем, и при этом постоянно охранялась дверь, за которой он находился. Подготовка суда была ускорена.

Спровоцировав Вторую гражданскую войну, даже после поражения и в неволе, Карл должен был понести ответственность за неоправданное кровопролитие. Особенно ставился ему в вину тайный договор с шотландцами. «Это наиболее страшная измена, — говорил Кромвель, — чем любые другие, которые были совершены перед этим… это привело бы нас к вассалитету перед

иностранной нацией».

20 января началось слушанье. Высший суд справедливости состоял из 135 уполномоченных, но только 68 из них когда-либо заседали в суде (все они были парламентариями). Судей возглавлял главный обвинитель Джон Кук.

Идея убить короля не была новой. Некоторые предыдущие английские монархи (Эдуард II, Ричард II и Генрих VI) были свергнуты и убиты, но никто из них не был привлечен к суду в качестве монарха; разве что леди Джейн Грей (1537–1554) была осуждена, но она рассматривалась как узурпаторша, а не как монарх. Карл же был обвинен в измене против Англии, поскольку использовал власть в личных интересах, а не во благо королевства. Обвинение гласило, что король, «для учреждения и присвоения себе неограниченной тиранической власти, а также для защиты себя и своих нечестивых сторонников… предательски и злонамеренно вел войну против нынешнего парламента, и людей, в нем представленных…», что «…все это осуществлялось для отстаивания личных интересов, власти и претензии на прерогативу для себя самого и своей семьи; против общественных интересов, общего права, свободы, справедливости и мира народа этой нации». Карл объявлялся «виновным во всех изменах, убийствах, насилиях, грабежах, поджогах, опустошениях и во всем зле, причиненном нации в указанных войнах».[145]

Согласно сообщениям, в двух гражданских войнах на полях сражений полегло 84830 человек, еще 100000 умерли от полученных в них ран и заболеваний. И это при общей численности населения в 1650 году всего 5,1 млн.! В процентном отношении к численности населения — 3,6 процента — этот показатель выше, чем число погибших в Первой мировой войне.[146]

Здесь будет уместным заглянуть в недалекое будущее. После реставрации Стюартов в 1660 году правительство Карла II (правда, отнюдь не в первую очередь) решило облегчить положение ветеранов-инвалидов, раненных в сражениях с парламентской армией. Для получения пенсии, согласно акту парламента, им требовалось подать прошение. Излагавшиеся в нем сведения требовали подтверждения, которое обычно давали однополчане, а иногда и офицеры, под началом которых служил солдат. Прошения почти всегда составляли чиновники, но, со слов ветерана, и в них в той или иной степени отражался военный опыт каждого воина. По воспоминаниям ветеранов, жизнь в роялистской армии была суровой: холод и частое отсутствие крова отмечается почти во всех петициях. Лишь в некоторых случаях они шли на войну добровольцами, поэтому

судить об их желании сражаться за короля на основании этих документов трудно. Себя ветераны чаще всего называли «верными», «послушными», «ответственными», «правдивыми», а военные действия предпочитали обозначать словом «fight» вместо слова «battle», что имело более приземленный смысл. Многие из солдат после поражения «кавалеров» находились в заключении, но, описывая его условия, редко говорили о его «жестокости», чаще о «длительности». По отношению к противнику ими мало использовалось слово «парламентарии», еще реже «восставшие» и ни разу «круглоголовые». Обычно применялось самое общее понятие — «враг». Скорее всего, это объяснялось атмосферой примирения, в целом характерной для Реставрации, а подавшие петиции следовали букве парламентского акта. По отношению к событиям, которые они пережили, воины использовали слово «мятеж» (rebellion), «смута» (trouble), а некоторые писали о «войне короля Карла» — выражение, которое могло быть истолковано как возложение вины на роялистов. Примечательно, что только в шести прошениях использовалось понятие «гражданская война». Ужасы недавних событий были еще свежи в памяти, и один из ветеранов назвал ее «unnatural and *uncivil*» («неестественной и *негражданской*»). В большинстве своем петиционеры предпочитали употреблять самый общий термин «прошлая война».[147] Как видно, вспоминать им о ней не особо хотелось.

Король, слушавший с показным равнодушием текст обвинения, отказался признать легитимность судебной комиссии. Он нарочито громко рассмеялся в знак презрения к суду и затем заговорил так красноречиво, как никогда в жизни. Карл даже перестал, как обычно, заикаться. Лишенный адвокатов, он самостоятельно отстаивал свою позицию: «Я хотел бы знать, какой властью я призван сюда, а именно какой законной властью?» Он твердо стоял на позициях, что ни один суд королевства не обладает юрисдикцией в отношении монарха. Он утверждал, что его власть дана ему Богом, традициями и законами Англии, когда он был коронован и помазан, и что нынешняя власть зиждется на силе оружия. Карл настаивал, что этот суд незаконный, поскольку согласно правовой традиции «король не может ошибаться».

Подсудимый не принял во внимание, или не хотел принимать, или просто не понял, что за время гражданских войн формировалось мнение, отделявшее его личность от его статуса короля, что он предстал перед судом как частная персона. Трибунал предложил толкование закона, которое было основано на «фундаментальном предположении, что король Англии —

человек, но не просто человек, а чиновник, которому поручили править с ограниченными возможностями и в соответствии с законами государства, а не иначе». Судья Брэдшоу потребовал от него сделать заявление «именем народа Англии, который избрал Вас королем». Карл отказался, сославшись на историю: «Англия никогда не была выборной монархией, без малого тысячу лет она являлась монархией наследственной. Я… не признаю власть суда… Я не вижу палаты лордов, которая вместе с общинами составляет парламент… Покажите мне законные основания, опирающиеся на слова Бога, Писание или… конституцию королевства, и я отвечу».[148]

Брэдшоу приказал удалить подсудимого из зала, и со всех сторон его поддержали возгласы, требующие возмездия. В течение недели Карла просили признать себя виновным три раза, но он отказывался. «Я не знаю, каким образом король может превратиться в обвиняемого», — заявил он. 24 января, когда на заседание явилось рекордное количество членов палаты общин — 71 человек, он заметил: «Я вижу, что нахожусь перед силой». Тогда было обычной практикой отказаться признать себя виновным, это означало, что обвинение не может вызывать свидетелей по делу. Тем не менее суд заслушал 33 свидетеля — жителей Ноттингема, видевших, как король поднял свой штандарт, крестьян и жителей других городов и графств, подвергшихся грабежам и избиениям. Но разве мало их было и с другой стороны? Об этом никто не говорил, хотя и в Лондоне, и за его пределами роялисты и пресвитериане выступали против суда. Генриетта-Мария просила парламент и лично генерала Ферфакса позволить ей увидеться с мужем, принц Уэльский прислал из Гааги чистый лист со своей подписью — он был готов на любые условия в обмен на жизнь отца. Оба письма остались без ответа. Четыре лорда, включая родственника короля герцога Леннокса, подали прошение, в котором говорилось, что именно они давали Карлу I дурные советы и виноваты во всех бедах войны. Поэтому они, а не король должны понести наказание. Реагировали и за границей. Процесс имел малые шансы быть признанным легитимным, а в глазах общественного мнения Европы он выглядел скандальным. От имени французского короля Людовика XIV был опубликован манифест, осуждавший происходящее, а Генеральные Штаты Нидерландов направили в Лондон двух послов с просьбой отменить суд. Большего иностранные государства сделать не могли.

На открытом заседании в субботу 27 января 1649 года король был признан виновным как «тиран, изменник, убийца и враг английского народа» и приговорен к смерти. 59 членов комиссии

подписали смертный приговор. Первым значилось имя Брэдшоу, третьим — Кромвеля. Подписи покинувшего столицу генерала Ферфакса не было. После этого Карла переместили из дворца Сент-Джеймс в последнее его пристанище — дворец Уайтхолл.

На завершение личных дел королю отвели три дня, которые он провел в молитвах вместе с епископом Лондона Уильямом Джэксоном. Накануне казни вечером 29 января к королю привели двух его остававшихся в Англии детей, Елизавету и Генри. Они, как и Джеймс (Яков), герцог Йоркский, были захвачены парламентскими войсками, когда те вступили в Оксфорд. Никакой угрозы для их жизней, по крайней мере на тот момент, не существовало — детей содержали как принцев. В 1647 году, после бегства отца на остров Уайт, его примеру последовал Джеймс. Согласно легенде, 14-летний принц переоделся девочкой и при помощи роялистов сумел пробраться на корабль, шедший в Голландию, где присоединился к старшему брату Карлу. Маленькую Генриетту, жившую в Эксетере, за год до этого события ее воспитательница леди Далкит увезла, тоже переодев — на этот раз в мальчика, во Францию, где та соединилась с матерью. Во время свидания Карл утешал плачущих детей, просил их простить, как он сам, тех, кто отправляет его на смерть, а также передать Генриетте-Марии, что его любовь к ней осталась неизменной. Отдав детям оставшиеся у него драгоценности, король попрощался с ними и просил тех, кто их охранял, не позволять им присутствовать на казни. В прощальном письме своему наследнику принцу Уэльскому он написал: «В целях реставрации власти предпочитай мирный путь…».[149]

Перед казнью Карл надел теплую одежду, чтобы холодная погода не вызвала у него заметной дрожи, которую толпа могла бы принять за страх или слабость. «Я не хотел бы оставить таких впечатлений», — спокойно заметил он.

Поскольку палач короля был замаскирован, до сих пор его личность точно не определена. Расследование, проведенное в 1813 году в Виндзоре, предполагает, что это был опытный палач. Известно, что совершить казнь просили палача Лондона Ричарда Брэндона, но он, по его собственным словам, сказанным перед смертью, отказался; впрочем, некоторые источники утверждают, что на самом деле Брэндон казнь совершил. Есть и другие «претенденты» на эту роль. Это ирландец по имени Ганнинг; мемориальная доска на пабе «Kings Head» («Голова Короля») в Голуэе (Ирландия) называет его имя как палача Карла I. В 1661 году по этому делу были арестованы два человека — Дэйборн и Бикерстаф, но затем освобождены. Подозревались также журналист Генри Уокер и его брат Уильям, но ни один из них не

был обвинен. После реставрации Стюартов в октябре 1660 года был осужден за участие в убийстве короля присутствовавший на казни капитан Уильям Хьюлетт. К этому надо добавить, что местные легенды в разных регионах Англии называли своих «достойных» кандидатов.[150]

Мучила ли Кромвеля — важнейшую политическую фигуру периода межкоролевья в Англии — совесть за совершенный акт? Пожалуй, да. Он прикрывался тем, что король лишился головы по воле Божьей. Но по сути, Кромвель не был республиканцем, считал республику нелегитимной, и эта двойственность мучила его долгие годы. Тем более что он отчасти просчитался. Политическая реальность республики и протектората (1649–1658) напоминала об этом постоянными роялистскими восстаниями.

Ирония судьбы в том, что есть общее между портретами Кромвеля, в частности кисти Р. Уолкера, и изображениями казненного короля на полотнах Ван Дейка и других живописцев. Дело в том, что неизбежно заимствовались визуальные формы карлианского двора. Портреты Кромвеля напоминали зрителю о судьбе короля — но главным образом они напоминали о короле самому Кромвелю.

Как истово верующий и одновременно образованный человек, он не мог отринуть принципы легитимности и божественного происхождения королевской власти. В последние годы протектората Кромвель адаптировал королевские церемонии под стиль, поддерживавший его титул. Он поселился в Уайтхолле, а его окружение включало несколько слуг казненного монарха. Была создана новая печать протектората, следовавшая традиционной практике королей с изображением протектора в окружении латинской транскрипции. Церемониал его второй инаугурации как протектора в 1657 году мало чем отличался от монархических церемоний, о чем свидетельствует дневник хранителя Большой печати Бальстрода Уайтлока. 26 июня 1657 года Уайтлок записал: «Спикер от имени парламента презентовал ему (Кромвелю. — *Л. И.*) робу из пурпурного вельвета… затем вручил ему Библию, богато украшенную драгоценными камнями. После этого спикер вознес меч над Его Светлостью и вложил в его руки скипетр из массивного золота… После дали несколько громких выстрелов и спели триумфальный гимн. Протектор сел в государственное кресло, держа скипетр в руках, по правую его руку сидел посол Франции, по левую — посол Соединенных Провинций, около Его Светлости стоял его сын Ричард…» А похороны Кромвеля в 1658 году были устроены по образцу похорон Якова I в 1625 году.[151]

В любом случае Кромвель пошел на беспрецедентный и

благородный жест, позволив пришить голову Карла I к телу и забальзамировать короля, как и других английских монархов. Проводивший эту процедуру доктор по просьбе знакомых отрезал для них пряди волос с головы короля — помазанник Божий, каким бы он ни был, оставался фигурой священной. Поэтому волосы Карла, при жизни доходившие ему до плеч, уменьшились до пяти — семи сантиметров. В ночь на 7 февраля приближенные короля сэр Томас Герберт, капитан Энтони Мэйлдмэй, сэр Генри Файербрэйс, эсквайр Уильям Леветт и Авраам Доусетт перевезли гроб с его телом в Виндзор, где в часовне Св. Георгия он и нашел свое последнее пристанище. Кромвель был против традиционного в таких случаях Вестминстерского аббатства — процедура погребения могла вызвать беспорядки в Лондоне. Выбор распорядителя похорон герцога Леннокса пал на Виндзор потому, что там были захоронены и другие английские монархи, в частности Генрих VIII и его третья супруга Джейн Сеймур, склеп с которыми и разделил Карл Стюарт. Поминальная служба не проводилась, так как англиканское богослужение находилось под запретом, а пуританское вызывало протест у епископа Джэксона.

Когда в 1660 году Карл II вернулся из изгнания, он настоял, чтобы англиканская церковь причислила его отца к лику святых. С того момента Карл I стал «королем-мучеником». Сын намеревался также возвести на территории одной из незавершенных пристроек часовни Св. Георгия мавзолей для отца. Знаменитый архитектор Кристофер Рен, построивший собор Св. Павла, спроектировал монумент и составил смету, но из-за нестабильности внутри- и внешнеполитической ситуации, к счастью Карла II разрешившейся для него удачнее, чем для отца, проект не был осуществлен.

В 1813 году во время поиска места для упокоения герцогини Брауншвейгской, родственницы принца-регента, будущего короля Георга IV, рабочие случайно наткнулись на склеп с гробом Карла. С одобрения принца гроб вскрыли. Королевский медик сэр Генри Халфорд достал голову (нитки, которыми она пришивалась, к тому времени сгнили), сделал зарисовку, отрезал пряди волос с затылка и бороды и вырвал для дальнейших исследований один зуб, после чего голову положили на место, а гроб закрыли. Волосы и зуб хранились в семье Халфорд до 1888 года, когда один из потомков врача все-таки решил вернуть реликвии королевской фамилии. В декабре того же года в присутствии принца Уэльского, будущего Эдуарда VII, небольшая шкатулка была опущена на гроб Карла I, а склеп запечатан. Более прах короля никто не тревожил.

Уже через десять дней после казни английского короля в

продаже появились якобы написанные им мемуары. Эта книга под названием «Eikon Basilike» (*греч.* «Королевский лик») содержала апологию политики короля и стала эффективной частью роялистской пропаганды. По форме она представляла собой размышление как результат глубокой духовной медитации. Король общался с Богом, открывая ему свой внутренний мир, и это покоряло читателей. Грум Карла Уильям Леветт клялся, что лично был свидетелем написания этой книги его господином. Только за один год «Королевский лик» был издан 34 раза. Парламент поручил известному индепендентскому поэту и мыслителю Джону Мильтону написать возражение. В опубликованном в 1649 году «Eikonoklastes» («Иконоборец») Мильтон оправдывал сопротивление королю-тирану и разоблачал политический и литературный подлог — «Королевский лик» был составлен роялистом Годоном.

После смерти Карла I появились и другие публикации, выразившие возмущение людей происшедшим. Казнь короля, считавшегося представителем Бога на земле, была шоком для страны. В конце 1649 года из-под пера профессора Лейденского университета Салмазия вышел антиреспубликанский памфлет «Defensio Regia pro Carolo I» («Защита короля Карла I»), составленный по прямому поручению принца Уэльского. Обращает на себя внимание поэма Кэтрин Филипс «О двойном убийстве короля Карла» (1667), где под «двойным убийством» подразумевались лишение жизни и лишение достоинства. После убийства короля поэтесса ставит под сомнение человеческую расу в целом, коль скоро она оказалась способна на такое. «Любой язычник, будучи противником этого государя, заплакал бы, увидев его страдания, — говорит Филипс. — Его титул был его главным преступлением…»

Отвечая Салмазию, в 1651 году все тот же Мильтон опубликовал свой знаменитый трактат «Joannis Milton Angli pro populo Anglican defensio» («Защита английского народа англичанином Джоном Мильтоном»), где он решительно выступал против принципов легитимизма и утверждал, что монарх и простой гражданин равны перед законом. В том же году главный обвинитель казненного монарха Джон Кук написал трактат, где, опираясь, на Библию, доказывал, что монархия в Англии отошла от Бога, который «должен быть Королем». По Куку, сторонники Кромвеля были орудиями в руках Бога, выступали, как «святые», — только «тогда, когда правит Бог, на земле среди людей воцаряются порядок и спокойствие».[152]

Лишь в начале февраля 1649 года измученная безвестностью

— письма от Карла перестали приходить — королева Генриетта-Мария узнала страшную новость. Зная, что над супругом идет суд, она пребывала в состоянии нервного напряжения, и английское окружение сначала побоялось ей сказать правду и даже поведало историю счастливого спасения короля. Якобы толпа, возмущенная несправедливым приговором, вырвала его из рук палачей. Наконец преданный слуга королевы Генри Джермин, которого пуритане безосновательно считали ее любовником, сообщил, что Карл I обезглавлен. Генриетта-Мария испытала сильнейший шок, поначалу она даже не могла плакать и словно обездвижилась. На какое-то время она удалилась в монастырь в Шайо, где тяжело болела. Она думала остаться там навсегда, но увещевания духовника и долг королевы-матери заставили ее вернуться к детям.

На континенте новость о казни английского монарха мало кого удивила. В воспоминаниях (1649) представителя Священной Римской империи на переговорах в Вестфалии Ламберга об этом упоминается как бы между прочим под заметкой: «Эту новость он услышал из Голландии». В переписке же дома Оранских-Нассау о смерти Карла I вообще не говорилось — статхаудер Вильгельм II в это время был полностью поглощен дискуссиями с Генеральными Штатами. В феврале 1650 года депутат Генеральных Штатов от Фрисландии Андре сообщил ему, что в Республике Соединенных Провинций не все признают принца Уэльского королем. А французское правительство выразило лишь сожаление по поводу «несчастной судьбы английского короля», но дипломатических сношений с Англией не прекратило. Кардинал Мазарини не отозвал в Париж своего посла Бельевра и одновременно старался показать, что поддерживает нового короля — Карла II. Впрочем, поглощенный проблемами гражданской смуты Франции, он сам тогда еле держался у власти. Подобную дипломатию в отношении Альбиона на первых порах проводил и испанский король Филипп IV. Но все было тщетно. 17 марта 1649 года актом парламента королевская власть в Англии как «ненужная, обременительная и опасная» для блага народа была уничтожена. А 19 мая парламент торжественно принял «Акт об объявлении Англии республикой». [153]

Можно согласиться с подавляющим большинством историков в том, что на Карле I лежит солидная доля вины за собственную судьбу. Гордыня, неумение реально оценивать внутренние и внешние политические процессы и военно-стратегическую обстановку, нежелание идти на компромисс, всепоглощающее и неверно понимаемое чувство личного и королевского долга сопровождали его всю жизнь и привели к плачевному итогу. И

все-таки могло ли быть иначе?

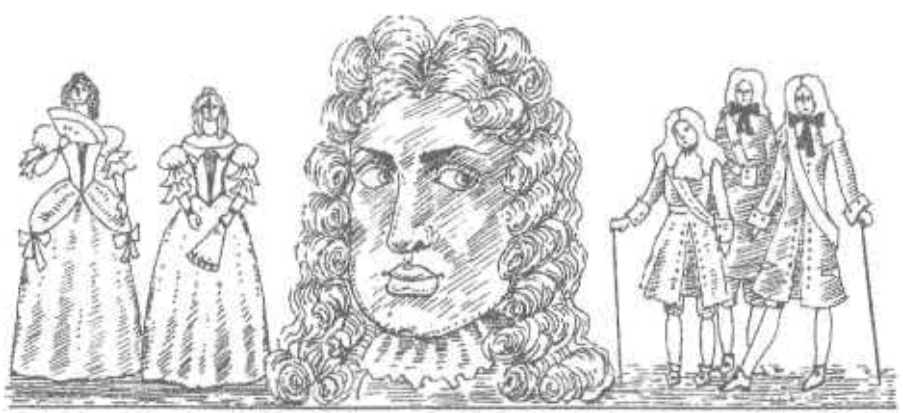
Пожалуй, могло. Есть точка зрения, что мирное разрешение конфликта в стюартовской монархии было возможно в 30-х годах, но только… «если бы Бог забрал к себе Карла».[154] Он мог умереть от оспы, которую перенес в средней форме в 1633 году, или в результате несчастного случая — падения с лошади, такого же, как то, что в 1702 году убьет его внука Вильгельма III Оранского. Но история не знает сослагательного наклонения. Непреклонность Карла натолкнулась на неуступчивость и даже жестокость кальвинистов-индепендентов; противостояние до предела ожесточило обе стороны. И в обстановке вынужденного невмешательства воюющей Европы победили индепенденты, опиравшиеся на свежие силы английского общества.

Глава 3
Либертин (Карл II)

Зрит первый Карл, застыв навек в седле,
Как сын его царит на той земле,
Где, мученик, он пал. Спешит народ
Свой — запоздалый! — выразить почет
Святой латуни. Зрелищем таким
Не чувствам мы обязаны одним;
Нет, памятник сей небом возведен,
Чтоб наставлял всех смертных вечно он:
Восстания нет смысла поднимать;
Король убит — но правит он опять.
Как слава, эта истина вечна,
Что образом сим провозглашена.

Эдмунд Уоллер

На статую короля Карла Первого, воздвигнутую в Черинг-Кроссе в 1674 году



Никто из Стюартов не именовался «Великим», но все же один представитель этой династии удостоился отнюдь не бесспорной чести стать ярким персонажем «великого» — из-за его широкого хождения — мифа о «Веселом короле» (The Merry Monarch), созданном его современниками. Личный друг Карла II Стюарта, английский писатель, знаток и ценитель искусств Джон Ивлин, оставил нам довольно привлекательный образ этого короля: «государь со многими добродетелями и многими великими недостатками, жизнерадостный, легкий, доступный, не кровавый и не жестокий».[155]

В литературе по-разному оценивают Карла II. Традиционный взгляд либеральных историков представляет его фривольным и беспринципным, с неохотой управлявшим своим государством. Другие исследователи видят в нем сильного суверена, заботившегося о благе подданных, основателя Британской империи, находившегося в оппозиции коррумпированной политической олигархии. Сегодня благодаря активному внедрению в исторические сочинения достижений социологии и психологии фигура этого монарха постепенно освобождается от мифологизации. Чаще всего в Карле видят «постреволюционного» правителя, на чью деятельность, разумеется, влияли коренные перемены, происшедшие в Англии входе событий 1640–1660 годов.[156]

Дорога к реставрации монархии Стюартов началась уже в 1653 году, когда фактический правитель Английской республики в 1648–1658 годах Оливер Кромвель, потеряв терпение, разогнал «охвостье» Долгого парламента и установил систему протектората. Он понял, что республика, открыв двери для решения многих насущных вопросов, отнюдь не привела к политическому и религиозному спокойствию в государстве. Несмотря на успешную войну с Нидерландами в 1652–1654 годах, кризис, неизбежный в случае фундаментальной перестройки экономики и социальной сферы, продолжался. Опустошенные гражданскими войнами поля, холодные зимы и дождливые лета вызывали постоянную нехватку продовольствия. На фоне углублявшегося социального расслоения это приводило к широкому недовольству, проявлявшемуся как в радикальных течениях, так и в желании восстановить монархию. При этом в роялистском движении произошел раскол — оно разделилось на сторонников Стюартов и тех, кто хотел видеть на троне Кромвеля. Многие же кромвелевские приверженцы во время гражданских потрясений не поддерживали ни Кромвеля, ни парламент. Но в середине 50-х годов лорд-протектор был лучшей надеждой на

стабильность. Тем более что поиск путей стабилизации ситуации заставил Кромвеля привлекать к управлению людей самых разных взглядов — от роялистов до крайних пресвитериан. При этом широкую базу системы протектората цементировала только лояльность Кромвелю.[157]

Когда Кромвель в 1658 году умер, ни его сын Ричард, ни вернувшееся «охвостье» не смогли справиться с бременем власти в бурлящей, но желавшей спокойствия стране. Благополучие и безопасность все чаще стали связываться в сознании англичан с монархией, что, разумеется, привело к активизации роялистов, которых поддерживали пресвитериане, часть членов парламента и простые обыватели. В августе 1659 года генерал Джон Ламберт подавил серьезный роялистский мятеж, а два месяца спустя разогнал парламент. Но отнюдь не все генералы поддержали его действия; против выступил в первую очередь популярный в армии генерал Джордж Монк (1608–1670). Бывший «кавалер», перешедший на сторону Кромвеля, прославившийся в ряде сражений и назначенный им губернатором Шотландии, не принял захват власти военными в Лондоне.

2 января 1660 года Монк повел 7000 своих солдат к границам Англии. Силы Монка были невелики, но неоднократные чистки после смерти Кромвеля и невыплата жалованья значительно ослабили моральный дух его противника. Едва «честнейший Джордж Монк» достиг Йорка, «охвостье» призвало его на свою защиту. И когда Монк 3 февраля вошел в Лондон, он, по сути, «держал судьбу англо-атлантического мира в своих руках». Трезво оценивавший политическую ситуацию, генерал не стал, однако, наделять себя особыми полномочиями. У него уже был план действий, обеспечивший как его стабильное положение в будущем, так и славу. Когда точно Монк решил перейти на сторону роялистов, никто не знает, однако еще Кромвель был уверен в тайных сношениях Монка со Стюартом. При этом лорд-протектор оставался настолько великодушен, что щадил генерала. В одном из своих писем к Монку в Шотландию он шутливо заметил: «В настоящее время в Шотландии проживает некий хитрец, посягающий на спокойствие республики, которого поручаю вашему вниманию. Этот человек испытанной храбрости, очень умный и способный; зовут его Джорджем Монком. Я бы вас попросил арестовать этого молодца и препроводить его ко мне в Лондон…»

Чтобы остановить Ламберта, Монк воспользовался услугами Инголсби, бывшего одним из судей Карла I. Инголсби распорядился схватить Ламберта до того, как тот смог собрать войска. Ламберт был арестован и брошен в Тауэр. Приговоренный

к смерти в 1662 году, но затем помилованный, он окончил свои дни в тюрьме.

В течение двух недель Монк вел переговоры с «охвостьем» и исключенными в результате чистки, учиненной полковником Прайдом, членами Долгого парламента. Контролировали этот процесс его мушкетеры. В итоге был созван парламент, восстановленный в прежнем составе, и первый же его закон объявил недействительными все республиканские правовые акты, принятые после 1648 года. Самого генерала утвердили на посту главнокомандующего всеми военными силами государства, и были назначены выборы в новый парламент, который собрался 25 апреля 1660 года. В нем уже доминировали роялисты. Парламент немедленно уполномочил всех английских пэров прибыть в Вестминстер и сформировать палату лордов. К тому времени Монк уже вел переговоры с наследником казненного монарха, с которым активно контактировал еще летом 1659 года через своего брата Николаса Монка и канцлера Карла II Эдварда Хайда. «Если Англия не выйдет из хаоса в ближайшее время, король должен быть восстановлен на престоле», — говорил Монк еще за год до этого.[158] В результате династия Стюартов возвратилась на престол трех королевств. Какой же личностью она была теперь представлена?

Когда 29 мая 1630 года у Карла I Стюарта и Генриетты-Марии Французской родился здоровый младенец, их счастью не было конца. То было время высокой детской смертности, и супруги уже потеряли преждевременно родившегося первого ребенка. 27 июня будущий Карл II Стюарт был торжественно крещен в Королевской капелле архиепископом Кентерберийским Уильямом Лодом. В ранние годы мальчик был доверен заботе протестантки графини Дорсет, хотя его крестными родителями являлись католики — дядя по матери Людовик XIII и бабушка Мария Медичи. Карл был крепок телом, весьма смугл для англичанина (цвет кожи он позаимствовал у итальянских предков) и смышлен. «…Наш ребенок явно особенный, — писала Генриетта-Мария мужу. — Он такой серьезный, что мне кажется, он уже сейчас умнее меня».[159] Это отчасти пророческое высказывание сбылось наполовину: Карл был явно умнее матери, но вот серьезнее вряд ли… Восьми лет от роду он принял титул принца Уэльского.

Детство Карла можно назвать счастливым, хотя любимцем Генриетты-Марии был его младший златокудрый брат Яков. Карл рос вполне здоровым ребенком, редкие болезни переносил довольно легко. Юный принц восхищался величественностью, окружавшей его отца, этикетом при дворе, придворными

праздниками и недолюбливал религиозные упражнения матери. Созерцание торжественной росписи Банкетного зала кисти Рубенса, «королевских» портретов Ван Дейка было для него уроком божественного права королей. Огромное уважение у него вызывали взгляды и политика архиепископа Лода — в этом духе он, собственно, и воспитывался. Его религиозным обучением занимался благонадежный и просвещенный епископ Чичестерский, который был достаточно умен, чтобы не нажимать на своего подопечного. Но наибольшее влияние на Карла оказал Уильям Кавендиш, первый герцог Ньюкасл, талантливый аристократ, проявивший себя во всех ипостасях — политической, военной, литературной, — которому было доверено обучение наследника престола. Он заботился о принце больше, чем о собственных детях. Под его руководством мальчик обучался верховой езде, фехтованию, танцам и разным предметам — от химии до литературы. Ньюкасл полагал, что в принце не следует воспитывать отчужденность, которая многих отталкивает в его отце, что ему следует больше заниматься «предметами, нежели словами, сутью, нежели языком». Ньюкасл стремился сделать из него воспитанного и мудрого человека, прагматичного и проницательного властителя. Он должен был в меру все знать и понимать. И в меру чувствовать себя свободным. И не впадать в чрезмерную религиозность.

В десять лет детство закончилось. Теперь воспитывала Карла сама жизнь. Волнения, охватившие королевство в 1640 году, лишили принца душевного равновесия. Он был достаточно сообразителен, чтобы понять всю серьезность ситуации. Как-то в разговоре с отцом мальчик заметил: «От деда вы унаследовали четыре королевства. Боюсь, мне Ваше Величество не оставит ни единого». Он уже тогда задумывался, что может потерять троны Англии, Шотландии и Ирландии, а также традиционные английские претензии на французский престол.

Пребывание с отцом в горниле гражданской войны сформировало характер от природы доброго и отзывчивого принца Уэльского. Напряженная и полная опасностей жизнь закалила и ожесточила его натуру. Он проявлял как бесстрашие, так и жесткость, почти жестокость. В битве при Эджхилле к Карлу, его брату Якову и сопровождавшим их лицам на расстояние выстрела приблизились «круглоголовые», и принц Уэльский, воскликнув: «Я не боюсь их!», вытащил пистолет. Только настойчивое, даже грубое вмешательство приставленного к детям короля сэра Джона Хинтона заставило его угомониться. Однажды Карл столкнулся на улице с захваченным в плен офицером парламентской армии и спросил охрану, куда его

ведут. Стражники ответили, что на допрос к королю. И принц заметил: «Этого малого следовало бы повесить, а то отец, глядишь, помилует его».[160] Подросток приобретал новые качества, которые удивительным образом соединятся с прежними в его будущем правлении. Впрочем, оно еще не скоро наступит.

В марте 1645 года четырнадцатилетний Карл, назначенный главой Западной ассоциации и призванный сотворить чудо и спасти монархию, был отправлен в Бристоль, где произошел раскол в рядах офицеров-роялистов. Помимо прочих советников отец отправил с ним человека, которому очень доверял и которого очень ценил за его ум, — Эдварда Хайда, юриста и бывшего члена парламента. Свою главную задачу Хайд видел в том, чтобы подготовить наследника к будущему жребию. Он настаивал на его присутствии на всех политических дискуссиях, журил за невнимательность и праздность. Высокий, подвижный и чрезвычайно чувственный юноша мало отвечал тогдашним нормам красоты, но обладал тем, что в те годы называли магнетизмом. Несмотря на войну, он оставался оптимистом.

После битвы при Несби Карл I настоял, чтобы сын отправился к удаленным границам королевства. В марте 1646 года принц уже находился на острове Св. Марии, а через несколько месяцев, без сопротивления уступив желанию матери, отплыл во Францию и прибыл в Париж. Карл жаждал свободы, ему хотелось оказаться подальше от Хайда с его надоевшим менторством и, в чем он даже себе боялся признаться, от войны. Ему хотелось пожить в хотя бы относительной роскоши. При этом он надеялся помочь отцу, собрав сторонников и деньги за границей.

Реальность была холодным душем на его горячую голову. Мазарини не позаботился оказать наследному английскому принцу подобающий прием. Карла не встречало ни одно важное лицо Французского королевства. Едва сойдя на берег, он сразу почувствовал себя не гостем, а беженцем. Генриетта-Мария жила в неотапливаемом дворце в Сен-Жермене, отсутствие денег было хроническим. Нищета отравляла существование, и принц говорил, что Франция в лице кардинала Мазарини играет в дипломатическую игру «собака на сене», называл кардинала «скупердяем», намеревавшимся принять сторону победителей. Роялисты в изгнании нуждались в поддержке, но когда они обращались к Карлу, тот был не в силах им помочь. К тому же королева, обладая главным словом в распределении скудных средств двора в изгнании, сокращала расходы сына, желая отстранить его от участия в принятии политических решений. Хайд писал: «Все эти годы в Париже принц Уэльский находился под попечительством своей матери».[161] Более того, королева

желала женить сына на Большой Мадемуазель[162] — дочери младшего брата Людовика XIII Гастона Орлеанского. Карл не находил ее красавицей, но темперамент принцессы ему импонировал. Он был галантен с нею и, в общем, готов был вступить в брак, который мог обязать французский двор помочь его отцу. Сватовство, впрочем, не состоялось — Мазарини не желал связывать себя лишними обязательствами в условиях, когда на Францию тоже надвигался серьезный политический кризис.

Ухаживая за Большой Мадемуазель, принц Уэльский позволял себе флиртовать с другими женщинами и приобщаться к жизни молодых аристократов Франции. Его соратниками в этом деле стали появившиеся в Париже Джордж Вильерс, герцог Бекингем, и его брат — сыновья знаменитого фаворита Карла I. С точки зрения политики для Карла это было время бездеятельности. В 1646 году по протекции Ньюкасла к обучению принца математике, правда без особого энтузиазма, приступил известный философ Томас Гоббс, последовательный противник любых смут и войн и сторонник абсолютной, но справедливой власти монарха. У наставника будущего короля оставалось время и для других занятий; в это время он работал над своим главным произведением, принесшим ему всемирную известность, — «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского».[163] Гоббс преподнес его своему воспитаннику, но Карлу тогда было совсем не до штудирования столь мудреных книг. Поверхностно ознакомившись с трудом Гоббса, он согласился отнюдь не со всеми его аргументами. Еще более суровой оказалась реакция окружения принца. Она была крайне негативной: люди, еще вчера степенно раскланивавшиеся с Гоббсом, стали его хулителями. Перед ученым встала альтернатива: пребывать во Франции на положении интеллектуала-изгнанника либо вернуться в Англию. После мучительных раздумий он выбрал второе. В 1651 году Гоббс переехал в Лондон, где ранее с одобрения Кромвеля опубликовал «Левиафана». Тем не менее представляется, что философ оказал немалое влияние на формирование политических и моральных взглядов наследника английской короны, которые сказались в будущем.

Сидеть без настоящего дела надоедало, романтически настроенный принц Уэльский мечтал о военных победах и спасении монархии. Весной 1647 года его брат Яков бежал из Англии в Нидерланды, через некоторое время в Кенте взбунтовалась часть парламентского флота и, приняв присягу на верность королю, отплыла туда же. Мазарини, предчувствуя

наступление политического кризиса во Франции, согласился на отъезд Карла в Нидерланды: кто знает, вдруг успех будет закреплен? К тому же в марте 1647 года голландский статхаудер Фридрих-Генрих умер, и новым статхаудером стал его монархически настроенный сын Вильгельм II, женатый на дочери Карла I.

Летом 1647 года принц Уэльский отбыл из Парижа в Гаагу с целью договориться с Вильгельмом о поддержке его флотом борьбы против парламента. Статхаудер тепло встретил шурина, экипировал для него войско, снарядил несколько судов и предоставил 30000 франков для закупки оружия. Карл и Вильгельм вместе разработали план высадки в Шотландии. Тем же летом восемнадцатилетнего принца настигла первая любовь. Звали ее Люси Уолтер. Лишившаяся в результате войны дома, она тоже была вынуждена отправиться за границу. Принц и Люси были ровесниками; несмотря на молодость, они ощущали скоротечность жизни. Они стали любовниками и вскоре выяснилось, что Люси беременна.

Любовники почти не расставались, если не считать морского похода, совершенного принцем Уэльским. Несколько голландских кораблей во главе с Карлом пришвартовались в Ярмуте, но после победы Кромвеля в сражении у Престона 17 августа принц счел за благо вернуться в Нидерланды. Тем более что его свалила оспа. Оправившись от болезни, Карл целые дни проводил в обществе любовницы, предупреждал малейшие ее желания, тратил на ее прихоти последние деньги из скромных субсидий, выдаваемых ему Вильгельмом Оранским.

Вокруг Люси ходило много слухов, которые живы и поныне. Некоторые в окружении Карла подозревали, что молодой наследник престола тайно обвенчался с мисс Барлоу (под этим именем Люси пребывала на континенте), которая к тому времени отнюдь не являлась безгрешной. Их сын родился в апреле 1649 года. Через несколько лет Карл будет вынужден выкрасть его у Люси, опасаясь влияния ее аморального поведения на неокрепший ум маленького Джеймса, будущего герцога Монмута.

По слухам, Люси вовсе не была уверена в том, что Карл отец Джеймса. До короля она была любовницей полковника Роберта Сидни, младшего сына 2-го графа Лестера. По словам современников, когда Монмут вырос, он куда больше походил на Роберта Сидни, чем на Карла II, — современникам казалось, что он слишком красив, чтобы быть родным сыном короля. У самого Монмута еще в юности также появились серьезные сомнения по поводу своего происхождения. Позже Карл, став королем, дал письменные показания, что он никогда не был женат ни на ком,

кроме королевы. При этом Карл признал Джеймса своим сыном, но наследником престола незаконнорожденный Монмут стать не мог. В 2012 году был проведен тест ДНК у наследника Монмута герцога Бакклейха, показавший родственную связь со Стюартами. Это стало убедительным доказательством того, что Карл II все же был биологическим отцом Монмута.[164]

Весть о казни Карла I достигла его через неделю. Ее принес капеллан Карла; принц, не стесняясь, заплакал. Теперь он стал сыном без отца, королем без трона и актером без роли. Назвавши себя «бедным королем, который не имеет ничего, кроме имени», Карл решил не сидеть сложа руки. К этому его еще подгоняла и бедность.

Казнь Карла I вызвала волнения в Шотландии и Ирландии. 6 февраля 1649 года в Эдинбурге принц был провозглашен королем Британии и Ирландии под именем Карла II. Желая заручиться иностранной поддержкой, он обратился к немецким князьям. В мае 1649 года курфюрст Бранденбургский ответил ему: «Все христианские государи обязаны помочь Вашему Величеству», но не смог предоставить ни денег, ни людей. Таким же образом отреагировали и другие немецкие князья.[165] Вслед за Германией для укрепления положения роялистской эмиграции наиболее доверенные лица из ближайшего окружения Карла были в качестве чрезвычайных послов направлены и в другие страны Европы: Коттинггон и Хайд в Испанию, Крофтс в Польшу, Колпепер в Россию. Целью этих посольств было получение не только займов, но и политической поддержки.

Нежно распрощавшись с Люси Уолтер, Карл отправился на ирландский остров Джерси, жители которого уже через семнадцать дней после смерти прежнего короля провозгласили его своим монархом. В Ирландии за королевскую корону сражался маркиз Ормонд, но летом 1649 года он потерпел жестокое поражение от неумолимой военной машины Кромвеля. Вся надежда оставалась на Шотландию, а также на помощь Франции и статхаудера Вильгельма Оранского. В октябре 1650 года Франция заключила договор о наступательном союзе с Вильгельмом II. Среди прочего стороны намеревались «свергнуть Кромвеля и стараться всеми возможными средствами реставрировать английского короля в его королевстве и продолжать войну против мятежников». В одной из секретных статей статхаудер обещал держать наготове флот в количестве 50 кораблей с 1 мая до конца ноября, «чтобы действовать и против Испании, и против восставших в Англии». Однако положение самого Вильгельма II в Нидерландах было непрочным. Уже с начала 1650 года, задумав монархический переворот, статхаудер

и партия оранжистов находились в постоянной борьбе с засевшей в Амстердаме оппозицией, которая с симпатией относилась к деяниям Кромвеля.

Португалия тоже решила оказать Карлу II помощь и выделила несколько кораблей, стоявших на рейде в Лиссабоне, в распоряжение принца Руперта. Но «иностранные планы» Карла II сорвались. Попытка монархического переворота, предпринятая в июле 1650 года Вильгельмом II, не увенчалась успехом. После его смерти от оспы в ноябре того же года нового статхаудера не избирали более двадцати лет. Республику Соединенных Провинций возглавила партия «регентов», среди которых выделялись великий пенсионарий Ян де Витт и его брат Корнелиус. Что же касается кораблей под командованием принца Руперта, то английское Адмиралтейство направило португальскому правительству ноту с требованием арестовать эти корабли. Кромвель ловко вовлек в это дело Испанию, сыграв на противоречиях между пиренейскими государствами, в результате чего планы Руперта были сорваны.[166]

Шотландцы потребовали от Карла свободы вероисповедания, причем в такой форме, что, прибыв в Шотландию, он почувствовал себя скорее заключенным, нежели королем. Шотландские парламентарии резко сократили количество англичан в его свите, а граф Аргайл настаивал на женитьбе молодого человека на своей дочери и отстранял его от участия в государственных делах. Карл оказался полностью зависим от пресвитерианской церкви и был вынужден подписать Ковенант. Лишь после этого, 1 января 1650 года, произошла его коронация в Сконе, а затем состоялось, под его началом, вторжение шотландцев в пределы Англии. Но на пути к английской границе едва ли не половина солдат Карла дезертировала. В битве при Вустере Кромвель нанес его армии страшное поражение, после чего парламент объявил Карла Стюарта изменником и оценил его голову в 1000 фунтов.[167]

Бежав после вустерского конфуза в сопровождении лорда Уилмота, Карл оказался на мельнице преданного Стюартам фермера Пендерелла. Он был вынужден переодеться в старый кафтан, дырявые башмаки и серую остроконечную шляпу, коротко остричь волосы, выбелить лицо мукой, испачкать руки. Однако и здесь было неспокойно: республиканские солдаты бродили по окрестностям, мельнице угрожал неминуемый обыск. Братья Пендерелл наблюдали за ними, извещая Карла условленными сигналами о степени опасности. Однажды ему пришлось забраться на высокий дуб и спрятаться в густой листве. Карл пережил страшные минуты, когда видел сквозь ветви, как

несколько солдат подошли к Пендереллу и стали его спрашивать, не видал ли он в лесу подозрительного человека. Только ночью он спустился с дуба на землю и благополучно возвратился на мельницу. Дуб, укрывший в своих ветвях короля-изгнанника, после восстановления Стюартов на престоле был назван королевским (the king's oak). Впрочем, роялисты не позаботились о сохранении этого дерева: они срубили его и, расщепив на тысячи обломков, разделили на память между собой.

На другой день Карл, братья Пендерелл и лорд Уилмот покинули мельницу, где стало совсем опасно. Они отправились к небольшой гавани Лим в надежде найти судно, дабы переправить Карла на континент. Достигнув замка кавалера Уайтгрейва, Пендереллы передали короля под его опеку. До Лима оставалось еще три дня пути. Но, избежав немало опасностей, Карл все-таки сел на корабль и добрался до берегов Франции.

При дворе юного Людовика XIV изгнанник несколько расслабился и стал опять ухаживать за Большой Мадемуазель и другими дамами. Впрочем, каждое утро он встречался со своими соратниками и обсуждал дальнейшие действия. Денег хронически не хватало, пансион, выделенный ему Мазарини, был крайне скуден. Кардинал достаточно ясно выразил свою позицию еще в январе 1651 года в записке «Об Английской республике», представленной Анне Австрийской и ее совету. Он отмечал, что «если действовать по законам чести и справедливости, то отнюдь не следует признавать Английской республики», но «никогда не надо делать то, что противно правилам благоразумия… какие бы мы ни сделали теперь демонстрации в пользу английского короля, они отнюдь не восстановят его престола… дальнейший отказ принять республику, на деле пользующуюся уже верховной властью, нисколько не послужит к усилению или утверждению прав короля… Настоящее положение дел во Франции не позволяет дать ему никакой помощи… Франция, ведя теперь большую войну и волнуемая внутри различными партиями, может подвергнуться крайней опасности, если англичане соединятся с одной из этих партий…».[168]

Мазарини был прав — действительно, во время Фронды (1650–1653) Кромвель поддерживал активные связи с мятежным принцем Конде. Дабы расстроить возможный союз английских республиканцев с французскими мятежниками, кардинал считал, что «следует ныне же войти в переговоры с Английской республикой и признать за ней титул, который она желает». Мнение Мазарини подтвердил его посол в Гааге Брассе, высказавший мысль о том, что Испания хочет признать Английскую республику и Франции «необходимо опередить ее».

[169]

Вокруг Карла повисла атмосфера безнадежности. Руки он не опускал, хотя порой впадал в безразличие. Нищета душила его. Ему даже пришлось заложить королевскую печать и орден Подвязки своего брата. Мазарини стремился как можно скорее избавиться от нежеланного гостя. Покинув Францию, Карл уехал в Кельн, затем в Брюгге. И в таких условиях он продолжал радоваться жизни. В нем гармонично сочетались шотландское упрямство и горячий темперамент французских и итальянских предков. У него были новые любовные увлечения и появлялись новые дети. Супруга англо-ирландского джентри Элизабет Киллигрю родила ему дочь Шарлоту Фитцрой. В это же время Карл сделал своего сына Джеймса графом Окни, герцогом Монмутом и кавалером ордена Подвязки. К его матери он уже охладел, чему способствовало и то, что, пока он пребывал в Шотландии, она не только вела себя в Гааге непозволительно свободно, но и завела роман с двойным агентом Кромвеля Томасом Говардом. Мисс Уолтер устраивала свою жизнь, как могла. Среди мужчин, посещавших ее, был полковник Генри Уилмот — отец известного поэта эпохи Реставрации Джона Уилмота. Полковник и содержал ее до поры до времени. Когда жить стало не на что, Люси возвратилась в Англию, где попала в тюрьму. Ее презирали соотечественники — независимо от политических взглядов. Люси умерла в 1658 году в возрасте всего 28 лет. Говорили, что в могилу ее свела «нехорошая болезнь».[170]

Король без трона не терял надежды на получение новой иностранной помощи. С этой целью он отправил послов в Швецию и к сестре — Марии Оранской. Эти миссии не принесли результатов. Шведская королева Кристина оказала послу Карла II благосклонный прием, но на практике она и ее наследник Карл X больше склонялись к союзу с Кромвелем, могущим поддержать вполне реально их интересы в Европе и на Балтике. А Мария Оранская с малолетним сыном, родившимся спустя восемь дней после смерти отца, будущим Вильгельмом III, была удалена от политики новым голландским правительством, как, собственно, и все члены дома Оранских-Нассау. Интерес к английским роялистам в Республике Соединенных Провинций был в значительной степени утерян.[171]

Между тем Кромвелю тоже приходилось несладко. Протекторату со всех сторон грозила опасность. Усиливались приверженцы олигархической республики. Активизировалась деятельность религиозных сект — прежде всего так называемых «людей пятой монархии», учивших, что «свобода и собственность не являются признаками царства Христова». Поднимали голову

роялисты, постепенно оправлявшиеся после подавления восстаний в Шотландии и Ирландии. Стон, вырвавшийся у толпы, присутствовавшей при казни Карла I, все еще витал над страной. В умах англичан монархия постепенно обретала черты «золотого века», и именно с нею связывалась надежда на стабилизацию жизни в стране.[172]

Впрочем, монархические настроения во время протектората связывались прежде всего с личностью самого Кромвеля. В марте 1657 года палата общин 123 голосами против 63 приняла постановление: «Просить Кромвеля принять титул короля». Этим документом предусматривалось основание новой династии, восстановление палаты лордов, назначаемых пожизненно королем, расширялись полномочия нижней палаты. Узнав об этом, Карл горестно заметил: «Если в Англии появится король Оливер, король Карл навсегда останется непризнанным». И хотя Кромвель отказался от короны, настрой приверженцев Карла сильно изменился. Даже герцог Бекингем бросил друга детства и уехал в Англию, где женился на наследнице генерала Ферфакса, в то время как изгнанник-король не мог наскрести денег на мало-мальски сносную жизнь. Он еще слабо надеялся на высадку испанских и роялистских формирований в Ирландии, назначенную на начало 1658 года. В Англии почву для нее готовил Джон Мордаунт, сын сэра Джона Мордаунта, графа Питерборо, отличившегося еще при Елизавете и поддержавшего в 1642 году парламент. В отличие от отца сын был последовательным роялистом. Но Испания, на чьи деньги Карл так рассчитывал, не спешила выполнять свое обещание. Когда же в июне 1658 года союзные англо-французские силы разбили испанцев в «Битве в дюнах» и захватили Дюнкерк, только Провидение, казалось, может спасти роялистское дело. Так в результате и произошло, однако Карлу II пришлось ожидать этого еще целых девятнадцать месяцев.[173]

10 сентября 1658 года сэр Стивен Фокс прибыл в Хугстратен, где обретался Карл, с потрясающей вестью: Кромвель скончался — еще неделю назад! Теперь король в своих притязаниях решил опираться на более прочную почву. Он надумал вступить в полезный брак и предложил руку и сердце Генриетте-Екатерине Оранской, сестре покойного Вильгельма II. Предполагаемая невеста была совсем не против, однако предложение короля без королевства отвергли, ибо в счастливую звезду Карла уже мало кто верил. Вслед за отказом пришло известие, что Ричард Кромвель наследовал должность отца. Узнав об этом, Карл, по выражению Хайда, «сделался угрюмым и подавленным».

Тем не менее ситуация быстро менялась. Парадоксально, но

именно политическая слабость Карла в глазах реставраторов монархии в значительной степени способствовала его возвращению. Она делала его, казалось бы, зависимым от доброй воли его подданных и особенно от союза Монка и пресвитерианских лидеров. На протяжении всего неспокойного 1659 года Джон Мордаунт прилагал немалые усилия по созданию пресвитерианско-роялистского альянса. О деятельности этого неутомимого и бесстрашного человека можно узнать из его многочисленных писем королю и приближенным Карла. Мордаунт подробно информировал Карла II о положении на Альбионе, обсуждал с ним возможности соглашений с пресвитерианами, Францией и Испанией. «Если короли Франции и Испании решат восстановить права Его Величества (то есть Карла II), то это будет сделано малыми усилиями. Ламберт и другие офицеры могут быть легко побеждены». Любопытно, что еще в апреле 1659 года Мордаунт неадекватно оценивал личность и возможности генерала Монка, заметив королю, что «он не должен надеяться на поддержку Локкарта, Монка или Монтегю, а только на разгон парламента и иностранную помощь». Однако, как видно из переписки, надежды на иностранную помощь понемногу таяли. Все чаще звучало мнение, что «позиции короля за границей усилятся, если он будет иметь значительную поддержку в самой Англии». Так, Яков Йоркский писал Мордаунту в сентябре 1659 года, что «нужно делать дело в Англии». В октябре того же года и сам Мордаунт стал соглашаться с тем, что на Монка можно положиться.[174]

В изгнании Карл в полной мере познал искусство интриги и дипломатии в отношениях с другими государствами и правителями, у которых был вынужден вымаливать помощь. Ничего удивительного в том, что он мало чего в этом достиг, не было — ведь Тридцатилетняя война ввергла Европу в тяжелый экономический и политический кризис, частью которого, собственно, и были политические потрясения в Англии 1640–1660 годов. Надо отдать должное Карлу, который, несмотря на трудности и унижения изгнанника, был оптимистом.[175] Да, он часто недоедал и не имел смены одежды, но и в этих стесненных обстоятельствах умел находить радости жизни и не чурался развлечений — охотился, плавал, играл в карты или на клавесине, изучал итальянский. Хотя, конечно же, изгнание оказало глубокое воздействие на все его будущее правление. Эмигрантские привычки, манера вести себя, а также лучшее знание европейской, нежели английской жизни заметно проявлялись в его повседневной жизни, когда он наконец стал полноценным английским монархом.

Карл II занял трон 8 мая 1660 года. Формально же он правил с момента казни Карла I. Восшествие его на престол не обошлось без хитрой дипломатии. Он внял намекам Монка и некоторых членов парламента и вместе с двором перебрался из католического Брюсселя в протестантский голландский город Бреду. Затем, пока в Англии размышляли, какими условиями обставить его возвращение, король (не без участия советников, разумеется, — Хайда и Ормонда) упредил желание парламента, 4 апреля обнародовав знаменитую «Бредскую декларацию». С одной стороны, она была составлена так, чтобы внушить англичанам чувство спокойствия и ощущение, что традиции продолжаются. С другой — это стало понятно позже — она делала парламент ответственным за все трудности и непопулярные решения: кого казнить, кого миловать, кого награждать, а кого облагать налогами. Король объявлял амнистию всем, кто гарантировал ему лояльность, — кроме тех, кого из списков амнистированных исключит парламент; на парламент возлагалось решение всех спорных вопросов о собственности; всем, кто живет в мире, гарантировалась религиозная терпимость, но опять же, пока парламент не решит иначе; выражалось согласие с любыми мерами парламента по выплате задолженности офицерам и солдатам Монка.[176]

Карл высадился в Дувре 25 мая. Очевидец события Сэмюэл Пипс писал: «Под утро мы подошли к Англии и приготовились сойти на берег. Я… сел в отдельную шлюпку и пристал к берегу в одно время с королем, которого с величайшей любовью и благоговением встретил на земле Дувра генерал Монк. Бесконечно было число встречавших — как бесконечна была обходительность горожан, пеших и конных, и представителей дворянского сословия. Явился мэр города и вручил королю свой белый жезл и герб Дувра… Мэр также вручил государю от имени города весьма ценную Библию, и государь сказал, что Священное Писание он любит больше всего на свете. Над королем водружен был балдахин, вступив под который он переговорил с генералом Монком и другими, после чего сел в карету и, не задерживаясь в Дувре, отбыл в направлении Кентербери. Всеобщему ликованию не было предела».

Майское путешествие в Лондон сына казненного Карла I походило на триумфальное шествие. Люди из самых разных слоев приветствовали законного короля: не сдерживая своих чувств, одни веселились, другие плакали от радости. Народ усыпал его путь цветами, все говорили: «Слава Богу, кончилось». Народ устал от нестабильности последних лет, от армейского порядка и

темных одежд пуританской эпохи. Многим казалось, что наступает «золотой век».

29 мая, в день своего тридцатилетия, Карл II триумфально въехал в столицу королевства. Ему было уже тридцать — или еще только тридцать? У него за плечами была целая жизнь, но жизнь настоящая, полноценная жизнь монарха, как он считал, только начиналась. Этот высокий, с резкими чертами лица, насупленными бровями и начинающими слегка седеть волосами мужчина испытывал нечто подобное эйфории.

Надо сказать, что Карл и его свита, состоящая из скитальцев, разделивших с ним тяготы эмиграции, с удивлением смотрели на происходящее. Та ли это страна, откуда им приходилось не раз бежать, когда непобедимый Кромвель расправлялся с роялистскими восстаниями? В Лондоне царил настоящий праздник. «Улицы украшены цветами, знаменами и гирляндами. Вино пьем из фонтанов. Лорды, знать в одежде, расшитой золотом и серебром. Громкая музыка. Радостные крики. Толпы народа заполнили улицы. Такого радостного дня нация еще не знала» — так описывал въезд короля в Лондон очевидец событий Джон Ивлин.[177] Мэр и члены Совета столицы вышли навстречу Карлу во главе депутации горожан. Пресвитерианские богословы с горячими уверениями в покорности преподнесли ему Библию, а парламент выразил свою преданность. Все англичане — «кавалеры» и «круглоголовые» времен гражданских войн, богатые и бедные, представители самых разных религиозных течений — стали участниками небывалой в английской истории сцены примирения и ликования. Все надеялись на лучшее, но не для всех оно наступило.

Подданные Карла II, и в первую очередь участники гражданской войны, находились в тяжелом положении. Многие из них были бедны и физически немощны, они ждали от долгожданного монарха моральной и материальной поддержки. Карл занялся и ими, но не сразу. Поначалу его заботило иное. Испытываемая им эйфория вылилась в запоздалую месть, которая пробила брешь, по крайней мере, в канве мифа о «добром короле». Но Карла можно понять. Отчасти к мести его подталкивала мать Генриетта-Мария, но главное — он обожал отца и не смог полностью проигнорировать вину людей, заставивших его и брата выдерживать нелегкие испытания эмиграции. Он словно хотел повернуть часы назад, в 1641 год. Инсигнии республики были уничтожены: флаги выброшены из всех публичных мест, корабли переименованы, монументы снесены. Вместо годовщины казни короля — 30 января — праздником стал день 3 сентября, и в первый же такой день, 3

сентября 1661 года, тела Кромвеля, Айртона, Прайда и Бредшоу были выкопаны из могил, повешены на всеобщее обозрение на Тайберне и затем четвертованы. Суду были преданы еще около 100 «убийц короля». Примерно 800 роялистам-эмигрантам вернули конфискованные владения, а 3000 роялистских семей получили разрешение выкупить свою секвестированную собственность.[178] Щедро награжден был Джордж Монк: он получил сан рыцаря, титулы графа Торрингтонского и герцога Албермарльского, два баронства в разных графствах, а также придворную должность конюшего и пенсию 700 фунтов в год. «Честнейший Монк» не был допущен к политике — Карл доверял только своему эмигрантскому окружению. Но — уже в качестве флотоводца — он еще успеет проявить себя в следующей войне с Голландией.

При этом многие «кавалеры» скоро почувствовали унижение, поскольку реставрация монархии не принесла им ожидаемого вознаграждения за преследования, жертвами которых они были все эти годы. Тщетно они протестовали против амнистии сторонникам парламента и Кромвеля и неприкосновенности земельных перемещений, происшедших в 1642–1660 годах, называя все это «забвением прошлых услуг и прощением былых преступлений». Их, верных сторонников короны, возмущало то, что наказанию подлежали только непосредственные виновники казни Карла I, в то время как те, кто вел против него войну и способствовал его гибели, остались безнаказанными и даже сохранили за собой неправедно нажитые состояния.

В сентябре 1660 года война с Испанией была окончена миром, после чего английская армия, оплот пуританского влияния, достигшая численности 40000 человек и являвшаяся одной из первых в Европе по своим боевым качествам, была распущена или частично передана под начало местных властей. «Железнобокие» Кромвеля ощутили на себе изменение общественного мнения, и многим из них это было непонятно. Разве они не одержали великие победы на полях сражений, не защищали правое дело пуританской церкви? Теперь им это чуть ли не вменялось в преступление. Грозная армия перестала быть политической силой, ей надолго предстояло уйти в тень. Солдаты, получив причитающиеся им деньги, вернулись домой. Многие из них в мирной жизни стали примером предприимчивости и умеренности, как прежде доблести и рвения. Но не меньше было и таких, кто надеялся на ослабление новой власти, чтобы тогда восстановить справедливость — так, как они ее понимали.

После реставрации Стюартов Англия, Шотландия и Ирландия

вновь стали отдельными государствами во главе с общим королем. В наступившем правлении нового английского монарха можно выделить две ипостаси — политику и придворную жизнь. Они были одновременно и взаимосвязаны, и противопоставлены одна другой.

Со второй половины XVII века Европа становится системой централизованных абсолютных монархий и территориальных княжеств, а жизнь европейского общества проходит в удивительном и многоликом барочном мире «дворов и альянсов». В этом мире понятия ранга и репутации приобрели новое качество и формировали, во многом благодаря Королю-Солнцу Людовику XIV, общность европейского дворянства и дворянской придворной культуры. И Англия, недавно пережившая политические потрясения, но опережавшая другие страны в своем экономическом развитии, отнюдь не выпадала из этого круга. Она была органической частью европейской цивилизации, в рамках которой формула «Европа» с 1700 года заменит понятие «христианский мир».[179]

Двор как институт и форма существования переживал взлет, ему принадлежало бесспорное первенство в политике и моде, тогда как республиканская форма представлялась старомодной. Понятия «монархия» и «двор» переплетались, и со стороны казалось, что сотни созданных в Европе дворов развивались вовсе без цели, каким-то странным, произвольным, критикуемым многими подданными и особенно деятелями Просвещения путем. Тем не менее именно двор, олицетворяя государство, «навел мосты» из средневековой Европы в современность. Во всей Европе монархия как институт была нормой. Большинство образованных европейцев, несмотря на критику современных им реалий, полагали, что монархия является наилучшей формой правления, и именно от государей ожидали справедливого и эффективного управления страной.

Двор Людовика XIV, считавшийся образцовым для всей Европы, являл собой как бы своеобразную модель «метрополии», обязательную для подражания «на местах». Он представлял собой как королевское окружение и местопребывание короля, так и эффективный государственный аппарат. В это время — время перехода от средневековой к буржуазной цивилизации — двором ограничивалась представительская сфера публичной власти. Наконец, двор исполнял роль «цивилизатора» дворянства, что было актуально для Франции и значительной части континента. Своей политикой французский монарх привлек дворян ко двору, при котором превыше всего ценились искусства, высший

церемониал и остроумная беседа. Конечно, в подражании Версалю Европа проявляла различную степень энтузиазма, и по сравнению с двором Людовика XIV многие иностранные дворы казались провинциальными. Всепроникающее влияние Франции выразилось в повсеместной моде на все французское и превратило французский язык в средство международного общения, которым пользовались дипломаты и носители культуры. [180]

Хотели того или нет ощущавшие свою «исключительность» британцы, но в своем поведении они во многом следовали европейской моде и европейским образцам. Они дышали одним воздухом со всей Европой и получили двор, внешне похожий на другие, но он, однако, не олицетворял государство. Английский двор эпохи Реставрации Стюартов весьма походил на двор Короля-Солнца, которым не мог не восхищаться Карл. Возникновение французского придворного общества в определенном смысле было реакцией на разгул гражданской смуты во время Фронды, все ужасы которой испытал малолетний Людовик XIV и потом сделал для себя выводы о необходимости централизации и монополизации власти. А придворная жизнь при Карле II с ее часто смакуемой в литературе распущенностью в немалой степени была «сладко-горькой» компенсацией за политическую нестабильность и гражданские войны середины XVII века. В моральном плане ее также можно считать реакцией на пуританские перегибы времен Оливера Кромвеля, а также следствием тяжелых лет эмиграции вернувшегося на трон своих предков короля.

Однозначно оценивать придворную жизнь в Англии при Карле II нельзя. Частная жизнь короля, приближенных и фавориток — это одна ее ипостась, но существовала еще и духовная сфера, которую Карл отнюдь не игнорировал и в которую внес свой заметный вклад. Многие черты Реставрации Стюартов определялись личностью человека, вернувшего себе трон, и условиями, с которыми он столкнулся.

Обладая рядом ценных для любого правителя человеческих качеств — целеустремленностью, мужеством и неиссякаемым оптимизмом, Карл II Стюарт тем не менее не осознавал особенностей развития Англии по сравнению с другими европейскими государствами, где он вынужденно пребывал столь долгое время. Образ абсолютного монарха, олицетворенный Людовиком XIV, стал путеводной звездой в политике английского короля. Шатания Карла между притязаниями «наследственного» монарха и фактическим положением «договорного» короля, приводившие к почти непрерывным дискуссиям между ним и

парламентом, составляли специфическую черту политической истории его правления. Однажды французский посол в Лондоне довольно точно охарактеризовал Королю-Солнцу государство Карла II: «Это правление выглядит монархическим, потому что есть король, но глубоко внизу оно далеко от того, чтобы быть монархией».[181]

Первоначально взаимоотношения короля и парламента были вполне благополучными. Конвенционный парламент, заседавший с 25 апреля по 24 декабря 1660 года, проголосовал выделять ежегодно на нужды монарха 1200 000 фунтов. Но, как показало будущее, этих денег было недостаточно, что привело Карла к долгам и к усилению налогообложения.

Осенью 1660 года радостное и оптимистическое настроение реставрированного монарха было омрачено личной трагедией — смертями младшего брата, Генри, герцога Глостерского, и сестры Марии, прибывшей в Лондон из Нидерландов, от незначительной, как поначалу казалось, вспышки эпидемии оспы. Ко всему этому брат Яков тайно женился на дочери Хайда Анне, которая носила его ребенка. В последний момент Яков пожалел о содеянном и попросил Карла заставить парламент аннулировать брак. Король, не желая с самого начала вступать в дискуссии с палатой общин, поступил благоразумно, не разрешив брату развестись, а Хайда сделав графом Кларендоном. Проблемы возникали одна за другой. При этом получилось так, что одни пункты Бредской декларации, принятой, казалось, всем английским обществом, нарушались королем, а другие — церковью или парламентом.

Самым сложным было примирить конфессии. Отнюдь не будучи истово верующим, король относился к тем европейским государям, которые рассматривали религию сквозь призму либо государственного интереса, либо сохранения и приумножения своей власти и влияния у себя в стране и за границей.[182] Карл при всем желании не мог настоять на введении религиозной терпимости — ведь по Бредской декларации это входило в компетенцию парламента. Англиканская церковь восстановила свой привилегированный статус в Англии, а пуританские конфессии подвергались разного рода ограничениям. После реставрации церковная власть перешла к Уильяму Джаксону, своего рода «вечному министру по делам церкви», пережившему «Великий мятеж». Именно из его рук Карл I получил свое последнее причастие. Однако Джаксону было уже 78 лет, и он страдал от болезни, не дающей надежды на выздоровление. В итоге его обязанности в октябре 1660 года с готовностью возложил на себя епископ Лондона, а с 1663 года архиепископ Кентерберийский Гилберт Шелдон. Целеустремленный и

честолюбивый Шелдон, вышедший из гражданских потрясений 1640–1660 годов полным жажды мщения к пуританам, терпеливо ждал своего назначения на архиепископство.

В первые годы правления Карла II он был самым доверенным после лорд-канцлера советником короля, особенно в церковных вопросах. В 1661 году он председательствовал на конференции пресвитериан и сторонников епископального управления церковью, завершившейся безрезультатно. Шелдон с пренебрежением отнесся к идее о взаимных уступках и требовал единообразия в принудительном порядке. Игнорируя ожидания пресвитериан, порожденные речами Карла и Хайда в Бреде, Шелдон заявил от имени своего и других епископов, что они считают Книгу общей молитвы лучшей из когда-либо существовавших церковных книг в истории. Во время подготовки «Акта о единообразии», принятого в 1662 году, он был полон решимости вынудить пресвитериан освободить позиции, занимаемые ими в церкви, любой ценой. В итоге пресвитериане в Шотландии подверглись жестоким преследованиям. И все же, несмотря на то что на публике, в речах и действиях Шелдон был человеком властным и непримиримым, в частном общении он оставался необыкновенно вежлив, приветлив и доступен для всех. Он умел быть благородным и щедрым. Оксфорд обязан ему своим Шелдонским театром и многими другими историческими памятниками.

Карл II и Кларендон неохотно, но все же соглашались с предлагаемыми Шелдоном одиозными мерами, поскольку главенство англиканской церкви было чрезвычайно важно для восстановления прежнего статуса монархии. Как умный политик, граф Кларендон стремился примирить разнородные социальные силы и тем самым упрочить королевскую власть. В начале Реставрации он видел свою главную задачу в создании атмосферы веротерпимости, однако инициированное Шелдоном и парламентом преследование инакомыслящих поставило крест на этих усилиях. Вышло так, что имя этого человека связалось с целым рядом законов, именуемых «Кодексом Кларендона», за принятие которых он не был прямо ответственен.[183] Эти законы восстановили доминирующее положение англиканской церкви и надолго поставили пуритан, анабаптистов, квакеров и представителей других религиозных течений — так называемых диссентеров — в оппозицию.

23 апреля 1661 года Карл II был коронован в Вестминстерском аббатстве. Это торжественное, пышное событие должно было подчеркнуть триумф монархии, и на расходы казна не поскупилась. Вновь из фонтанов били струи вина, по заново

вымощенным улицам маршировали украшенные красными, белыми и черными перьями солдаты, поэты и проповедники славили возвращение Стюартов на трон. Никто даже не предполагал, что этот суверен последним совершил традиционное коронационное шествие от лондонского Тауэра до Вестминстерского аббатства.

8 мая 1661 года был созван второй, самый долгий его парламент (ему предстояло функционировать до 24 января 1679 года), названный Кавалерским. В него вошли половина депутатов Конвенционного и 100 членов Долгого парламента Карла I. Этот парламент год за годом предоставлял Карлу II властные полномочия, исполняемые в свое время его отцом. Хотя Звездная палата, Высокая комиссия и корабельные деньги не стали опять прерогативами двора или короля, последний получил контроль над военными силами, а в 1664 году — право собирать и распускать парламент, когда пожелает. Три года спустя Карл уже мог по своему усмотрению назначать и увольнять судей. Но прежде всего он получил в свое ведение доходы с трех принципиальных налогов, которые составляли основу республиканского правления, — таможенный сбор, акцизы и налог на имущество; поскольку английская экономика развивалась, доход от первых двух постоянно рос, делая корону относительно независимой от парламента в мирное время. Между 1679 и 1684 годом парламентские выплаты составили только 7 процентов дохода короля, а в 1684–1688 годах — и вовсе 1 процент.[184] Таким образом, возвращение «личного правления» представлялось вполне возможным.

В 1661 году в Англии при покровительстве лорд-канцлера была предпринята попытка создания Государственного банка, имевшая целью достижение выгод для купечества, удешевление кредита, а также финансирование правительства. Удачным в денежном отношении был и брак в том же году короля с португальской инфантой, принесший приданое 2 млн. крон, а также города Танжер и Бомбей. Последний стал основой будущего колониального владычества Британии в Индии.

Португальская инфанта Изабелла-Екатерина Браганца не выделялась ни особой красотой, ни умом — в выборе Карла II главную роль играла политика, как внутренняя, так и внешняя. В первую очередь, разумеется, целью этого брака было появление на свет официального наследника. Переговоры были завершены к лету 1661 года, сама же королева прибыла в Англию весной 1662 года. По слухам, впервые увидев супругу, Карл воскликнул: «Джентльмены, вы привезли мне летучую мышь!»[185] Одетая по испанской моде и с замысловатой прической, Екатерина

действительно очертаниями напоминала этого зверька. Но за ней давали полновесными дублонами (в придачу с Танжером и Бомбеем) отличное приданое. Впрочем, женитьба никак не помешала увлечениям Карла другими дамами.

К этому браку в Англии отнеслись неоднозначно. С одной стороны, он был выгоден в торговом и колониальном отношении, и не только в отношении расширения империи, но и с точки зрения соперничества с Голландией, противником Португалии. С другой стороны, английское общество смущало то обстоятельство, что католическая королева стала в Англии нормой. Проблему сняла сама королева, пообещав, что воспитает детей протестантами; обещание это, как выяснилось позже, не имело смысла — Екатерина оказалась бездетной. Но более всего вызвал опасения тот факт, что инициатива брака исходила не только от Португалии, но и от Франции, традиционного союзника Португалии в борьбе против Испании.[186]

Определенно одобряла брак сына королева-мать Генриетта-Мария, вернувшаяся в Англию и проведшая там 1662–1665 годы. Скромная католичка, чье благочестие сильно контрастировало с беспутной жизнью Карла II, имевшего многочисленных любовниц и прижившего от них с дюжину отпрысков, ей была по душе. Остальное на Альбионе ее только раздражало. Поначалу она отказалась принять брак Якова с дочерью лорд-канцлера Анной Хайд, считая такой мезальянс позором для Стюартов, однако под давлением старшего сына была вынуждена признать герцогиню Йоркскую. Образ жизни самого Карла ее просто пугал. Последние четыре года жизни вдовствующая королева провела во Франции, много времени уделяя некогда основанному ей монастырю в Шайо и заботе об отправленной во Францию для поправки здоровья внучке Анне, дочери Якова. Рано постаревшая, с ослабленным зрением и, как говорили, с психикой, сильно потрепанной после смерти мужа, Генриетта-Мария страдала от сердечной недостаточности. В последние дни жизни ее мучила бессонница, и один из французских докторов предписал ей в качестве снотворного настойку опия, приняв которую вечером наутро — 10 сентября 1669 года — королева не проснулась. Она была похоронена среди своих предков, в Сен-Дени.

Для укрепления королевской власти была жизненно необходима стабилизация экономики страны и расширение влияния за ее пределами, чему в первую очередь мешала торговая политика Нидерландов, поднявших голову после смерти Кромвеля. В начале своего правления Карл II имел неплохие возможности для хорошего старта во внешней политике. Во-первых, он наследовал государство, чей престиж на континенте

был высок, во-вторых, не обязан был продолжать политику Кромвеля, если считал ее неприемлемой для себя, в-третьих, был свободен от обязательств перед иностранными государями, поскольку они не принимали участия в его восшествии на трон. В 1660–1662 годах Англия заключила договора о союзе и торговых связях с Данией, Бранденбургом, Гамбургом, Любеком, Швецией, Голландией и даже пашой Алжира.[187] Однако играть серьезную роль в европейской политике стоило денег — для содержания приличного дипломатического корпуса требовались немалые суммы.

Достижения республики и протектората обуславливались активной политикой торговой и колониальной экспансии. От реставрированной монархии ожидали тех же, если не лучших, результатов. Но Кромвель имел большую и дисциплинированную армию, в которой он пользовался неоспоримым авторитетом и неограниченной властью, а у Карла ее не было. К тому же в начале правления налоговые поступления оказались меньше запланированных, ибо механизм сбора еще не был отработан. В итоге король сразу залез в долги — расходы-то были немалые!

Неудивительно, что заключение брака происходило почти параллельно с событием, положившим начало определенной зависимости английской короны при Карле II от Франции. Посоветовавшись с Кларендоном (на которого потом и пала вся тяжесть содеянного), Карл, чтобы получить свободные средства, решил продать французам порт Дюнкерк, закрепленный за англичанами после заключения мирного договора с Испанией. Содержание этого города обходилось дорого, а Людовик XIV располагал огромными денежными средствами — Мазарини после своей смерти в марте 1661 года оставил ему 50 млн. ливров. Желая укрепить свои стратегические позиции на западных границах королевства, а также влияние на Англию, французский король несказанно обрадовался этому подарку. В октябре 1662 года был подписан англо-французский договор о продаже Франции Дюнкерка и Мардика с укреплениями за 5 млн. ливров.[188] В Англии, как и ожидалось, этот акт вызвал бурю негодования.

Эйфория первых месяцев пребывания на родной земле сменилась разочарованием. Неужели он, Карл Стюарт, не способен справиться со своими же собственными государственными структурами и церковью? Неужели он недостаточно старается для страны?

Король действительно старался. Вторая половина XVII века была эпохой раннего Просвещения, и Англия находилась в его фарватере. Карл II имел широкие взгляды, был свободен от

религиозных предрассудков, интересовался естествознанием, механикой и мореплаванием. Европейски образованный человек, он поощрял науки. Король сам мог поддержать беседу об астрономии, архитектуре, садоводстве, антиквариате и пчеловодстве, а при дворе между удовольствиями стало модным вести околонаучные беседы. Интерес к науке проявился у Карла в первую очередь в коллекционировании старинных часов и маятников — король испытывал особое влечение к предметам, отмечающим течение времени. В Англии при нем был расцвет часового производства.

Первая Академия наук в Европе — Английское Королевское общество — появилась в 1662 году по специальной королевской хартии и при поддержке большой группы ученых, в которую входили Роберт Гук, Роберт Бойль и, конечно, сэр Исаак Ньютон. Карл оказывал покровительство Королевскому обществу, регулярно публиковавшему результаты своих исследований и развивавшему новую экспериментальную науку. И не только — он поощрял фундаментальные сдвиги во всем мировидении верхушки английского общества. Примечательна в этой связи позиция деятелей англиканской церкви. Епископ Бернет писал: «Истина заключается в том, что вместе с Реставрацией восторжествовал дух знания, и миряне, точно также, как и священство, бескорыстно соревнуются в различных его областях. В особом почете математика и новейшая философия».[189]

Истина, однако, заключалась еще и в том, что вместе с реставрацией монархии необходимым ее элементом стала придворная жизнь. Она — вторая ипостась правления Карла II — подчеркивала его индивидуальные человеческие черты, которые, будь его политика во всем успешной, не обратили бы на себя столь пристального внимания.

В литературе есть мнение, что в характере Карла имелись слабости, которые осложняли его правление. Это не совсем так. В повседневной придворной жизни он просто позволял себе «отдыхать», тогда как его идеал Людовик XIV, будучи королем-профессионалом и олицетворяя высшую государственную власть, при своем дворе постоянно «работал». «Отдых» короля был разнообразен. Во время Реставрации при дворе и в аристократических кругах Англии стало популярным так называемое «остроумие», трансформировавшееся из философского течения «либертинаж». Изначально это течение воплощало мечту человека о свободе как желанной и недостижимой силе, способной преодолеть чувство потерянности и разочарования в окружающем мире. В условиях кризиса XVII столетия это было актуально. Либертинаж во многом

основывался на учении античных мыслителей Лукреция и Эпикура и прижился при английском дворе благодаря Томасу Гоббсу, учение которого по-своему преобразовалось в голове английского короля и английских вольнодумцев. Гоббс рассматривал человека как существо, бунтующее против внешних условий, конечная цель которого иллюзорна, а повседневные желания — зыбки и ненадежны. Этот человек живет в условиях постоянного экономического, сексуального, военного и интеллектуального соперничества и поэтому является пленником заведомо неудовлетворенных желаний. По мнению современников, английские «остроумцы» — это те, кто «стремится выделиться и отличиться, кому претит практическая деятельность, они всегда одержимы тщеславием, нетерпимы к порицанию и жадны до славы». Распространенным типом джентльмена-либертина при дворе являлся кутила, проводящий беззаботную жизнь в пирушках, забавах и развлечениях. Он вел себя манерно, а выражался вычурно, с обилием иностранных фраз, изысканных метафор и сравнений. Порой в речь такого придворного могли грубо врываться циничные выражения, соответствовавшие его поведению в тот или иной момент. Атмосфера двора короля Карла хорошо отражена в поэзии Джона Драйдена и Эдварда Уорда. Драйден писал:

Счастливым человека мы зовем,
Что нынешним живет лишь днем,
И что спокойно говорит:
Пусть завтра хоть потоп, мной этот день отжит.
Будь солнце, тучи или град —
Все радости мои лишь мне принадлежат.
И небеса ведь над былым не властны,
Что было, то прошло, я прожил день прекрасно.

Еще четче выразился Уорд в стихотворении «Выбор остроумца»:

Я за тобой последую тропою славной,
Лукреций мой учитель и наставник,
Тропой, проложенной для многих поколений,
Аллеей радости, свободы, наслаждений,
Из них свобода обладает дивным свойством
Дверь открывать в сад райских удовольствий,
Как соль и перец оживляют пресный ужин,
Свобода пряностью для духа служит,
Беру от жизни все и наслаждаюсь этим,

А как иначе жить на белом свете?[190]

Дух придворной жизни при Карле II ярко иллюстрирует жизнь одного из либертинов английского двора, Джона Уилмота, 2-го графа Рочестера. Он входил в плеяду наиболее значительных английских поэтов эпохи Реставрации, покровительствовал таким драматургам, как Томас Отуэй, Джон Драйден, Чарльз Сидлей, и первой женщине драматургу Афре Бенн. Рочестер прославился в Англии и Европе как автор едких сатир, любовной лирики и стихов непристойного содержания. Темы своего интеллектуального творчества он черпал из жизни, являясь неизменным участником кутежей, веселых проделок и множества любовных историй.

Еще не достигнув совершеннолетия, в 1667 году Джон был введен в палату лордов. Он входил в состав «развеселой шайки» двора, получившей свое прозвище от поэта Эндрю Марвелла. В эту компанию гуляк входили Генри Джермин, Чарльз Саквилл, граф Дорсет, Джон Шеффилд, граф Малгрейв, Генри Киллигрю, сэр Чарльз Седли, драматурги Уильям Уичерли и Джордж Этеридж, личный друг короля Джордж Вильерс, 2-й герцог Бекингем. Несмотря на свои похождения, Рочестер саркастически относился к нравам Реставрации и в 1674 году написал «Сатиру на Карла II», в которой критиковал короля, погрязшего в разврате в ущерб делам управления королевством. Поэт называл Карла «Старый Роули» по имени его любимого жеребца и сравнивал пенис своего сюзерена с державным скипетром.

После этого события Джон Уилмот был временно отлучен от двора. Через год король его простил, наградил новыми придворными должностями и даже пристроил к собственной лаборатории для химических опытов. После гибели одного из друзей Рочестера — капитана Даунса — во время пьяной драки графу пришлось некоторое время скрываться от властей. Он жил под именем врача Бендо, «лечившего» от многих болезней, в том числе и от бесплодия. Его практика пользовалась успехом, но даже и в этом образе граф Рочестер критиковал короля в «обращениях доктора Бендо к народу». Вот одна из его прижизненных эпитафий Карлу II:

Под эти своды прибыл из дворца
Король, чье слово было хрупко.
За ним не числится ни глупого словца,
Ни умного поступка.

Ответ Карла на эту эпитафию был также написан автором:

Когда бы король оставался в живых,
Он так бы сумел оправдаться пред вами:
«Слова мои были моими словами,
Дела же — делами министров моих».

Но Карл любил Рочестера и все ему прощал. Возможно, поэтому в 1676 году лорд Рочестер поддержал короля своей знаменитой речью в палате лордов против принятия билля «Об исключении герцога Йоркского из права престолонаследия», запрещающего брату Карла II (будущему королю Якову II) наследовать английский трон. Образ Рочестера стал прототипом для образа остроумного поэта Дориманта — одного из главных героев пьесы Джорджа Этериджа «Модный человек, или Сэр Суетливый Фат», которая с 1676 года разыгрывалась на одной из сцен Лондона.

Джон Уилмот скончался в 1680 году в возрасте 33 лет, предположительно от сифилиса и других заболеваний, сопутствовавших его образу жизни. Перед смертью он обратился к религии и проводил время в беседах с Гилбертом Бернетом, будущим епископом Солсбери. После его смерти Бернет издал книгу «Несколько эпизодов из жизни Джона Уилмота, 2-го графа Рочестера», в которой пересказал свои беседы с графом, акцентируя внимание на его отказе от атеистических убеждений и возвращении в лоно англиканской церкви. На протяжении последующих столетий эта история о «возвращении блудного сына» активно использовалась церковью в проповеднической деятельности.[191]

Оказавшись на престоле предков, Карл II решительно боролся с интригами в своем ближайшем окружении и даже уволил многих слуг, которые были с ним в изгнании. Но вплоть до середины 70-х годов король продолжал по эмигрантской привычке игнорировать церемониал и использовать частные методы для решения государственных дел. Так, он часто принимал иностранных послов не в тронном зале, а, например, в постели или на прогулке; на приемах его часто можно было видеть без головного убора. Многие его придворные спали до обеда и вкушали пищу вместе с королем.

При этом Карл был исключительно подвижен. Сколь бы насыщенно ни протекали ночи короля, он вставал в пять утра и шел через парк поплавать или садился за весла. Нередко за ним увязывались его любимцы — маленькие спаниели. Еще Карл играл в крокет и кегли, а также азартно предавался всеобщему

увлечению эпохи Реставрации — пэл-мэлу. В этой игре необходимо, ударяя по шару деревянной битой, попасть в подвешенный над землей обруч. Для этой игры специально разбили аллею, и эта часть города так и стала называться — Пэл-Мэл. Но больше всего король любил теннис, или королевский мяч, и велел не только привести в порядок старую теннисную площадку в Хэмптон-Корте, но и построить новые в Уайтхолле и Виндзоре. Приглашение на игру с королем означало положительное решение проблемы. Не гнушался Карл и рыбалки, и охоты. После возвращения из изгнания он приказал развести в королевских парках и лесах оленей, за убийство которых без разрешения грозила суровая кара. Не оставлял король без своего пристального внимания скачки, которые проводились в Ньюмаркете, куда он со своей свитой приезжал два-три раза в год. Построив Сент-Джеймский дворец, он сделал красивый королевский парк при нем общедоступным местом, где гулял и сам, развлекался различными играми; здесь с ним при удаче можно было поговорить. Большинству его подданных такой образ жизни короля и двора, в принципе, нравился. Он выглядел «демократичным». Карл обладал способностью располагать к себе людей, был умным и любезным человеком, с незаурядным личным обаянием. Довольно неправильные черты лица не лишали его внешней привлекательности, дополнявшейся изящными манерами и острым языком. Большую часть своего правления король не боялся общения с народом, часто появлялся в людных местах и непринужденно разговаривал с простолюдинами, прощавшими ему расточительность, веселые попойки и бесконечные любовные похождения. Королева Виктория считала его самым интересным из всех своих предшественников на английском троне.[192]

Но все же отличительной особенностью этого английского монарха как человека была его страсть к женщинам. Карл, совместив в себе от природы гордый шотландский дух и горячую франко-итальянскую кровь, был исключительно влюбчивым в детстве, ненасытно сладострастным в юности и в зрелых годах.

Фривольный дворец Уайтхолл при Карле поражал воображение современников. Вот какой эффект он произвел еще в 1661 году на такого трезвомыслящего джентльмена, как Сэмюэл Пипс: «Дела при дворе обстоят худо — подковерная борьба, зависть, нищета, сквернословие, пьянство, разврат. Не знаю, чем все это кончится». По всему королевству ходили сплетни, говорили, что при дворе свирепствует сифилис. Через несколько лет Пипс выразился уже более мягко: «Я следовал через Уайтхолл и видел, что в присутствии королевы леди прогуливались,

разговаривали и поскрипывали своими перьями на шляпах, обменивались ими, пытаясь взгромоздить их на другие головы, и смеялись при этом. Но что более всего привлекло мой взор, так это красота… этих леди, которых я до того момента не видел за всю свою жизнь».[193]

Как и многие монархи, Карл II копировал черты двора Людовика XIV, самого изысканного и блестящего в Европе, но в имитации свободы нравов он, пожалуй, перестарался. Да и было ли это имитацией? Впоследствии лорд-канцлер Кларендон, отправленный Карлом в 1667 году в отставку и проведший остаток своих дней во Франции, так характеризовал его правление: «…Повсюду царит безумный разврат, народ ропщет, грязная низкая любовь к деньгам рассматривается как высшая мудрость; моральное разложение, как зараза, ползет по городу, многие забыли, что такое дружба, совесть, общественный долг…»[194] А в понимании пуритан народ Англии не пожелал быть «Божьим народом» и поэтому быстро скатился с оказавшихся для него непосильными нравственных высот. Они считали, что чума и Великий пожар в Лондоне не были случайными событиями — это Бог наказал греховный город.

Впрочем, в этих чрезвычайно сложных ситуациях король вел себя достойно — ему нельзя было отказать в решительности и личной храбрости. В мае 1665 года в Лондоне вспыхнула эпидемия чумы, в разгар которой — в сентябре — за неделю в городе умерло почти 7000 человек. Специальных лечебниц не было, и приходилось изолировать людей в домах. Пипс оставил такие впечатления: «Господи! Как печально видеть пустые улицы, где совсем нет людей… С подозрением посматриваешь на каждую дверь, лишь бы там не было чумы… все выглядят так, как будто прощаются с миром».[195] Умерших было столь много, что их складывали штабелями в неглубокие рвы, куда на нежданный пир стаями слетались вороны. Двор уехал в Солсбери, а затем в Оксфорд, оставив столицу на попечение генерала Джорджа Монка, никогда не терявшего самообладания.

Едва только эпидемия миновала, как обрушилась новая беда — в сентябре 1666 года Лондон стал жертвой Великого пожара. Огонь вспыхнул неподалеку от Лондонского моста, на узкой улочке, застроенной деревянными домами, и, подгоняемый сильным восточным ветром, с неудержимой силой распространялся в течение четырех дней. Карл II вел себя при этом мужественно и хладнокровно. Он убеждал людей сносить дома, чтобы остановить пламя, направил свою гвардию в помощь пожарным, лично участвовал в тушении огня. Когда огонь остановили у стен Сити, уже сгорели 13000 жилых домов, 89

церквей и собор Святого Павла, что составило 85 процентов территории Лондона. Без крова осталось более 100000 горожан. Представители протестантских сект, называемые в государственных бумагах «фанатиками», увидели в этом знамение Божье и подняли восстание. Посланная королем против них армия насчитывала 3000 солдат. Но имелась и положительная сторона медали — пожар покончил с последними очагами чумы.

К восстановлению города лондонцы приступили с энтузиазмом. Недюжинную энергию проявил и сам король. Уже в тот день, когда пожар был потушен, его уведомили о том, что «некоторые обитатели города Лондона принялись за постройку домов на старых фундаментах». Три дня спустя лондонцы ознакомились с королевской декларацией, в которой монарх обещал, что восстановление будет быстрым, и одновременно запрещал проведение всяких работ «без надлежащего плана и разрешения». Карл составил правила, главным из которых было требование строить новые дома только из кирпича или камня, и поручил разработать подробные планы реконструкции Лондона. Среди них особенно выделялись два, принадлежащие архитектору Кристоферу Рену и Джону Ивлину. Рен предложил комплекс пересекающихся проспектов по европейскому образцу, а новый город Ивлина напоминал гигантскую шахматную доску, на которой доминировали двенадцать больших площадей. Ни один из этих планов не был, да и не мог быть претворен в жизнь. Для этого требовались большие суммы, которые во время войны с Голландией Карл никак не мог себе позволить. Так что город возродился на основе древней топографии. Во главе восстановительных работ была поставлена городская комиссия из шести человек. Одним из членов этой комиссии стал Рен. Для рассмотрения исков, связанных с недвижимостью, был создан особый «Пожарный суд». Король проявил заботу о здоровье своих подданных, провозгласив, что «все заведения, выделяющие дым», в том числе красильни и пивоварни, «следует размещать по соседству друг с другом». Несмотря на тяжелую ситуацию, многих горожан охватило новое, пьянящее чувство свободы. Пожар уничтожил долги и собственность, закладные и сами здания. Но эти «благотворные» последствия лишь отчасти компенсировали потерю товаров, сгоревших вместе со складами, где они хранились. Впрочем, не прошло и года, как в Лондоне возобновилась активная торговая деятельность. За два года после пожара были построены 1200 домов, а в следующем году — еще 1600. На месте прежнего собора Святого Павла Кристофер Рен возвел новый чудесный собор, ставший одним из шедевров

английской архитектуры.[196] Но еще в течение нескольких лет в Лондоне были заметны разрушения.

В тяге к развлечениям Карла поддерживало не только большинство аристократов, стремившихся наверстать забытые за два десятилетия эмиграции удовольствия. Король подавал пример всей стране. Любители амурных авантюр всеми силами освобождались от гнета пуританской морали. Парламент Английской республики карал супружескую измену смертью, а при Карле добродетельность и верность стали предметом насмешек, прекратились разговоры о воздержании и вреде незаконных связей. Было очевидно, что значительная часть англичан предпочитала вседозволенность Реставрации моральным законам времен республики Кромвеля. Не случайно же придворный доктор короля и полковник королевской армии граф Кондом стал пропагандировать презерватив как средство от беременности. Когда число собственных наследников начало смущать любвеобильного Карла, доктор сделал из бараньих кишок противозачаточные колпачки, позволив, таким образом, королю осуществить его представления о налаженной семейной жизни. По предложению других придворных, от которого доктор Кондом не мог отказаться, возникло мелкосерийное производство презервативов.[197] С тех пор презерватив стал широко использоваться в Англии и остальной Европе.

Одной из любовниц короля была Френсис Тереза Стюарт. В 1662 году она прибыла в Англию в свите королевы-матери Генриетты-Марии и вскоре стала фрейлиной Екатерины Браганцы. «Главное украшение двора» — так ее именовал шевалье де Грамон. Художники рисовали ее юной девой в доспехах воина, а ее профиль почти три столетия чеканили на памятных монетах. Такой чести больше не удостаивалась ни одна женщина. Пипс записал в своем дневнике: «У моего ювелира видел новую королевскую медаль, где было изображено лицо мисс Стюарт так прекрасно, что я никогда прежде не видел ничего подобного. Я подумал: прелестно, что он выбрал ее лицо, чтобы представлять Британию». Проведя много лет во Франции, она бегло говорила по-французски, была отлично воспитана и превосходно танцевала. При дворе за ней закрепилось прозвище: La Belle Stuart (Хорошенькая Стюарт). Королева-мать Генриетта-Мария считала ее «самой хорошенькой девушкой на свете». Но главным ее поклонником и обожателем стал сам король, благодаря чему Френсис поселилась в Уайтхолле, в двух шагах от королевских покоев.

Тот же Грамон отмечал: «Характер у нее был по-детски

смешливый… Она любила строить карточные домики… музыку и пение. Герцог Бекингем наловчился строить карточные домики, прекрасно пел, сочинял песенки… от которых мисс Стюарт была без ума; но особенно удачно он умел подмечать смешные черты в манерах и разговоре других и искусно передразнивать их. Бекингем был таким непревзойденным лицедеем и приятным собеседником, что без него не обходилось ни одного собрания». [198] Кроме Карла и Бекингема в нее были влюблены брат короля Яков и кузен герцог Ричмонд, и никто не остался на нее в обиде. У Френсис были еще любовники, один из которых из любви к ней совершил самоубийство.

В Уайтхолле Карл навещал ее постоянно. Разоряя казну ради постройки Сент-Джеймса, король говорил, что ему тяжело жить во дворце, где был казнен его отец. Впрочем, эти чувства не мешали ему устраивать в Уайтхолле такие оргии, от которых могла покраснеть даже Мессалина. Однажды ночью Френсис, леди Барбара Каслмейн, Нелл Гвин, Молл Девис и другие придворные дамы в присутствии короля пародировали венчание. Леди Каслмейн выступала в роли жениха, Френсис Стюарт — в роли невесты, остальные были священниками и свидетелями. Обряд сопровождался всеми церковными и общественными церемониями, а затем новобрачных уложили в постель, где они предались любовным забавам. Король пел фривольные песни, аккомпанируя себе на гитаре, нагие фаворитки танцевали перед ним, вино лилось рекой, и праздник закончился настоящей вакханалией.

Многие поговаривали о Френсис как о возможной преемнице бесплодной Екатерины Браганцы. Однако мисс Стюарт влюбилась и решила выйти замуж за ослепленного к ней страстью 28-летнего Чарльза Стюарта, герцога Ричмонда, двоюродного брата короля. В сердце Карла проснулась ревность, и он дни и ночи проводил с Френсис. Своей сестре Генриетте король писал: «Может быть, я покажусь тебе грубым, но, согласившись с тем, как трудно проглотить оскорбление со стороны того, к кому испытывал такую нежность, ты хоть в какой-то мере поймешь мою обиду». Наконец Френсис, готовясь к побегу с Ричмондом, притворилась больной и перестала принимать короля. Огорченный Карл пожаловался на нее другой любовнице — леди Каслмейн, которая посоветовала ему навестить больную. Войдя в спальню фаворитки, он увидел Френсис в объятиях Ричмонда. Любовники застыли от ужаса. Прямо из спальни Ричмонд был отправлен в Тауэр, где провел три недели. После этого он и Френсис бежали в Кент, где тайно обвенчались. Герцогиня Ричмонд вернула королю все подаренные им бриллианты. Ею восхищались. Один современник говорил, что «в жизни не видел более мужественной женщины, не читал более благородного романа».

В 1668 году «La Belle Stuart» переболела оспой. Болезнь несколько испортила ее красоту, но не остудила страсти короля. Карл великодушно забыл все свои обиды и вернул герцогине Ричмонд положение при дворе: после выздоровления она стала фрейлиной королевы. Прощальным даром любви Карла бывшей возлюбленной был великолепный черепаховый кабинет. Отношения же Френсис с мужем, наоборот, разладились, В 1672 году она овдовела и после этого получала из казны пенсию в

размере 1500 фунтов в год. Герцогиня Ричмонд пережила мужа на тридцать лет. Она умерла в 1702 году, оставив после себя значительное состояние и богатые пожизненные ренты своим кошкам.[199]

Среди придворных дам и метресс короля особенно выделялась Барбара Вильерс. Она была исключительно красива, обладала густой рыжей шевелюрой, вулканическим темпераментом и слыла первой модницей Англии. Барбара посвятила себя служению Венере с пятнадцатилетнего возраста. Обольстил ее чудовищно безобразный граф Честерфилд. Впрочем, Барбара считала, что люди безобразные с большей страстью, чем красивые, предаются любви. Честерфилд был женат, и поэтому она вышла замуж за богатого карлика Роджера Палмера, которому, однако, не удалось оборвать ее связь с графом, пока тот не бежал во Францию, поскольку убил на дуэли человека. Супруги сошлись в религиозных убеждениях, так как оба были католиками. После свадьбы они отправились в Голландию к Карлу II: муж открыл ему свой кошелек, а жена — страстные объятия. По прибытии в Лондон Карл вознаградил рогоносца должностью смотрителя королевской тюрьмы, затем пожаловал в бароны и, наконец, в графы Каслмейн. Ее первый ребенок записан Палмером, но признан самим королем. Графиня в надежде, что Карл II признает сына своим, желала окрестить его по протестантскому обряду, но по настоянию графа младенец стал католиком. Обиженная мать пожаловалась королю, и он приказал окрестить ребенка вторично как протестанта и стал его восприемником. Пожалуй, сам царь Соломон не разрешил бы лучше этот спор.

Вскоре граф Каслмейн уехал во Францию, а когда через три года вернулся на родину, супруга представила ему еще одного сына — Генри, графа Графтона. Через два месяца она подарила ему и третьего — Джорджа. Граф потребовал развода, на который Карл II милостиво согласился, но при условии, что он навсегда покинет Англию. Каслмейн повиновался, однако через полгода вернулся, чтобы с английскими иезуитами издать «Апологию английских католиков», за что был арестован и заключен в Тауэр. Карла II возмутила не столько книга, сколько самовольное возвращение графа. Арест Каслмейна послужил сигналом для появления на прилавках множества пасквилей и карикатур, которые задевали королевскую фаворитку. По ее просьбе Карл II приказал освободить узника, и граф удалился в Голландию.

Апартаменты Барбары на Кинг-стрит были связаны со спальней Карла. В 1670 году он даровал Барбаре титулы баронессы Нонсач, графини Саутгемптон и герцогини Кливленд.

Она активно участвовала в дворцовых интригах, имела от короля шестерых детей, трем из которых он пожаловал высокие титулы. Вопреки воле королевы Карл назначил ее на должность фрейлины. Мотовка и страстная картежница, затмевавшая на балах своими драгоценностями Екатерину Браганцу, Барбара стоила казне больших денег. Так, в одном 1666 году Карлу II пришлось отдать 30 000 фунтов в уплату ее долгов. Кроме того, король жаловал ей дворцы и целые угодья. Будучи практичной, леди Каслмейн один из дворцов продала, а великолепный парк разбила на участки, которые продала или сдала в аренду. Уверенная в прочности своего положения, Барбара вначале поощряла «параллельные» увлечения своего августейшего покровителя и, ожидая его, нарочно оставляла мисс Стюарт у себя. Правда, дружба эта была недолгой и вскоре перешла в непримиримую вражду.

Король и метресса стоили друг друга. Барбара Каслмейн постоянно меняла любовников: подобно Мессалине, переодевшись, она покупала за золото короля ласки красивых матросов, мастеровых, лакеев. И все же, сама того не подозревая, она немало сделала для истории, поспособствовав карьере Джона Черчилля, будущего знаменитого английского полководца герцога Мальборо. Ее глаза с жадностью пожирали появившегося при дворе красивого офицера, ему было двадцать, ей двадцать девять. Долго не размышляя, молодой человек ответил на чувства Барбары взаимностью. Слухи при дворе всегда распространяются с быстротой молнии. Рассказывают, что Черчилль спас Барбару от позора, в последнюю минуту выпрыгнув из ее постели прямо в окно, когда внезапно прибыл король. По версии герцога Бекингема, Карл все-таки обнаружил Джона в шкафу своей возлюбленной и заметил при этом: «Я прощаю вас, поскольку вы добываете себе хлеб».[200] Впрочем, то был отнюдь не самый большой скандал при самом скандальном дворе Европы.

Довольно неприглядную картину происшедшего нарисовала сорок лет спустя английская писательница Мэри де ла Ривьер Манли, принимавшая участие вместе с Джонатаном Свифтом в памфлетной войне против Мальборо: «Герцогиня заплатила 6000 крон за место для него в спальне герцога Йоркского…» Что же касается более прозаического уровня, то, возможно, последний ребенок Барбары, родившийся в 1672 году, был Черчиллем. Девочка получила образование у монахинь в Париже, а умерла в 1737 году в статусе настоятельницы монастыря в Понтуазе. Как обычно, король назвал этого ребенка своим: «Вы можете передать моей леди, что я знаю, что ребенок не мой, но я признаю его в моих добрых традициях».[201] Так Джон Черчилль счастливо

избежал ответственности внезапного отцовства.

Эротические особенности личности и двора Карла II тем не менее во многом способствовали развитию культуры, в частности театра. Развитие английского театра связано с «демократическими» увлечениями короля актрисами. До Реставрации в английских театрах женские роли в пьесах исполнялись юношами или взрослыми мужчинами, поскольку чопорные пуританки почитали за смертный грех выходить на театральные подмостки. Но уже в первый год своего правления Карл изъявил желание, чтобы в театральные труппы обязательно входили женщины. В числе первых вышли на сцену Нелл Гвин и Молл Девис, красота и талант которых заменили им дворянские титулы. Знатные леди с презрением смотрели на комедианток, осмеливавшихся конкурировать с ними в борьбе за внимание короля. Потребовалось вмешательство Карла, чтобы они примирились с плебейками.

Так возник театр нового типа, где женщины играли женские роли, на сцене воздвигалась арка, а постановка усложнялась с целью реалистического воздействия на зрителя. Многое в пьесах стало более изысканным, сценическое искусство постепенно утрачивало свои народные корни. Пипс, как и многие другие современники, восхищался привнесенными усовершенствованиями: «Сцена теперь в тысячу раз лучше и более величественная, чем раньше… Все прилично, никакой грубости; играют не два-три скрипача, а девять или десять, и самых лучших; на полу только тростник». Ему было приятно быть представленным Нелл Гвин и поцеловать ее: «…До чего же она миленькая».[202]

Нелл Гвин и Молл Девис появились при дворе почти одновременно — в 1668–1669 годах. Молл Девис была содержанкой Бекингема, который рекомендовал ее королю. Она славилась исполнением песенок фривольного содержания, а в танце была настолько гибкой, что ее телодвижения казались неприличными. Молл имела от Карла II дочь, названную Марией Тюдор и впоследствии выданную замуж за графа. Привязанность короля к Нелл оказалась более стойкой и сохранилась до последних дней его жизни. Благодаря ее заботам он покровительствовал театру, а на смертном одре просил своего брата «не дать бедной Нелл умереть с голоду». По свидетельствам современников, Нелл Гвин родилась на чердаке, в детстве торговала рыбой, а затем пела на улице и в тавернах, пока в 1665 году не оказалась в королевском театре. Лорд Дорсет взял Нелл на содержание, но Карл II, отправив его во Францию, переманил красавицу к себе. Разборчивый театрал Пипс и поэт и драматург

Джон Драйден, в пьесе которого «Индийский император» она дебютировала, считали Нелл Гвин выдающейся комической актрисой. Король поселил ее на Пэл-Мэл, где многие его фаворитки имели свои резиденции, поскольку дома на этой улице примыкали к королевскому саду перед Сент-Джеймским дворцом. Артисты театра по повелению Карла II были названы придворными. Когда в парламенте рассматривалось предложение об обложении их налогами, оно было отклонено под тем предлогом, что актеры служат королю. «Актеры или актрисы?» — однажды неосторожно пошутил один из членов палаты общин. За эту дерзкую шутку ему был урезан нос.[203]

Время Реставрации стало эпохой возрождения драмы, столь непопулярной у пуритан. Оно связано с именами Джона Драйдена, Уильяма Конгрива и Уильяма Уичерли. Появился и новый вид комедии, отражавший морально-психологическую жизнь двора, — комедия нравов, выводившая на сцену человека, мучимого невозможностью в полной мере удовлетворить свои желания. Герои пьес Конгрива и Уичерли, Фаркара и Этериджа вели беззаботную и беспорядочную жизнь, состоящую из пирушек, забав, любовных интриг и вечного соперничества. Своеобразным предупреждением тому, чем может такая жизнь закончиться, явился появившийся в 1668 году на книжных прилавках роман Генри Невилля «Остров Пайна», который поначалу восприняли как очередное фривольное произведение. Англичанин Джордж Пайн попадает на остров, где нет никакого соперничества, никаких запретов и властных институтов, а также никакого намека на общественную мораль и религию. На острове никто не трудится вследствие исключительного богатства природы. Невилль смоделировал на острове настоящий рай, о котором, возможно, помышлял и Карл, — один монарх, один народ и полное изобилие. Правда, спустя десятилетия неограниченная свобода оборачивается ханжеством, а безвластие сменяется деспотизмом. Такова перспектива развития общества, если ничего не предпринимать![204]

Характерной чертой жизни двора и в целом жизни английской столицы при Карле II стали музыкальные связи с Францией и Италией. Вернувшись из эмиграции, король привез из Франции не только поверхностное увлечение иностранной модой, но и серьезное увлечение музыкой. Он выписывал музыкантов из-за границы и даже надеялся переманить в Лондон создателя французской оперы Жана-Батиста Люлли. Талантливый английский композитор Пелэм Хамфри был отправлен королем в 1664 году на несколько лет в Париж к Люлли для завершения образования. При Карле отпали многие препятствия для

широкого исполнения музыки: помимо королевской капеллы при дворе была организована группа «24 скрипки короля», в Лондон приглашались крупные иностранные артисты, а придворной музыкой в целом с 1666 года управлял француз Луи Грабю. Переселившийся в Англию в 1672 году по приглашению Карла (да и из-за происков Люлли) французский композитор Робер Камбер поставил здесь свои оперы «Помона» и «Горести и радости любви». Благодаря присутствию в английской столице итальянских композиторов, исполнителей и педагогов широко распространилась итальянская музыка, а при дворе давала представления итальянская оперная труппа. Так началась активная концертная жизнь. Правда, в казне не хватало средств даже на содержание придворной капеллы, и певшие в ней мальчики, вместо предписанной им роскошной одежды, вынуждены были выступать чуть ли не в лохмотьях.

Визуальное представление о жизни Карла II и его двора во многом основывается на творчестве, пожалуй, самого известного художника и коллекционера Реставрации сэра Питера Лели (по происхождению голландца Питера Ван дер Фаса). В 1643 году прибыв в Англию, он работал как для роялистов, так и для парламентариев. Еще при Кромвеле в 1654 году он был назван лучшим художником Англии, а в 1662 году получил от Карла английское подданство. Лели создал близкие по стилю к голландской живописи серии портретов приводных дам и адмиралов. Он был первым английским живописцем, имевшим большую мастерскую из-за обилия заказов, а его портретам подражали другие художники вплоть до середины XVIII века.[205]

До конца 60-х годов Карл II довольствовался в своих любовных утехах английскими метрессами, но затем королевский фаворитизм приобрел «французский» оттенок. Связано это было прежде всего с политикой.

По сравнению с предыдущим десятилетием в Европе наступило лишь относительное спокойствие. Нидерланды никак не могли смириться с ограничениями своей морской торговли, вызванными Навигационным актом 1651 года и итогами Первой англо-голландской войны (1652–1654). Со своей стороны англичане считали, что в той войне не достигли всех своих целей, к тому же Голландия продолжала оставаться для Альбиона самым опасным торговым конкурентом. Дело, таким образом, шло к новой войне.

Проявлял активность, пока только дипломатическую, и молодой король Франции Людовик XIV. В своих действиях он был исключительно прагматиком, исходил из конкретных

обстоятельств и ближайших интересов. Его политика воссоединений с утерянными ранее в войнах и в результате династических комбинаций территориями во всех случаях имела законное основание, тщательно выискиваемое юристами и дипломатами. Другое дело, что Король-Солнце долгое время без колебаний использовал крайний метод — войну, когда дипломатия не срабатывала. Его заветной мечтой было утверждение в Испанских Нидерландах, тем более что они были «территориальным» приданым его супруги Марии-Терезии.

Ведь приданое в денежном эквиваленте, которое полагалось по Пиренейскому договору 1659 года, Испанией так и не было выплачено — ни один мешок с золотом не пересек Пиренеи. Чтобы действовать свободно, Людовик решил повернуться лицом к Голландии, союзнику Франции во время Тридцатилетней войны. Но простое возобновление франко-голландского соглашения 1635 года, предполагавшего раздел этой территории между двумя государствами, уже не устраивало ни ту, ни другую сторону. Тогда как Людовик жаждал присвоить все завоеванные им в будущем территории, голландское правительство Яна де Витта склонялось к идее «кантонизации» Испанских Нидерландов, желая создать независимое католическое государство по модели Швейцарской Конфедерации.[206]

Министры Людовика XIV — Лионн, Кольбер, Лувуа — понимали, что военный конфликт с Республикой Соединенных Провинций из-за Испанских Нидерландов в будущем неизбежен, и поэтому одновременно искали пути налаживания сотрудничества с Англией, что в обстановке обострявшегося торгово-колониального соперничества между всеми заинтересованными сторонами осуществить было довольно сложно.

Двор Карла ожидал конфликта с голландцами с нетерпением. И в 1663 году англичане сами спровоцировали его, снарядив экспедицию в Западную Африку и Северную Америку. В январе 1664 года адмирал Холмс с 22 кораблями появился у берегов голландских владений в Африке и овладел островом Горсей и другими пунктами на Золотом Берегу. Затем он двинулся в Америку, в августе завладел Новыми Нидерландами и переименовал главный город этой колонии из Нового Амстердама в Нью-Йорк в честь главнокомандующего английским флотом и вдохновителя экспедиции герцога Йоркского. На жалобы Гааги Лондон заявил, что эта экспедиция частная, и обещал расследовать дело, а сам энергично продолжил вооружаться. Летом 1664 года стало ясно, что Англия и Голландия находятся на грани войны. Генеральные Штаты приказали находившемуся с эскадрой в Средиземном море

адмиралу Рейтеру вернуть завоеванное Холмсом и нападать на английские торговые суда, но только не в европейских водах. Появившись у Золотого Берега, Рейтер не только отвоевал все захваченное, но и прихватил некоторые пункты, принадлежавшие англичанам. В феврале 1665 года голландский адмирал направился в Вест-Индию, затем к Ньюфаундленду, везде забирая богатые призы. Англия же нарушила мир в Европе, напав в декабре 1664 года в Гибралтарском проливе на караван голландских торговых судов, шедших из Смирны.

Даже в палате общин, тогда еще «послушной» Карлу II, было немало критиков предстоявшего столкновения. 24 ноября 1664 года король произнес речь в парламенте, где затронул в деталях обстоятельства, приведшие к войне, и просил поддержки, надеясь на легкую победу и удачный для Англии мир. Немалая часть депутатов скептически отнеслась к оптимизму Карла, считая, что война будет, скорее всего, тяжелой и потребует значительных расходов. Выделив субсидии в 2500000 фунтов, палата общин выразила надежду, что король будет слушать «голос народа», другими словами, учитывать ее мнение в проведении внешней политики. На сей раз не все англичане, как это было во времена Кромвеля, одобряли предстоявшую войну с Голландией. На фоне принятия Кавалерским парламентом серии статутов против пуритан («Свод Кларендона») последние стали сочувствовать кальвинистской республике. А с началом военных действий между Англией и Голландией весной 1665 года оживилась оппозиция Карлу II в армии. Среди офицеров распущенной кромвелевской армии зрели заговоры с целью восстановить Английскую республику. Многие из них — всего насчитывалось 160 человек — эмигрировали в Голландию. Их ставка находилась в Лейдене. В Голландии их охотно принимали на службу, предоставляли денежные субсидии и переправляли в предполагаемые центры мятежа.[207]

24 января 1665 года Республика Соединенных Провинций объявила Англии войну и 14 марта получила такой же официальный ответ. По численности флоты противников были почти одинаковы (около 100 военных кораблей у каждой стороны, кроме брандеров). Голландские корабли уже не уступали англичанам, как это было при Кромвеле, ни по величине, ни по артиллерии.

Война с Нидерландами отнюдь не отвратила Карла от желания заключить союз с Францией, ведущей двойную игру. Он надеялся, что Франция не окажет голландцам реальной помощи, как оно впоследствии и случилось. Французам на территории Альбиона предоставлялись большие льготы: так, было разрешено

продавать французскую одежду для моряков, хотя и сам король признавал, что английская ткань гораздо лучше и долговечнее. В результате английские мануфактуры и торговля стали терпеть убытки, что вызвало немалое возмущение.[208]

Главным посредником между дворами Англии и Франции была хорошенькая и умная сестра Карла II Генриетта, бывшая замужем за братом Людовика XIV Филиппом Орлеанским. Брак этот, впрочем, оказался на редкость несчастливым: Филипп Орлеанский открыто предпочитал жене своих миловидных друзей, при этом ревнуя ее к брату, находившему компанию юной герцогини исключительно приятной, и к своему бывшему фавориту графу де Гишу, влюбленному в молодую госпожу. Двое из их четырех детей умерли в младенчестве, а частые беременности и не слишком хорошее, как и у матери, здоровье привели к преждевременной смерти принцессы в 1670 году. Неудачная семейная жизнь, возможно, способствовала интересу Генриетты к политике. В сближении двух государств она, не одобрявшая франко-голландский союз, играла более заметную роль, нежели их официальные представители в Лондоне и Париже. Переговоры все же застопорились, поскольку Кларендон и другие члены Королевского совета, оглядываясь на мнение парламента, подозрительно относились к французским притязаниям на Испанские Нидерланды.[209]

В целом военные действия между Англией и Голландией развивались не в пользу англичан, хотя первую победу одержали именно они. 13 июня 1665 года флоты герцога Йоркского и голландского адмирала Якоба ван Опдама вступили в бой у Лоустофта. Голландцы отступили с большими потерями, ван Опдам погиб. Но англичане их не преследовали — вина за это была возложена на приближенного Якова Йоркского Генри Брункера, который вышел на палубу своего корабля и объявил, что герцог приказал свернуть паруса. Капитан поверил ему и остановил судно. Другие корабли последовали примеру флагмана и скоро вернулись в свои порты. После этого Карл запретил Якову участвовать в морских сражениях. Он назначил на его место графа Сэндвича, совершившего бесславный поход против голландского торгового флота, стоявшего на якоре в порту Берген. Из-за мощного пушечного огня англичане просто не смогли приблизиться к Бергену и вынуждены были отойти.

В августе 1665 года командование голландским флотом принял де Рейтер и сразу же занялся улучшением его состояния, строительством новых кораблей и боевой подготовкой, особенно комендоров — морских артиллеристов.

Французские представители в Лондоне предлагали

англичанам свое посредничество в споре с голландцами и постоянно ссылались на договор, связывавший Людовика XIV с Республикой Соединенных Провинций. 17 апреля 1665 года умер испанский король Филипп IV, тщетно старавшийся вернуть Португалию в лоно испанской короны. В своих «Мемуарах» Людовик XIV отмечал, что он в тот момент долго размышлял, против кого начать войну — против Испании или Англии, и что его честь и союз с Голландией помогли сделать выбор.[210]

В январе 1666 года Франция и Дания объявили Карлу II войну; таким образом, Англия оказалась против целой коалиции государств. Командующий французской эскадрой герцог де Бофор получил приказ направиться в Ла-Манш с 20 кораблями для соединения с голландским флотом. Адмирал, однако, не торопился. Он задержался у берегов Португалии, и только через семь месяцев эскадра прибыла в Ла-Рошель, а затем появилась в Ла-Манше. 3 сентября началась сильная буря. Эскадра Бофора нашла пристанище в Дьеппе, а затем — в Бресте. Истинный смысл этой бутафорской демонстрации французского флота хорошо понимали и в Лондоне, и в Гааге. И хотя в начале 1667 года французское правительство послало 20 кораблей и 3000 моряков в помощь Голландии, в Европе уже видели, что острие французской шпаги направлено в другую сторону. Маршал Тюренн заканчивал военные приготовления для выступления против Испанских Нидерландов.

При этом англичане допускали грубые стратегические ошибки. 11 июня 1666 года английский флот под командованием Монка встретился у Дюнкерка с голландским флотом Рейтера. Упорное сражение продолжалось четыре дня, англичане понемногу отступали к западу, надеясь соединиться с эскадрой принца Руперта, противостоящей французам, которые и не думали на нее нападать. Но, так и не соединившись, английский флот был разбит наголову. Впрочем, голландские корабли также были сильно потрепаны. Сам Монк в создавшейся ситуации сделал все, что мог.

Хорошо еще, что Карл и Кларендон были информированы о дальнейших планах адмирала де Рейтера через свою шпионку в Антверпене леди Афру Бенн — эксцентричную женщину, одну из ранних английских поэтесс и новеллисток. Леди Бенн давала довольно подробную, хотя порой и не совсем точную, информацию о планах и передвижениях голландцев и французов, а также о намерениях голландцев помочь пуританам в Англии. Основная цель английской разведки состояла в выявлении и предотвращении выступлений любого рода оппозиционеров, а также в разоблачении иностранных шпионов, работающих на

благо оппозиции. На всякий случай Карл перестраховался: Ричарда Кромвеля, ведущего спокойную и отрешенную от политики жизнь, заставили подписать обязательства, что он не будет иметь отношений ни с «фанатиками», ни с Генеральными Штатами, ни с французским королем.

В своей книге, посвященной разведке и шпионажу в правление Карла II, историк А. Маршалл отмечает, что пружины английской дипломатии действовали достаточно успешно благодаря бессменному в 1662–1679 годах руководителю тайной разведки сэру Джозефу Вильямсону. Афра Бенн отнюдь не была самой значительной и ловкой фигурой в этой сфере — имелись и более ценные агенты.[211]

Когда 13 июля Рейтер подошел к устью Темзы, английский флот не был еще готов к выступлению, но подступы к его стоянкам на Темзе и в Гарвиче были сильно укреплены. Голландскому адмиралу пришлось ограничиться блокадой Темзы. 1 августа английский флот отошел от причалов, и Рейтер отступил в открытое море, чтобы не сражаться между мелей. 4 августа противники сошлись у Нордфореланда, и в двухдневном бою голландцы потерпели поражение. Затем адмирал Холмс совершил набег на острова Вли и Шеллинг, у которых стояло около 150 голландских торговых судов и где находились магазины корабельных запасов. Все это было предано огню — голландцы понесли убыток около 12 млн. гульденов. В сентябре Рейтер опять активизировался, но флоты противников ограничились маневрами, не вступая в бой. Рейтер, понимая, что англичане сильнее, избегал боя и тщетно стремился соединиться с французами; англичане же переживали Великий пожар (который голландцы считали местью за свои сожженные корабли) и вообще полагали кампанию этого года законченной. Да и ветреная погода не способствовала морскому сражению.

В середине октября 1666 года между Лондоном и Гаагой начались мирные переговоры, а в мае следующего года их представители собрались в Бреде для выработки условий завершения войны. Но Ян де Витт решил принудить противника к миру на более выгодных для своей страны условиях, тем более что он еще надеялся на помощь короля Франции. Карл же, потративший огромные средства на восстановление столицы, в надежде на мир не приступал к необходимому обновлению флота, решив, в случае возобновления военных действий, ограничиться крейсерскими операциями по преследованию торговых судов. Англичане предпринимали лишь меры по защите гаваней и устья Темзы, куда 14 июня 1667 года неожиданно для них и явился флот Рейтера. Отсюда голландские корабли с

десантом поднялись по реке, овладели крепостью Ширнесс и дошли до Чатама. Голландцы истребляли склады корабельных материалов, запасы пороха и провианта, захватывали и сжигали корабли. Затем Рейтер заблокировал порты всего юго-восточного побережья Англии. Набег в устье Темзы вызвал панику в Лондоне, где цены на продовольствие резко повысились, и многие бежали из города. В начале июля де Рейтер дошел до Грэйвсенда, около Гарвича высадил десант в 2000 человек, но, правда, ничего этим не добился. Тем временем французы, дождавшись, пока возможные противники обескровили друг друга, двинули к границам Фландрии 50-тысячную армию во главе с маршалом Тюренном. Одновременно армия принца Конде начала оккупацию Франш-Конте.

Все это вместе привело к тому, что 21 июля 1667 года в Бреде был подписан общий мир между Англией, Голландией, Францией и Данией. Согласно этим договоренностям Республика Соединенных Провинций добилась некоторых облегчений в Навигационном акте, а именно — разрешения возить на голландских судах товары из германских земель, получила английскую колонию Суринам, но Новые Нидерланды остались за Англией. Французы передали англичанам острова Сен-Кристофер, Антигуа и Монсеррат, а английская сторона обязывалась не оказывать помощи Испании.[212]

Результат войны не мог не сказаться на отношении к правительству Карла II. «Плохое» управление страной кабинетом Кларендона, распущенность двора, страх перед усилением католицизма и, наконец, непопулярная и противоречивая внешняя политика английской короны объединили недовольных в парламенте. Уже в 1667 году палата общин из «придворной» превращается в «палату критиков». Возникают политические партии — Двора и Страны, за которыми с 1679 года закрепляются названия тори и вигов. В рядах оппозиции оказались не только те, кто сражался против Карла I во время гражданской войны, но и немало бывших роялистов, разочаровавшихся в политике его сына. При этом англиканская церковь под руководством архиепископа Кентерберийского Гилберта Шелдона действовала в направлении ограничения прав короля. Все это ускорило падение Кларендона, который в 1667 году был обвинен в государственной измене и бежал из Англии.

Кларендон, конечно, имел основания для обиды на короля. В свое время ему удалось выдать свою дочь Анну за герцога Йоркского. В его жилах не было ни капли королевской крови, но его внуки могли унаследовать трон, и, думая об этом, многие при

дворе сгорали от зависти. Кларендону часто изменяло чувство скромности, и в конце концов министр надоел королю, тем более что он являлся объектом нападок парламента и, кроме того, постоянно старался внушить Карлу мысль о пагубном влиянии на него фавориток. Он умер в 1674 году, не догадываясь о том, что именно изгнание дало ему шанс войти в историю. Во Франции Кларендон завершил свой трехтомный труд «История мятежа и гражданских войн в Англии», став основателем консервативной школы в изучении политических потрясений в Англии середины XVII века и реставрации Стюартов.[213]

В 1668 году в ответ на критику парламента Карл расширил состав правительства. На политическую сцену вышли его пять советников — Томас Клиффорд; Генри Беннет, граф Арлингтон; Джордж Вильерс, герцог Бекингем; Энтони Эшли Купер, граф Шефтсбери; Джон Мейтленд, герцог Лодердейл. Из начальных букв их имен остряки быстро составили слово КАБАЛ (CABAL), что по-английски означает «политическая клика». В полном смысле слова КАБАЛ не был единым целым — чем-то вроде министерства. Король не совещался с его членами как с неким органом, сами они расходились во мнениях и редко действовали согласованно; двор часто делил симпатии между двумя фракциями во главе с Арлингтоном и Бекингемом, при этом Арлингтон был более влиятелен.[214] Но некоторое время КАБАЛ все же пользовался авторитетом.

Вестфальский и Пиренейский миры призваны были закрепить в европейских международных отношениях систему равновесия сил, которая продержалась на континенте около двадцати лет. При этом один из гарантов европейского равновесия — Франция, имея для этого все возможности, нарушала баланс сил в свою пользу. В 1667 году Людовик XIV оккупировал значительную часть Испанских Нидерландов. Государственные интересы Англии и интересы протестантизма требовали в создавшихся условиях проведения антифранцузской политики. Помимо этого английским торговым и колониальным интересам явно противоречила политика французского министра Ж.-Б. Кольбера, особенно после введения во Франции в 1667 году жестких тарифов на английские товары. Кстати, Кольбер в целом не одобрял территориальную экспансию своего сюзерена, полагая, что экономические реформы могут привести к гегемонии Франции в Европе и без демонстрации силы.[215]

При всем своем расположении к Франции Карл II был вынужден временно подчиниться логике событий и, главное, давлению парламента. Осенью 1668 года по инициативе великого пенсионария Яна де Витта Англия заключила Тройственный союз

с Голландией и Швецией. Голландцы, напуганные французами, предпочли забыть о соперничестве с Англией и протянуть руку помощи своим вековым врагам — испанцам. Англичане восторженно приветствовали образование протестантского союза, заставившего Людовика немного умерить свой пыл. В результате 2 мая 1668 года в Аахене был подписан франко-испанский мирный договор, по которому французы довольствовались одиннадцатью городами, а Мадрид отказался от Франш-Конте. 15 июля того же года Людовик XIV, Карл II и Генеральные Штаты Голландии заключили договор о защите мира между французской и испанской коронами.[216]

Но скоро все изменилось. Дипломатия Франции, не оставившей своих намерений отвоевать Испанские Нидерланды, на которые имела права жена Короля-Солнца из-за невыплаты Мадридом ее приданого, стремилась к ликвидации Тройственного союза. В Версале прекрасно знали, что его популярность в Лондоне ничуть не преуменьшила торговых разногласий между Англией и Голландией. Для Карла же идеалом государственного устройства была Франция: по небесспорному мнению ряда историков, он «пытался внедрить католический абсолютизм a la Française на английской почве».[217] В любом случае английский король нуждался в финансовой и политической поддержке французского сюзерена.

В августе 1668 года в Англию отправился младший брат Ж.-Б. Кольбера Шарль Кольбер, маркиз де Круасси с инструкциями убедить Карла II объединиться с Людовиком XIV против голландцев. Карл внимательно слушал Кольбера, обедал с ним и играл в мяч, а в марте 1669 года послал католика графа Арундела с секретной миссией в Париж обсудить союз с французским королем. Особую поддержку Арундел получил от старшей сестры Карла Генриетты Орлеанской (секретная кличка «Мадам») и ее мужа Филиппа Орлеанского («Месье»). В мае 1670 года Генриетта Орлеанская, действуя как агент Людовика XIV, получив от него на расходы 200 000 экю, отправилась в Дувр.

Англо-французский договор в Дувре, положивший конец Тройственному альянсу, был заключен 1 июня того же года. Он предусматривал единовременную выплату Людовиком XIV Карлу II более 2 млн. ливров и 3 млн. ливров ежегодно (160000 фунтов) на время войны с Голландией, которую Англия обязалась объявить. В секретной статье Карл выразил свое намерение перейти в католичество: «Король Англии, обратившись в истинную католическую веру, объявит об этом, как только позволят условия его королевства». Впрочем, никаких попыток обратить англичан в католицизм Карл так и не предпринял, ведь

оговорка позволяла ему тянуть время — подходящие условия могли никогда не наступить.

Людовик желал, чтобы Англия выступила против Голландии уже в начале 1671 года. Карлу пришлось приложить немало усилий, чтобы утихомирить парламент. Член палаты общин Д. Хьюм позволил себе заметить, что «французский король желает удовлетворить свои амбиции, а наш — потворствует этому».[218]

Еще одним следствием англо-французского союза стало то, что в Дувре благосклонный взор короля случайно остановился на темноглазой бретонской даме. Он был пленен и очарован изящными манерами француженки, ее умной, бойкой речью, кокетливой стыдливостью и уместной развязностью. Услужливая сестра предложила ее ему как награду за союз с Францией, и король не устоял перед искушением. Луизу де Керуаль (так звали красавицу) английский монарх вскоре сделал герцогиней Портсмут и своей новой возлюбленной. «Шелковый пояс мадемуазель де Керуаль связал Францию с Англией!» — так охарактеризовал это событие Шарль де Сент-Эвремон, французский историк и критик, вольнодумец и эпикуреец, в 1661 году высланный из Франции по политическим мотивам и нашедший при дворе Карла II благожелательный прием. В Англии он стал единственным французом, удостоившимся чести быть похороненным в Вестминстерском аббатстве. Сент-Эвремон, высоко ценивший жизненные блага и умные мысли, также бывшие для него источником наслаждений, органично влился в атмосферу английской придворной жизни. «В молодости мы живем, чтобы любить; в зрелом возрасте мы любим, чтобы жить» — разве не соответствовал ей этот афоризм француза? «Нет стеснения более жестокого, как не сметь сказать то, что думаешь» — еще один из известных афоризмов Сент-Эвремона.[219] Действительно, при дворе, да и в парламентах Карла II, люди часто говорили именно то, что думали.

До появления при дворе Луизы де Керуаль самым большим влиянием на Карла II обладала Барбара Каслмейн. Между двумя герцогинями-метрессами разгорелось острое соперничество. Кто-то из поэтов распространил в Лондоне следующие строки:

> Король погружен был в обман
> Двойною фальшью скудоумных дам!

Герцогиня Портсмут, полагая, что автор эпиграммы Драйден, наняла шайку, изрядно отмолотившую поэта.[220]

Судя по портретам, Луиза была огненной брюнеткой с веселыми черными глазами, детски-пухленьким личиком и

роскошными кудрявыми волосами. Теорию и практику кокетства при французском дворе Керуаль изучила в совершенстве; она долго не уступала королю, распаляя его пыл. Из всех разорявших казну метресс Карла II именно она, католичка, пользовалась особенной ненавистью англичан. Однажды Нелл Гвин, на карету которой напала разъяренная толпа, приняв ее за экипаж Луизы де Керуаль, спасла себе жизнь одной фразой: «Помилуйте, люди добрые, я протестантская шлюха короля, а не католическая!» Считалось, что по просьбе Луизы король в 1672 году объявил свободу вероисповедания. Парламент и его подданные не могли отнестись к этому указу положительно. Англиканские священники распустили слухи, будто Карл II, повинуясь любовнице-католичке, намерен изменить вере своих предков. Тем временем сын, рожденный герцогиней Портсмут, при появлении на свет получил титулы герцогов Ричмонд и Леннокс, ему был пожалован королевский герб. Привязанность короля к Луизе день ото дня росла. Он меньше посещал прежних метресс, а супругу, которая приписывала его равнодушие к себе тому, что не родила ему наследников, видел только на официальных приемах. Королева молилась в надежде, что Бог явит чудо и она родит сына. Но эти надежды не сбылись.

Стоит заметить, что мнение о полном копировании при Карле всего французского не совсем справедливо. Великий пожар в Лондоне и недолгое сближение с Голландией заметно отразились на общественном и придворном быте Англии. Король, а за ним и придворные на время перестали подражать французам в нарядах и в образе жизни; патриархальная простота вытеснила недавнюю роскошь; бархат, кружева, парча, бриллианты почти исчезли, и на смену им пришли сукно, шерстяные ткани, сталь, слоновая кость. Балы и спектакли, признанные бесовскими потехами, сменились проповедями, чтением «Потерянного рая» Джона Мильтона, Библии. На глазах двора Карл II из сибарита превратился чуть ли не в стоика. Он решил, что двор должен продемонстрировать стране пример экономии, отказавшись от французской моды и «заменив камзолы, жесткие воротники, ленты, плащи на скромные, по персидскому образцу, жилеты с поясом или лентой, а шнурки и подвязки с драгоценными камнями — на пряжки».[221] Было ли такое поведение короля компромиссом в отношении критикующего его парламента и даже приближенных (король «слишком уж интересуется французской модой»)? Вполне возможно.

Новости о переменах в Лондоне весьма задели французского монарха. Но Карл II недолго придерживался нового стиля, и скоро почти все вернулось на круги своя. Правда, к концу 70-х

годов английский король заметно дистанцировался от подданных. Он уже не гулял свободно, как раньше, по улицам Лондона и демонстрировал холодность в отношении лондонского Сити.

Так или иначе, но весной 1672 года Англия как союзник Людовика XIV вступила в третью по счету войну с Голландией. 23 марта 1672 года англичане — не очень успешно — атаковали голландский конвой близ острова Уайт. Объявление войны со стороны Альбиона последовало несколькими днями позднее, а 6 апреля в войну вступили французы. Французская армия вторглась в пределы Голландии, перешла Рейн и дошла до Амстердама. Несмотря на то что 7 июня де Рейтер нанес поражение объединенному англо-французскому флоту, вторжение Людовика XIV поставило страну в критическое положение. Политика де Витта, до последнего дня заигрывавшего с французами, потерпела крах, а сам он и его брат 20 августа были убиты разъяренной толпой, подстрекаемой оранжистами. Теперь все надежды на спасение были обращены на 22-летнего принца Вильгельма Оранского — молодого человека, никому не высказывавшего своих истинных чувств и стремлений. 4 июля 1672 года Генеральные Штаты Голландии провозгласили принца Оранского статхаудером.

Вильгельм не только изгнал французов с территории Нидерландов, но и развил бурную дипломатическую деятельность, заключив договора о союзе и взаимопомощи с Бранденбургом, Испанией и переставшим придерживаться нейтралитета императором Священной Римской империи Леопольдом I. К этой коалиции присоединилось большинство немецких князей. Поражения, нанесенные де Рейтером 7 июня и 21 августа 1673 года англо-французскому флоту под командованием принца Руперта и графа д'Эстре, способствовали выходу в начале 1674 года Англии из войны. Арбитром между Лондоном и Гаагой на мирных переговорах стала королева-регентша Испании, которая угрожала начать войну против Карла II, если тот будет продолжать военные действия и поддерживать Францию.[222]

На Альбионе было неспокойно. Парламент выразил Карлу II недовольство войной против протестантской республики, в которой их король выступал не как защитник английской торговли, а как лакей французского монарха. Еще совсем недавно, в 1660-х годах, католицизм был подавлен и не представлял опасности, но заигрывания с Францией принесли свои плоды. Была издана «Декларация о веротерпимости», приостановившая действие репрессивных законов как против

протестантских диссидентов, так и против католиков, но всем стало ясно, что это реверанс в сторону католиков. В обществе носились небеспочвенные слухи о том, что высшие должности в армии находятся в руках католиков и что католики есть среди членов правительства. Страх и ненависть, которые испытывали англичане по отношению к католической Франции и к ее растущей гегемонии в Европе, были сильнее, чем негодование по поводу побед голландцев на море и желание опередить их в торговле. Многие считали, что французы подкупили короля и его министров, а те продали свободу и веру Англии. И это при том, что секретная статья Дуврского договора не разглашалась! Однако похоже, что в начале 1673 года Арлингтон поделился с Шефтсбери этим секретом. Шефтсбери вышел из правительства и сразу же возглавил оппозицию, которая непримиримо критиковала короля и быстро набирала силу.

Политическое возбуждение царило повсюду: в кофейнях говорили о политике, в памфлетах ругали правительство, любые выборы становились ареной жарких дебатов. Чтобы не дать католицизму восторжествовать над англиканством, в 1673 году оппозиция выработала акт «О присяге», согласно которому никто не мог занять государственную должность или получить назначение во флот или в армию, если не приносил официальную присягу по англиканскому образцу, в которой содержалось неверие в доктрину пресуществления (одна из фундаментальных католических доктрин, утверждающая, что во время причащения хлеб и вино пресуществляются в тело и кровь Христа). Католики, обнаружившие себя отказом от выполнения требования этого акта, лишались возможности занимать любую государственную должность. В результате государственные учреждения были очищены от католиков, и даже брат короля и его наследник вынужден был отказаться от должности генерал-адмирала, ибо являлся католиком.

Одновременно палата общин вела борьбу с коррупцией, стремясь поддержать авторитет парламента. Члены палаты общин заявили, что «поведение дающего и берущего взятку одинаково позорно и должно быть наказуемо законом», и даже предложили, чтобы «каждый член палаты дал клятву, что не получал денег», поскольку иначе «народ будет думать, что король дает нам деньги для того, чтобы мы поступали против интересов нации».

Финансовый кризис и приостановка платежей по займам способствовали разногласиям в правительстве. КАБАЛ распался. Входившие в него Эшли и Бекингем поддержали оппозицию, к тому же Бекингем рассорился с королем. Католик Клиффорд отказался принести присягу. Арлингтон был смещен из-за своей

непопулярности, и только циничный, жестокий и услужливый Лодердейл, управляющий от имени короля Шотландией, сохранил свою должность. Лорд-канцлером вместо Клиффорда стал землевладелец из Йоркшира Томас Осборн, приобретший в палате общин немалое влияние. В 1674 году Карл оценил усилия Осборна, реформировавшего финансовую систему и значительно увеличившего независимые от парламента доходы короны, даровав ему пэрство и титул графа Денби.[223]

Главными лозунгами политики Денби были бережливость, защита англиканства и независимость от Франции. Будучи неплохим администратором и трезво оценивая сложившуюся ситуацию, он пытался найти выход из кризиса и занять промежуточное положение между королем и парламентом. Чтобы сплотить своих последователей вокруг короны и покончить с оппозицией, Денби в 1675 году предложил к акту «О присяге» дополнение, согласно которому занимать государственную должность, а также заседать в парламенте имеет право только тот, кто поклялся считать любое сопротивление королевской власти преступным. Но его противники, в первую очередь Шефтсбери и Бекингем, не складывали оружия и способствовали провалу этой поправки в палате общин.

При этом внешнеполитический курс Денби пользовался всеобщей поддержкой. Спустя год после заключения мира с Голландией возникла идея подкрепить англо-голландский договор более тесными узами. Популярность Денби достигла пика, когда он стал инициатором брака между старшей дочерью герцога Йоркского Марией (ей было всего двенадцать лет) и Вильгельмом Оранским. Карла убедили в том, что союз между принцессой Марией и протестантским правителем ослабит влияние оппозиции, возглавляемой Шефтсбери. Под давлением палаты общин и Денби король стал склоняться к политике посредничества между еще воюющими французами и голландцами. На это дело парламент выделил субсидии в размере 600 000 фунтов.

В начале 1677 года Карл II направил специальную дипломатическую миссию во главе с лордом Арлингтоном в Гаагу окончательно договариваться о браке Марии и Вильгельма Оранского. В том же году этот союз состоялся. Он был несомненной победой статхаудера, получившего, таким образом, дополнительные права на английский трон. Впрочем, Карл и его брат Яков не считали Вильгельма серьезным противником. Герцог Йоркский был слишком уверен в своих правах на трон, чтобы всерьез рассматривать угрозу, которую мог представлять для него будущий зять, хотя и считал, что миссия проголландски

настроенного Арлингтона разозлит французский двор.[224]

Совсем иначе на англо-голландский брачный альянс смотрели во Франции. Людовик XIV так отреагировал на эту новость, как будто потерял половину своей армии. Король-Солнце был в высшей степени удивлен и рассержен поведением государства, которое до того шло в фарватере его дипломатии.

В целом же ситуация в английском обществе характеризовалась в эти годы антифранцузскими и антивоенными настроениями. Так, автор популярного «Письма к другу», появившегося в 1677 году, придерживался мнения, что каждое христианское государство должно противостоять амбициям Франции, которая неуклонно наращивает свою военную мощь и силу. Он отмечал, что «французы выступают за универсальную коммерцию так же, как и за универсальную монархию». А англичане «теряют свою репутацию за границей, когда подчиняются политике Франции». Английское государство «может обеспечить жизнь своего народа, но недостаточно богато для завоеваний: это уже показала война с Ирландией — бедным народом и плохими солдатами».[225]

В 1678 году в Англии никто не знал, что будет завтра — мир или война. Выступая в палате общин 28 мая 1678 года, Карл II пытался отстоять свое «неоспоримое право» заключить любые союзы, которые сочтет необходимыми. Он говорил, что если и впредь будет нарушаться его привилегия в вопросах внешней политики, то «ни одно государство не поверит, что суверенитет Англии зиждется в короне». При этом король потребовал добавочных субсидий в размере 300000 фунтов. Парламент, пребывая в уверенности, что война с Францией неизбежна, проголосовал за выделение миллиона фунтов. Поражающие воображение авторитет и военная мощь Людовика XIV в Европе пугали всех: Брюссель и Амстердам, Мадрид и Вену. В Лондоне тоже опасались Короля-Солнце, несмотря на заключенный с ним ранее секретный договор в Дувре. Денби не сомневался, что его можно нарушить, поскольку ситуация коренным образом изменилась. Французские войска прошли через Испанские Нидерланды и оккупировали три из семи провинций Голландской республики.

В это время герцогиня Портсмут, подражая фаворитке Людовика XIV Луизе де Лавальер, заговорила с Карлом II о своем желании поступить в монастырь. Ее чувства, скорее всего, были спровоцированы появлением в 1676 году на придворной сцене новой француженки — герцогини Мазарини, урожденной Гортензии Манчини, племянницы первого министра Франции в 1643–1661 годах кардинала Мазарини. Гортензия и Карл были

знакомы прежде. В 1659 году Карл просил руки тринадцатилетней Гортензии у Мазарини, но тот отказал нищему королю без королевства, о чем через год пожалел. Теперь, после шестнадцати лет бурной жизни вдали от психически ненормального мужа, она удовольствовалась положением метрессы короля. Гортензия была очень образованной женщиной, сочиняла мемуары и содержала салон, любила спортивные занятия и часто одевалась в мужское платье. Летними вечерами она вместе с Карлом отправлялась плавать, а по утрам, когда все остальные отдыхали в постели, поднималась с солнцем и играла с королем в теннис на дворцовом корте.[226] Король, приближаясь к 50-летнему рубежу, по-прежнему оставался энергичным мужчиной и старался не изменять своим повседневным привычкам даже в сложных ситуациях.

В августе 1678 года бывший католический священник Титус Оатс сообщил Тайному совету о существовании заговора католиков, которым якобы руководят из Рима. Число заговорщиков, по его словам, достигало 200000 человек. Цифра эта не представляется реальной, поскольку среди 5 млн. населения Англии католиков насчитывалось всего 50 000 человек (по другим данным — 13 500 человек). На основании писем английских католиков и иезуитов, адресованных единоверцам во французских католических семинариях, Оатс обвинил в организации заговора личного секретаря герцогини Йоркской Эдварда Коулмана. Цель заговорщиков заключалась в совершении государственного переворота путем убийства Карла II, замене его на троне братом Яковом и всеобщем избиении протестантов.

Насколько сам Яков Йоркский был замешан в заговоре, не известно, ибо прямых свидетельств не найдено, но очевидно, что у Якова с братом были расхождения по поводу статуса католицизма в королевстве, а также отношений с Нидерландами и парламентом, который Яков советовал разгонять за непослушание. Известны были и профранцузские симпатии наследника короны, долгое время проведшего на французской службе, и то, что Людовик XIV сочувствовал английским католикам. Англичане в большинстве своем верили, что католики в Англии и за ее пределами стремятся к уничтожению протестантской монархии ради «католического абсолютизма». В конце 1678 года друг Джона Мильтона поэт Эндрю Марвелл опубликовал памфлет «Угроза папства и арбитражное правление в Англии», в котором говорил об опасности «превращения законного правительства Англии в абсолютную тиранию, а протестантской религии — в папскую».[227]

Коулмана арестовали. Трудно сказать, замышлял ли он

заговор на самом деле, но в его оживленной переписке со своими единомышленниками на континенте ясно просматривалось желание восстановить католическую веру и разочарование католиков действиями Карла. В октябре 1678 года Коулман предстал перед лондонским судьей Эдмундом Годфри. По Англии пошла волна антикатолической истерии. Ее изрядно подогрела гибель Годфри, когда рассмотрение дела еще продолжалось. Предполагаемых убийц повесили, но, в сущности, обстоятельства смерти судьи так и остались не выяснены. Распространялись слухи о готовящейся высадке в Англии французов и испанцев (что лишний раз доказывает их нелепость) и о том, что католики вооружаются и закладывают бомбы под церкви. На улицах Лондона день и ночь дежурили вооруженные отряды милиции.

Жертвами озлобленности и страха англичан стали не только герцог Йоркский и его окружение, но и все правительство Карла. Что касается Денби, то он надеялся, что недоверие его не коснется, поскольку проводил политику сотрудничества с лидером протестантов Вильгельмом Оранским. Но его политические оппоненты, обильно подкармливаемые деньгами и советами, напали с неожиданной стороны. В унисон с ними действовал и Людовик XIV, жаждавший уничтожить Денби как инициатора брака между Вильгельмом Оранским и Марией Стюарт.

Французский посол рассказал своему монарху, что представитель Альбиона в Париже Ральф Монтегю может представить в парламент документальные свидетельства того, что Денби на переговорах в Нимвегене, где в 1678–1679 годах проходил мирный конгресс, получил от французов взятку. Монтегю надеялся, что Людовик заплатит ему за службу, и назвал конкретную цену — 100000 экю. Король-Солнце согласился, и в один прекрасный день Монтегю показал в палате общин чеки, в которых значилась сумма во французских номиналах. Под ними красовалась подпись «антифранцузского» лорд-канцлера Англии — Денби! Еще Монтегю предъявил в парламенте письма, написанные Денби Людовику XIV, в которых упоминалось о 6 млн. ливров — цене согласия Англии на договор между Англией и Голландией. Отставка, импичмент, Тауэр — эти неизбежные результаты не заставили себя ждать. Правда, король не побоялся дать Денби возможность оправдаться в палате лордов в присутствии своего обвинителя — Монтегю. Оба человека так много знали…

Довольно скоро Денби был освобожден из Тауэра. А Карл в декабре 1678 года распустил Кавалерский парламент, который заседал с небольшими перерывами восемнадцать лет. Крах Денби

не оставил королю иного выбора, как занять консервативную позицию в политике.[228]

В этих условиях состоялись выборы в третий парламент Карла II. Большинство мест в нем получила партия вигов, в связи с чем палата общин получила название «первого вигского» парламента. Этот парламент работал недолго — две сессии в течение одного года, но успел рассмотреть ряд важных документов.

Акт «О присяге» был дополнен серией репрессивных законов, направленных против католиков. Был наконец принят знаменитый «Акт для лучшего обеспечения свободы подданных и для предупреждения заточений за морем», запрещавший произвольные аресты и заключение без суда любого англичанина. Карл согласился на его подписание при условии, что виги не будут противиться занятию престола его братом Яковом. Однако виги приложили массу сил, чтобы принять билль «Об исключении герцога Йоркского из права престолонаследия»; борьба вокруг него продолжалась два года и положила начало политическому кризису в королевстве, приведшему к четырехлетнему правлению Карла II без парламента.

Виги считали, что только этот билль и может спасти страну, поскольку, если герцог Йоркский вступит на престол, начнется гражданская война. Тори же заявляли, что билль «разделит королевство» и «заставит герцога прибегнуть к иностранной помощи». Проект билля «Об исключении…» прошел второе чтение, но принят не был, поскольку король распустил неугодный ему парламент.[229]

Именно во время работы этого парламента в английском обществе стали широко употребляться названия «виги» и «тори». Обе стороны не стеснялись в выражениях. «Тори — это чудовище с английским лицом, французским сердцем и ирландской совестью. Это широколобое существо с огромным ртом, задом, похожим на два бедра-окорока, полностью лишенное мозгов. Тори похожи на диких кабанов, подрывающих конституцию, покушающихся на оба оплота нашей свободы — на парламент и судей…» Сторонники короля не терялись: «Напыщенная речь вигов состоит из вздохов, всхлипываний, стонов, икоты, причем особый оттенок этому придает гнусавость».

Страсти вокруг заговора папистов постепенно утихали по мере того, как разоблаченных его участников, мнимых или настоящих, становилось все больше и больше. Когда в ноябре 1680 года один осужденный заявил на эшафоте о своей невиновности, толпа закричала: «Мы тебе верим!»

Дебаты в четвертом (конец октября — конец декабря 1680

года) и пятом (21–28 марта 1681 года) парламентах Карла вращались вокруг того же билля «Об исключении…» и проходили на фоне высокой политической активности вигов. Оппозиция широко использовала прессу, памфлетную литературу, вовсю трубя об опасности установления католицизма в стране. Лидер вигов Шефтсбери достиг вершины своей популярности — стал председателем нового Тайного совета короля.

Карл тем временем провел новые тайные переговоры с Людовиком XIV и выторговал очередную подачку в 100000 фунтов. Но вряд ли он намеревался следовать строго в русле политики Людовика XIV. Для него союз с Францией представлялся лишь одним из вариантов развития событий, если сотрудничество с парламентом окажется невозможным. В парламенте он обещал уступки тем, кто опасался восшествия на престол короля-католика, но говорил, что принцип наследования священен и не может быть нарушен. Карл заявил, что Яков займет престол формально, а управление страной останется за протестантскими силами: его будут осуществлять протектор и Тайный совет. Если у Якова родится сын, то он должен быть воспитан в протестантском духе и взойдет на трон по достижении совершеннолетия. Если же этого не случится, править должны будут дочери Якова, протестантские принцессы — сначала Мария, а после нее Анна. Протектором же при них станет не кто иной, как Вильгельм Оранский.

Проект этот выглядел весьма приемлемым, но все дело в том, что оппозиция не верила Карлу. Не он ли нарушал (вольно или невольно) Бредскую декларацию, которую подписал при восшествии на трон? Не он ли за спиной парламента время от времени переговаривался с Людовиком XIV? Шефтсбери имел иные планы наследования короны — виги сделали ставку на незаконного сына короля герцога Монмута и продолжали настаивать на билле «Об исключении…». Но 28 марта 1681 года пятый парламент был распущен. Карл II, как в свое время его отец, стал править королевством единолично.

Основной целью короля после 1681 года было ограничение всех форм независимости и политической активности как вигов, так и тори. Он не хотел созывать парламент и усилил контроль над общественными и судебными органами. Виги перешли к заговорщической деятельности, однако их на этом поприще ждало поражение. Сначала обвинили в подстрекательстве к мятежу лидера парламентской оппозиции графа Шефтсбери, в тот момент уже тяжело больного. Он едва сумел прийти на суд, но дух лидера вигов по-прежнему оставался воинственным. Присяжные графства Миддлсекс, многие из которых были вигами,

написали на билле с обвинениями против Шефтсбери только одно слово — «ignoramus», что по-латыни значит «не знаем». Такой вердикт присяжные выносили, если считали, что в действиях обвиняемого нет состава преступления. После суда Шефтсбери уехал в Голландию и через несколько недель умер в Гааге, завещав своим сторонникам продолжать борьбу.[230]

Весной 1683 года бывшими офицерами «круглоголовых» Кромвеля был составлен заговор с целью двойного покушения сразу на жизнь короля и вернувшегося из Шотландии Якова Йоркского. Это событие вошло в историю как «Ржаной заговор». «Круглоголовые» планировали осуществить покушение на жизнь братьев из располагавшегося на Ньюмаркет-роуд ржаного склада, мимо которого Карл и Яков часто прогуливались верхом. Этот склад и дал название заговору. Одновременно готовили вооруженную акцию виги, которые задумали пленить короля и принудить выполнить свои требования. Заговорщики действовали независимо друг от друга. В деле были замешаны знатнейшие из них, включая графа Эссекса, а также незаконный сын Карла герцог Монмут.

Отсутствие единства в оппозиции само по себе делало шансы на успех малыми. Да еще события стали разворачиваться не в ее пользу. В Ньюмаркете случился пожар, Карл и Яков вернулись в Лондон раньше намеченного, и покушение «круглоголовых» провалилось. Через три недели о заговорах стало известно королю. Эссекс покончил с собой, а Монмут признался в соучастии и отправился в ссылку на континент. На эшафот взошли лорд Уильям Рассел и потомок одного из знатнейших аристократических родов Англии Олджернон Сидней. В неопубликованной статье, написанной перед смертью, Сидней, имевший дерзость в 1649 году проголосовать против казни Карла I, изложил основные принципы партии вигов. Публичная казнь этих людей имела большое значение для истории. Мучеников за веру в избытке хватало и прежде, но Рассел и Сидней стали первыми, кто пострадали за партийные интересы.[231]

Так, несмотря на сложность политической ситуации, Карлу II удалось сохранить свои позиции. Опыт изгнания научил его находить союзников, учитывать интересы разных политических сил и идти, насколько он считал приемлемым, навстречу своим противникам. Не зря современный нам его биограф С. Кут назвал Карла II «августейшим мастером выживания».

После расправы над участниками заговора никто больше не решался бросить вызов королю. Как это часто бывает, отношение в стране к монарху, который, избежав смерти в результате двух

заговоров, остался хозяином положения в королевстве, значительно улучшилось. Позиции тори укрепились. Однако многих англичан мучила мысль: что будет после смерти короля?

В последние годы правления Карла II жизнь двора была праздной. Придворные гуляки отнюдь не молодели, как и сам король. Для подавляющего большинства подданных это по-прежнему был «веселый государь веселого острова» — красивый молодой человек с дерзкими глазами, водопадом густых темных кудрей, звонким голосом, беззаботными манерами и необузданным стремлением к хорошеньким девушкам, окруженный болонками, любивший музыку. Таким Карл выглядел на сцене сельских театров и картинах придворных живописцев. Однако сам оригинал представлял собой преждевременно состарившегося человека средних лет, стремительная походка которого уступила место шарканью, лысеющего, со слезящимися глазами, впалыми щеками и вставными зубами, медленно сходящего в могилу посреди толпы прихвостней и обирающих его любовниц.

Впрочем, Карл оставался верным себе до конца. Последний раз он веселился 1 февраля 1685 года, за пять дней до смерти. «Король развлекается с возлюбленными — герцогинями Портсмутской и Кливлендской, а также Мазарини», — писал свидетель происходящего Джон Ивлин. Собравшихся услаждал любовными песенками французский юноша, а «около двадцати высокородных дворян и других распутников сгрудились за игорным столом, и перед каждым из них было не меньше двух тысяч золотом».[232]

Повседневная жизнь Карла, хотя и спасала его морально — в ней он находил забвение от несбывшихся надежд и нелегкой политической реальности, — губила его физически. Здоровый от природы человек в 55 лет не только выглядел, но и был настоящим стариком.

6 февраля 1685 года второй апоплексический удар пресек жизнь короля на пятьдесят пятом году от рождения и на двадцать пятом правления. Последние часы жизни он провел в Уайтхолле. По желанию герцогини Портсмут, брата и, как видно, своему собственному (на этот акт его мог подвигнуть государственный интерес, дабы исключить сам факт перехода короны от протестанта к католику) Карл II, умирая, перешел в католичество. Затем он попросил у всех прощения и вспомнил своих возлюбленных, пожелав, чтобы о них хорошо позаботились. «Мне очень жаль, джентльмены, покидать вас в такое время», — заметил он окружавшим его смертное ложе придворным.[233] Король был похоронен в Вестминстерском аббатстве, в капелле

Генриха VII.

Как политик Карл был одновременно властным и готовым к компромиссам; как человек — свободной и разносторонней личностью, презиравшей условности и склонной к нововведениям. Он был большим поклонником искусств и наук, хотя не являлся ни прилежным читателем, ни серьезным исследователем. Все то, чему Карл покровительствовал в области культуры и науки, получило свое развитие в дальнейшем. Придворная жизнь при нем составила своеобразную конкуренцию придворной жизни во Франции, пусть даже и с оттенком скандальности. Она несла на себе отчетливый отпечаток неудовлетворенного стремления английского короля к неограниченной власти.

Сам Карл оценивал свое правление как весьма успешное. Действительно, политический кризис в королевстве в 80-е годы, казалось, был преодолен, производство и торговля Англии, а также ее морской флот за это время почти удвоились. Были приобретены новые колонии — Бомбей, Танжер, Мадрас, острова в Карибском море. Немалые перемены происходили в Новом Свете. Созданная в 1669 году «Компания Гудзонова залива» основала первые фактории в Канаде. Захват англичанами Нью-Йорка в 1664 году и образование поселения Нью-Джерси привели к тому, что вдоль атлантического побережья Северной Америки протянулась сплошная цепь английских поселений. К концу правления Карла в американских колониях проживало около четверти миллиона человек, не считая доставляемых на кораблях из Африки рабов.

Не так уж много англичан предвидели широкие перспективы, ожидающие американские поселения. Любопытно, что одним из этих немногих был отец Джона Черчилля, сэр Уинстон Черчилль. На склоне лет он опубликовал сочинение «Divi Britannici» («Божественные британцы»), в котором с гордостью писал о новых горизонтах, раскрывающихся перед Британией и «простирающихся до далеких регионов в солнечной Америке». Освоить огромные просторы мира Британии еще предстояло, но вот американские колонии в следующем столетии она потеряет. А пока местные органы власти — ассамблеи — лелеяли свои права и свободы, сопротивляясь вмешательству в дела штатов (так назывались эти колонии) королевских губернаторов.

Пожалуй, столь быстрого экономического роста, как при Карле II Стюарте, туманный Альбион еще не знал. Карл II, вовремя отойдя в мир иной, вполне мог считать себя «счастливым» правителем. Незадолго до своей смерти он,

очевидно предвидя не лучшие для короны времена, заметил: «Я устал путешествовать (он намекал как на здоровье, так и на годы эмиграции во время революции) и решил более не отправляться за границу. Но когда я скончаюсь, не знаю, что станет делать мой брат. Очень опасаюсь, что, когда настанет его очередь носить корону, ему придется снова странствовать…»[234] Слова эти стали пророческими.

Правление Карла II не решило политических и правовых проблем дальнейшего развития Альбиона, а его двор не был образцовым двором эпохи, подобно двору Людовика XIV. На политику и повседневную жизнь этого короля из династии Стюартов оказали сильное влияние революция и реалии переходного времени, и поэтому они совмещали в себе понимание необходимости перемен и стремление к абсолютизму, тягу к науке и невежество, высокую культуру и отсутствие морали, религиозность и скептицизм — и, наконец, как считали многие современники, рай и ад.

Глава 4
Генерал (Яков II)

Как? Льва посмеют разыскать в пещере
И напугать? И в дрожь вогнать его?
О, пусть не будет так! Отважно риньтесь
На злой мятеж, схватитесь в поле с ним,
К порогу своему не подпускайте.

Уильям Шекспир

Это одна из наиболее странных катастроф, когда-либо случавшихся в истории.

Гилберт Бернет

[image]

«Жюри истории всегда будет сомневаться насчет Якова… Был ли он эгоистическим фанатиком… тираном, который попирал волю большинства своих подданных… просто наивным или даже, возможно, глупым, неспособным принять реалии политической власти… Или же он был полон благих намерений и даже являлся просвещенным… деспотом, опережавшим свое время, или, наконец, просто старался делать так, как, по его мнению, будет

лучше для его подданных?» — так современный историк Т. Харрис попытался подвести итоги неоднозначных исследований о Якове II и его времени.[235] Пожалуй, никто из Стюартов не предстает в глазах современников и историков разных поколений столь противоречивой и нередко столь непривлекательной фигурой, как этот монарх. Анализ жизни и деятельности преемника Карла II на английском троне отличается большим разнообразием и нередко полярными трактовками, с которых, пожалуй, и следует начать его историю.

Самая ранняя из них отличается негативным отношением к Якову II. В сочинениях современников и авторов конца XVII — первой половины XVIII века он предстает как коварный и жестокий правитель, стремившийся уничтожить в Англии протестантизм. Такая политика восстановила против него англичан и привела к его изгнанию. Философ и просветитель Д. Юм полагал, что Яков лишился трона из-за «своевольного нрава» и приверженности к католицизму. Безусловно, такие взгляды объяснялись тем, что все (особенно виги), кто считал Славную революцию 1688 года, свергшую Якова с трона, своим достижением, ее противников рассматривали в черном цвете. К тому же противникам Якова необходимо было оправдать лишение прав законной династии на престол.[236]

В конце XVIII–XIX веке в связи с развитием исторической науки и введением в оборот новых документов начались попытки выделить в правлении Якова II и положительные черты.[237] Тем не менее резкая критика этого монарха преобладала в большинстве сочинений о нем и его времени. Корифей вигской школы лорд Маколей оценивал Якова как абсолютного правителя, а его правление как «тиранию на грани безумия». В 1892 году Национальный биографический словарь сообщал, что Яков был «политическим и религиозным фанатиком», хотя и не лишенным «патриотических настроений», а «его конверсия в католицизм сделала освобождение своих собратьев-католиков… и восстановление в Англии католической церкви… главными целями его политики».[238]

В XX веке ситуация изменилась в сторону амбивалентных характеристик этого короля. В 1928 году католик по вероисповеданию Х. Беллок пробил брешь в «черной легенде» о Якове Стюарте, представив его честным человеком и верным защитником свободы сознания, а его врагов «людьми в малой клике больших состояний… которые разрушили древнюю монархию в Англии». В 1960–1970-х годах стали пересматриваться мотивы введения королем религиозной терпимости, но в целом его правление считалось

автократическим. Якова II и его оппонента Вильгельма III нередко стали представлять как «людей идеалов и человеческих слабостей».[239]

В последние десятилетия политика Якова традиционно рассматривается большинством историков в тесной связи с его религиозными убеждениями, конфессиональными и политико-правовыми противоречиями на Британских островах. «Его (Якова) главный интерес — обеспечить религиозные свободы и гражданское равенство для католиков. Любые „абсолютистские“ методы были средствами для достижения этой цели», — считает Дж. Миллер. В новом «Оксфордском биографическом словаре» можно прочесть, что «Яков тяготел к религиозной терпимости, но одновременно желал усилить власть короны». И, в отличие от правительства Нидерландов, «автократически комбинировал свободу сознания с народным управлением. Он сопротивлялся любому ограничению монаршей власти. Именно поэтому его сердце противилось тому, что он должен был сделать в 1688 году. Он предпочел жить в изгнании со своими принципами, нежели продолжать править как ограниченный монарх».[240]

Сегодня имеет место и кардинальная переоценка Якова II. Одни историки полагают, что «трансформацию» государственного управления в Англии можно было бы осуществить и без «восстания», сохранив законную династию, поскольку политика этого короля и сформировавшееся после его свержения якобитское движение представляли альтернативную модель развития Британии по консервативному пути. Другие же придерживаются мнения, что его правление может быть понято только в контексте экономических перемен в Англии и европейской политики. Почему? Во-первых, Яков целенаправленно «следовал примеру французского Короля-Солнце Людовика XIV. Отсюда вытекали не только старания окатоличить Англию, но и создать современный ему централизованный и исключительно бюрократизированный государственный аппарат». Во-вторых, в 1688 году Яков был смещен не столько из-за реакции протестантов на католизацию королевства, сколько из-за общего неприятия англичанами бюрократического государства и налогового аппарата, что привело к массовой поддержке Вильгельма Оранского. У С. Пинкаса, к примеру, Яков не наивен, не глуп, не эгоистичен. Напротив, он интеллигентный, стратегически мыслящий монарх, чья ориентация на французскую авторитарную политическую модель столкнулась с альтернативной точкой зрения, благоприятствовавшей голландской экономической модели и противостоящей авторитаризму короля.[241]

Поиски новых оригинальных подходов к Якову II продолжаются. Пересмотру прежде всего подвергся якобитизм как субкультура «самодостаточного и значительного по численности социального меньшинства, которое отвергло политическую, общественную и конфессиональную систему, установившуюся после Славной революции 1688 г.», а политика Якова II рассматривается, как попытка сформировать новый слой политической элиты. В новейших работах также отмечается, что во время реставрации Стюартов король, парламент и знать старались внедрить свой личный интерес в рамки большого «национального» интереса, что обуславливало неспособность партий Двора и Страны согласовать общую идеологию интересов, которая могла обеспечить чувство единства и стабильность английской политики.[242]

Как видно, Яков II по-прежнему остается спорной фигурой, и, пожалуй, будет ею всегда. По большому счету для адекватной оценки этого монарха наиболее важно понять его как личность во взаимодействии с местом и временем, в котором эта личность существовала. Тогда, как представляется, многое станет ясно.

14 октября 1633 года в Сент-Джеймском дворце у Карла I Стюарта и его супруги Генриетты-Марии родился второй сын, названный Джеймсом (в латинском варианте Якобус, или, как его принято именовать в отечественной литературе, Яков или Иаков). Родители радовались его появлению на свет — Джеймс и его старший брат Чарльз, будущий король Карл II Стюарт, обеспечили мужскую линию престолонаследия Стюартов. Мальчик был крещен архиепископом Кентерберийским Лодом. В три года он стал лорд-адмиралом — эту должность он будет исполнять большую часть своей жизни.

Любимец матери голубоглазый и светловолосый Яков получил типичное для принцев домашнее образование, обучаясь в компании старшего брата и двух сыновей друга и первого министра Карла I герцога Бекингема — Джорджа и Фрэнсиса Вильерсов. В его характере было много как отцовских, так и материнских черт. Он унаследовал шотландскую гордость и бескомпромиссность Карла I и склонность к католицизму от Генриетты-Марии, твердой католички, привезшей с собой из Франции сонм святых отцов. Яков не разделял интеллектуальные интересы старшего брата, не выказывал особого желания философствовать и к тому же обладал плохим чувством юмора. Позже его единственным вкладом в Английское Королевское общество, основателем которого он являлся, была информация о том, что растение под названием «звезда земли» может исцелить

от укуса бешеной собаки. Тем не менее он учился астрономии, дабы использовать полученные знания в навигации, и интересовался морским делом.[243] Он был умным и волевым, но вместе с тем чувствительным, молчаливым и не любил шумного общества.

Годы его детства и юности, как и у брата, пришлись на время политических потрясений, гражданских войн и реформ середины XVII столетия. Во время Первой гражданской войны с парламентом, начавшейся в 1642 году, принц находился рядом с отцом и братом в ставке роялистов в Оксфорде. Он был свидетелем подъема королевского штандарта в Ноттингеме и битвы при Эджхилле. 22 января 1644 года он получил титул герцога Йоркского. После осады и сдачи Оксфорда парламентской армии в 1646 году Яков был захвачен в плен, препровожден в Лондон и заключен в Сент-Джеймском дворце. Обращались с ним хорошо — принца опекал граф Нортумберленд, которого Яков для этой роли сам выбрал. Но кто знает, какие тогда чувства бродили в душе подростка! После двух лет заключения благодаря помощи роялиста полковника Джозефа Бамфилда он с большой опасностью для жизни, переодевшись в женское платье, бежал из Англии в Нидерланды, где его приютила чета Оранских. Там он находился с апреля 1648-го по январь 1649 года. Так уже в юные годы герцог Йоркский столкнулся с большими трудностями и переживаниями, проявил решительность и стремление любым способом преодолеть их. Кроме того, пребывание, по сути, в лагерных условиях и знакомство с военными достижениями Оливера Кромвеля оказали на развивавшуюся личность принца неизгладимое впечатление и обозначили его дальнейшие пристрастия.

Как младшему сыну в королевской семье, Якову предназначалась военная карьера. Охваченный жаждой мщения «мятежникам» за семью и перенесенные унижения, поддерживаемый в этом желавшим возвышения Бамфилдом, Яков поначалу вступил в невольное соперничество со старшим братом за влияние в роялистской эмиграции, особенно во флоте. После гражданских войн и казни короля английские моряки колебались, на чью сторону стать, Карл в июне 1648 года послал брата в портовый городок Хелтвотлис, дабы проверить, как моряки встретят королевского отпрыска, и юному белокурому принцу-адмиралу, не обладавшему красноречием, но умевшему выражать свои мысли с подкупающей нервной горячностью, удалось завоевать их сердца. Моряки клялись помочь восстановить короля на престоле. Поняв, что флот на его стороне, Карл отправил в отставку Бамфилда, подтвердил сделанное ранее Яковом

назначение вице-адмиралом сурового пресвитерианина лорда Уиллогби (никогда, правда, не командовавшего на море) и… отозвал Якова в Гаагу. Возможно, последнее решение, продиктованное элементарной ревностью, было стратегической ошибкой. Герцог Йоркский обиделся на брата (правда, с годами эта обида прошла), а вот королевский флот, испытывавший к юному принцу симпатию, не горел желанием, как показало время, служить Карлу. Впрочем, есть и другая версия, которая связывает отставку Якова вовсе не с ревностью Карла, а с молодостью и неопытностью, которые помешали ему справиться с управлением флотом.[244]

В начале 1649 года Яков отправился во Францию, к матери, и там узнал о казни отца. Затем, в сентябре 1649 года, уже вместе с Карлом, Яков пересек канал и высадился на Джерси. В январе 1650 года Карл вернулся в Гаагу, оставив брата на Джерси губернатором. Так Яков впервые получил возможность самостоятельно покомандовать. Здесь он подружился с сэром Джоном Беркли и сэром Эдвардом Картеретом, которые много позже будут привлечены им к колонизации Нью-Джерси.

После поражения Карла в битве при Вустере Яков решил, что роялистское дело проиграно, по крайней мере, на долгое время. И пока принц Уэльский, приняв королевский титул, боролся за власть, поднимая сторонников в Англии и пытаясь найти помощь за границей, его младший брат, которому только исполнилось восемнадцать, поступил на военную службу к королю Франции Людовику XIV. С 1652 года под началом маршала Анри де Тюренна герцог Йоркский участвовал в подавлении Фронды, а позднее — в войне с Испанией. В четырех кампаниях великого Тюренна честолюбивый юноша зарекомендовал себя как отважный и способный воин.

Изгнанник с туманного Альбиона вступил в ряды французской армии за несколько недель до осады Этампа в 1652 году, получившей, как и другие военные походы тех лет, в которых он участвовал, подробное отражение в его мемуарах. Герцог Йоркский проводил параллели между Фрондой и недавними событиями на родине, очевидцем которых он являлся. Он писал: «Корона (во Франции. — *Л. И.*) находится в катастрофическом положении… Те, кто хранил лояльность королю, и даже те, чей интерес связан с безопасностью государства, стали главными инструментами смуты…» Яков полагал, что удовлетворение требования отставки министров только усиливает атаки на самого французского короля. Поэтому, сравнивая ситуацию во Франции с английской, он подверг критике уступки, которые Карл I в свое время сделал оппозиции,

в частности, это касалось судьбы графа Страффорда. Яков считал, что его отец проявил слабость, за которую ему пришлось поплатиться своей жизнью. И решил никогда не демонстрировать подобную «слабость», если ему когда-либо придется стать королем.[245] Больше того: герцог Йоркский не только так решил, но и всегда оставался верен своему решению.

Молодой герцог восхищался Тюренном, что неудивительно. Гениальный французский полководец, в отличие от своего коллеги принца Луи де Конде, оказался в сложные для Франции годы преданным слугой короля. В глазах современников и потомков, особенно на фоне противоречивого общества XVII века, образ Анри де Тюренна выглядит цельным в моральном плане. В 60-е годы он перешел в католицизм, однако не исключено, что именно полученное им в детстве кальвинистское воспитание наложило решающий отпечаток на присущее маршалу в зрелом возрасте поведение и понимание долга. Кстати, в те же годы, что и Тюренн, стал католиком и герцог Йоркский. В историю войн XVII века Тюренн войдет как первый полководец не только Франции, но и всей Европы. Он примет участие в восемнадцати военных кампаниях, на его опыте будут учиться другие, перед его полководческим гением склонят головы великие военачальники следующих веков. Известно, что во время битвы при Аустерлице император Наполеон сражался, используя тактику внезапной атаки, разработанную Тюренном. Его решения сравнивали с блестящими шахматными партиями: он умело применял все рода войск. Французский полководец считается родоначальником маневренной стратегии, корни которой находят в действиях шведской армии короля-полководца Густава II Адольфа в Тридцатилетней войне. Но если у шведа главной целью маневра было генеральное сражение, то Тюренн считал бой всего лишь одним из способов маневра. Именно Тюренн сделал французскую армию по-настоящему профессиональной, к чему будет стремиться и Яков. Но Яков не научится поднимать боевой дух своих солдат и офицеров, как это удавалось французскому маршалу. Недаром последнего в войсках называли «отцом».

Тюренн отзывался о Якове весьма похвально: «Он великий принц и, пожалуй, один из лучших генералов нашего времени».[246] При этом, как отмечал другой свидетель событий, Яков «вел себя в сложных ситуациях столь галантно, что никому другому так бы не удалось». Позже Якова никто и никогда не называл галантным.

В 1655 году кардинал Мазарини заключил соглашение с Кромвелем, и члены английской королевской семьи были вынуждены покинуть Францию, а Яков — маршала Тюренна, о

чем он очень сожалел в своих мемуарах. Но он остался другом полководца и постоянно переписывался с ним. В связи с заключенным союзом между Карлом II и Испанией герцог Йоркский поступил на испанскую службу, приняв полк английских и шотландских эмигрантов, расквартированный во Фландрии. Впрочем, он не преминул упрекнуть брата за его плохой дипломатический выбор в пользу Испании против Франции.

Первый министр Франции уже давно прощупывал почву для заключения мира с Испанией, но переговоры ни к чему не приводили. Поэтому французам было необходимо опять взять Дюнкерк, который отчаянно защищали испанцы. Знаменитое сражение за эту крепость-порт, получившее название «Битва в дюнах», состоялось 14 июня 1658 года. Англичане связывают это название со штурмом, во время которого английские солдаты «новой модели» под командованием Уильяма Локкарта преодолели песчаный холм высотой 50 метров, стойко защищаемый испанскими ветеранами.[247]

По другую сторону фронта, в составе испанской армии перешедшего на сторону Мадрида принца Луи де Конде и вице-короля Испанских Нидерландов дона Хуана Австрийского, также сражались англичане — 2000 роялистов Якова Йоркского. В лагере защитников Дюнкерка не было согласия: на совете дон Хуан предложил расположиться в дюнах и там ожидать французов. Конде же был категорически против. «Позиции, которые вы собираетесь занять, — убеждал принц вице-короля, — можно удержать только пехотой, но их пехота сильнее нашей». Дон Хуан высокомерно заметил, что «противник не пойдет прямо на войска Его Католического Величества». «Вы не знаете Тюренна, — возразил Конде, — ему нет равных в использовании таких возможностей».[248] Но дон Хуан настоял на своем, и испанцы с самого начала заняли неудобные позиции.

Исход двухчасового сражения близ Дюнкерка решили десант с английских кораблей и фланговый удар кавалерии Тюренна, который своевременно воспользовался отливом. Утром 14 июня герцоги Йоркский и Глостер осмотрели позиции противника с высокого песчаного холма и не заметили бросающиеся в глаза красные плащи англичан. Вернувшись в лагерь, они недоумевали, какие планы вынашивает Тюренн. Конде же понял маневр своего соперника и посоветовал дону Хуану отступить, пока не поздно, но тот отбросил эту идею. Армии сошлись в схватке, и тут четыре батальона Локкарта возникли слева и атаковали испанские батальоны на правом крыле. Когда английские пикинеры взобрались на холм, герцог Йоркский пустил против них

кавалерию, но лошади увязли в песке. «Я был разбит, и все мои офицеры были убиты или ранены», — написал герцог впоследствии. Войска Конде и дона Хуана были полностью разгромленными, а трехтысячный гарнизон Дюнкерка капитулировал. Принц Конде удалился в Остенде и там в беседе с Яковом во всем обвинил дона Хуана, сказав: «Вы не знаете испанца — когда вы делаете войну, он делает свое дело».[249]

Во время испанской службы герцог Йоркский подружился с двумя братьями-католиками из старой английской семьи, происходящей из Ирландии, Питером и Ричардом Тальботами, которые немало повлияли на его нежелание слушать англиканских советников брата. Впоследствии Ричард Тальбот, 1-й граф Тирсоннел, стал наместником Якова II в Ирландии, где отчаянно боролся за дело якобитов. А Питер Тальбот стал в 1669 году архиепископом Дублинским и исполнял эту должность до своей смерти в 1680 году.

В 1659 году между Францией и Испанией был заключен Пиренейский мир. Сомневаясь в том, что Карлу удастся вернуть престол отца, Яков намеревался стать верховным адмиралом испанского флота, получив соответствующее назначение от короля Филиппа IV. Но в следующем году ситуация в Англии изменилась: после смерти Кромвеля его соратники не смогли удержать власть. Карл Стюарт был провозглашен английским королем, и герцог Йоркский вместе с ним вернулся на родину. Присутствуя в повседневной и политической жизни брата-короля, Яков умел и абстрагироваться от нее.

Его восприятие в английском обществе было неоднозначным: в одном отношении — положительным, в другом — негативным. Возвратившись на Альбион, герцог Йоркский добавил к своему титулу шотландский титул герцога Олбани и возглавил английское Адмиралтейство. Он вникал во все мелочи военно-морского дела, часто посещал доки и судоверфи. Под его руководством был реорганизован флот, который разделили на три эскадры, и он сам сделал много полезных преобразований и нововведений. Английские и голландские флотоводцы лучшим боевым порядком признали разработанную Яковом сомкнутую кильватерную колонну в бейдевинд, то есть строй кораблей, следующих один за другим курсом, при котором угол между направлением ветра и направлением движения судна составляет менее 90 градусов. Согласно его инструкциям, между кораблями должно быть расстояние в 1 кабельтов (608 футов, или 185 метров); при этом брандеры, авизо и транспортные суда составляли вторую линию на расстоянии от первой в 1,5 мили

(морская миля равна 1852 метрам). Якову также принадлежит честь изобретения флотских сигналов, днем — разноцветными флагами, ночью — такими же фальшфейерами.

В сентябре 1666 года, увидев, что мэр Томас Бладворт бездействует, Карл назначил Якова руководить тушением Великого пожара в Лондоне, и он показал себя с самой лучшей стороны. «Герцог Йоркский завоевал сердца людей своей последовательной и неутомимой энергией днем и ночью, помогая гасить пожар», — отмечал очевидец в письме от 8 сентября.[250]

Яков не только проявил себя как талантливый администратор, но и лично участвовал в морских сражениях, возглавляя английский флот во время Второй (1665–1667) и Третьей англо-голландских (1672–1674) войн. В июне 1665 года в ожесточенном морском сражении у Лоустофта в Саутволдском заливе герцог Йоркский, командуя флотом в 109 военных судов (против 113 нидерландских), разбил адмирала Якоба ван Опдама. Впрочем, не такую победу он хотел одержать и поэтому вернулся в Лондон в подавленном состоянии. Его план вклиниться между судами противника и голландским берегом пошел прахом, да и жертв среди англичан было слишком много. Во время боя пушечное ядро разорвалось рядом с Яковом, не причинив ему вреда, но убив стоявших рядом его друзей — лордов Фолмута и Маскерри. Смертельное ранение получил старый адмирал Джон Лоусон. В разгар битвы «Роял Чарльз», на борту которого находился герцог Йоркский, вступил в схватку с голландским флагманом «Де Эндрахтом». Ван Опдам сидел на юте, когда залпы английских пушек подняли корабль на воздух; вместе с ним погиб еще один голландский адмирал — Кортенер. После этого англичане по одному потопили семнадцать кораблей противника. В плен попало 6000 голландских матросов.[251] Решающую роль в сражении сыграло превосходство английской артиллерии.

Спустя семь лет, 7 июня 1672 года, знаменитый голландский адмирал де Рейтер застал врасплох флот под командованием герцога Йоркского, стоявший в бухте Соул-Бей на якоре. Голландец атаковал противника, хотя тот имел преимущество в десять кораблей. Битва была долгой и жестокой, а с побережья за ней наблюдали — кто с радостью, кто с отчаянием — сотни зрителей. Ветер мешал союзнику англичан — французской эскадре — прийти им на помощь. Флагманский корабль «Принц», на котором находился Яков, оказался в окружении. Герцог отважно продолжал бой, но судну грозило пойти ко дну, и флаг пришлось перенести на «Святой Майкл». Когда и тот получил серьезные повреждения и вышел из строя, командующий

переместился на третий корабль — «Лондон». Находившийся же на втором флагмане «Роял Джеймс» лорд Сэндвич погиб, когда сгоревший почти до ватерлинии корабль затонул. Всего англичане потеряли четыре корабля и 2500 моряков убитыми и ранеными. Голландцы, впрочем, отступили, тоже понеся тяжелые потери — два судна и 2000 человек. Личное участие в военных действиях снискало герцогу Йоркскому некоторую популярность в Англии. Тем не менее доверия тех англичан, что с подозрением относились к любым действиям католиков, он не приобрел.

Значительное место в жизни Якова занимали личные пристрастия, которые принесли ему немало недоброжелателей и отразились в политической сфере. Как уже говорилось, в 1659 году он тайно обручился с Анной Хайд (1638–1671), дочерью Эдварда Хайда, графа Кларендона. Воспитанная в англиканской вере, она, возвратившись в Англию, по некоторым сведениям сразу перешла в католицизм (по другим данным — перед самой смертью, в 1671 году). 3 сентября 1660 года герцог Йоркский обвенчался с ней в Лондоне, хотя Карл II и многие при дворе и в парламенте не одобряли этот брак — и не только по причине нового вероисповедания невесты. Дело в том, что репутация Анны была подмочена. До Якова у не отличавшейся особой красотой, но исключительно притягательной и стильной фрейлины уже было двое возлюбленных, и к тому же к моменту венчания она находилась на восьмом месяце беременности. Яков и Анна не стеснялись своей любви и нередко целовались на публике, что тогда считалось неприличным. Рожденный вскоре после свадьбы их сын умер маленьким. Вообще же у герцога и герцогини Йоркских родилось восемь детей, шестеро из которых скончались в детстве. Выжили лишь две дочери — Мария (1662–1694), впоследствии ставшая женой Вильгельма III Оранского, и Анна (1665–1713), вышедшая замуж за датского принца Георга. Хотя позже герцог Йоркский официально перешел в католицизм, по настоянию короля Анна и Мария воспитывались в англиканской вере. Сэмюэл Пипс замечал, что Яков обожал своих детей настолько, что «играл с ними как обычный отец», забыв о печати, которую членство в королевской семье обычно накладывает на общение с детьми.[252] Анна посвятила свою жизнь супругу, который, прежде чем принять какое-либо решение, обычно советовался с ней. Тем не менее он, как и брат-король, был неравнодушен к женскому полу и имел фавориток.

Герцог Йоркский обожал свою первую жену и любил вторую, постоянно чувствовал вину за то, что не был верен обоим, и наказанием за это впоследствии объяснял свое изгнание из

Англии. В молодости он имел приятную наружность, но красивым назвать его было нельзя. С годами его кожа приобрела болезненный желтоватый оттенок. В отличие от отца, Яков, как и Карл, был высок, около 180 сантиметров ростом, но — по мнению настроенных против него авторов-современников — не отличался изяществом и королевской статью. Карл II насмешливо утверждал, что фаворитки Якова больше являлись его исповедницами, что не помешало ему как-то сказать французскому послу: «Я не верю, что существует где-нибудь два таких человека, которые любят женщин больше, чем вы или я, но мой брат любит их больше».[253]

Чувствительный и кающийся, мрачный и отважный, Яков Стюарт представлял собой контраст по сравнению с Карлом, чья терпимость увеличивалась в соответствии с ростом его пороков. В том, что касается женщин, он обладал весьма неразборчивым вкусом. Как выразилась одна из его фавориток, Кетрин Седли (1657–1717), дочь баронета Чарльза Седли, «невозможно почувствовать, что он видит в любой из нас. Если бы мы были все уродливы и кто-нибудь из нас имел при этом ум, он не смог бы понять, кто это».

В 1668 году внимание Якова привлекла двадцатилетняя фрейлина герцогини Йоркской Арабелла Черчилль. Если художник Лели не очень покривил душой, она была яркой блондинкой, обладательницей голубых с поволокой глаз и чувственных губ. Ее родным братом был не кто иной, как Джон Черчилль, будущий герцог Мальборо (1650–1722), которому она вольно или невольно помогла сделать карьеру. Поэтому биографы Мальборо дружно отмечают, что Черчилли, как и другие герцогские фамилии, обязаны своим первоначальным взлетом падению женщины. Романтическая история, попавшая на страницы книг о знаменитом английском полководце и политике, такова. Арабелла Черчилль была, на взгляд окружающих, девушкой бесцветной и не пользовалась успехом у кавалеров; она была высока и, если исходить из канонов того времени, слишком худа. Но однажды во время верховой прогулки ее лошадь понесла, и девушка упала, потеряв сознание. Она лежала в весьма небрежной позе, и прибывший первым ей на помощь герцог Йоркский растерялся, увидев формы изумительной красоты. Подоспевшая свита также была поражена этим открытием. Очнувшись, ничуть не пострадавшая Арабелла сумела воспользоваться произведенным впечатлением, и Яков не на шутку в нее влюбился.

В результате молодая фрейлина попала в постель будущего английского короля, и связь их имела весьма длительное

продолжение. Арабелла родила Якову четырех детей — двух сыновей, Джеймса и Генри, и двух дочерей, Генриетту и Арабеллу. Все они носили фамилию Фитцджеймс, с приставкой «фитц», традиционной для внебрачных детей знати. Один из них — Джеймс Фитцджеймс, будущий герцог Бервик (1670–1734), после Славной революции 1688 года последовал за отцом в изгнание во Францию и впоследствии сделал блестящую карьеру при дворе Людовика XIV, став одним из выдающихся маршалов Франции в годы войны за Испанское наследство. По иронии истории племянник и его дядя — герцог Мальборо оказались в разных политических лагерях.[254]

В 1671 году Анна Хайд умерла, и Карл разрешил Якову жениться на католичке — дочери моденского герцога Альфонсо IV пятнадцатилетней Марии (1658–1718). 20 сентября 1673 года Яков и Мария заключили так называемый прокси-брак (процедура бракосочетания была проведена в отсутствие одного брачующихся) по католическому обряду, а 21 ноября, когда Мария прибыла в Англию, оксфордский епископ Натаниэль Грей повторил церемонию по англиканскому образцу. Многие в Англии тогда полагали, что новая жена герцога Йоркского — агент Папы Римского. Ситуация повторялась, что было недобрым знаком, — такие же настроения имели место при Карле I Стюарте, когда он женился на французской принцессе. Именно Мария в самый ответственный момент жизни Якова подарит ему долгожданного сына. Но хотя вторая жена была двадцатью годами моложе мужа, она тоже, несмотря на молодость и красоту, имела причину жаловаться на его непостоянство. Особенно сильную страсть Яков испытывал к Кетрин Седли, и только после восшествия на престол, когда королева стала устраивать ему постоянные сцены, он с огромным трудом разорвал эту связь.[255]

Должность лорд-адмирала плюс доходы от почтового ведомства и винных тарифов, отданные ему Карлом после утверждения на троне, давали Якову возможность содержать собственный двор. Кроме того, в 1664 году король подарил брату территорию в Северной Америке между реками Дэлавер и Коннектикут. Правда, часть колонии Яков отдал в собственность Джорджу Картерету и Джону Беркли. Последовавшее за этим завоевание англичанами территории Новых Нидерландов и ее главного порта Нового Амстердама привело к образованию нового штата и города, названных в честь Якова Нью-Йорком. Находившийся в 240 километрах к северу от реки Гудзон форт Оранж был также переименован в честь Якова — в Олбани. Колониальная политика герцога Йоркского была направлена на основание новых поселений, освоение природных богатств Новой

Англии, усиление контроля метрополии и ликвидацию самоуправления колоний, но параллельно и на установление в колониях веротерпимости. В Нью-Йорке, где основную массу населения составляли пуритане, была издана его декларация, провозглашавшая свободу совести. Все эти меры словно предваряли его политическую линию в качестве будущего монарха Англии. Яков также возглавлял Королевскую Африканскую компанию и компанию по работорговле. В 1683 году он стал управляющим Компании Гудзонова залива, но на деле принимал мало участия в управлении ею.[256] Герцога Йоркского отвлекали дела и мысли, связанные с политикой, религией и его положением как наследника трона.

Яков перешел в католицизм примерно в 1668–1669 годах. Это некоторое время держалось в секрете, и он продолжал ходить на англиканские службы до 1676 года. Вероисповедание он поменял, поскольку был убежден, что только католическая церковь основана по прямому поручению Христа. Возможно, его обращение объясняется и воспитанием, и обстоятельствами жизни. Не исключено, что он полагал, что ужасы Великого мятежа покарали Англию за измену католицизму, и был благодарен католическим державам за приют, который они оказали изгнанным Стюартам. При этом, однако, герцог Йоркский продолжал дружить с приверженцами англиканской веры — такими, как Джон Черчилль, Джордж Легг и барон Дармут, и покровительствовать им. Такое же отношение было у него и к французским гугенотам, например, его благосклонностью пользовался Луи де Дюр, граф Февершем. Черчилль даже обижался, что герцог благоволит к французу Февершему больше, чем к нему, англичанину, назначив того на более высокий военный пост.[257] Так, возможно, проявлялась его симпатия к французам, а может быть, в нем говорила кровь бывшего гугенота Генриха Бурбона, внуком которого он был?

Поэтому сложно безоговорочно воспринимать утвердившуюся в историографии точку зрения, что верность герцога Йоркского католической религии отталкивала от него англичан, в большинстве своем протестантов. Тем более что проблема его вероисповедания не поднималась в Англии до середины 70-х годов. Отрицательные эмоции англичан в отношении Якова в определенной мере зависели от политики его брата.

Герцог Йоркский пользовался определенным влиянием в парламенте, поддерживал графа Кларендона и был сторонником союза с Францией. Он выступал за заключение Дуврского договора и одобрил «Декларацию о веротерпимости», изданную

Карлом в 1672 году. После принятия парламентом в 1673 году акта «О присяге» Яков предпочел оставить пост лорд-адмирала, поскольку его католицизм стал очевидным. Вместе с тем иногда он казался не меньшим протестантом, нежели его брат. Яков приветствовал перспективы вступления Англии в Нидерландскую войну на стороне Республики Соединенных Провинций и одобрил брак своей старшей дочери Марии со статхаудером Вильгельмом Оранским. В переписке с Вильгельмом в сентябре 1677 года Яков замечал, что он рад породниться с ним, и называл его «дорогим племянником»,[258] хотя, вероятно, предпочел бы, чтобы дочь вышла замуж за католика. Замужество дочери, впрочем, не добавило ему симпатий среди английских протестантов.

Существенным ударом по репутации Якова стало раскрытие «Папистского заговора» 1679 года. Герцог превратился в страшное пугало для англичан. Как уже говорилось в предыдущей главе, на заседаниях «первого вигского» парламента оппозиция приложила огромные усилия, чтобы принять билль «Об исключении герцога Йоркского из права престолонаследия».

В письмах тех лет, адресованных Вильгельму Оранскому, Яков жаловался на недостойное поведение членов палаты общин. Их логика была понятна: в условиях действия акта «О присяге» католик не мог стать королем. Карл пытался предложить компромиссный вариант закона, но большинство депутатов палаты не верили в то, что на короля-паписта можно будет наложить какие-либо ограничения.[259] В это время герцог и герцогиня Йоркские посчитали за лучшее последовать настоятельному совету, а точнее, требованию Карла II покинуть Англию и уехать в Брюссель.

Затем появились новые проблемы. В 1680 году король заболел, и его приближенные не на шутку встревожились. Тем более что лидер вигской оппозиции граф Шефтсбери добился включения старшего незаконнорожденного сына короля герцога Джеймса Монмута в Тайный совет и ввел его в партию вигов. К этому моменту уже довольно четко прорисовались фигуры главных претендентов, помимо Якова, на английский трон. В первую очередь это был герцог Монмут, и следом за ним Вильгельм Оранский, еще проявлявший осторожность, но пользующийся поддержкой графов Сандерленда и Эссекса, английского посла в Гааге Генри Сиднея и просветителя Уильяма Темпла.

Переодевшись в черную одежду и плащ, без знаков отличий, герцог Йоркский отправился из Брюсселя в Кале с Джоном Черчиллем и двумя другими сопровождающими. Погода была ужасной, их корабль девятнадцать часов добирался до Дувра.

Герцог нашел короля в постели, но отнюдь не безнадежно больным; он упал на колени и попросил у брата прощения за приезд без предупреждения. Карл обрадовался его появлению, но, следуя общественному мнению, настроенному против католического наследника короны, остаться в Англии ему не разрешил. И Яков возвратился в Брюссель.

После роспуска последнего парламента в 1681 году король Карл назначил брата верховным комиссаром Шотландии, пошутив при этом: «Если мой брат хочет стать королем, пусть сначала наберется опыта в Шотландии». И Яков отправился в Эдинбург. «Лондон и Эдинбург не одно и то же, — описывал сопровождавший его Джон Черчилль столицу Шотландии, — в одном можно найти все, что есть за границей, а в другом — нет». Он еще мягко выразился, описывая небольшой город, утопающий в грязи и населенный жителями, едва понимавшими английский язык. Герцог Йоркский провел более двух лет при маленьком дворе, организованном в наскоро восстановленном старом дворце шотландских королей. Правление его в Шотландии сопровождалось террором, жертвами которого стали наиболее фанатичные протестанты. Жена Черчилля, однажды оказавшись на казни, ужаснулась: «Я заплакала, увидев жестокость по отношению к тем людям». Как папист, он не пользовался любовью здешних подданных. Тем временем Черчилль через любовницу Карла герцогиню Портсмут упорно добивался разрешения для герцога приехать в столицу. Алчная женщина, которая не обманывалась относительно скорой смерти своего коронованного любовника, желала получить от герцога Йоркского, когда тот взойдет на трон, 5000 фунтов ежегодной пенсии.

Правление Якова Йоркского в Шотландии завершилось в мае 1682 года, а его возвращение в Лондон чуть не завершилось гибелью. Снявшись с якоря, фрегат «Глостер» наткнулся на отмель и перевернулся. Из трех сотен человек, находившихся на борту, спаслись только сорок, включая Якова и Джона Черчилля. Только спустя шестьдесят лет Сара Мальборо, ссылаясь на рассказ супруга, сообщила в своих мемуарах, что, собственно, произошло. Герцог, чтобы облегчить непомерно нагруженный корабль, снял перед отплытием все спасательные шлюпки, кроме одной. Когда ситуация стала отчаянной, он приказал Черчиллю достать меч и отталкивать им тонущих людей от единственной шлюпки, в которой поместился сам со свитой. Спастись могли по крайней мере еще десять человек, но места в шлюпке заняли собаки герцога и католические монахи.[260]

В своих реляциях Людовику XIV французский посол в английской столице отмечал, что «население Лондона

недовольно возвращением герцога Йоркского». «Никогда не бойся за меня, Джеймс, никто не убьет меня, чтобы сделать тебя королем», — однажды сказал Карл II брату. Воистину Яков был самым большим «недостатком» Карла.

Следующие два года жизни Якова были по видимости спокойными. Он участвовал в заседаниях Тайного совета, активно влиял на внутреннюю и внешнюю политику королевства, опять возглавил военно-морской флот. Взрослели его дочери. Мария и ее младшая сестра Анна, которым скоро предстояло сыграть немалую роль в истории Британского королевства, имели склонность к особам своего пола. Одно время Мария была неравнодушна к красавице Фрэнсис Эпсли и писала ей романтические письма, начинавшиеся со слов «Мой дорогой муж». Анна же не только любила карты, хорошую еду и быструю езду, но и испытывала восторженную привязанность к супруге Джона Черчилля Саре.

Но к радости англичан, для Анны нашелся протестантский муж, принц Георг Датский, полный тридцатилетний блондин и любитель хорошо поесть и выпить. Пара вступила в брак в июне 1683 года. Казалось, это удачный союз. Одним из его следствий стала необходимость создать для принцессы Датской ее собственное окружение. Анна нуждалась в старшей фрейлине; ею стала Сара Черчилль, которая с тех пор идентифицировала свою фортуну с положением своей госпожи. Ее содержание было невелико — 200 фунтов в год, но это ничего не значило по сравнению с открывавшимися возможностями.

Всем было известно, что герцог Йоркский во многом полагается на Джона Черчилля. Так что взгляды при дворе и за его пределами все чаще стали обращаться на чету Черчилль, хотя в многочисленных кофейнях Лондона говорили о ней в несколько ином тоне. Приближенные католического наследника престола не были популярны ни в народе, ни в среде оппозиции.

6 февраля 1685 года Карл II скончался, и герцог Йоркский взошел на престол под именем Якова II Английского и Якова VII Шотландского. Что можно было от него ожидать, в чем новый король был похож и чем отличался от своего брата?

В общем, они не были близки и тесно не общались. Противники Якова настраивали Карла против него, утверждая, что брат-католик возглавляет оппозицию против короля и даже замышляет заговор. Главным недоброжелателем Якова при дворе был герцог Бекингем, острый язык которого нередко приводил герцога Йоркского в замешательство. Тем не менее братья были лояльны друг к другу. Яков никогда не поддерживал тех, кто

выступал против Карла. А Карл, будучи глубоко разочарован переходом Якова в католицизм и жаловавшийся на проблемы, которые это породило, отказался исключить Якова из престолонаследия. Оба брата ценили семейные связи.

Тогда как Карл тратил деньги без счета на роскошную придворную жизнь, Яков жил по средствам и всегда оплачивал свои чеки. Скрупулезный администратор, он, если того требовала ситуация, вникал в мельчайшие детали. Карла невозможно было вообразить проповедником, а Яков делал это охотно, будучи чувствительным и набожным. Утвердившись в своих собственных убеждениях о преимуществах религии, которую он избрал, и обязанностях короны, Яков не терпел иных аргументов. Шотландскому теологу, историку и епископу Солсбери Гилберту Бернету он как-то заметил, что тот может быть умнее его, но он никогда не изменит своего мнения. «Мы не можем от всего сердца не желать, что было бы прекрасно, если бы все люди в наших владениях исповедовали католическую веру», — говорил он, не желая принимать во внимание антикатолические настроения англичан и видя в них исключительно происки протестантских священников. Если бы люди поняли католическую веру, как он ее понимал, они бы увидели, что это единственная истинная религия. Следовательно, ему нельзя было проявлять слабость в вопросах религии, ибо это, как он полагал, может породить еще большую оппозицию.

Можно сказать, что Яков был в каком-то смысле воспитан маршалом Тюренном; он воспринимал власть и послушание в том духе, что офицеры слушаются генералов, а солдаты — офицеров. Он мыслил проще, чем его отец и брат, перенеся военное мышление в правление и политику. По сути, жизнь для него представлялась в полярных противоположностях — добра и зла, права и бесправия, послушания и непослушания. Король должен командовать, подданные — слушаться. Король должен руководствоваться своим сознанием, законом и советниками. Он был настолько убежден в своих правах, что не терпел никакой критики.[261]

Однако, как и Карл, Яков не мог обуздать свое либидо, хотя по восшествии на трон, по словам одного из современников, поставил себе цель «соблюсти все формальности и сохранить все приличия». Был издан указ, запрещавший придворным появляться нетрезвыми в присутствии королевы. Кетрин Седли услышала от своего коронованного любовника, что «он решил вести новую жизнь и не желает ее больше видеть». В качестве компенсации она получила титул графини Дорчестерской и 5000 фунтов ежегодного дохода. Это так раздосадовало Марию Моденскую,

что та два дня отказывалась от еды и питья, заявив: «Вы сделали ее графиней, и что вам мешает сделать ее королевой?» Кетрин было приказано жить во Фландрии, но она отказалась ехать туда под тем предлогом, что там у нее много недоброжелателей. Она отправилась в Ирландию, но, найдя Дублин «нетерпимым», а ирландцев «меланхоликами», тихо возвратилась в Лондон. Яков поселил ее в доме на Сент-Джеймс-сквер и время от времени тайно посещал. От Кетрин у него родилась дочь, тоже Кетрин, в первом браке — маркиза, а во втором — герцогиня.[262]

Помня о билле «Об исключении…» и «Ржаном заговоре», поначалу новый король действовал осторожно, стараясь рассеять подозрения в склонности к деспотическому правлению. «Я часто рисковал жизнью, защищая свой народ, и пойду на все, чтобы сохранить в неприкосновенности его права и свободы», — говорилось в его первом воззвании. Он, Яков, сохранит систему управления государством и церковью, установленную законом, будет оберегать права и обязанности короны и не нарушит прав собственности. Однако уже во второе воскресенье после восшествия на трон Яков открыто посетил мессу в своей часовне. Несший перед ним символы верховной власти герцог Норфолк остановился у двери, и король заметил: «Милорд, ваш отец пошел бы дальше». Герцог не растерялся и сказал: «Отец Вашего Величества не зашел бы так далеко». Эта публичная демонстрация приверженности католической вере вызвала беспокойство англиканского духовенства.[263]

Ему было уже 52 года, он боялся не успеть и, возможно, поэтому спешил в реализации своих планов. Процедуру коронации новый монарх желал пройти как можно скорее и был коронован в Вестминстерском аббатстве 23 апреля 1685 года. В большинстве состоящий из тори парламент, собравшийся в мае того же года, получил название «лояльного парламента», и Яков даже бросил фразу, что он простил бы многих бывших оппозиционеров-«эксклюзионистов» (так называли тех, кто выступали за билль «Об исключении…»), если бы те согласились с его правлением. И действительно, создавая опору своей власти, он доверил ряд государственных постов вигам, среди которых был юрист Уильям Уильямс, бывший главный советник графа Шефтсбери и одно из главных действующих лиц в парламенте 1680 года. Главным проводником его политики в Англии стал Роберт Спенсер, граф Сандерленд, бывший эксклюзионист, лишенный поста государственного секретаря в 1681 году. Он вновь занял его при Якове и, более того, был назначен лорд-президентом Тайного совета вместо лорда Галифакса. Впрочем,

последний продолжал оставаться одним из главных лиц в совете. Получил повышение граф Рочестер, под контроль которого была передана казна.

Парламент предоставил Якову значительное содержание, сохранив его предыдущие доходы. С учетом возросших прибылей от торговли они составили 2 млн. фунтов в год. Король исполнял свои обязанности добросовестно и, по-видимому, старался действовать конституционными методами, не будучи вместе с тем склонен к компромиссам. Пожалуй, в этом смысле он был даже тверже отца.

Казалось бы, все шло хорошо. Но очень скоро против Якова II были подняты два восстания — в Шотландии, возглавляемое Арчибальдом Кемпбеллом, графом Аргайлом, и на юге Англии под руководством герцога Монмута. И Аргайл, и Монмут начали свои экспедиции из Нидерландов, но приютивший их Вильгельм Оранский предпочел сохранить нейтралитет. Статхаудер, хорошо осведомленный о ситуации на Альбионе, лелеял свои планы. Некоторые историки считают, что Вильгельм задумал в случае успеха восстаний Аргайла или Монмута высадиться в Англии и подавить их выступления. Дело в том, что в случае полной победы Монмута он и его жена Мария уже не имели бы шансов на английский престол, а если бы Монмут сразу потерпел поражение, было бы просто устранено одно из препятствий между Вильгельмом и английским троном. Но вот если бы Монмуту начала сопутствовать удача, король вынужден был бы обратиться к своему зятю за помощью, и таким образом влияние статхаудера в политических кругах Британии неизмеримо возросло бы. Так и получилось. Когда Яков попросил его прислать три шотландских полка, находившихся на службе в Соединенных Провинциях, Вильгельм с радостью откликнулся.

Англичан и шотландцев, эмигрировавших в Голландию, смерть короля Карла застала врасплох. У них не было единого плана действий, они были выходцами из разных слоев и преследовали различные цели. Оппозиция была очень неоднородной. Католицизмом Якова Стюарта и его явным стремлением укрепить свою власть были недовольны шотландские республиканцы, шотландцы из окружения графа Аргайла и вигские сторонники самого Монмута. Аргайл, выходец из Хайленда (горной Шотландии) и наиболее знатный из шотландцев, смотрел сверху вниз на лордов Лоуленда (равнинной Шотландии) — Хьюма Поверта и Флетчера Салтона. Все вместе шотландцы подозрительно относились к лозунгам и борьбе за веру английских политических диссидентов, таких, как Генри Уилдмен, предлагавший поднять восстание в Лондоне.

Аргайл понимал, что Монмут, чьи претензии на трон он отказывался признать, не будет сопровождать его в Шотландию. Тем не менее в Утрехте и Роттердаме между всеми недовольными новым правлением состоялись переговоры, на которых обсуждался вопрос об одновременных восстаниях в Англии, Ирландии и Шотландии.

Вообще-то Яков прекрасно понимал, какую роль могут сыграть старший сын его брата и английские эмигранты на континенте. Еще в феврале 1685 года он приказал мэрам портовых городов Бристоля, Чичестера, Эксетера и Дортмута проверять корабли и опрашивать всех пассажиров, прибывших из-за моря. Вскоре выяснилось, что такое рвение было излишним, поскольку эмигрантская оппозиция в Голландии почти не подавала признаков жизни. Однако внутри королевства росло возбуждение, ползли слухи об убийстве Карла II папистами. В кофейнях и просто на улицах все чаще стали говорить о правах на трон герцога Монмута, исповедовавшего истинную протестантскую религию. Впрочем, ближе к лету Яков почувствовал себя увереннее — прошли выборы в парламент, и его состав не вызывал у него подозрений.

Аргайл со своими сторонниками (чуть менее 300 человек) высадился на Альбионе раньше Монмута. Лозунги графа были весьма неопределенными, и под его знамена встали немногие: преимущественно члены его клана — Кемпбеллов. Но толком развернуться Аргайл не успел — 18 июня он был схвачен и отправлен в Эдинбург. Суда не было, поскольку Аргайл ранее уже был судим и приговорен к смертной казни. Яков утвердил предыдущий смертный приговор, который через три дня привели в исполнение. В эти же дни провалилась попытка Уилдмена поднять восстание в Лондоне.

Монмут ничего обо всем этом не знал. 11 июня 1685 года он высадился в Дорсете. Когда герцог и 1500 его сторонников сошли с кораблей на берег, их встретила местная невооруженная милиция, которая, однако, тут же разбежалась. Монмут поднял зеленый штандарт, на котором золотыми буквами было написано: «Нет страха, кроме Бога». Так началось поддержанное вигами восстание незаконного сына Карла II, имевшее целью обеспечить протестантское престолонаследие в Англии.

Молодому претенденту на трон недоставало хорошо обученных офицеров. Джентри юго-запада не спешили присоединиться к нему, собираясь стать на сторону того, за кем будет перевес. Кроме того, не хватало вооружения, и Монмуту, дабы экипировать армию, пришлось потратить собственные средства и продать драгоценности своей любовницы Генриетты

Уинтворт, мечтавшей стать королевой. Но главная проблема заключалась в самом «капитан-генерале протестантских сил королевства» — он, хотя был профессиональным военным и имел боевой опыт, не обладал качествами, которые сделали бы его настоящим полководцем. Прежде всего по этой причине граф Аргайл и не захотел иметь его в качестве партнера в шотландской кампании. Противостояли же Монмуту опытные военачальники Якова II Февершем и Черчилль.

20 июня на рыночной площади Тонтона Монмут был провозглашен королем Англии. За голову «герцога Йоркского», то есть Якова II, им была назначена значительная сумма денег, налоги народ должен платить новому королю, а парламент, под бой барабанов объявивший Монмута изменником, подлежал роспуску как мятежная ассамблея.

После шести дней марша Монмут оказался в нескольких милях от Бристоля. У него уже было 9000 солдат, организованных в пять полков пехоты: красный (полк самого герцога), белый, голубой, желтый и зеленый. В этот момент он казался многим весьма грозным соперником действующего короля. На самом же деле герцог находился в шаге от поражения, поскольку днем раньше в Бристоль вступил лейтенант-генерал лорд Февершем. Монмут, поняв, что ему не сладить с королевским войском в открытом сражении, задумал обойти Бристоль и идти на Глостер. Его кавалерия даже навела переправу через реку Эйвон у Кейншэма и перешла на северный берег. Но Глостер находился в четырех днях интенсивного марша, и в последний момент, побоявшись оставлять в тылу армию Февершема, Монмут переменил решение и приказал отступать к Бату.

В нескольких милях от Бата Февершем атаковал Монмута и… потерпел неудачу, потеряв 80 человек. Тем не менее повстанцы вообразили, что их дело плохо. Сыграла свою роль и распространенная агентами Февершема прокламация, обещавшая прощение всем, кто сложит оружие. 2000 человек покинули лагерь Монмута, тогда как армия Февершема пополнилась отрядом Джона Черчилля, который совершил быстрый марш через Дорсетшир.

Последний шанс Монмута был в том, чтобы решить дело одним внезапным ударом, и такая возможность, казалось, представилась. Батрак по имени Ричард Годфри сообщил Монмуту, где находится противник, и вызвался показать дорогу. Герцог решил провести атаку на королевский лагерь ночью.

В воскресенье, 5 июля, в 11 часов ночи, армия Монмута направилась в сторону Седжмура. Стояла мертвая тишина, тяжелая мгла опустилась на землю, луна покрылась черными

облаками. Годфри, плутая, не сразу нашел путь. Ошибка проводника стоила восставшим драгоценного времени, а нечаянный выстрел лишил их атаку внезапности. Тем не менее конница Монмута пошла в атаку; ее удар принял на себя полк капитана шотландской гвардии Макинтоша. Бились в полной темноте, солдаты натыкались друг на друга, путая своих и чужих. Командующий кавалерией Монмута лорд Грей попытался обойти шотландцев и ударить королевской армии в тыл, но Черчилль, взявший, пока Февершем просыпался, ситуацию в свои руки, приказал открыть огонь по вражеским всадникам, которые отступили, давя собственную пехоту.

Один из проповедников, присутствовавших при битве, заметил, что повстанцы «находились рядом с победой как лучники, которые целились, но промахнулись». Другой очевидец событий полагал, что только густой туман спас армию короля. То был молодой диссентер из Лондона, сражавшийся в войсках Монмута и чудом избежавший гибели и наказания. Если бы он разделил участь восставших, мы бы не могли наслаждаться, листая страницы «Робинзона Крузо». Этого человека звали Даниэль Дефо.

Рано утром бой возобновился. Спешившись, Монмут сражался в первых рядах своей армии, пока ему не стало очевидно, что дело проиграно. Он вскочил на первого попавшегося коня и поскакал через равнину. К вечеру, несмотря на то что восставшие оказались без предводителя, бой разгорелся с новой силой, но то была последняя попытка обреченных. Февершем послал кавалерию в Сомерсет и Дорсет преследовать остатки армии мятежников.

Вершить суд над сторонниками Монмута был назначен судья Джеффрис, которого король чуть позже сделал лорд-канцлером Англии. Приговор был жестоким: 150 (по другим сведениям — 250) человек было казнено, а 800 отправлено в качестве рабов на плантации. Испуганный Лондон был на стороне судьи. Даже известный своей гуманностью Сэмюэл Пипс отклонил петицию одного морского капитана с просьбой отправить всех участников восстания в колонии. Впрочем, были и такие, кто осуждал судью: «Или Джеффрис был маньяком, или абсолютно бездушным человеком… Ни от одного судьи не погибало сразу столько человек».[264]

Многие, впрочем, понимали, что причина кровавых приговоров вовсе не в патологической жестокости судьи Джеффриса. К Джону Черчиллю обратилась молодая девушка Дороти Хьюлинг с просьбой облегчить судьбу двух братьев, приговоренных к смерти. Он пообещал ей устроить встречу с

королем, но предупредил, указывая на гранитную каминную полку: «Мисс Хьюлинг, не обольщайтесь — этот камень так же способен на сострадание, как и сердце короля».

Так бесславно провалилась попытка герцога-протестанта отобрать трон у дяди-католика. 9 июля Монмут был схвачен. Яков с характерной для него военной жесткостью приказал казнить племянника как мятежника, покусившегося на власть законного монарха, и 15 июля герцог был обезглавлен у ворот Тауэра. Есть, правда, версия, что на казни настоял граф Сандерленд — будто бы после того, как его люди перехватили письмо Монмута, в котором тот сообщал Якову о предательском поведении самого графа. Впрочем, открытое предательство граф Сандерленд совершил только через три года — в 1688 году.[265]

Казнь герцога была политической ошибкой Якова. Пока был жив Монмут, виги не могли переориентироваться на голландского статхаудера Вильгельма Оранского — куда более опасного потенциального претендента на престол.

Т. Маколей с пристрастием отмечал, что новый король, как и прежний, был рабом Франции, но рабом недовольным. Действительно, от брата Яков II унаследовал долг Людовику XIV в 1335 тысяч ливров, причем в первую же неделю его правления были тайно возобновлены переговоры о французских субсидиях, хотя до договоренностей дело не дошло. Отношения между новым английским королем и французским монархом были довольно сложными. Яков не желал зависеть от могущественной Франции и, зная об антифранцузских настроениях не только вигов, но и тори, стремился получить субсидии от парламента на создание постоянной армии, дабы иметь возможность подавить любой мятеж без иностранного вмешательства. Поэтому неудивительно, что французские послы в Лондоне, да и сам Людовик XIV полагали, что «англо-французский союз зависит от направления ветра».[266]

В принципе английский король не делал ставку на один лишь союз с Францией и старался проводить самостоятельную и многовекторную внешнюю политику. Он пытался наладить отношения с оппонентами Бурбонов в Европе, в частности с Папой Римским и императором Леопольдом. Не исключая Вильгельма Оранского из будущего наследования короны, он опасался французских завоевательных планов в Нидерландах. Отмена Людовиком XIV в 1685 году Нантского эдикта, даровавшего гугенотам свободу вероисповедания, была использована Яковом в прагматических целях. Невзирая на недовольство Короля-Солнце, он предоставил убежище в Англии

покинувшим Францию многим богатым гугенотам и гугенотам-военным.

Благополучный разгром оппозиции в 1685 году подал королю надежды на дальнейшее развитие успеха. Яков II попытался осуществить то, что не сумел сделать его брат и что блестяще удалось Людовику, — достичь абсолютной власти. Причем эту власть он понимал по-своему — в военном духе. Фактически не Вильгельм III, а он попытался совершить государственный переворот — принц Оранский в 1688 году лишь вернул то, что уже давно для Англии казалось естественным. Король ставил цель сменить аппарат чиновников в центре и на местах, реорганизовать судебную власть и создать, взяв за основу французский образец, регулярную армию, которая будет подчиняться только ему. Причем в новую армию, по его мнению, нельзя было включать те три шотландских полка, которые Вильгельм Оранский направил ему на помощь из Голландии. Намеренно или нет, но шотландцы прибыли на берега Темзы уже после окончания кампании против Монмута. Наказав двух солдат, уличенных в том, что они выпивали за упокой души Монмута, Яков отослал полки обратно на континент.

В ноябре 1685 года в палате общин шли дебаты об армии. Как считал король, Англия нуждалась в постоянной армии количеством от 14–15 тысяч человек. При этом Яков дал ясно понять, что не уволит офицеров-католиков, проявивших себя при подавлении восстания Монмута с лучшей стороны. Намерения короля взволновали прежде лояльный к нему парламент. Одни депутаты считали, что для содержания армии достаточно 200 000 фунтов, другие называли цифру в шесть раз больше. Сэр Уинстон Черчилль, отец будущего герцога Мальборо, считал, что первая цифра слишком мала: «Солдаты не воюют без оплаты. Нет денег — нет и „Отче наш“» (No penny, no paternoster). Положение обострил тот факт, что несколькими днями ранее Людовик XIV отменил Нантский эдикт. 20 000 гугенотов покинули пределы Франции к большой выгоде соседних государств; многие из них оказались в Англии. Отреагировав на это событие, палата общин вотировала сумму в 700000 фунтов, с которой согласились и лорды. Яков был раздражен, поскольку эта сумма показалась ему недостаточной.

Так или иначе, но опорой его власти стала постоянная армия, численность которой превысила 20 000 человек. Служили в ней не только англичане, но и иностранцы. Была улучшена подготовка офицерского состава, созданы первые военные суды, сделаны отдельные шаги в развитии системы обеспечения ветеранов и госпиталей. Однако при проведении реформ

правительство Якова столкнулось с сопротивлением населения рекрутским наборам, низким уровнем дисциплины среди солдат и офицеров, дезертирством, конфликтами между военнослужащими и обывателями. Население отторгало реформу, и не только потому, что «ужасные» солдаты были размещены в городах, но и потому, что это противоречило английской традиции не держать профессиональную армию в мирное время. Кроме того, прежде лояльный парламент увидел большую угрозу в использовании Яковом своего права производить изъятия из действия законов, когда он назначил католиков без присяги командовать несколькими полками. Депутаты оспорили эти действия, и 20 ноября король приказал парламенту разойтись.[267] По сути, представительский орган был ему уже не нужен. Он твердо шел по намеченному пути.

В начале 1686 года в сейфе и туалете Карла II были найдены две бумаги, написанные им лично и содержащие аргументы о превосходстве католицизма над протестантизмом. Яков опубликовал эти документы вместе с декларацией, предлагавшей архиепископу Кентерберийскому и всем епископам опровергнуть их: «Дайте мне основательный ответ, только в джентльменском стиле; и он должен возыметь эффект, которого вы так сильно желаете, чтобы вернуть меня в вашу церковь».[268] Архиепископ отказался сделать это из уважения к покойному королю.

Фактически Яков предпринял попытку сформировать новый слой политической элиты из единоверцев-католиков и стремился улучшить их положение настолько, насколько это было возможно. Но это не было «католической революцией», как часто называют реформы Якова II в литературе, — король просто не желал зависеть ни от Франции, ни от Рима, ни от своих подданных. Несмотря на свои духовные привязанности, король Яков был наиболее терпимым в религиозном отношении монархом из всех своих предшественников. Его религиозная политика, в сущности, делилась на два этапа. В 1685–1686 годах Яков II пытался создать союз католиков и «Высокой англиканской церкви». Когда эта тактика провалилась, в 1687–1688 годах он выступил с идеей всеобщей веротерпимости, чтобы привлечь на свою сторону протестантских нонконформистов.

В 1685 году он направил письмо в шотландский парламент, объявив о своем желании ввести новые уголовные законы против упорных пресвитериан, и посетовал, что не сможет лично присутствовать при его введении. А в марте 1686 года написал в шотландский Тайный совет, выступив за терпимость к католикам и за продолжение преследования пресвитериан, и вызвал членов совета в Лондон, когда они отказались уступить его желанию.

Шотландцы объяснили, что предоставят облегчение католикам только при условии простых послаблений для пресвитериан и в том случае, если Яков пообещает не вредить протестантской религии. И король согласился несколько облегчить положение пресвитериан, заявив, впрочем, что протестантская религия ложная и поэтому он ей покровительствовать не собирается.

Своей жесткой политикой уже к концу 1686 года Яков отвратил от себя многих ранее преданных ему людей. Воспрепятствовавший в свое время принятию билля «Об исключении…» Галифакс уехал из Лондона, освобожденный из Тауэра еще в 1684 году Денби отказался от своей идеи союза церкви и короны, сын генерала Монка Альбемарль оставил государственную службу. Никто не был уверен в завтрашнем дне, недовольные члены палаты общин и лорды коротали время в своих владениях.

Король разрешил католикам занять высшие посты в стране и принял при дворе папского нунция Фердинандо д'Адда, первого представителя Рима в Лондоне со времен королевы Марии Тюдор (1516–1558). Когда государственный секретарь и «всеобщий арбитр» при дворе граф Сандерленд начал замену должностных лиц при дворе на католиков, Яков стал терять доверие своих англиканских сторонников, ведь католики составляли не более 1/15 населения Англии. В мае 1686 года король пытался получить решение суда, которое позволило бы ему законно обходиться без актов парламента, и уволил судей, отказавшихся это решение принять, вместе с генеральным прокурором Финчем. Была создана Комиссия по церковным делам, и ее первым актом стало запрещение епископу Лондонскому Генри Комптону критиковать политику Якова. А в начале 1687 года своих постов лишились братья Хайд — Генри Хайд, граф Кларендон, и Лоуренс Хайд, граф Рочестер. Первый уступил в Ирландии свое место католику графу Тирсоннелу, второй потерял пост лорд-казначея Англии.[269]

В литературе бытует мнение, что краху «католической революции» способствовал ее слишком быстрый ход. Мол, если бы Яков проводил ее постепенно, как советовал Папа Римский, или не так демонстративно, как советовал французский посол Поль Барильон, то, возможно, кое-что ему удалось бы сделать, ибо Англия слишком устала от политических потрясений, смут и заговоров. Но англиканская церковь в мышлении и полуторавековой исторической памяти англичан со времен Реформации при Генрихе VIII (1509–1547) связывалась с понятием свободы. То, что Генрих был королем-деспотом, многие уже предали забвению, однако помнили, что он освободил свое

королевство от власти Рима.[270] И теперь англичан пугало усиление власти короля, идеологически связанное с католицизмом.

Особым объектом ненависти протестантов был исповедник Якова иезуит Эдвард Петри. Общество Иисуса стало своеобразным интеллектуальным центром при дворе. В Оксфорде и Кембридже преподавали католики-профессора, армия активно пополнялась рекрутами из Ирландии и офицерами-католиками, которые занимали ключевые посты, судьи, которые протестовали против этих нововведений, лишались своих мест. В своем намерении полностью изменить конфессиональную принадлежность армии Яков зашел так далеко, как только мог. Даже генерал-майору Джону Черчиллю все больше казалось, что к нему, несмотря на его заслуги перед королем, относятся с подозрением. Восемнадцатилетний сын короля герцог Бервик получил назначение губернатором Портсмуга, католиками были губернаторы Гуля и Дувра. Позже, уже в изгнании, король заметил Бервику: «Всегда опирайся на католиков в войсках, без них ты никогда не будешь в безопасности». Те же нововведения коснулись и флота: его тоже возглавил католик, а на каждый корабль был назначен католический священник.

Королевская часовня в Сент-Джеймском дворце стала католической, монахи наводнили Уайтхолл и весь Лондон, открывались католические школы, активно работала католическая пропаганда. Местная администрация, Тайный совет и компании Сити освобождались от представителей англиканской веры, хотя новые лица католического исповедания имели отнюдь не лучшую квалификацию.

Главнокомандующий армией в Ирландии лорд Тирсоннел, имевший даже большее влияние на Якова, нежели отец Петри, занялся военным обучением ирландских католиков, которые по первому же сигналу могли быть переброшены в Англию. Кроме того, вокруг Лондона расположились лагерем регулярные войска в составе 15000 человек — солидное подспорье в деле наведения дисциплины в парламенте, проведения изменений в церкви и удаления строптивых судей.[271]

В условиях зреющего недовольства в стране Яков фактически поставил себя в зависимость от армии. Он считал, что создал грозную силу, какой Англия не видела со времен Кромвеля и которой никто в королевстве не мог противостоять. Но из кого эта армия состояла? Из нескольких тысяч человек различной степени лояльности короне, организованных в полки. Из нескольких сотен офицеров, разделенных на католиков, призванных ревностно служить католическому королю, и протестантов, которые

рассматривали перспективы своей службы в мрачном свете, поскольку возможности продвижения для людей их религии были весьма сомнительными. Никого не удивляло, что автор адресованного солдатам-протестантам памфлета священник Джонсон был выставлен у позорного столба и бит кнутом.

Король же вел себя так, как будто ничего не происходило. Католицизм в Англии набирал силу параллельно с легализацией деятельности нонконформистских сект, что наводило на мысль о поисках Яковом II союзников в укреплении своей власти. Король все более убеждался, что диссентеры во многом сохраняют авторитет благодаря своей стойкости к преследованиям. Об этом ему говорил проповедник британских квакеров и основатель колонии Пенсильвания в Северной Америке Уильям Пенн, имевший немалое влияние на формирование религиозной политики Якова. Поэтому 12 февраля 1687 года Яков издал в Шотландии декларацию, объявлявшую полную свободу отправления религиозных обрядов пресвитерианам, квакерам и католикам. А 4 апреля того же года вышла в свет королевская Декларация о веротерпимости, отменявшая применение уголовных законов против католиков и нонконформистов. Одним из ее авторов считается Пенн. Он же представил Якову послание от британских квакеров, благодаривших короля за религиозную свободу и выражавших надежду, что эти начинания будут закреплены актами парламента. Декларация провозглашала:

> «По нашему глубокому убеждению, не следует ограничивать свободу совести, равно как и принуждать людей в вопросах веры, ибо насилие всегда претило нашим желаниям. Кроме того, мы полагаем, прекратить принуждение было бы и в интересах самих правительств, власть которых оно сводит к нулю за счет упадка ремесел, запустения страны и отпугивания иностранных торговцев. И, в конце концов, таким путем невозможно добиться желаемого результата… Поэтому мы почли за благо изъявить нашу королевскую волю и желание, дабы незамедлительно было приостановлено действие всех законов… предусматривающих штрафные санкции за непосещение церковной службы, за отказ от приобщения святых тайн, за непринадлежность к англиканской церкви и за исповедование какой угодно иной веры. Более того, действие вышеозначенных законов, таким образом, должно быть приостановлено и впредь… Полагая, что дарованная свобода никоим образом не поколеблет мира и спокойствия в государстве, а также

обеспечит безопасную деятельность правительства, мы посему соизволяем даровать нашим возлюбленным подданным право свободно поклоняться и служить Богу в соответствии с их верой, нравами и обычаями…»

Разумеется, в декларации говорилось и о том, что король будет защищать всех архиепископов, епископов и духовенство англиканской церкви.[272] Публикуя этот документ, Яков II стремился рассеять невыгодную для королевской власти гнетущую атмосферу религиозного фанатизма. Игра казалась ему беспроигрышной. Но католические сообщества в Англии были плохо подготовлены к тому, чтобы воспользоваться возможностями, которые предоставил им их король-единоверец. С другой стороны, в Ирландии католическое духовенство было лучше организовано и успело хоть в какой-то мере воспользоваться своим новым положением, что впоследствии значительно затрудняло проведение политики Вильгельма III.

Декларация о веротерпимости Якова II отличалась в ряде важных аспектов от декларации 1672 года его предшественника Карла II, согласно которой католики и диссентеры освобождались от уголовного преследования и могли отправлять свои службы в частном порядке, но не получали полных гражданских прав. Яков II предоставлял свободу публичного богослужения и равенство в гражданских правах представителям всех вероисповеданий. С точки зрения современного понимания демократических свобод декларация выглядит достаточно прогрессивно. Но оппозиция рассматривала ее как хитрую политическую уловку. Да и сам Яков признавался французскому послу, что в глубине души хотел, чтобы католики и только католики были свободны в отправлении своей религии.[273] Впрочем, желал или не желал король навязать всем в Англии исповедуемую им веру, в данном случае не имеет значения — на фоне гегемонистских притязаний Франции и гонений на гугенотов предоставление свободы католикам все равно вызывало протест.

В июле Яков II распустил парламент, а в сентябре начал интенсивную кампанию, чтобы завоевать симпатии протестантских диссентеров и с их помощью обеспечить созыв нового парламента, более восприимчивого к его желаниям. «Лондонская газета» пестрела многочисленными изъявлениями благодарности от нонконформистов, квакеров, убежденных католиков из всех графств и городов Англии, Шотландии и Ирландии. Теперь ранее притеснявшиеся сектанты были заинтересованы в усилении власти английского монарха, а не в борьбе с ней, как это было прежде.[274] В то же время архиепископ

Кентерберийский Уильям Сэнкрофт и епископ Фрэнсис Тернер вели активную агитацию в Лондоне против религиозной политики Якова II.

Неожиданная новость в ноябре 1687 года о беременности королевы, обозначившая перспективу католического престолонаследия, произвела огромное впечатление на большинство англичан. С весны этого года лидеры оппозиции вели переговоры с Вильгельмом Оранским. В Англии постепенно назревало то, что Король-Солнце назовет «величайшим заговором». Этот заговор возник как в среде английской аристократии, так и в ближайшем окружении Вильгельма Оранского. Активную роль в нем играли супруги Черчилль. Джон имел огромное влияние в армии, а Сара — на дочь короля Анну Стюарт. В конце 1687 года Яков II путешествовал по Западной Англии с эскортом кавалерии и присоединившимися к нему в Винчестере католическими священниками. Черчилль сопровождал короля. Тогда, как утверждают его биографы, он прямо сказал своему монарху, что намерен жить и умереть протестантом. Яков в ответ заметил, что Черчилль волен исповедовать ту религию, к какой лежит его душа, а он, король, хочет благоприятствовать своим католическим подданным и быть отцом для подданных-протестантов. Но быть отцом — не значит благоприятствовать. Отец может быть излишне строгим. Из этого разговора Черчилль, да и другие недовольные тори могли сделать соответствующие выводы.

Примерно в это же время Вильгельм Оранский послал своего преданного слугу Ван Диквельта в Англию, дабы он на месте выяснил обстановку. А принцесса Анна попросила разрешения отца посетить свою сестру Марию в Гааге, но этому помешал лорд Сандерленд, который ради карьеры стал католиком или, как с иронией говорили при дворе, притворялся таковым.[275]

В январе 1688 года Яков II обратился к Папе Римскому с прошением разделить Англию на четыре округа во главе с апостолическими викариями, а в феврале выпустил прокламацию о запрещении антиправительственных и нелицензированных книг и памфлетов. И последняя искра, вызвавшая огонь оппозиции, — была переиздана Декларация о веротерпимости. 4 мая 1688 года по указу Якова ее прочитали в церквях. Церковные кафедры были самым эффективным средством общения с широкими слоями населения, поэтому король решил их использовать, дабы подготовить общественное мнение к решениям осенней сессии парламента. Вряд ли он оценил все опасные последствия своих действий. Ведь декларация встретила почти единодушный протест англиканского духовенства и объединившейся оппозиции

тори и вигов. Архиепископ Кентерберийский и шесть епископов воспротивились указу короля и даже подали петицию с просьбой вообще отказаться от декларации. В петиции, всколыхнувшей всю Англию, утверждалось, что «издание подобных деклараций не есть обязанность Вашего Величества, а только англиканской церкви…». Яков был в ярости, воскликнув: «Это типичное восстание!», и сделал ошибку, отправив авторов петиции в Тауэр.[276] Епископы стали народными героями, против их заключения выступили и поддерживавший короля Пенн, и отдельные придворные-католики, а процесс над ними получил широкий резонанс во всей Европе. Папа Римский, император Священной Римской империи Леопольд I и ряд германских князей высказались в защиту их прав. Дело кончилось тем, что лондонский суд присяжных 30 июня 1688 года оправдал епископов, и они были освобождены. Лондон ликовал: когда они вышли на улицу, многие горожане становились перед ними на колени и просили благословения.

Важным было отношение к происходящему и в армии. На смотре войск в Хаунслоу Яков услышал радостные крики. «Что за шум?» — спросил он. Ему ответили: «Ничего, Ваше Величество, просто солдаты радуются тому, что епископы оправданы». — «И вы говорите об этом „ничего“?» — возмутился король.[277]

Яков II считался неудобоваримой фигурой в европейских делах. К тому же, несмотря на довольно сильную армию и флот, английское влияние было ограниченным. Конфессиональную политику короля не понимали в Вене и Риме, а нейтральная и колеблющаяся позиция Англии в международных делах приравнивалась к фактической поддержке Франции. Еще в конце 1686 года в Лондоне появился анонимный памфлет «Намерения Франции, обнаруженные против Англии и Голландии». В нем говорилось, что «Франция желает взять Англию под свой контроль, сделать ее нейтральной и безопасной, ибо знает, что Англия способна предотвратить ее наступление на Европу… Если бы король Англии соизволил открыть глаза и принять во внимание свои силы и интересы, он бы стал играть другую роль среди государей Европы, нежели в последние годы… Король Англии должен заслужить любовь народа, добиться взаимопонимания с парламентом и вступить в прочный союз с Голландией».

Весной 1688 года, когда в Лондоне распространились слухи, что «папистские легионы» графа Тирсоннела готовы выступить из Дублина, бывший министр Карла II лорд Денби собрал видных вигов, среди которых были герцоги Шрюсбери, Девон и другие, в

надежде составить новый заговор против короля. Шла активная агитация в армии, и некоторые наиболее горячие головы предлагали даже убить Якова.

Король, по сути дела, оказался в изоляции. Несмотря на смену лордов-наместников в ряде графств (теперь католики и протестанты занимали эти посты уже в равной пропорции), пала последняя его опора — провинциальные джентри и земельная аристократия отказались заявить о своей благонадежности. Герцог Бервик в своих «Мемуарах» впоследствии написал: «Король Англии желал править лично, как и его предшественники, игнорировал силу парламента и распространял католическую религию… Его Величество не слушался короля Франции, который советовал ему укрепить английский трон, подумать о медленных реформах… Король Яков очень вдохновился отменой Нантского эдикта…».[278]

В тот день, когда были освобождены отважные епископы, то есть 30 июня 1688 года, в лондонском особняке лорда Шрюсбери было составлено официальное приглашение Вильгельму Оранскому занять английский престол, поскольку «народ неудовлетворен нынешним правлением в отношении религии, свобод и собственности». Под письмом подписались семеро — Шрюсбери, Девон, Денби, Лэмли, Рассел, Сидней, а также лондонский епископ Комптон, духовный наставник принцессы Анны. Черчилль 4 августа написал принцу Оранскому: «Мою честь я отдаю в Ваши руки, в которых, я не сомневаюсь, она будет спасена. Если… я должен что-то сделать, дайте мне знать…»

Но ничего в те дни не могло поколебать веру Якова в то, что Бог на его стороне. Разве королева Мария Моденская, которая не могла родить в течение пятнадцати лет, не дала жизнь младенцу? Король пребывал в состоянии эйфории — 10 июня 1688 года у него родился сын, Джеймс Френсис Эдвард, наследник. Это обстоятельство и подтолкнуло Вильгельма III ускорить развязку. «Сейчас или никогда», — заявил он, когда услышал о рождении католического наследника английского престола. В Англии поползли слухи о том, что настоящий принц Уэльский родился мертвым и его по приказу короля подменили другим младенцем. В немалой степени эти слухи подогревались пропагандой из Нидерландов.[279]

Тем временем в Королевском совете готовили списки кандидатов, одобренных королем, в новый парламент. 24 августа на заседании совета Яков II заявил, что парламент соберется 27 ноября.

Иностранцу, попавшему тогда на Альбион, могло показаться, что все вокруг пело и шумело. С 1687 года отовсюду неслась

баллада «Лиллибурлеро», которая помогала англичанам «делать историю». В Лондоне ходила ее версия в изложении вигского пропагандиста лорда Тома Уартона, но предположительно эту песню сочинил ирландский солдат. В ней говорилось о том, что армия ирландских папистов во главе с Тирсоннелом собирается выступить в Англию и перебить всех протестантов, что королевство продано Людовику XIV, что закон и церковь в опасности. Но освободитель придет из-за моря.

Ну почему он так долго медлит?
Лиллибурлеро-ля-ля!
Клянусь моей душой —
Дует протестантский ветер!

Люди пели о том, что если ветер постоянно будет дуть с востока, то корабли Тирсоннела не смогут отплыть из гавани Дублина. И возможно, другой флот с другой армией появится у английских берегов, чтобы защитить «религию и нацию».[280]

10 октября Вильгельм III опубликовал в Гааге свою декларацию, в которой обещал явиться в Англию и помочь англичанам сохранить «протестантскую религию, свободу, собственность и свободный парламент». Декларация была отпечатана в 50 000 экземплярах на разных языках — английском, голландском, французском и латинском. Это была уже пропаганда в европейском масштабе.

Голландскому статхаудеру часто приписывают слова, якобы сказанные на заседании Генеральных Штатов Голландии 12 октября 1688 года: «Я хочу сделать сюрприз всей Европе, обрадовав протестантов и ужаснув католиков».[281] Однако Вильгельм не был воинствующим протестантом. Человек здравомыслящий, он не был ярым врагом католицизма, придерживался веротерпимости там, где это было необходимо по политическим мотивам, и не вынашивал идей насильственного распространения протестантского вероучения. От него ждали решительных действий не только протестанты. Правители многих европейских государств полагали, что принц Оранский, заняв английский трон, станет достаточно сильным противовесом Людовику XIV, как оно и получилось впоследствии.

Достижения Короля-Солнца оценивали в Европе весьма высоко, но благодаря этим достижениям его и боялись. Очень сильно в международном общественном мнении ему повредила отмена Нантского эдикта в 1685 году. Массовый исход гугенотов из Франции революционизировал кальвинистскую доктрину, объявившую Людовика королем-тираном, сопротивляться

которому не будет грехом. Соответственно неуклонно росла репутация статхаудера Соединенных Провинций, протестанты всех стран видели в нем защитника истинной веры и «нового Давида».

Отмена Нантского эдикта была призвана усилить власть Людовика внутри страны и добиться не только политической, но и духовной гегемонии Франции за ее пределами. Получились почти противоположные результаты. Этот акт дал лишние козырные карты в руки Вильгельму Оранскому и оттолкнул от Франции почти всех ее немногочисленных союзников. Преследованиями гугенотов Людовик XIV рассчитывал получить признание и помощь Рима и этим нейтрализовать своего главного противника — Священную Римскую империю. Но как папа, так и император Леопольд I считали, что французы скорее преследуют не религиозные, а политические цели. Это ясно проявилось в 1683 году, когда турки осадили Вену, а Людовик не только не оказал ей никакой помощи, но еще и тайно подзадоривал османов. И только благодаря вмешательству конницы польского короля Яна Собеского, ударившей в тыл туркам, осада была снята, а имперская армия погнала противника на восток. Вступление на английский престол короля-католика привело к сплочению германских князей вокруг императора. В 1686 году под патронажем Папы Римского Иннокентия XI была создана Аугсбургская лига, объединившая противников Короля-Солнца.

Людовик XIV слал тревожные письма в Лондон, предупреждая Якова II о нависшей над ним опасности. В Париж ежедневно поступали сведения о приготовлениях Вильгельма III. В сентябре 1688 года французский посол в Гааге д'Аво сообщал, что у статхаудера 70 военных кораблей и 500 вспомогательных судов и что принято решение «высадить десант в Англии с личным участием принца Оранского». Людовик XIV заявлял, что предоставит деньги и военную помощь английскому королю в любой момент.[282] Решительная французская позиция могла послужить Якову спасительной опорой, но — и это поражало его окружение — он вел себя так, словно Франция является его противником, и даже нейтралитет по отношению к ней считал излишним. Возможно, король до последнего момента не признавал наличие кризиса в стране и не верил в то, что зять может лишить его престола.

Впрочем, кое-какие превентивные меры были им приняты. Яков II издал прокламацию, в которой обещал восстановить все прежние хартии и созвать «свободно избранный парламент». Началось восстановление на прежних постах чиновников и военных англиканского вероисповедания. Однако эти судорожные

попытки выправить положение запоздали.

Вильгельму помогал не только протестантский ветер. Людовик XIV начал войну за Пфальцское наследство, которую чаще называют войной Аугсбургской лиги (1688–1697). Еще в 1671 году курфюрст Пфальцский Карл I Людвиг женился на дочери брата французского короля Филиппа Орлеанского Елизавете-Шарлотте. В 1685 году его сын курфюрст Карл II умер, не оставив наследника. Согласно его завещанию, владения Пфальца должны были перейти к немецкой ветви Нейбургов. От имени герцогини Орлеанской свои притязания на пфальцское наследство не преминул выдвинуть и Версаль. Новый курфюрст Филипп-Вильгельм отказался поделиться с Людовиком частью своих земель, и в результате 70-тысячная французская армия в начале сентября 1688 года вступила в Пфальц, пройдясь по его земле огнем и мечом.

Операция затянулась из-за месячного сопротивления крепости Филиппсбург, что было большой удачей для Вильгельма Оранского, поскольку после Германии король Людовик планировал совершить удар по Нидерландам. Демонстрируя лояльность зятю, Яков II выразил протест против вторжения Людовика XIV в Пфальц: в конце сентября 1688 года чрезвычайный английский посол в Гааге д'Альбувилль вручил меморандум депутатам Генеральных Штатов с предложением предпринять с другими государствами совместные действия против Франции. Но Вильгельм был очень заинтересован в том, чтобы Франция увязла в Германии. Это развязывало ему руки в отношении «английского проекта». Король-Солнце явно недооценил его возможности, не зная, очевидно, сколь серьезными средствами располагает Вильгельм.

Статхаудер Нидерландов был одним из богатейших людей в Европе. Принц Оранский получал ренту из своих владений, составлявших примерно треть республики, доход от должности статхаудера и командующего армией, дивиденды от 3,5 процентов акций Голландской Ост-Индской компании. К тому же в 1688 году затихло долгое противостояние между принцем и амстердамскими купцами. Богатый Амстердам одобрил планы Вильгельма в отношении Англии и согласился частично оплатить их реализацию.

В сущности, к действиям принца Оранского Европа была готова. В октябре 1688 года польский посол в Гааге докладывал в Варшаву, что мир находится накануне одного из наиболее замечательных событий в истории и «голландцы убеждены, что они не будут столь неудачливы в своих планах высадки на английский берег, как в 1588 году Филипп II Испанский». Почти

со всеми противниками Франции у статхаудера имелись договора либо о нейтралитете, либо о союзе. Вильгельм III письменно заверил императора Леопольда I, что не имеет намерений причинять зло Якову II и преследовать католиков в британском королевстве. Нейтральной была и позиция Папы Римского Иннокентия XI, которого Людовик называл «антипапой» за прохладное отношение к своим «католическим деяниям».[283]

В окружении Якова II полагали, что голландцы высадятся на восточном побережье. В распространении слухов об этом распорядился сам принц, проинструктировавший своих агентов дезинформировать англичан. Поэтому королем была организована защита городов и портов на юго-восточном побережье Англии.

Голландский статхаудер сумел избежать ошибок испанской Великой армады. Послужили ему уроком и неудачные попытки голландцев достичь берегов Англии во время трех недавних англо-голландских войн. Поэтому для начала он создал удобные коммуникации на голландском берегу. Поначалу вторжение планировалось на конец сентября, однако выступил флот только 19 октября и из-за сильного шторма вынужден был вернуться назад, причем часть кораблей была потеряна. На бирже Амстердама резко упали акции Голландской Ост-Индской компании. Пожалуй, любой человек, но только не принц Оранский с его железным характером, подумал бы, что это конец. Вильгельм же просто купил новых лошадей взамен той тысячи, которая погибла в шторм, и дождался, пока погода улучшится. Когда же 11 ноября «католический» западный ветер сменился на восточный «протестантский», голландский флот наконец снялся с якоря.

Любопытно, что в «Лондонской газете» в начале ноября 1688 года были опубликованы сведения об армии Вильгельма: пехотинцев — 10 692, конных — 3660, итого — 14 352 человека плюс 635 матросов. Но сведения эти были неполны, поскольку агенты статхаудера активно дезинформировали англичан.

15 ноября 1688 года флотилия в составе 60 военных кораблей появилась у юго-западных берегов Англии — в гавани Торбей графства Девоншир. «Его флаг был английских цветов, его лозунгами были: протестантская религия и свобода Англии», — писал один из офицеров, принимавших участие в экспедиции. Армия Вильгельма представляла собой экзотическое зрелище. Во-первых, это была протестантская Европа в миниатюре — в экспедиции участвовали не только голландцы, но и шведы, датчане, финны, пруссаки, французские гугеноты и, конечно же, англичане и шотландцы. Во-вторых, в составе этой армии

находились мамелюки в тюрбанах, подаренные Вильгельму императором Леопольдом, чернокожие солдаты из голландской Вест-Индии и даже католики. Принц Оранский хотел сначала высадиться севернее, где его ждали знатные заговорщики во главе с Денби. Но ветер увлек его в Дуврский пролив. Вспомнив о годовщине Порохового заговора (15 ноября 1605 года), принц Оранский не преминул заметить епископу Бернету: «И что вы теперь думаете о предопределении?»

После высадки Вильгельм III был провозглашен регентом королевства. Его армия начала движение к Лондону, остановившись через четыре дня лагерем в Эксетере, чтобы дать возможность Якову II сориентироваться в обстановке и удалиться. Принц Оранский не желал кровопролития. В Эксетере он выпустил свою вторую декларацию, где заявлял, что не имеет намерений захватить абсолютную власть и узурпировать корону, а просит совета пэров королевства, как ему поступить. Декларация обещала, что все паписты будут арестованы и против них будут изданы соответствующие законы.[284]

Известие о высадке зятя не было для Якова, находившегося в тот момент за обеденным столом, громом среди ясного неба. Он закончил прием пищи, затем сел на коня, вызвал к себе принца Георга Датского, Черчилля и других офицеров и поскакал с ними в Солсбери, где назначил сбор королевской армии. По пути лицо уже немолодого короля так раскраснелось, что пришлось сделать остановку, — Якова чуть не хватил инсульт. В кризисный момент король располагал, по сути, такой же мощной военной силой, как и Оливер Кромвель. Он надеялся запереть силы Вильгельма на западе королевства и блокировать его морские коммуникации. Против статхаудера была собрана армия в 40 000 человек плюс 3000 из Ирландии и 4000 из Шотландии. Командующим был назначен получивший звание генерал-лейтенанта Джон Черчилль. 7000 солдат остались защищать Лондон. 19 ноября король прибыл в Солсбери и был удовлетворен: такой большой и хорошо обученной армии Англия еще не видела. Кроме того, у Якова был в распоряжении флот, проверенный в войнах с Нидерландами, — 47 военных кораблей с 12 303 моряками на борту.

Но эта армия только выглядела внушительной. В том морозном и исключительно ясном ноябре на короля сыпались удар за ударом. Еще до поездки в Солсбери ему сообщили, что старший из трех сыновей графа Кларендона, офицер королевской гвардии лорд Корнбери, ушел в лагерь Вильгельма с двумя сотнями всадников. Младшая дочь Якова, принцесса Анна, написала Вильгельму, что ее муж отправился с королем к армии, сама она «еще не знает, что будет делать — останется или

покинет столицу, все зависит от совета друзей». Скоро под воздействием ближайшей подруги Сары Черчилль принцесса решилась: они вместе двинулись с небольшим эскортом в Ноттингем, где их приветствовал лорд Девонширский, занявший этот город для Вильгельма. По пути их нагнал покинувший Якова принц Датский.

Армия рассыпалась. Лорд Февершем, заподозрив Черчилля в неблагонадежности, посоветовал королю арестовать его как изменника, и тот понял, что медлить нельзя. Поступить так, как Георг Датский, Черчилль не захотел. Ночью 23 ноября 1688 года он собрал военный совет, на котором предложил офицерам и солдатам не препятствовать голландской экспедиции. Возражений почти не было. После чего в сопровождении герцога Графтона и 400 всадников он поспешил навстречу принцу Оранскому.

Примечательно, что перед окончательным выбором Черчилль написал письмо королю, в котором объяснял причины своего поступка. Он скромно заметил, что не надеется получить от Вильгельма так много, как получил от Якова, но сейчас наступил именно тот момент, когда в политике высокие принципы преобладают над личными интересами. Под письмом стояла подпись: «Самый обязательный и послушный придворный и слуга Его Величества».[285] Неизвестно, как в душе отреагировал на это король. Но одно, пожалуй, он понял — что удача от него окончательно отвернулась.

Фактически Яков уже потерял королевство. В Йоркшире Вильгельма поддержал граф Денби, в Чешире — лорд Деламер, лорд Бат открыл перед принцем Оранским ворота Плимута, лорд Шрюсбери взял для него Бристоль. Ставший впоследствии адмиралом капитан Бинг прибыл в штаб-квартиру статхаудера и сообщил, что Плимут и весь флот в его распоряжении. Английские города один за другим признавали Вильгельма.

Осознав свое положение, Яков отправил королеву вместе с сыном во Францию. Затем он созвал оставшихся в Лондоне членов Тайного совета и с их согласия вступил в переговоры с принцем Оранским, армия которого шла к столице. Вильгельм выдвинул такие условия: все паписты должны быть удалены из кабинета, Тауэр и форт Тилбери должны перейти в руки Лондонского совета, ни одна из армий — и Якова, и самого Вильгельма — не должна подходить ближе 30 миль к столице. Тогда король может быть уверен, что ему дадут покинуть Англию. Поначалу Яков заявил, что ничто не заставит его уехать; затем все-таки бежал.

Ночью 11 декабря он тайно покинул Уайтхолл, перебрался

через Темзу и устремился к побережью. Напоследок он попытался дезорганизовать управление своим уже бывшим королевством — выбросил в Темзу государственную печать, приказал преданному Февершему распустить остатки армии, а адмиралу Дартмуту — отплыть на оставшихся кораблях в Ирландию. По Англии с быстротой молнии разнеслись слухи об избиениях протестантов в Ирландии. В Лондоне разъяренная толпа стала громить иностранные посольства, город охватила паника, за которой последовала волна террора, получившая название «Ирландская ночь». Только решительные действия Лондонского совета успокоили бурю. Совет признал власть Вильгельма и сообщил ему, что «ожидает счастливого прибытия его милости принца Оранского в Лондон» и просит «защитить протестантскую религию, сохранить королевство от рабства и папства, созвать свободный парламент, гарантировать соблюдение законов и свобод жителей королевства».

Несчастья продолжали преследовать Якова. Корабль, на котором он был должен отправиться во Францию, еще не был готов к отплытию. Находясь в ожидании, 16 декабря он попал в руки рыбаков, принявших его за иезуита, и был отправлен обратно в Лондон. Тремя днями ранее бесновавшаяся лондонская толпа встретила бывшего короля довольно спокойно — он уже был в прошлом. Через несколько дней томительной неопределенности Якову позволили уехать. 19 декабря голландский эскорт доставил его на корабль, который навсегда увез его во Францию. Погода была ужасной, мокрый ветер пронизывал до костей, и по пути к берегу кучер кареты, в которой ехал Яков, ворчал, имея в виду духовника Якова: «Бог проклял отца Петри. Без него мы бы не были здесь». Вильгельм разрешил всем сторонникам Якова последовать за своим королем. Исключение составил судья Джеффрис, которого заключили в Тауэр, где он вскоре скончался.[286]

В литературе о герцоге Мальборо существует мнение, что его жена Сара была чуть ли не ключевой фигурой событий ноября 1688 года. Дескать, без нее Анна Стюарт вряд ли бы покинула Лондон, а без одобрения супруги Черчилль, возможно, не предал бы короля. А в сумме эти два условия сыграли решающую роль в низложении Якова II. Не умаляя воздействия Сары Черчилль на произошедшие события, поставим вопрос: а имели ли бы они место, если бы четы Черчиллей не существовало вовсе? Определенно да. Принцессу Анну подтолкнул бы к действию часто посещавший ее лондонский епископ, а Черчилль был не единственным офицером, дезертировавшим из королевской армии. «Славная революция», являясь и «делом Провидения» и

включая в себя случайные моменты, была естественным «корректирующим» английское политическое и правовое устройство событием с наличием мощного катализирующего внешнего фактора — экспедиции Вильгельма Оранского. Мировоззрение большинства англичан, пригласивших голландского статхаудера на свой престол и принимавших активное участие в событиях 1688 года, формировалось в гражданских войнах и политических потрясениях середины XVII века. Черчилли, только родившиеся в то время, были слишком молоды, чтобы полностью осознать необходимость перемен. Но, как умные дети Реставрации Стюартов, они чувствовали, откуда дует ветер. И потому сыграли в 1688 году значимую роль.

Яков II Стюарт и Вильгельм III Оранский не были противоположностями лишь в том смысле, что оба считали монархический способ правления единственно правильным. Но в остальном разница между этими двумя людьми была существенной. Один — католик, не терпящий возражений; другой — протестант, готовый, если нужно, идти на компромиссы. Реформы Якова — это, по сути, реформы военного диктатора. Вильгельм же, проанализировав английскую и европейскую ситуацию и сделав из нее соответствующие выводы, проводил политику умеренного республиканизма. Относительно мирный характер «Славной революции» во многом был обусловлен его готовностью к конституционным реформам.

В основе размежевания лагерей Якова II и Вильгельма III находилась сложная комбинация политических, конфессиональных, этнических и региональных факторов. Конфликт, приведший к низложению Якова в ходе «Славной революции», носил религиозно-политический характер. Истинный католицизм и одновременно политическая веротерпимость короля служили идеологическим оформлением его главной цели — усиления института монархической власти, а в рамках этого института — усиления собственной власти. Абсолютизм Людовика XIV, ограниченный государством, уже не был для него идеалом. Яков не желал никаких ограничений со стороны государства, зашедшего, однако, в своем правовом развитии куда дальше, чем Франция. По большому счету у него, кроме маршала Тюренна, не было образцов, на которые хотелось бы равняться.

Но хотя английский король и придерживался консервативного политического курса, своей задачей он видел его приспособление к новым реалиям, а не возвращение в прошлое. И нельзя сказать, что его политика не достигла определенных результатов. У него, в конце концов, было немало сторонников, которые и стали основой движения якобитов.

Яков был принят Людовиком XIV, который предоставил ему содержание и отдал в его распоряжение дворец Сен-Жермен-ан-Ле. Тем временем Вильгельм собрал парламент, который объявил, что король, бежав во Францию и бросив Великую печать в Темзу, тем самым отрекся от престола; следовательно, трон вакантен. В январе 1689 года дочь Якова Мария была провозглашена королевой, а Вильгельм — королем. Вслед за этим Яков был лишен шотландского трона. В декабре 1689 года английский парламент принял «Билль о правах», который, зафиксировав ограничения прав монарха в пользу высшего представительского органа, осудил Якова за злоупотребление властью. Отныне ни один католик не мог стать английским королем и ни один король не мог жениться на католичке.[287]

Лишенный трона король еще накануне бегства во Францию позаботился о создании базы сопротивления Вильгельму Оранскому. Он назначил поверенных в своих делах в Шотландии, а англиканским епископам пообещал, что в его Тайном совете больше не будет католиков. Государственные секретари Престон и Мидлтон по его приказу остались на Альбионе и вошли в контакт с теми представителями элиты, которые открыто не поддержали Вильгельма.

Сильны были позиции Якова в Ирландии. Сопротивление англичанам имело там глубокие корни, и подавлялось оно всегда с особой жестокостью по отношению к местным жителям, преимущественно католикам. Земельные собственники, которых затронули кромвелевские конфискации, мечтали о восстановлении своих владений и политического влияния; торговцы желали вернуть свои привилегии; поэты выступали за употребление своего языка; политики, а с ними и церковь хотели восстановить католицизм. Поэтому не удивительно, что Людовик XIV избрал базой для войны против Вильгельма Оранского именно Ирландию: сторонников свергнутого монарха здесь было более чем достаточно. В 1686–1688 годах Яков II гарантировал ирландским католикам не только свободу богослужения, но и преобладание в местных органах власти. В итоге к ноябрю 1688 года католики контролировали администрацию в Дублине, судопроизводство, армию, милицию и другие институты. В адрес Якова II непрерывно на протяжении его правления поступали изъявления благодарности от ирландских подданных и местных властей.

Якова II в Ирландии представлял ярый католик граф Тирсоннел, ставший после «Славной революции» главой ирландского сопротивления и союзником Людовика XIV. Тирсоннел пользовался особым расположением короля; по его

совету была проведена реформа ирландской армии, а местная администрация получила большую автономию.

В конце февраля 1689 года 14 французских кораблей направились к берегам Ирландии. На борту одного из них находился свергнутый король; он высадился в местечке Кинсале и соединился с Тирсоннелом. Людовик XIV был готов поддерживать его, но в основном денежными субсидиями, поскольку сам вел войну на континенте и солдаты нужны были ему самому; поэтому с Яковом высадилось лишь несколько тысяч французов. В качестве советника экс-монарха подвизался бывший посол Франции в Нидерландах граф д'Аво.

11 мая 1689 года французский и английский флоты под командованием соответственно адмирала Шато-Рено и адмирала Герберта встретились у Бентри-Бей. Битва была недолгой и почти без потерь с обеих сторон. Шато-Рено вернулся в Брест, высадив в помощь ирландцам около 10000 французских солдат. После его ухода Вильгельму III не составило труда переправить в Ирландию большую армию. По прибытии в Белфаст, по словам французского гугенота и участника тех событий Исаака Дюмона де Бостака, Вильгельм «ожидал полного успеха кампании, как это было в Англии».[288]

Не считая французских солдат, ему противостояло около 50000 человек, именуемых ирландской армией. Это была, в сущности, полуголодная толпа, состоявшая из необученных крестьян, вооруженных палками вместо ружей. Граф д'Аво и французские офицеры предлагали бывшему королю оставить в деле только регулярную армию — 20 000 пехотинцев, 3000 кавалерии и 2000 драгун, — а остальных отправить по домам. Но Яков отказался и в результате стал командовать не понимавшей приказы толпой. Д'Аво метко отметил, что «он старался утаить от самого себя все, что могло доставить ему огорчение».

10 июля 1690 года французский флот, которым командовал адмирал де Турвилль, встретился с англо-голландским флотом под командованием лорда Торрингтона. Турвилль располагал 100 прекрасно оснащенными кораблями, тогда как у Торрингтона их было всего 68. Французский флот одержал внушительную победу, однако радости известие об этой победе Якову не доставило, поскольку, когда оно пришло, он уже потерпел сокрушительное поражение на суше. Теперь основная миссия флота заключалась в эвакуации несчастного монарха и французских войск из Ирландии.

Глубоко разочарованный, Яков явился в Дублин и там с горечью сказал сестре Сары Черчилль леди Тирсоннел: «Мадам, ваши соотечественники бежали!» Она попыталась утешить его:

«Ваше Величество, вы одержали моральную победу, поскольку ирландцы не заслужили такого вождя, как вы».

Решив, что дело проиграно, Яков отбыл во Францию. Тирсоннелы также не задержались на ирландской земле. В это время 5000 французских солдат еще оставались на юге Ирландии, держался осажденный Вильгельмом Лимерик и хранили верность Якову стратегически важные гавани Корк и Кинсале на юге. Поэтому ирландские сторонники Якова сочли его отъезд дезертирством и прозвали его «нагадивший Яков».[289]

В Шотландии якобиты выступили под предводительством графа Джона Грэма Данди. Осенью 1689 года в битве при Килликранки Данди нанес поражение войскам Вильгельма III. Но затем удача изменила графу: он был схвачен и повешен, а его армия рассеялась.[290]

Король-эмигрант не прекратил борьбу за потерянный трон, постоянно предлагая Людовику XIV новые планы вторжения в Британию. Тем более что якобиты уверяли его, будто вся страна только и делает, что ждет возвращения изгнанного короля. Военный министр Франции маркиз де Лувуа, будучи невысокого мнения о политических и военных талантах Якова и учитывая расходы королевства на других театрах войны за Пфальцское наследство, советовал Людовику XIV не реагировать на эти идеи. Но в 1691 году Лувуа скончался, а ситуация на Альбионе казалась из Франции благоприятной для атаки. Создавалось впечатление, что от Вильгельма отшатнулась значительная часть английской политической элиты.

Вильгельм III знал, что честолюбивый Джон Черчилль, уже получивший титул графа Мальборо, но считавший, что новый король недостаточно вознаградил его за оказанные услуги, состоит в переписке с Яковом. Он знал, что и другие придворные, например друг Черчилля Сидней Годолфин и командующий флотом адмирал Рассел, переписываются с бывшим королем. Он также был проинформирован, что Мальборо советовал принцессе Анне Стюарт наладить отношения с отцом. Но до поры до времени Вильгельм смотрел на все это сквозь пальцы, понимая, что такие люди, как Мальборо, связаны с ним не столько узами лояльности и преданности, сколько в силу личного интереса, поскольку от Якова они не получили всего того, чего желали. Все это происходило на фоне непрерывных дискуссий в парламенте о престолонаследии. В то время как виги единодушно утверждали, что трон никогда не будет вакантным для наследников Якова II, многие тори придерживались прямо противоположного мнения.

«Бойся гнева терпеливого человека», — очень точно выразился поэт-остроумец Джон Драйден. Вильгельм уделял

большое внимание расширению своей разведывательной сети. Наряду с его другом-голландцем Бентинком и Генри Сиднеем английской секретной службой руководил Дэниел Финч, граф Ноттингем. Анализ переписки графа показывает, что он использовал все средства добычи информации — создание агентуры, перехват корреспонденции иностранных дипломатов, допросы подозрительных лиц, вербовку добровольных информаторов. В 1692 году Ноттингем поручил активному проповеднику революционной кальвинистской доктрины пастору Пьеру Жюрье наладить шпионаж во французских портах. Созданное Жюрье в Роттердаме бюро получало от своих агентов и пересылало в Лондон сведения о якобитах. Английская разведка не раз прибегала к испытанному тактическому приему: не располагая прямыми уликами против отдельных подозреваемых, она старалась скомпрометировать их с помощью провокаторов, а если и это не удавалось — добивалась их осуждения на основании ложных показаний. Не раз случалось так, что якобитов, активно действовавших против Вильгельма Оранского, судили за участие в заговорах, выдуманных провокаторами, в чьих показаниях обрывки истинной информации сочетались с причудливыми фантазиями (иногда, впрочем, частично совпадавшими с действительностью). Двор Якова II в Сен-Жермене кишел английскими шпионами, умудрявшимися красть секретные письма в прямом смысле из платья Марии Моденской и посылать их копии в Лондон.

В конце 1691 года Вильгельм получил от Бентинка известие о заговоре с целью свергнуть его и супругу с трона и возвести на престол Анну Стюарт. Он был прекрасно осведомлен о том, что говорилось и делалось в резиденции принцессы в Кокпите, ставшем центром оппозиции, и знал, что Анна в письмах к Саре называет его «Калибаном, монстром и недоноском».

К этому времени взаимные чувства сестер совсем остыли. Мария посылала маленькому и подвижному сыну Анны герцогу Глостеру игрушки, но запрещала играть во дворце. Как раз накануне нового 1692 года принцесса получила анонимное письмо, в котором говорилось, что она в Кокпите находится на положении «высокого заключенного» и в «руках Королевской гвардии». И далее: «Если вы сами не удалите от себя супругу лорда Мальборо, Вас обяжут сделать это… Лорд Мальборо будет осужден, как только соберется парламент».

Эти сведения оказались верны. В одно прекрасное январское утро Черчилль зашел к королю и не нашел ничего необычного в его манере общаться с ним. Но после обеда его посетил лорд Ноттингем и объявил, что король не нуждается в его службе и

смещает со всех постов. Его жене было официально приказано покинуть двор, и Анна Стюарт, в знак солидарности, последовала за ней. Принцесса заняла дворец герцога Сомерсета и перевела туда все свое окружение. Более того, спустя несколько месяцев Джон Черчилль был арестован и заключен в Тауэр. Правда, через два года Тайный совет отверг предъявленные ему обвинения в участии в якобитском заговоре. Черчилль был отпущен под залог и покинул Тауэр. Ему еще предстояло великое будущее.

Надо сказать, что с 1690 года среди английских политиков находилось все больше недовольных военной политикой Вильгельма III и вызванным ею ростом налогов. Многих раздражало то, что новый монарх раздает высшие государственные должности, титулы и поместья иностранцам, в первую очередь голландцам. С другой стороны, кое у кого возникли надежды, что «Славная революция» заставила Якова II пересмотреть свои политические взгляды, а значит, можно достичь с ним компромисса. Эти настроения породили несколько якобитских заговоров, среди которых стоит выделить «заговор Престона» конца 1690 года.

В нем было задействовано 46 человек — в основном представители высшей британской аристократии и должностных лиц при Якове (лорды Февершем, Монтегю, Ньюкасл, адмирал Дартмут, лидер квакеров Уильям Пенн и др.). Среди заговорщиков оказалась и бывшая любовница Якова графиня Дочестер. Лидером заговорщиков, по мнению современного американского историка У. Кэллоу, был граф Кларендон.

По плану, который бывшему королю должны были передать виконт Престон и его спутники — капитан Элиот и бывший паж Марии Моденской Эштон, предполагалось, что в конце февраля 1691 года Яков II отправится в Шотландию с 5000 шведских наемников и отвлечет на себя английские войска, после чего на Альбионе высадится французский десант. Захватив власть в Эдинбурге, якобиты намеревались при помощи небольшого шотландского флота блокировать Ньюкасл, чтобы лишить Лондон каменного угля, добывавшегося в Северной Англии. Среди условий, которые предполагалось выставить Якову, было устранение всех католиков из его ближайшего окружения, а вместо графа Мелфорта главным государственным секретарем якобитского эмигрантского правительства должен был стать виконт Престон. Но делегатам заговорщиков не суждено было доплыть до французского берега. Сначала их заподозрили в контрабанде, а затем обнаружили компрометирующие документы.

Весной 1692 года Яков издал свою первую декларацию с

момента прибытия во Францию. Этот документ, написанный в весьма резких тонах, был большой ошибкой, ибо основывался на неверных представлениях о политической обстановке на Альбионе. Объявляя амнистию всем участникам «Славной революции», декларация содержала необычно длинный список тех, кто попадал под исключение. Вильгельм III в ней уподоблялся римскому императору Нерону, а его правление объявлялось тиранией, тогда как многим было очевидно, что к единоличной власти скорее тяготел изгнанный монарх.

19 мая 1692 года английский флот одержал победу над французским у мыса Ла-Хоуг. К чести адмирала Турвилля французы не потеряли ни одного корабля, однако под мощным огнем английских пушек были вынуждены уйти в свои гавани. Ла-Хоуг, по сути, похоронил надежды Якова вновь оказаться на троне Англии, хотя попытки восстановить его на английском престоле не закончились. Да и сам он был уверен, что еще не все потеряно, и поэтому отклонил предложение Людовика XIV принять участие в выборах короля Речи Посполитой, поскольку опасался, что принятие польской короны сделает невозможным его возвращение на английский трон.[291]

В феврале 1697 года участники войны Аугсбургской лиги, которая длилась уже девять лет, начали подготовку к мирной конференции. Камнем преткновения в переговорах между Лондоном и Версалем было английское престолонаследие и статус Якова II. Вильгельм предложил супруге Якова Марии Моденской пенсию в размере 50 000 фунтов в год, что равнялось сумме, которую парламент выделил для принцессы Анны. Более того, он соглашался признать сына Якова своим наследником в случае, если тот примет англиканскую веру. Упрямый Яков не принял эти предложения. В конце концов в октябре 1697 года в Гааге был заключен Рейсвейкский мир, названный так по дворцу, в котором состоялось его подписание. Людовик XIV признал Вильгельм III королем «Божьей милостью» и дал обязательство не оказывать помощь его противникам, но изгнать Якова из Франции отказался.[292]

Таким образом, бывший король Англии потерпел поражение. Он не смог вернуть себе трон в 90-е годы по целому ряду причин. Ему не удалось привлечь на свою сторону большинство нобилитета и населения Англии и Шотландии. Его сторонники смогли закрепиться лишь на окраинах, в то время как Вильгельм контролировал политические и экономические центры. Кроме того, ресурсы Англии и Нидерландов, находившиеся в руках Вильгельма III, значительно превосходили ресурсы Якова

Ирландии и Шотландии, а помощь якобитам Франции из-за войны за Пфальцское наследство была нерегулярной и недостаточной. Заговоры якобитов в Британии терпели фиаско, поскольку они не имели широкой поддержки ни внутри королевства, ни за его пределами, хотя эмигрантский двор Якова и старался обеспечить якобитам военную, дипломатическую и финансовую помощь иностранных государств, прежде всего Франции.

Надо сказать, что двор английского короля-изгнанника в Сен-Жермене дорого стоил казне Людовика XIV. Он был довольно пышным даже в сравнении с двором Карла II, известного своим расточительством, частыми балами и пирами. Если Карл получал ежегодную пенсию от французского короля 192000 ливров, то Яков II и затем его сын Яков III («старый претендент») ежегодно располагали 600000 ливров. В 1652 году в окружении Карла II находилось 76 придворных, тогда как двор его брата состоял из 140 человек. Таким путем Франция сохраняла достоинство Стюартов.[293]

В своих знаменитых мемуарах, ставших своеобразным пособием по жизни придворного общества во Франции, герцог де Сен-Симон отмечал, что монарху-изгнаннику оказывались всевозможные почести. На торжественных обедах Яков сидел справа от Короля-Солнца, а во время посещения резиденции Людовика в Фонтенбло его размещали в покоях королевы-матери, которые не дозволялось занимать никому более. Он всегда был в курсе важнейших дипломатических шагов Версаля.[294] Такое отношение обуславливалось не только солидарностью монархов, родственными узами и элементарным сочувствием, но и тем, что французский монарх отводил изгнанным Стюартам важную роль в своей политической игре.

Последние годы жизни Яков провел в строгом покаянии. По описанию его духовника-иезуита, обычный день короля в изгнании в основном был посвящен религии: «Кроме своих личных молитв и духовного чтения, которое занимало по крайней мере час, он каждый день слушал две мессы, а иногда и три. Он также проводил некоторую часть дня в секретных молитвах в своем небольшом кабинете…» Мария Моденская тоже была весьма религиозна; племянница морганатической супруги Людовика мадам де Ментенон полагала, что набожность королевы исключительна даже для Франции.[295] В мемуаре сыну Яков давал совет, как править Англией, — католики, по его мнению, должны занимать посты государственного секретаря, лорд-канцлера и военного секретаря, а также составлять большинство среди армейских офицеров. Как видно, и в изгнании

он ни на йоту не изменил своих позиций. С другой стороны, сохранилась переписка Якова с основателем и приором ордена траппистов де Рансе, из которой очевидно, что король был вполне терпим к другим вероисповеданиям.[296]

Рейсвейкский мир и договора о разделах испанского наследства 1698 и 1700 годов между Францией, Англией и Нидерландами заставили было якобитов пасть духом, но смерть 30 июля 1700 года герцога Глостера, сына свояченицы и наследницы бездетного Вильгельма III принцессы Анны Стюарт, вновь оживила их надежды. Однако Яков II Стюарт уже не мог возглавить силы якобитов. В марте 1701 года с ним случился инсульт, у опального монарха парализовало половину тела. 16 сентября 1701 года он скончался в Сен-Жермене. Ко времени своей смерти король в изгнании был последним из живых детей Карла I и Генриетты-Марии.

Его тело в ожидании перемещения после возвращения Стюартов на трон в традиционное место упокоения английских монархов — капеллу Генриха VII в Вестминстерском аббатстве нашло пристанище в капелле Святого Эдмунда в церкви английских бенедиктинцев на улице Сен-Жак в Париже. Сердце отправили в монастырь Шайло, мозг попал в Шотландский колледж в Париже, части кишок, черепа и плоти — в церковь Сен-Жермена, оставшиеся внутренности — в Английский колледж в Сен-Омере. Многие во Франции верили, что Яков II скончался в ореоле святости, и в 1734 году архиепископ Парижа искал доказательства в поддержку канонизации Якова, но у него ничего не вышло. Во время французской революции гробница Якова подверглась разграблению.[297]

Открыто пренебрегая положениями Рейсвейкского мира, Людовик XIV, по совету своего военного министра Шамийяра и вняв мольбам королевы Марии Моденской, признал права сына Якова Джеймса Фрэнсиса Эдварда на английский и шотландский престол под именем Якова III и Якова VIII. Людовик считал, что «некогда король — всегда король». Мария Моденская была согласна с тем, что, пока Вильгельм Оранский является де-факто королем Англии, Джеймс-Фрэнсис-Эдвард должен оставаться частным лицом, но если он откажется от королевского титула, то откажется и от своих легитимных прав по рождению. Впрочем, Людовик руководствовался прежде всего политическими мотивами. Этот акт мог быть ответом на «предательство» Вильгельма Оранского и его союз с императором Леопольдом I. И возможно, права Якова III юридически и идеологически идентифицировались во Франции с правами внука Людовика на

ставший вакантным к тому времени испанский трон, на который претендовал и сын Леопольда. Скоро в Европе вспыхнет война за Испанское наследство (1701–1714), в которой Франция продемонстрирует свою силу, но потеряет гегемонию.

Так или иначе, но именно признание прав претендента Версалем заставило Вильгельма III начать подготовку к войне и сплотить общественное мнение в Англии вокруг своей дипломатии. В июне 1701 года парламент принял обеспечивавший протестантское престолонаследие в Англии «Акт об устроении», в соответствии с которым преемницей Анны Стюарт на троне назначалась ее двоюродная тетка, дочь сестры Карла I Елизаветы — ганноверская курфюрстина София.[298] В 1702 году Вильгельм умер, и на престол взошла младшая дочь Якова Анна. Она пробыла королевой двенадцать лет и на месяц с небольшим пережила Софию; ей в 1714 году наследовал сын Софии — ганноверский курфюрст, ставший королем Георгом I.

Джеймс-Фрэнсис-Эдвард не сложил оружия, и в 1715 году поднял восстание в Шотландии, надеясь на помощь Испании и Франции, но был разбит. В 1745 году якобиты поднялись опять под знаменами внука Якова II Чарльза-Эдварда Стюарта и опять потерпели поражение. С тех пор серьезных попыток вернуть Стюартам британский престол не предпринималось. Притязания Чарльза перешли к его младшему брату Генри-Бенедикту Стюарту, дьякону Коллегии кардиналов католической церкви. Генри был последним из легитимных наследников Якова; у него не было родственников, которые могли бы публично заявить о правах на трон после его смерти в 1807 году. Что же до потомства внебрачных детей Якова II Стюарта, то оно существует и сегодня: в частности, потомками Генриетты Фитцджеймс (и соответственно Черчиллей) через свою мать Диану Спенсер являются внуки Елизаветы II принцы Уильям и Гарри.

В заключение скажем, что связывать мировоззрение и политику Якова Стюарта только с католицизмом, совмещенным со стремлением к абсолютной власти, или только с борьбой за власть придворно-аристократических элит будет неполным. Шла борьба за власть между религиозно-политическими союзами, и это было продолжением «конфессионального века».

Жизнь Якова II, являвшего собой, по сути, прообраз военного диктатора, в реальности была драмой — драмой чужака, дважды изгнанника, воспринявшего континентальную культуру и причудливо преломившего ее через свое восприятие мира, на которое решительным образом повлияли потрясения, пережитые Англией в середине столетия.

Послесловие

Завершение стюартовского века ознаменовалось появлением конституционной монархии в Англии и окончанием «малого ледникового столетия» в Европе. Однако читатель оправданно может возразить автору: а как же Мария и Анна Стюарт? Не стоит ли стюартовский век завершить в 1714 году?

Думается, не стоит, ибо развитие Британии после 1688 года имело уже иное качество — начался долгий путь формирования правового государства. Да и представители династии выглядели иначе. Вильгельм III Оранский, как известно, был Стюартом по женской линии. Его супруга Мария II Стюарт (1689–1694) стала королевой Англии и Шотландии и соправительницей мужа (или, точнее, Вильгельм был ее соправителем) в результате политического компромисса. Не будь пара бездетной, на английском престоле утвердилась бы Оранская династия. В династической Европе ее модель основывалась на архаическом образце с опорой на раннесредневековых бриттов, когда правитель избирается высшими представителями общества. Мария доверяла государственные дела супругу, которого она самоотверженно любила, и говорила о себе самой: «Я живу, как монахиня». Она старалась не вмешиваться в большую политику, больше занимаясь благотворительной деятельностью. По ее инициативе были основаны Колледж Вильгельма и Марии в Вильямсбурге (Виргиния) и Королевская больница для моряков в Гринвиче. Лишь во время военных походов Вильгельма в 1690 году в Ирландию и в 1692 году в континентальную Европу королева брала на себя политическое руководство и принимала некоторые важные решения.

Ее сестру королеву Анну наиболее образно, но не без заметной иронии и с французской точки зрения, охарактеризовал Виктор Гюго в своем знаменитом романе «Человек, который смеется»: «Подобно Людовику XIV, она играла в „великое правление“: у нее были свои памятники, свое искусство, свои победы, свои полководцы, свои писатели, свои личные средства, из которых она выдавала пенсии знаменитостям, своя галерея произведений искусств. У нее тоже был пышный двор и свита, собственный этикет и собственный марш. Двор этот был воспроизведением в миниатюре всех „великих людей“ Версаля — и в оригинале не очень-то великих. В некотором роде обман зрения, но прибавьте к этому гимн „Боже, храни королеву“, музыка которого заимствована у Люлли, и все вместе создавало иллюзию сходства. Все необходимые персонажи налицо:

Кристофер Рен вполне подходящий Мансар, Сомерс не хуже Ламуаньона. У Анны был свой Расин — Драйден, свой Буало — Поуп, свой Кольбер — Годолфин, свой Лувуа — Пемброк и свой Тюренн — Мальборо. Увеличьте только парики и уменьшите лбы. В общем, все торжественно и пышно, и Виндзор в то время почти не уступал Марли. Но на всем лежал отпечаток женственности, даже отец Телье у Анны носил имя Сары Дженнингс… Несмотря на то что Англия ссорится в это время с Францией и побеждает ее, она ей подражает и заимствует у нее Просвещение; все, что красуется на фасаде Англии, освещено лучами Франции. Жаль, что правление Анны продолжалось только двенадцать лет, иначе англичане, не долго думая, стали бы говорить „век Анны“, как французы говорят: „век Людовика XIV“». Конечно, писатель, сравнивая Англию и Францию начала XVIII века, несколько преувеличил — кто тогда в Европе не подражал Франции! Параллели можно найти повсюду…

Несмотря на свой средний ум, Анна Стюарт не относилась к тем правительницам, чью волю можно было игнорировать. Она сумела осознать свою роль и своеобразие своего правления — не зря же в первой речи в парламенте Анна заявила, что намерена быть истинной англичанкой в отличие от голландца Вильгельма, брата — француза в изгнании и немцев — представителей дома Ганноверов. Анна не имела ни знаний, ни опыта государственного управления, не совсем понимала смысл «Билля о правах», ограничивавшего ее власть, но, к счастью для нее, изменения в политике более или менее совпадали с ее собственным мнением. Еще одним позитивным моментом ее правления было то, что на нее влияли хорошие советники, которые могли контролировать большинство в парламенте. И трудно сказать: это она умела их выбирать, или они умели влиять на нее. При этом Анна была последним монархом, который председательствовал на заседаниях кабинета министров.

Ни Марию, ни Анну нельзя в полной мере назвать счастливыми королевами. Но и несчастной их жизнь тоже нельзя назвать. Их почитали, они умерли на родине в своих постелях, в то время как Британия двигалась вперед.

Литература

Источники

Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1991.
Гизо Ф. История Английской революции: в 2 т. М., 1996.
Сен-Симон. Мемуары. 1691–1701. М., 2007.
Фонд П. П. Дубровского. Авт. 93. Док. 2.

Acta Pacis Westphalicae. Ser. II B. Bd I, Ser. III. Bd. 4 / Bearb. von F. Bosbach. Munster, 1975.

Archbishop Laud, quoted by his chaplain Peter Heylin in Cyprianus Angelicus. L., 1688.

Archives ou correspondanse inedite de la Maison d'Orange-Nassau / Par Mr. G. Groen van Prinsterer. 2-me Série. T. IV, V. Utrecht, 1859.

Articles of Marriage between his Majesty and the Lady Infanta of Portugal, 1661 // Collection of Treaties between Great Britain and other powers / Ed. by G. Chalmers. Vol. II. L., 1790.

Burnet G. Bishop Burnet's History of the Reign of King James the Second. Notes by the Earl of Dartmouth, Speakers Onslow, and Dean Swift. Additional Observations now Enlarged. Oxford, 1852. Vol. 2. Calendar of State Papers. 1611–1641, 1649–1667, 1685/ Ed. by G. Bruce and P. Hamilton. L., 1858–1882.

Calendar of State Papers, Venice. Vol. XII. 1610–1631. L., 1924–1927.

Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of William and Mary. May 1690 — October 1691. L., 1898.

Clarendon E. The History of The Rebellion and Civil Wars in England, Also His Life, Written by Himself. Oxford, 1843. Vol. I–II.

Clarke J. S. The Life of James the Second King of England, etc. Collected out of Memoirs Writ of His Own Hand. Together with The King's Advice to His Son, and His Majesty's Will. Published from the Original Stuart Manuscripts in Carlton-House. L., 1816. Vol. 1–2.

Cobbet's Parliamentary History of England. Vol. IV, V. L., 1808–1809.

The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660 / Sel. and ed. by S. R. Gardiner. Oxford, 1968.

Corps Universelle diplomatique / Par J. Du Mont. Vol. V–VII. Amsterdam, 1728.

Correspondence inédite de Turenne avec Le Tellier et Louvois / Par Barthelemy. Paris, 1874.

The Diary of Bulstrode Whitelocke / Ed. by R. Spalding. N. Y., 1990.

The Diary of John Evelyn / Ed. by A. S. Beer. Vol. I–VI. Oxford, 1955.

Debates in the House of Commons 1625 / Ed. by S. Gardiner. L., 1873.

English Historical Documents / Ed. by A. B. Browning. L., 1953. Vol. V.

Foedera, Conventiones, Litterae et cujuscunque generis acta publica / Acc. R. Sanderson. T.XXVI. L., 1717.

Gazette de France. 1639, 1646, 1686, 1687, 1688.

The Harleian Miscellany or a Collection of Scarce. Curious and Entertainings Pamphlets and Tracts as well in Manuscripts as in Print. Found in the late Earl of Oxford's library. Vol. 1. L., 1744.

The illustrated Pepus: extracts from the Diary / Ed. by R. Latham. L., 1978.

Journals of the House of Commons 1547–1714. L., 1742. Vol. I.

Letters of King James VI & I / Ed. by Akrigg G. P. V. Berkeley & Los Angeles: University of California, 1984.

The letters of King Charles I / Ed. by Ch. Petrie. L., 1968.

The letter-book of John Viscount Mordaunt. 1658–1660 / Ed. by M.Coate. L., 1945.

Lettres du Cardinal Mazarin pendant son ministère / Par M. Cheruel. T.III. P., 1858.

London Gazette. № 2136, 2225, 2231, 2202, 2252, 2260, 2365.

Louis XIV et Innocent XI d'après les correspondences diplomatiques inédites / Par E. Michaud. T. I. P., 1882.

The Marlborough-Godolphin Correspondence / Ed. by H. L. Snyder. Oxford, 1975. Vol. I.

Mary de la Riviere Manley. The New Atlantis. L., 1710.

Memoirs Hortense Mancini and Marie Mancini / Ed. and trans. by Sarah Nelson.Chicago, 2008.

Mémoires de Turenne / Par Marichal. T. II. P., 1914.

Mémoires de la vie du comte de Gramont / Par A. Hamilton. P., 1715.

Mémoires du cardinal de Richelieu. P., 1927.

Mémoires de Louis XIV / Par G. Longnon. P., 1978.

Mémoires du marechal de Berwik, due et pair de France, et generalissime des armées de sa Majesté. A la Haye, 1737–1738. T. 1.

Mémoires du Due d'York sur les événements arrivés en France pendant les années 1652 a 1659 // Nouvelle collection des Mémoires pour servir à l'Histoire de France / Par M. Michaud. T.X. P., 1888.

Mémoires d'Isaac Dumont de Bostaquet sur les temps qu ont précédé te suivi la Revocation de l'edit de Nantes sur le Refuge et les expéditions de Guillaume III en Angleterre te en Irlande. P., 1968.

Mémoires pour servir à l'histoire des negotiations depuis le traité de Riswick jusqu'à la paix d'Utrecht. La Haye, 1756. T. I.

A Narrative by John Ashburnham of His Attendance on King

Charles I. L., 1830 / Notes of the debates in the House of Lords. 1621, 1624, 1625, 1628 / Ed. by F.Relf. L., 1929.

Observations on the Wars of Marshal Turenne, dictated by Napoleon at St Helena. P., 1823.

Original letters illustrative of English History / Ed. by H. Ellis. I st Series. Vol. III. L., 1825.

Les papiérs de Richelieu / Par P. Grilion. P., 1967–1977. T. I–III.

The political works of James I / Ed. by P. Hughes. N. Y., 1965.

The Prince of Orange His Declaration: Shewing the Reasons why he invades England with a short Preface and Some modest remarks on it. L., 1688.

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis des Traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française. T. V–VII / Par A. Levon, A. Sorel. P., 1884.

Rushworth J. Historical Collections of Private Passages of State… 1618–1626. L., 1659. V. I.

Strange island. Britain through Foreign Eyes, 1395–1940 / Compiled & ed. by F.M. Wilson. L., N.Y., Toronto, 1955.

Stuart Constitution. 1603–1688 / Ed. by J. Kenyon. Cambridge, 1966. Vol. II.

Stuart Royal Proclamations / Ed. by J. Larkin. Vol. 1–2 / Oxford, 1973, 1983.

Voltaire F. M. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations. P., 1975. Wentworth papers. 1597–1628 / Ed. by J. Cooper. L., 1973.

The Writings and Speeches of Oliver Cromwell / Ed. by W. C. Abbot. Vol. Ill, Cambridge, 1945.

Историография

Англия в эпоху абсолютизма / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1984.

Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.

Берджес Э. Уильям Шекспир. Гений и его эпоха. М., 2001.

Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.

Гардинер С. Пуритане и Стюарты, СПб., 1896.

Дюшен М. Герцог Бекингем. М., 2007.

Ивонин Ю.Е. Императоры, короли, министры. Днепропетровск, 1994.

История Европы: в 8 т. М., 1994.

История западноевропейской музыки до 1789 года. Т. 1. М., 1983.

Йейтс Ф. Розенкрейцерское просвещение. М., 1999.

Кут С. Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II. М., 2004.

Лэнг Э. Тайна Марии Стюарт. Лондон, 1901.

Маколей Т. Б. История Англии от восшествия на престол Иакова II // Полн. собр. соч. в 11 т. СПб., 1861–1864. Т. 1–6.

Махов С. П., Созаев Э. Б. Захватить Англию! Забытые тайны непотопляемого Альбиона. М., 2012.

Петросьян А. А. Два процесса Ралея // Вопросы истории. 1985. № 9.

Соколов А. Б. Карл I Стюарт // Новая и новейшая история. 2005.

Соколов А. Б. Фобии и политика: процесс Страффорда // Вопросы истории. 2014. № 3.

Станков К. Н. Уильям Пенн, Яков II Стюарт и движение якобитов // Вопросы истории. № 1. 2014.

Станков К. Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов 1685–1701. СПб., 2014.

Трофимова В. С. Женский голос в картезианстве XVII века: Елизавета Богемская // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». 2008. № 2.

Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия (1603–1629). СПб., 2005.

Цвейг С. Мария Стюарт. М., 1991.

Черняк Е. Б. Времен минувших заговоры. М., 1994.

Черчилль У. Британия в новое время. XVI–XVII века. Смоленск, 2005.

Шулякова Н. Г Архиепископ Лод — английский Киприан //

Человек XVII столетия. М., 2005.

Эрланже Ф. Эпоха дворов и королей. Этикет и нравы в 1558–1715 гг. Смоленск, 2005.

Эрлихсон И. М. В поисках идеала. Из истории английской утопической мысли второй половины XVII — начала XVIII вв. М., 2008.

Adams S. Foreign policy and the Parliaments of 1621 and 1624 // Faction and Parliament. Essays on Early Stuart History / Ed. by K. Sharpe. Oxford, 1978.

Adamson J. The Noble Revolt. London, 2009.

Anglo-Dutch Moment. Essays on the Glorious Revolution and its world impact / Ed. by J. Israel. Cambridge, 1991.

Aretin K. O. von. Das Reich. Friedensordnung und Europäisches Gleichgewicht 1648–1804. Stuttgart, 1992.

Asch R. Die Englische Republik und die Friedensordnung // Der Westfalsche Friede. 1998.

Ashe G. The Quest for Arthur's Britain. Paladin paperback, 1971.

Ashley M. The Glorious Revolution of 1688. New York, 1966.

Ashley M. James II. London — Toronto — Melbourne, 1977.

Ashley M. The House of Stuart. It's Rise and Fall. L., Melburn, Toronto, 1980.

Baxter S. William III. L., 1966.

Beauclerk Ch. Nell Gwyn: Mistress to a King. New York, 2005.

Belloc H. James the Second. Philadelphia, 1928.

Bely L. Les relations internationales en Europe — XVIIe — XVIIIe siècles. Paris, 1992.

Blanning T.The Culture of Power and the Power of Culture. Old Regime Europe 1660–1789. Oxford, 2002.

Boyer A. The History of King William the Third. L., 1702. Part 2.

Briant A. King Charles II. L., 1931.

Britland K. Drama at the Courts of Queen Henrietta Maria. Cambridge, 2006.

Buranelli V. The King and the Quaker: A Study of William Penn and James II. Philadelphia, 1962.

La Briyere. Caractères De la Cour. Firmin-Didot, 1890.

Brown M. Itinerant ambassador. The life of Sir Thomas Roe. Lexington (Kentucky), 1970.

Callow J. The Making of King James II: The Formative Years of a King. Gloucestershire, 2000.

Callow J. King in Exile. James II: Warrior, King and Saint / John Callow. Thrupp: Sutton, 2004.

Carlton Ch. Charles I: The personal monarch. L., 1983.

Carlton S. Ch. Going to the Wars: the experience of the British

Civil Wars, 1638–1651. Oxford, 1992.

Carter Ch. Gondomar: ambassador to James I // The Historical Journal. Vol. VII. 1964.

Cassavetti E. The Lion and the Lilies: The Stuarts and France. L., 1977.

Chandler D., Beckett I. The Oxford History of the British Army. Oxford, 1986.

Chevallier P. Louis XIII. Paris, 1979.

Childs J. The Army, James II and the Glorious Revolution. Manchester, 1980.

Churchill W. S. Marlborough, his life and times. L., 1947. Vol. I.

Cogswell T. The Blessed Revolution. Cambridge, 1989.

Cogswell T. England and the Spanish Match // Conflict in Early Stuart England. 1603–1642 / Ed. by R. Gust and A. Hughes. L., 1989.

Coit Ch. W. The Life of Charles the First, the Royal Martyr. Kessinger Publishing, 2006.

Cornwallis Ch. Discourse of Prince Henry, late Prince of Wales // John Somers. Tracts. II. 1809.

Corp Ed. T. A court in Exile: the Stuarts in France, 1689–1718. Cambridge, 2004.

Coward B.The Stuart Age. London, 1994.

Croft P. King James. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2003.

Cust R. Charles I: A Political Life. L., 2005.

Cust R. Why Did Charles I Fight at Naseby? // History Today. 2005. October.

Cust R. Prince Charles and the Second Session of the 1621 Parliament // English Historical Review/ Vol CXXII. № 496. April 2007.

Daniels Ch., Morrill J. Charles I. Cambridge, 1988.

Daxon L. The Politics of Sir Thomas Fairfax Reassessed // History. 2005. October. Vol. 90. Issue 4. N 300.

Dickson D. New Foundations: Ireland 1660–1800. Dublin, 1987.

Duchhardt H. Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwigs XIV. Diisseldorf, 1987.

Duchhardt H. Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800. Stuttgart, 2003.

Dutton R. English Court Life: From Henry VII to George II. London, 1963.

Fitzpatrick B. Seventeenth Century Ireland: The War of Religions. Dublin, 1988.

Forker C. R. «Masculine love», Renaissance writing, and the «new invention» of homosexuality: an addendum. 1996.

Frances A. Yates, Rosicrucian Enlightenment. Routledge & Kegan

Paul, London and Boston, 1972.

Fraser A. King Charles II. L., 1979.

Fraser A. Faith and Treason. The Story of the gunpowder Plot. L., 1997.

Foster E. The procedure of the House of Commons against patents and monopolies // Conflict in Stuart England / Ed. by W. Aiken and J.B.Henning. N.Y., 1960.

Foster R. Modern Ireland. 1600–1972. L., 1988.

Gardiner S. History of the Great Civil War, 1642–1649. Volume 2. L., 2010.

George Ch. The Stuarts. A century of experiment (1603–1714). Old Working, 1973.

Geyl P.Oranje en Stuart. Utrecht, 1939.

Chandler D. Marlborough as Military Commander. L., 1989.

Gibson W. James II and the Trial of the Seven Bishops. L., 2009.

Gillespie R. Seventeenth Century Ireland. Third ed. Dublin, 2006.

Godley E.The Great Condé, a life of Louis II de Bourbon, Prince of Condé. L., 1915.

Goodare J. The Scottish Parliament of 1621 // The Historical Journal. 1995. № I.

Gregg P. King Charles I. London, 1981.

Gregg Ed. The Exiled Stuarts: Martyrs for the Faith // Monarchy and Religion. The Transformation of Royal Culture in Eighteenth Century Europe / Ed. by M. Schlaich. Oxford, 2007.

Grigg D. B. Population growth and agrarian change: an historical perspective. Cambridge, 1980.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied am Rhein, 1962.

Hacket J. Scrinia Reserata, a Memorial offered to the great deservings of John Williams. L., 1693.

Hanotaux G. Histoire du cardinal de Richelieu. P., 1933. T. III.

Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. L., 2006.

Herman P. C. Royal Poetrie. Monarchic verse and the political imaginary of Early Modern England. Ithaca and London, 2010.

Hibbard C. Charles I and the Popish Plot. Chapel Hill, 1983.

Hill Ch. The century of revolution (1603–1714). L., 1969.

Hille K. Visiond of the Courtly Bode. The Patronage of George Villiers, First Duke of Buckingham, and the Triumph of Painting at the Stuart Court. Berlin, 2012.

Hirst D. The Lord Protector. 1653–1658 // Oliver Cromwell and the English Revolution / Ed. by J. Morrill. L., N. Y., 1991.

Holmes D. The Making of a Great Power. Late Stuart and Early Georgian Britain. 1660–1722. L., 1993.

Houston S. James I. L. 1973.

Hume D. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. L., 1822. Vol. 8.

Hunter J. Last of the Free: A History of the Highlands and Islands of Scotland. Edinburgh: Mainstream, 2000.

Ideology and Foreign Policy in Early Modern Europe (1650–1750). David Onnekink and Gijs Rommelse, eds. Aldershot: Ashgate, 2011.

Jacob J. Restoration Ideolologies and the Royal Society // History of Science. 1980. Vol. 18.

Jack R. D. S. Alexander Montgomerie. Edinburgh, 1985.

James II of England. Dictionary of National Biography. L., Smith, Elder & Co. 1885–1900.

James VI and I: Ideas, Authority and Government / Ed. by R. A. Houlbrooke. Ashgate Publishing, Ltd., 2006.

Jones J. Charles II. Royal Politician. L., 1987.

Jones J. R. The Revolution of 1688 in England. L., 1972.

Jones J.R. Marlborough. Cambridge, 1993.

Johnson J. W. A Profane Wit: The Life of John Wilmot, Earl of Rochester. Rochester, N. Y.: University of Rochester Press, 1988.

Keay A. The Magnificient Monarch. Charles II and the Ceremonies of Power. L., 2008.

Kenny W. R. Elizabeth's Admiral. The Political Career of Charles Howard, Earl of Nottingham. 1536–1624. London, 1970.

Knoppers L. Constructing Cromwell. Ceremony, Portrait and Print 1645–1661. Cambridge, 2000.

Knoppers L. Politicizing Domesticity from Henrietta Maria to Milton's eve. Cambridge, 2011.

Lee M. James I and Henry IV. An essay in english foreign policy. 1603–1610. Urbana; Chicago; L., 1970.

Lee M. Great Britain Solomon: James VI and I and his three Kingdoms. Chicago, 1990.

Loades D.M. Politics and the Nation. London, 1974.

Longueville T. Marshall Turenne. L., N.Y., Bombay, Calcutta, 1907.

Loomie A. Ceremonies of Charles I: The Note Books of John Finet. Master of ceremonies. 1628–1641. N.Y., 1987.

Loomie L. Spanish Secret Diplomacy at Court of James I / Politics, Religion and Diplomacy in Early Modern Europe // Ed. by M. Thorp and A. Slavin. Kirksville, 1994.

Lossky A. Louis XIV and the French Monarchy. Princeton, 1994.

Macaulay T. B. The History of England from the Accession of James the Second. Popular Edition in Two Volumes. London, 1889.

Macpherson J. The History of Great Britain, from the Restoration,

to the Accession of the House of Hannover. Dublin, L., 1775.

Marchall A. Intelligence and Espionage in the Reign of Charles II, 1660–1685. Cambridge, 1994.

Matheu D. James I. L., 1967.

McLynn Fr. The Jacobites. L., N.Y., 1988.

Methiviér H. Le siècle de Louis XIII. Paris, 1971.

Metzdorf J. Protestantische Thronfolge und Verteidigung der Prarogative // Die frineuzeitliche Monarchie und ihr Elbe / Hrsg. von R. Asch, J. Arndt, M. Schnettger. Munster, 2003.

Meyer J. La France moderne de 1515 a 1789. Paris, 1985.

Miller J. Charles II. L., 1991.

Miller J. The Stuarts. L., 2006.

A Mirror of England. English puritan views of foreign nations. 1618–1640 / Ed. by M. Breslow. Cambridge (Mass.), 1970.

Nordmann C. Louis XIV and the Jacobites // Louis XIV and Europe / Ed. by R. Hatton. L., 1976.

Parker G. The army of Flanders and the Spanish Road. Cambridge, 1972.

Parker G. The Thirty Years War. L., Boston, Melbourne, 1984.

Parker G. Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven: Yale University Press. 2013.

Patterson W. B. King James VI and I and the Reunion of Christendom. Cambridge, 2000.

Pecar A. Warum musste Karl I. sterben? // Sicherheit in der Fruhen Neuzeit / Hg. Kampmann C. und Niggemann U. Keln, Weimar, Wien, 2013.

Philips K. Upon the Double Murder of King Charles // The Broadview Anthology of British Literature. Vol 2. Ed. by Don LePan. Toronto, 2006.

Pincus S. 1688: The First Modern Revolution. New Haven & London, Yale University Press, 2009.

Polisensky J. The Thirty Years War. L. 1971.

Politics and the Bench // Ed. by W. J. Jones. L., 1971.

Prall S.The Bloodless Revolution: England, 1688. N.Y., 1972.

Prater A., Bauer H. Malerei des Barock. Köln, 1997.

Quintrell B. Charles I. 1625–1640. Harlow, 1993.

Rado B. King James Concept of Power in his work «The Trew Law of Free Monarchies» // Majestas. Bd. 13. Munster, 2005.

Ranke L. von. History of England. Mainly in the Seventeenth Century. Vol. 1. Oxford, 1875.

Robb N. William d'Orange. A personal portrait. L., 1966.

Robertson G. The Tyrannicide Brief: The Man Who Sent Charles I to the Scaffold. Chatto & Windus, 2005.

Rose J. Godle Kingship in Restoration England. The Politics of the

Royal Supremacy, 1660–1688. Cambridge, 2011.

Royle T. Civil War: The Wars of the Three Kingdoms 1638–1660. Booth-bay Harbor: Abacus, 2004.

Ruigh R.The Parliament of 1624. Politics and foreign policy. Cambridge (Mass.), 1971.

Russel C. English History 1509–1660. Oxford, 1979.

Russel C. Parliament and English politics (1621–1629). Oxford, 1979.

Schilling H. Confessional Europe // Handbook of European History 1400–1600. Vol. II / Ed.by T. Brady, H. Obermann, J.Tracy. Leiden, N. Y., Koln, 1995.

Schilling H.Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559–1660. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007.

Seaward P. The Cavalier Parliament and the reconstruction of the old regime, 1661–1667. Cambridge, 1989.

Scott J. England's Troubles. Seventeenth Century English Political Instability in European Context. Cambridge, 2000.

Szechi D. The Jacobites: Britain and Europe, 1688–1788. Manchester — N. Y., 2009.

Ó Siochrú M. Kingdoms in Crisis. Dublin, 2001.

Soriano R.-M. Rason de Estado y dogmatismo religiose en la España del XVII. Negociationes hispano-inglesas de 1623. Barcelona, 1976.

Sparks J. Lives of Anthony Wayne and Sir Henry Vane // The Library of American Biography. T. 4. Boston, 1835.

Speck W. A. James II. Profiles in Power. L, 2002.

Speck W. A. James II and VII (1633–1701) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford. 2004.

Spencer Ch. Prince Rupert: the Last Cavalier. London, 2008.

Sharpe J. A. Early Modern England. A Social History 1550–1760. L., 1997.

Sharpe K. The personal rule of Charles I. New Haven; London, 1996.

Starkey D. Monarchy. London, 2006.

Steere D. «For the Peace of Both, For the Humour of Neither»: Bishop Joseph Hall Defends the Via media in the Age of Extremes.

1601–1656 // The Sixteenth Century Journal. Vol. XXVII. 1996. № 3.

Stewart A. The Cradle King: A Life of James VI & I. London, 2003.

Stewart G. R. Names on the Land: A Historical Account of Place-Naming in the United States. Houghton Mifflin, 1967.

Stilma A. A King translated. The Writings of King James I and VI and their interpretation in the Low Countries. Ashgate, 2012.

Stoyle M. «Memories of the Maimed»: The Testimony of Charles I's Former Soldiers, 1660–1730 // History. 2003. April. Vol. 88. N 290.

The Stuart Court and Europe / Ed. by R. Malcolm Smuts. Cambridge, 1996.

Teems D. Majestie: the King behind the King James Bible. Nashville, 2010.

The 1630s. Interdisciplinary essays on culture and politics in the Caroline era / Ed. by I. Atherton and J. Sanders. Manchester, N. Y., 2006.

Thomas P. Financial and administrative development // Before the English civil war. L., 1988.

Thomson G. M. The First Churchill. The life of John, 1st Duke of Marlborough. L., 1979.

Thomson R. Lothar Franz von Schönborn and Diplomacy of the Electorate of Mainz from the Treaty of Ryswick to the War of the Spanish Succession. The Hague, 1973.

Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776 / Ed. by J. G. A. Pocock. Princeton (New Jersey), 1980.

«Uncouth language to a Princes ears»: Archibald Armstrong, Court Jester, and Early Stuart Politics // Sixteenth Century Journal. XLII/1. 2011.

Upham Ch. W. Life of Sir Henry Vane, Fourth Governor of Massachusetts in The Library of American Biography conducted by Jared Sparks. N.Y., 1842.

Waller M. Ungrateful Daughters: The Stuart Princesses who Stole Their Father's Crown. London, 2002.

Wedgwood G. The Thirty Years War. N. Y., 1980.

Williams Ch. James I. N.Y., 1969.

Willson D. H. King James VI & I. London: Jonathan Cape Ltd, 1963.

Winton J. Sir Walter Raleigh. L., 1975.

Wheeler J. S. The Making of a World Power: War and the Military Revolution in Seventeenth Century England. Stroud, 1999.

White A. S. Bibliography of Regimental Histories of the British Army. Naval and Military Press, 1997.

Whyte I. D. Scotland's Society and economy in transition 1500–1760. L., 1997.

Woodford B. Perceptions of a Monarchy without a King Reactions to liver Cromwell's Power. London — Ithaca, 2013.

Wormald J. James VI and I (1566–1625). Oxford, 2004.

УДК 94(415).06 ББК 63.3(0)4-5

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3. Возрастных

ограничений нет
История. География. Этнография
Людмила Ивонина

Драма династии Стюартов

Редактор Д. Симович Верстка А. Петрова Корректор Н. Пущина
Подписано в печать 24,08.2015.
Формат 60*90/16. Усл. печ. л. 19. Тираж 1200 экз.
Заказ 4559
ООО «Издательство „Ломоносовъ“»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3 Тел. (495)637-49-20, 637-43-19 info@lomonosov-books.ru www.lomonosov-books.ru
Отпечатано способом ролевой струйной печати в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1 Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т. 8(499)270-73-59

notes

Примечания

1

Parker G. Global Crisis… P. 7–26.

2

Whyte I. D. P. 29.

3

Цит. по: Цвейг С. Мария Стюарт. С. 14.

4

Schilling H. Confessional Europe. P. 641–681; Idem. Konfessionalisierung und Staatsinteressen. S. 6–8.

Whyte I. D. P. 48.

Англия в эпоху абсолютизма. С. 37–45; Teems D. P. 15–17.

Teems D. P. 3.

8

Черняк Е. Б. С. 156–160.

9

Teems D. P. XVIII.

Ibid. P. 58–59.

11

Ibid. P. 30.

James VI and I: Ideas, Authority and Government. P. 28.

13

Teems D. Op. cit. P. 106.

14

Cornwallis Ch. Discourse of Prince Henry… P. 217; Calendar of State Papers, Venice. P. 194, 448, 450.

Frances A. Yates, Rosicrucian Enlightenment. P. 2.

Teems D. P. 109.

17

Letters of King James VI & I. P. 220; Croft P. King James. P. 26–27; Willson. P. 103, 308–309.

Croft. P. 139; Hunter J. Last of the Free. P. 172–176.

Willson. P. 132–133; Rado B. S. 155–208; Stilma A. P. 13.

Croft. P. 133.

James VI and I: Ideas, Authority and Government. P. 1, 33–35.

Kenny W. R. P. 241–242.

Федоров. С. 212–213.

Stewart A. The Cradle King… P. 172–173. Parker G. Global Crisis… P. 325; Stilma A. P. 1.

Федоров. С. 17–19, 193–197.

Teems D. P. XVII.

Hacket. P. 41.

Teems D. P. XV.

29

Jack. P. 1–2,125, 137–138; Stilma A. P. 10–11; Herman. P. 156–158.

Эрланже. С. 160–161.

Three British Revolutions… P. 24.

Williams. P. 5; Matheu. P. 9; Lee M. Great Britain Solomon. P. 11.

Ashe. P. 20.

The Harleian Miscellany… P. 10; The political works of James I. P. 51–56; Stuart Constitution. 1603–1688. P. 12–13; Three British Revolutions… P. 210.

Эрланже. С. 158–159; Croft. P. 51.

Croft. P. 52–54, 62.

Croft. P. 75–81.

Эрланже. С. 150–152; Willson. P. 348.

Foster E. The procedure of the House of Commons… P. 77.

Steere. P. 749–754.

Willson. P. 213–215.

Goodare. P. 49.

Patterson. P. 336–337, 363–364; Journals of the House of Commons… P. 144.

Stewart. The Cradle King… P. 219; Croft. P. 64.

Fraser A. Faith and Treason. P. 15.

Stewart. The Cradle King… P. 225; Croft. P. 162.

Patterson. P. 363–364.

Loomie L. Spanish Secret… P. 232–233; Corps Universelle diplomatique. Vol. V. pt. II. P. 77–78.

Ивонин. С. 218; Corps Universelle diplomatique. Vol. V. pt. II. P. 61–62.

Lee M. James I and Henry IV. P. 161, 167; Corps Universelle diplomatique. Vol. V. pt. II. P. 135–137, 92–94.

51

Loomie L. Spanish Secret… P. 242.

Parker G. Global Crisis… P. 33.

Эрланже. С. 146.

Робертс Л. Сокровище торговли, или Рассуждения о внешней торговле… // Англия в эпоху абсолютизма. С. 163–170.

Strange island. P. 39; A Mirror of England. P. 45.

Дюшен. С. 14–36; Федоров. С. 260.

Forker. P. 88.

Петросьян. С. 183–185; Winton. P. 100–111.

Carter. P. 197; Stuart Royal Proclamations. Vol. I. P. 391–392; Willson. P. 410.

Calendar of State Papers. 1611–1618. P. 574, 583.

61

Corps Universelle diplomatique. Vol. V. pt. 11. P. 332–333; Methiviér. P. 37.

Adams. P. 149; Wedgwood. P. 17–21; Cogswell T. England and the Spanish Match. P. III.

Cogswell T. The Blessed Revolution. P. I; Calendar of State Papers. 1619–1623. P. 132.

Polisensky. P. 111–112.

Calendar of State Papers. 1619–1623. P. 141.

Soriano. P. 185–199.

Calendar of State Papers. 1619–1623. P. 220; Adams. P. 15; Russel C. Parliament and English politics… P. 2.

Letters of King James VI & I. P. 384–385.

69

Calendar of State Papers. 1619–1623. P. 178, 425, 479; Polisensky. P. 130.

Spencer. P. 6; Трофимова. С. 25–30.

71

A Narrative by John Ashbumham of His Attendance on King Charles I. P. 3; Cogswell T. The Blessed Revolution. P. 310.

72

Sharpe K. The personal Rule of Charles I. P. 4–5; Дюшен С. 120–121.

Calendar of State Papers. 1619–1623. P. 525, 576; Russel C. English History 1509–1660. P. 297; Letters of King James VI & I. P. 386, 392, 401–403, 434; Chevallier. P. 300; Brown. P. 172.

Sharpe K. The personal Rule of Charles I. P. 5–6.

Letters of King James VI & I. P. 434; Croft. P. 125–126.

Croft. P. 126–127, 129–130. Willson. P. 443–447.

Stewart. The Cradle King… P. 348. Croft. P. 3–6, 129, 130.

См. Wormald J. James VI and I (1566–1625); Croft. P. 67; Parker G. Global Crisis… P. 52.

Ashley M. The House of Stuart. P. IX.

Sparrow A. «Some predecessors kept their nerve, others lost their heads» // The Daily Telegraph (UK). 28 October 2000.

Gregg P. King Charles I. P. 11.

Дюшен. С. 52; Hille. P. 113.

Dutton. P. 232; Соколов А. Б. Карл I Стюарт. С. 84.

84

Archbishop Laud, quoted by his chaplain Peter Heylin in Cyprianus Angelicus. 1688.

Asch. S. 442.

Дюшен. С. 124–141; Cogswell T. England and the Spanish Match. P. 107–130.

Original letters illustrative… P. 176; Wentworth papers. P. 210.

The letters of King Charles I. P. 44; Foedera… P. 599–600, 674–675.

Ruigh. P. 387.

См., например: Cust R. Prince Charles and the Second Session of the 1621 Parliament.

Дюшен. С. 198–206.

Calendar of State Papers. 1625–1626. P. 451, 464–500; Carlton Ch. Charles I… P. 66.

Britland. P. 66–68.

The letters of Charles I. P. 39; Calendar of State Papers. 1625–1626. P. 116–118; Hanotaux. P. 437.

Gregg P. King Charles I. P. 130–131.

Rushworth. P. 179.

The Constitutional Documents… P. 1; Debates in the House of Commons… P. 78–104.

The Constitutional Documents… P. 7–44; Carlton Ch. Charles I… P. 84; Федоров. С. 258.

The Constitutional Documents… P. 51–57; Thomas. P. 116.

100

Les papiérs de Richelieu. T. 1. P. 228.

101

Calendar of State Papers. 1625–1626. P. 25, 45, 50; Mémoires du cardinal de Richelieu. T. VII. P. 130–131, 147.

102

Calendar of State Papers. 1625–1626. P. 464–500; Mémoires du cardinal de Richelieu. T. VII. P. 211.

103

Mémoires du cardinal de Richelieu. T. VI. P. 269; Wentworth papers. P. 210.

104

Les papiérs de Richelieu. T. II. P. 421–422. A Mirror of England. P. 105–106.

105

The letters of Charles I. P. 55; Carlton Ch. Charles I… P. 98.

Sharpe K. The personal Rule of Charles I. P. 37.

107

Ibid. P. 38; The Constitutional Documents… P. 57–70; Calendar of State Papers. 1628–1629. P. 77.

108

Мémoires du cardinal de Richelieu. T. VIII. P. 268, 278, 370; Carlton Ch. Charles I… P. 113.

Cust R. Charles I… P. 118; Quintrell. P. 43.

A mirror of England. P. 174.

Carlton Ch. Charles I… P. 154; The 1630s… P. 1–2.

112

Stewart G. R. Names on the Land… P. 38; Parker G. Global Crisis… P. 452.

113

The Constitutional Documents… P. 105–108; George. P. 59; Politics and the Bench. P. 187.

Loomie A. Ceremonies of Charles I… P. 4.

115

Daniels Ch., Morrill J.P. 73–74; Cust R. Charles I… P. 194; Parker G. Global Crisis… P. 107.

The 1630s… P. 51–64, 96–97; Britland. P. 96–99.

Шулякова. С. 182–189; Coward. P. 174–175; The 1630s… P. 4.

Calendar of State Papers. 1639. P. 77; Meyer. P. 377.

119

Coward. P. 180.

Parker G. Global Crisis… P. 339.

121

Gazette de France. 1639. P. 417–420; Calendar of State Papers. 1640. P. 103, 208, 583; Hibbard. P. 131–135; Sharpe K. The Personal Rule of Charles I. P. 953.

Adamson. P. 14–17; Cust R. Charles I… P. 253–259.

Carlton Ch. Charles I… P. 216.

Parker G. Global Crisis… P. 346; «Uncouth language to a Princes ears»… P. 99; Соколов А. Б. Фобии и политика… С. 82–97.

125

Adamson. P. 394, 405.

Ó Siochrú. P. 108; Gillespie. P. 144.

Loades. P. 417; Starkey. P. 114.

Starkey. P. 114.

129

Geyl. P. 13.

Ranke L. von. P. 5.

Voltaire. P. 300; Parker G. The Thirty Years War. P. 199–221.

Archives… T. IV. P. 8.

133

Lettres du cardinal Masarin pendant son ministere / Par M. A. Cheruel. T. I. Paris, 1877. P. 343–344, 435.

134

Цит. по: Chandler D., Beckett I. The Oxford History of the British Army. P. 13; Gardiner. P. 18–25.

White. P. 5–8; Royle. P. 38–39, 98.

Соколов А. Б. Фобии и политика… С. 81; Carlton Ch. Charles I… P. 258.

137

Loades. P. 423.

138

Lettres du cardinal Masarin… T.I.P. 435; Parker G. The army of Flanders and the Spanish Road. P. 238; Acta Pacis Westphalicae. Ser. II B. Bd I. P. 197.

139

Барг. С. 180–181.

Gazette de France. 1646. P. 476–477; Cust R. Charles I… P. 369.

141

Clarendon. Vol. I; Барг. С. 194.

Cust R. Charles I… P. 431–442.

143

Daxon L. The Politics of Sir Thomas Fairfax Reassessed // History. 2005. October. Vol. 90. Issue 4. N 300. P. 505–506.

Барг. С. 203–207.

Upham. P. 223, 227.

Sharpe J. A. Early Modern England. P. 23; Carlton S. Ch. «Going to the Wars: the experience of the British Civil Wars, 1638–1651».

147

Stoyle M. «Memories of the Maimed»: The Testimony of Charles I's Former Soldiers, 1660–1730.

148

«The Ring's reasons for declining the jurisdiction of the High Court of Justice» // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution 1625–1660; Grigg D. B. Population growth and agrarian change: an historical perspective. P. 84; Pecar A. Warum musste Karl I. sterben? S. 235–236.

149

Fraser A. King Charles II. P. 72.

Robertson. P. 39.

151

The Diary of Bulstrode Whitelocke. P. 471; Pecar A. Warum musste Karl I. Sterben? S. 246; Knoppers L. Constructing Cromwell. P. 6–7.

Coit Ch. W. The Life of Charles the First, the Royal Martyr.; Philips K. Upon the Double Murder of King Charles. P. 787; Pecar A. Warum musste Karl I. Sterben? S. 247–248; Knoppers L. Politicizing Domesticity from Henrietta Maria to Milton's eve. P. 73–74.

153

Acta Pacis Westphalicae. Ser. III. Bd. 4. Diarium Lambergi 1645–1649. P. 226; Фонд П.П. Дубровского. Авт. 93. Док. 2; Гизо. Т. 2. С. 477–481; The Constitutional Documents… P. 388.

Parker G. Global Crisis… P. 358.

Miller J. The Stuarts. P. 382–383.

156

См.: Гардинер С. Пуритане и Стюарты; Briant A. King Charles II; Jones J. Charles II. Royal Politician; Holmes D. The Making of a Great Power. Late Stuart and Early Georgian Britain. 1660–1722.

Parker G. Global Crisis… P. 385; Woodford. P. 144.

Цит. по: Fraser A. King Charles II. P. 164–165.

159

Кут. С. 12.

Там же. С. 28–33, 42–43.

Fraser A. King Charles II. P. 46–47.

162

Мадемуазель — в Средние века титул старшей дочери брата французского короля. — *Прим. ред.*

163

Гоббс. Т. 2. С. 3–591.

Scotland's DNA: Descended from lost tribes… and related to Napoleon. The Scotsman. April 17, 2012.

165

Calendar of State Papers. 1649–1650. P. 85, 517.

Calendar of State Papers. 1650. P. 102–103,115, 429; Archives… T. IV. P. 376–377, 380; Baxter. P. 90–111.

167

Calendar of State Papers. P. 234, 266–267, 610; Archives… T. V. P. 54.

Гизо. Т. 2. С. 495–496.

Hirst. P. 145–146.

170

The letter-book of John Viscount Mordaunt. P. 22; Briant A. King Charles II. P. 18–19.

171

Calendar of State Papers. 1651–1652. P. 134–138.

172

История Европы. Т. 4. С. 39; Fraser A. King Charles II. P. 140.

173

Calendar of State Papers. 1655–1656. P. 159–160; Fraser A. King Charles II. P. 144–145, 164–165; Thomson R. Lothar Franz von Schönborn… P. 9.

174

The letter-book of John Viscount Mordaunt. P. 5, 6, 17, 44–45, 82.

Ibid. P. 10–11; Keay. P. 52–54.

Parker G. Global Crisis… P. 386.

177

Черчилль. С. 325–326; The Diary of John Evelyn. P. 246.

Parker G. Global Crisis… P. 387.

Duchhardt H. Europa am Vorabend… S.50–56.

La Briyere. Caracteres De la Cour. Firmin-Didot, 1890. P. 178; Bely L. Les relations Internationales en Europe — XVIIe — XVIIIe siecles. Paris, 1992. P. 80–81; Duchhardt H. Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwigs XIV. S. 101; Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit; Blanning T. The Culture of Power and the Power of Culture. P. 5, 76–77.

English Historical Documents. P. 857–859.

The Stuart Court and Europe. P. 245.

Seaward. P. 191.

Wheeler. P. 195.

185

Articles of Marriage… P. 286–287.

Calendar of State Papers. 1660–1661. P. 36–37.

187

Corps Universelle diplomatique. Vol. VI. pt. II & III. P. 346–348, 364–366, 378–379, 384–387, 399–401, 419–420, 422–428.

English Historical Documents. P. 581–582; Calendar of State Papers. 1661–1662. P. 545.

189

Кут. С. 320.

См.: Эрлихсон. С. 114–115.

Beauclerk. P. 272; Подробнее см. о его жизни в кн.: Johnson J. W. A Profane Wit: The Life of John Wilmot, Earl of Rochester. 1988.

Keay. P. 108–110; Fraser A. King Charles II. P. XIII.

193

The illustrated Pepus… P. 80.

Clarendon. Vol. II. P. 62.

195

The illustrated Pepus… P. 78.

Calendar of State Papers. 1666–1667. P. 21; Jones J. Charles II… P. 35–36.

Briant A. King Charles II. P. 33.

Mémoires de la vie du comte de Gramont. P. 47.

Ibid. P. 48–49.

Thomson G. M. The First Churchill… P. 20.

Ibid.; Mary de la Riviere Manley. P. 18.

The illustrated Pepus… P. 83–84.

Beauclerk. P. 276–278

Эрлихсон. С. 120–124.

205

История западноевропейской музыки… С. 427–449; Prater A., Bauer H. S. 20–22.

Lossky. P. 130.

207

Calendar of State Papers. 1664–1665. P. 426–427; Cobbet's Parliamentary History of England. Vol. IV. P. 306, 308.

Calendar of State Papers. 1664–1665. P. 577; Corps Universelle diplomatique. Vol. VI. pt. III. P. 83–85.

209

Calendar of State Papers. 1663–1664. P. 670; Calendar of State Papers. 1664–1665. P. 88; Борисов. С. 147

Mémoires de Louis XIV. P. 223.

Marchall. P. 4, 10, 22–24.

Calendar of State Papers. 1667. P. 226.

213

Черчилль. С. 335–338.

Miller J. The Stuarts. P. 175–176.

Lossky. P. 136.

Corps Universelle diplomatique. Vol. VII. pt. I. P. 74–76, 88–89.

217

См.: Holmes. P. 49.

218

Cobbet's Parliamentary History of England. Vol. IV. P. 450–453; Борисов. С. 147; Lossky. P. 76–77.

Briant A. King Charles II. P. 48–50.

Churchill. P. 688.

Beauclerk. P. 284; Keay. P. 112; The Diary of John Evelyn. P. 250; Кут. С. 318.

Corps Universelle diplomatique. Vol. VII. pt. I. P. 163–164, 164–165, 255–258; Robb. P. 192.

Cobbet’s Parliamentary History of England. Vol. IV. P. 561, 664.

Ibid. P. 845, 994.

225

The Harleian Miscellany… P. 243.

Memoirs Hortense Mancini and Marie Mancini. P. 31, 91–94.

Ashley M. James II. P. 115–119; Jacob. P. 29.

Jones J. Charles II… P. 8.

Archives… T.V. P. 367; Cobbet's Parliamentary History of England., T.IV. P. 1133, 1183.

Ashley M. James II. P. 142–144.

Miller J. Charles II. P. 366–368; Fraser A. King Charles II. P. 437.

The Diary of John Evelyn. P. 258.

Bryant M. Private Lives. London, 2001. P. 73.

The Diary of John Evelyn. P. 257.

Harris T. Revolution… P. 478–479.

Boyer A. The History of King William the Third; Burnet G. Bishop Burnet's History of the Reign of King James the Second; Hume D. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688.

237

Clarke J. S. The Life of James the Second King of England…; Macpherson J.The History of Great Britain, from the Restoration, to the Accession of the House of Hannover.

238

Маколей Т. Б. История Англии от восшествия на престол Иакова II; James II of England. Dictionary of National Biography.

Ashley M. The Glorious Revolution of 1688; Belloc H. James the Second; Prall S.The Bloodless Revolution: England, 1688; Buranelli V. The King and the Quaker: A Study of William Penn and James II; Cassavetti E. The Lion and the Lilies: The Stuarts and France; Childs J. The Army, James II and the Glorious Revolution; Gibson W. James II and the Trial of the Seven Bishops; Jones J. R.The Revolution of 1688 in England.

Speck W. A. James II and VII…

Pincus S. 1688: The First Modern Revolution. P. 475.

Szechi D.The Jacobites… P. 12; Ideology and Foreign Policy in Early Modern Europe… P. 180; История Европы. Т. 4. С. 131–138; Станков К. Н. Король Яков II Стюарт… С. 55–122.

Miller J. The Stuarts. P. 181.

Кут. С. 75–76; Speck W. A. James II. Profiles in Power. P. 16.

Speck W. A. James II. Profiles in Power. P. 17.

Miller J. The Stuarts. P. 16–17; Longueville T. Marshall Turenne.

247

Mémoires de Turenne. P., 1914. P. 108, 114; Lettres du Cardinal Mazarin… P. 90.

Godley E.The Great Condé… P. 190.

249

Mémoires du Duc d'York… P. 160–165; Observations on the Wars… P. 33.

250

Callow J. The Making of King James II… P. 104; Miller J. The Stuarts. P. 42.

251

Штенцель А. История войн на море: в 5 т. Петроград. 1916–1919. Т. 2. С. 9–10, 55–59; Черчилль. С. 344.

The illustrated Pepus… P. 78; Miller J. The Stuarts. P. 46.

Miller J. The Stuarts. P. 59.

Thomson G.M. The First Churchill… P. 29.

Waller M. Ungrateful Daughters… P. 16–17, 30–31.

Miller J. The Stuarts. P. 43–44.

Thomson G. M. The First Churchill… P. 38.

Miller J. The Stuarts. P. 84; Waller M. Ungrateful Daughters… P. 94–97.

259

Черчилль. С. 365.

Thomson G.M. The First Churchill… P. 44; Miller J.The Stuarts. P. 105–109.

Ibid. P. 182–184.

Ibid. P. 59.

263

Черчилль. С. 387.

Chandler D. Marlborough as Military Commander. P. 27–30.

Miller. The Stuarts. P. 189–192.

Anglo-Dutch Moment. P. 70–71.

English Historical Documents. P. 81–82.

Macaulay. P. 349–50.

269

Gazette de France. 1686. P. 321. Macaulay. P. 445; Harris T. Revolution… P. 195–196.

Anglo-Dutch Moment. P. 29; Scott. P. 188; Recueil des instructions… T.VII. P. 111.

London Gazette. № 2136; Gazette de France. 1687; English Historical Documents. P. 81–82; Chandler D. Marlborough as Military Commander. P. 131.

London Gazette. № 2225, 2231; English Historical Document. Vol. VIII. P. 395–397; Cobbet's Parliamentary History of England. Vol. IV. P. 1388–1389; Stuart Constitution. 1603–1688. P. 410–413; Станков К. Н. Уильям Пенн, Яков II Стюарт… С. 113.

Miller J. The Stuarts. P. 193–194.

London Gazette. № 2202, 2252, 2260.

Thomson G. M. The First Churchill… P. 125.

Miller J. The Stuarts. P. 197.

277

English Historical Document. Vol. VIII. P. 84; Rose. P. 272–274; Черчилль. С. 113.

Miller J.The Stuarts. P. 201–203; Mémoires du marechal de Berwik… P. 17–19.

London Gazette. № 2365; Gazette de France. 1688. P. 206; Burnet J. Bishop Burnets History of His Own Time. Oxford. Vol. 2. P. 479–480.

Thomson G. M. The First Churchill… P. 65; Jones J. R. Marlborough. P. 199–200.

Archives… T. V. P. 375, 377–379.

Mémoires de Louis XIV. P. 42–48.

283

Archives… T. V. P. 598; Louis XIV et Innocent XI… P. 140, 150–152; K. O. von Aretin. S. 232.

The Prince of Orange His Declaration: Shewing the Reasons why he invades England with a shot Preface and Some modest remarks on it; Corps Universelle diplomatique. Vol. VII. pt. II. P. 178–179; Cobbet's Parliamentary History of England. Vol. IV. P. 1390; Vol. V. II.

285

The Marlborough-Godolphin Correspondence. P. 370; Thomson G.M.The First Churchill… P. 153–155.

Archives… T. V. P. 616–617; Thomson G. M. The First Churchill… P. 170–171; Черчилль. С. 409–411.

Cobbet's Parliamentary History of England. Vol.V. P. 22–23; Thomson G.M. The First Churchill… P. 175.

Mémoires d’Isaac Dumont de Bostaquet… P. 17.

McLynn. P. 13–15.

McLynn. P. 10–12. Dickson. P. 22–40; Foster R. Modern Ireland. P. 138–153; Fitzpatrick. P. 24. 245–246.

291

Thomson G. M. The First Churchill… P. 181; Callow J. King in Exile. P. 166. Calendar of State Papers, Domestic Series… P. 228–229; Станков К. Н. Король Яков II Стюарт… С. 300–313.

Mémoires pour servir a l'histoire des negotiations… P. 3–4.

293

Corp. P. 4–5

Сен-Симон. С. 371–375, 431, 447, 449, 516, 559, 596, 625–626.

Gregg Ed. The Exiled Stuarts… P. 202–203.

Черчилль. С. 385.

McLynn. P. 25; Gregg Ed. The Exiled Stuarts… P. 206–207.

Nordmann. P. 90–91; Metzdorf. S. 111–112.